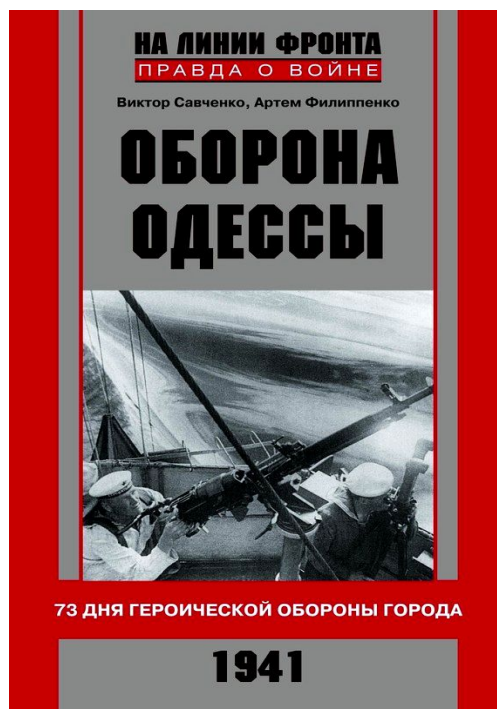

Виктор Савченко, Артем Филипенко

Оборона Одессы. 73 дня героической обороны города

От авторов

В августе 2011 г. одесситы соберутся у самого Черного моря, возле Вечного огня у памятника – стелы Неизвестному матросу, чтобы вспомнить героические дни обороны Одессы в семидесятилетие начала грандиозной битвы за Одессу. Рядом с памятником, на аллее Славы покоится прах славных защитников города морских пехотинцев и капитанов кораблей, бойцов Приморской армии и пограничников, командующего Одесским оборонительным районом контр-адмирала Гавриила Жукова, лейтенанта Якова Бреуса и летчика – Героя Советского Союза Михаила Асташкина...

Еще в далеком мае 1945 г., в числе первых, город Одесса был награжден медалью «Золотая Звезда» и орденом Ленина, а в мае 1965 г. Одессе было присвоено звание города-героя. Такая высокая оценка подвига бойцов, защищавших город, не случайна. В первые месяцы тяжелого 1941-го они сделали, казалось, невозможное: остановили врага у стен города и 70 дней в полном окружении успешно отбивали атаки в пять раз превосходящего противника. Одесса помнила и помнит своих героев... По линии главного рубежа обороны Одессы был создан «Пояс Славы», который включает 12 монументов героям и музей под открытым небом – Мемориал 411-й батарее.

Эта книга о героизме и военных буднях 80 тысяч советских бойцов, которые прошли через огонь обороны Одессы или навеки остались в одесской земле, о роковых ошибках командующих, о позоре оккупантов, позарившихся на чужую землю. К сожалению, в

современной Румынии, уже несколько лет, идет процесс «реабилитации» диктатора Иона Антонеску, которого хотят представить как героя, гениального полководца и «собирателя земель Румынских». Но факты говорят о преступлениях и поражениях «маленького диктатора», и эта книга показывает его одесский «конфуз»...

Именно тогда, в первые месяцы войны, закладывался фундамент будущих побед советского оружия! Оборона Одессы стала прологом героической эпопеи, завершившейся 9 мая 1945 г.

Глава 1

РУМЫНИЯ ВСТУПАЕТ В ВОЙНУ

Летом 1941 г. Румыния оказалась в стане фашистских агрессоров, развязав в союзе с Германией, Италией, Венгрией войну против СССР и стран антигитлеровской коалиции. Тысячами смертей и страданиями миллионов своих граждан, огромными разрушениями и экономическими потерями заплатила Румыния за преступления своих вождей.

Осмелившись выступить во Второй мировой войне союзником «великой Германии», «великая Румыния» оказалась марионеткой в руках правителей Третьего рейха.

Румынские солдаты попали «на чужую войну», на которой решались чужие интересы... На этой войне, под городом-героем Одессой, им пришлось столкнуться с мощью силы и мощью духа защитников города – простых солдат, матросов, ополченцев, рабочих... К этому испытанию румынская армия не была готова, и целая армия, в течение 70 дней штурмовавшая город, так и не смогла покорить и после многочисленных «генеральных наступлений». Советский солдат и матрос выбили из румынских командующих спесь и надежды на управление Европой в союзе с «дружественной Германией». Одесский «конфуз» румынской военной машины показал полное банкротство «маленькой, но гордой» румынской диктатуры. Диктатуры, построенной на пренебрежении к людским судьбам не только представителей «неполноценных рас», но и титульного румынского народа.

Румынскому «походу на Восток» сопутствовали «кровопускания» евреев и цыган, уничтожение национальной идентичности украинцев, русских, молдаван, гагаузов, национальной памяти, когда город Одесса по желанию бухарестских лизоблюдов превращался в город Антонеску!

Вступив в Первую мировую войну на стороне Антанты и будучи молниеносно разгромлена, вынужденная пойти на унижительный сепаратный Бухарестский мир с Германией, Австро-Венгрией и Болгарией, Румыния, благодаря искусной дипломатии, сумела тем не менее по итогам войны существенно увеличить свою территорию. За счет Болгарии она получила Южную Добруджу, Трансильванию и Буковину – за счет бывшей Австро-Венгерской монархии и Бессарабию – за счет бывшей Российской империи. В итоге территория Румынии увеличилась вдвое, а население, первоначально насчитывавшее 7,3 млн человек, после 1919 г. составило 16,2 млн. К 1939 г. население Румынии составляло уже около 20 млн человек.

Экономика страны, в отличие от соседей, характеризовалась аграрным перенаселением и низкой урожайностью. Обладая значительными природными богатствами, плодородной землей и сырьевыми ресурсами, такими как природный газ, нефть, металл и лес, Румыния

не имела промышленных возможностей, достаточных, чтобы использовать эти ресурсы в полной мере. Страна была сельскохозяйственной, с большими различиями между городом и деревней. Одной из насущных проблем румынского крестьянства оставался земельный голод.

В соответствии с переписью 1930 г., более 80 % населения жило в деревнях, было плохо обеспечено транспортом и связью, медицинской помощью. Румыния имела самый высокий уровень детской смертности в Европе. Только 13 % взрослого населения было занято в промышленности, торговле и транспорте. Однако в 1936 г. на государственной службе в Румынии состояло 440 тыс. человек по сравнению с 250 тыс. в Германии. Но в то время как неграмотность в Германии практически исчезла в 1900 г., румынская перепись 1930 г. зарегистрировала 43 % неграмотных. Неграмотный и забытый нуждой крестьянин составлял основу румынской армии^[11].

Серьезные проблемы создавал и полиэтничный состав населения, особенно после присоединения новых земель. В 1930 г. румыны составляли 71,9 % населения страны, венгры – 7,9, немцы – 4,4, украинцы – 3,2, русские – 2,3, евреи – 4, болгары – 2, цыгане – 1,5 %. Особой пестротой отличалась Бессарабия, где проживали родственные румынам молдаване (с точки зрения официального Бухареста – бессарабские румыны), процент нерумыноязычного населения превышал 40^[12].

Эти проблемы составляли комплекс, который был бы серьезным испытанием и для более дальновидных и решительных правительств. Но в межвоенный период Румыния не имела ни тех ни других. За фасадом политических институтов, скопированных с западных стандартов, скрывалась авторитарная, полуфеодалная сущность румынских властей.

По конституции 1923 г. Румыния была парламентской монархией. При этом король мог не только использовать, но и расширять предоставленные ему конституцией права, в любое время распустив парламент. В его руках находилось формирование правительства. У власти сменялись партии, почти не отличавшиеся друг от друга ни социальным составом, ни программами. Тем самым значительно усиливалась роль монарха, который брал на себя роль политического арбитра.

Это преимущество в полной мере начал использовать новый румынский король Кароль II, который вернулся в страну из изгнания в 1930 г. Слабость демократических структур и парламентских институтов, с одной стороны, и наличие нерешенных социальных и экономических проблем – с другой стали стимулом к росту праворадикальных движений. В отличие от других европейских стран, где послевоенный период привел к росту численности и влияния левых партий, румынские коммунисты и социалисты не пользовались особым влиянием. Находившиеся под запретом, они не могли оказывать существенного влияния на политическую жизнь страны.

Идейной основой для румынских правых радикалов стал социальный популизм и антисемитизм. 4 марта 1923 г. была создана Лига национально-христианской защиты во главе с А. Кузой. Одним из организаторов лиги был К. Кодряну, для которого эта организация оказалась недостаточно радикальной. В 1927 г. он создал «Легион архангела Михаила» (иначе «Железный легион», а его члены – железногвардейцы). Известность железногвардейцам принесли не столько успехи на выборах, сколько ряд

террористических актов. Приоритетной внешнеполитической задачей Румынии стало достижение международного признания нерушимости послевоенных границ^[3].

Одним из острейших в отношениях с СССР оставался бессарабский вопрос. РСФСР (УССР, позже СССР) отказывалась признать присоединение Бессарабии (молдавские земли между Днестром и Прутом) к Румынии. 28 октября 1920 г. в Париже Румынией, Великобританией, Францией, Италией и Японией был подписан Бессарабский протокол, согласно которому аннексия румынами Бессарабии признавалась законной и считалась воссоединением Румынии и Бессарабии. Правительства УССР и РСФСР заявили, что они не могут признать этот протокол.

В дальнейшем неоднократно вносившееся Советским Союзом предложение решить вопрос о Бессарабии путем проведения референдума среди ее населения неизменно наталкивалось на сопротивление Румынии.

В марте 1924 г. в Вене состоялась конференция Румынии и СССР по вопросу о Бессарабии. Румынская делегация отклонила советское предложение о проведении плебисцита в Бессарабии и прервала дальнейшие переговоры с СССР, а руководство СССР заявило, что продолжает считать Бессарабию частью СССР. 15 октября 1924 г. по инициативе советского правительства и группы молдавских коммунистов (куда вошел и Г. Котовский) была создана Молдавская АССР в составе Украинской ССР. В постановлении ЦК РКП(б), принятом 25 сентября 1924 г., говорилось: «В акте создания Автономной Молдавской ССР должно быть обозначено, что западной ее границей является государственная граница СССР, проходящая по реке Прут». Таким образом, оккупированная румынами Бессарабия, согласно советским законам, входила в состав Молдавской автономии в составе Советской Украины, а Молдавская АССР рассматривалась руководством СССР в качестве плацдарма для возвращения Бессарабии.

Так как антагонизм с СССР был непреодолим, Румыния стремилась закрепить за собой Бессарабию многочисленными договорами с третьими государствами, получить французские и итальянские гарантии своих границ. Румыно-советские переговоры по Бессарабии были возобновлены в 1934 г. После прихода Гитлера к власти в Германии усилилась угроза целостности Румынии со стороны хортистской Венгрии. Это заставило умеренных румынских политиков добиваться нормализации отношений с Москвой и стремиться к участию Румынии в реализации выдвинутого СССР предложения о создании системы коллективной безопасности в Европе^[4].

Радикализация настроений в румынском обществе, вызванных последствиями мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., и падение доверия к традиционным парламентским партиям привело к возникновению политического кризиса. 10 февраля 1938 г. король Румынии Кароль II заявил о необходимости создания правительства национального единства, было сформировано правительство во главе с патриархом М. Кристя. Новое правительство чрезвычайным декретом ввело осадное положение, усилило цензуру, старые префекты были заменены офицерами, новые выборы были запрещены. Правительственным декретом была запрещена любая политическая деятельность, запрещено издание газет на любом языке, кроме румынского. Ближайшей целью нового режима было подавление «Железной гвардии». 12 февраля правительство приняло решение о разработке новой конституции, которая была введена в действие путем плебисцита.

Формально палата депутатов и сенат сохранялись, однако они лишались права контролировать министров, которые несли ответственность только перед королем, который был объявлен «главой государства». Были запрещены политические партии. По инициативе короля была создана партия «Фронт национального возрождения», членами которой должны были состоять государственные служащие. Профсоюзы были распущены, а вместо них созданы корпорации рабочих, служащих и ремесленников. На основании декрета от 15 декабря 1938 г. все юноши в возрасте 7–18 лет и девушки в возрасте 7–21 года были обязаны записаться в организацию «Стража Цэрий» («Защита Отечества»), лидером которой являлся сам король^[5]. Против «Железной гвардии» была развязана кампания террора, были арестованы К. Кодряну и его сторонники.

Несмотря на схожесть румынского королевского режима с нацистским режимом в Германии и фашистским режимом в Италии, он все же отличался от них. Власть в стране олицетворял не харизматический вождь, а законный монарх. Фронт национального возрождения, в отличие, к примеру, от Национал-социалистической рабочей партии Германии, был партией, созданной по указанию сверху. Если для Италии и Германии основой для появления радикальных националистических движений была угроза слева, то режим Кароля, наоборот, создавался против угрозы справа.

Усиливавшееся влияние Германии в Восточной Европе, после прихода к власти нацистов, и ее сближение с Венгрией, стремившейся к возврату территорий, отторгнутых у нее после Первой мировой войны, не могли не беспокоить правящие круги Румынии. По итогам Мюнхенского соглашения о разделе Чехословакии Венгрия получила часть территории Словакии и Закарпатскую Украину. В этих условиях король и румынская верхушка прибегли к политике многовекторности и маневрирования, с одной стороны, пытаясь сохранить отношения с Лондоном и Парижем, а с другой – активизируя контакты с Берлином. Румынский король активно заигрывал с нацистским руководством Германии в надежде получить гарантии защиты от реваншистских устремлений Венгрии. Правда, в ответ на заявления Кароля о готовности пересмотреть внешнюю политику рейх потребовал дополнительных уступок. Руководство нацистской Германии высказывало неудовольствие как внешней, так и внутренней политикой короля, в частности устранением «Железной гвардии»^[6].

Свою роль в усилении германских позиций сыграли и экономические проблемы. Мировой экономический кризис 1937–1938 гг. привел к сокращению на треть румынского экспорта. Значительно упал вывоз румынского зерна, леса и нефти в Англию и Францию. В стране накопилось около 1 млн тонн нереализованного зерна. Попытки румынского правительства добиться расширения торговли с Англией, заключив с ней соглашение о крупных поставках румынского зерна и нефти в обмен на английские промышленные товары, оказались безуспешными. Лондон отказывался предоставить Румынии кредиты. В то же время германский посланник в Бухаресте рекомендовал своему правительству «помочь» Румынии, закупив в этой стране 400 тыс. тонн пшеницы.

Германская сторона потребовала значительного увеличения поставок румынских товаров, особенно нефти и зерна, а также повышения курса германской клиринговой марки по отношению к румынскому лею. Принятие этих требований означало снижение стоимости румынского сырья и продовольствия и повышение стоимости импортируемых немецких товаров и было невыгодно для Румынии.

Фюрер предпочел уклониться от прямых обещаний поддержки Румынии в территориальном споре с Венгрией. Германия была заинтересована в поддержании напряженности в отношениях двух стран с целью подчинить их своему влиянию, или, как выразился министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп, «держат оба этих утюга в раскаленном состоянии» и решать дела в интересах Германии.

23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, вошедший в историю как пакт Молотова – Риббентропа. В пункте 3 секретного протокола к нему указывалось: «Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях». Советский Союз открыл себе дорогу на Балканы, а в распоряжении Германии появился еще один «раскаленный утюг»^[7].

В самом начале Второй мировой войны Румыния формально оставалась партнером Франции. 4 сентября 1939 г. румынское правительство опубликовало коммюнике, где в несколько расплывчатых формулировках говорилось о том, что Румыния «полна решимости и впредь сохранять мирную позицию, которую она соблюдала до сих пор, добиваясь согласия со всеми соседними странами». Двумя днями позже по рекомендации германского представителя в Бухаресте В. Фабрициуса на заседании коронного совета было сделано заявление о нейтралитете Румынии «по отношению к воюющим странам, участвующим в нынешнем конфликте».

Вступление Красной армии в Польшу привело к тому, что Бухарест, вопреки действующему польско-румынскому договору, 18 сентября 1939 г. заявил о своем нейтралитете и активизировал поиски союзника против Москвы среди великих держав.

Внутри страны разгорелась борьба между «легионерами» и королевским режимом. Королевский террор, предпринятый в ответ на террор правых радикалов, ослабил «Железную гвардию», но он не мог ни устранить слабости режима, ни улучшить внешнеполитическое положение Румынии.

Пока Красная армия была втянута в войну с Финляндией, в Бухаресте могли не опасаться советского вооруженного вторжения. Но завершение этой войны развязало советскому руководству руки для решения бессарабского вопроса. 29 марта 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР В.М. Молотов заявил, что «у нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопрос о возвращении Бессарабии военным путем»^[8].

Поражение Франции и растущее напряжение на советско-румынской границе заставило румынское руководство искать дальнейшего сближения с Германией. 28 мая 1940 г. между Румынией и Германией был подписан новый торговый договор, согласно которому предполагалось увеличить поставки нефти Берлину на 30 % в обмен на обеспечение румынской армии современным вооружением.

Как казалось румынским властям, Третий рейх способен защитить страну от советской угрозы. Однако Гитлер, придерживаясь пакта с СССР, не предпринимал активных действий для защиты румынских интересов. Германская сторона заявила о нейтралитете в случае нападения СССР на Румынию. 9 июня 1940 г. для руководства операцией «по

возвращению Бессарабии» на базе управления КОВО было создано управление Южного фронта во главе с генералом армии Г.К. Жуковым. В состав фронта вошли 5, 12 и 9-я армии. Им могла противостоять развернутая в Бессарабии 4-я румынская армия во главе с генералом Н. Чуперкэ. Румынская армия и количественно и качественно уступала советскому Южному фронту. В состав Южного фронта входили 32 стрелковые, 2 мотострелковые, 6 кавалерийских дивизий, 11 танковых и 3 воздушно-десантные бригады, 14 корпусных артополков, 16 артополков РК и 4 артодивизиона большой мощности. Общая численность советской группировки составляла до 460 тыс. человек, до 12 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. танков. Группировка ВВС Южного фронта объединяла 21 истребительный, 12 среднебомбардировочных, 4 дальнебомбардировочных, 4 легкобомбардировочных, 4 тяжелобомбардировочных авиаполка и к 24 июня насчитывала 2160 самолетов^[9].

В то же время вся румынская армия состояла из 1 гвардейской и 21 пехотной дивизии. Против 3 тыс. советских танков Румыния могла выставить немногим более 200 боевых машин. В авиации Южный фронт имел девятикратное преимущество. В боевую готовность был приведен и Черноморский флот, в несколько раз превосходивший румынский.

Разработанный советскими военачальниками план предусматривал удар войсками 12-й армии из района Черновиц вдоль реки Прут, в то время как 9-я армия, наступая из Тирасполя, южнее Кишинева, наносит охватывающий удар противнику и окружает его в районе Ясс. Предусматривалась высадка воздушного десанта в районе Тыргу – Фрумос. Можно предположить, что реализация задуманного плана привела бы к полному разгрому румынской армии и к захвату нефтепромыслов в Плоешти. Вряд ли в Берлине были бы в восторге от подобной перспективы. И потому германские дипломаты столь настойчиво рекомендовали Бухаресту принять советские требования о «возвращении Бессарабии».

25 июня 1940 г. посол Германии в СССР передал Молотову заявление министра иностранных дел рейха Риббентропа, в котором говорилось, что «германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией...»^[10]. Также в послании говорилось о неожиданности претензий СССР на Буковину и выражалось беспокойство за судьбу проживавших на этих территориях этнических немцев. Риббентроп заявил, что Германия остается верной московским соглашениям, будучи «крайне заинтересованной» в том, чтобы территория Румынии не стала театром военных действий. В этих целях Германия выразила готовность оказать политическое влияние на Румынию с целью мирного решения бессарабского вопроса в пользу СССР.

26 июня Молотов вручил румынскому послу в Москве Г. Давидеску заявление советского правительства, в котором говорилось: «В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории – Бессарабию – и тем нарушила вековое единство Бессарабии, населенной главным образом украинцами, с Украинской Советской Республикой. Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии...

Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении

Бессарабии Советскому Союзу. Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава. Такой акт был бы тем более справедливым, что передача северной части Буковины Советскому Союзу могла бы представить, правда, лишь в незначительной степени средство возмещения того громадного ущерба, который был нанесен Советскому Союзу и населению Бессарабии 22-летним господством Румынии в Бессарабии.

Правительство СССР предлагает Королевскому правительству Румынии:

1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу.
2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте.

Правительство СССР выражает надежду, что Королевское правительство Румынии примет настоящие предложения СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт между СССР и Румынией».

27 июня советские войска у румынской границы были приведены в боевую готовность. В Румынии в ответ была объявлена мобилизация. Однако в ночь на 28 июня коронный совет Румынии решил «мирно» передать Бессарабию Советскому Союзу. 4-я румынская армия начала отход со всей территории Бессарабии. 28 июня войска Южного фронта перешли границу с Румынией и в тот же день заняли Черновцы, Хотин, Бельцы, Кишинев, Аккерман... Советские войска продвигались вслед за арьергардами румынских войска, а подвижные советские соединения даже обогнали их и раньше их вышли к реке Прут. 29–30 июня были выброшены советские воздушные десанты в районе Болграда и Измаила. Уже к вечеру 1 июля граница по Днестру была занята советскими войсками, а 3 июля операция была завершена.

Помимо территориальных приобретений, советские войска захватили военные трофеи: винтовок и карабинов – около 53 тыс. штук, пистолетов – 4480, автоматов – 1, ручных пулеметов – 1071, станковых пулеметов – 326, минометов – 40, зенитных пулеметов – 6, орудий – 258... Практически без боя (мелкие и случайные перестрелки не в счет) был нанесен существенный урон и без того не очень сильной румынской армии^[11].

2 августа 1940 г. была образована Молдавская Советская Республика, в состав которой вошла большая часть МАССР и основная часть Бессарабии. Южная часть Бессарабии, небольшие восточные районы бывшей МАССР, а также Северная Буковина отошли к УССР.

Кто выиграл от подобного решения бессарабского вопроса? Если посмотреть на события с исторической позиции, то в выигрыше оказался СССР, который таким образом расширил свою территорию и сумел закрепить ее после окончания Второй мировой войны. В тактической, краткосрочной перспективе выиграла Германия. С одной стороны, она не только уберегла Румынию от окончательного краха, но и включила ее в орбиту своего влияния. С военно-стратегической точки зрения присоединение Бессарабии мало что дало Красной армии, что и подтвердилось на начальном этапе Великой Отечественной войны, когда после прорыва группы армий «Юг» на севере Молдавии части РККА были вынуждены за несколько дней оставить Бессарабию^[12].

Румыния продолжала дрейфовать в сторону Германии. 1 июля 1940 г. Бухарест отказался от англо-французских гарантий, а 4 июля было создано прогерманское правительство И. Джигурту, в которое вошли три представителя «легионеров». 8 августа 1940 г. Кароль II подписал два указа, один из которых определял юридический статус жителей еврейской национальности в Румынии, а второй запрещал браки между румынами и евреями. Этими законами Румыния примкнула к нацистской политике в отношении евреев^[13].

Венгрия еще 28 июня уведомила Берлин, что в создавшейся ситуации она не исключает возможности решения вопроса о Трансильвании военной силой, 29 июня венгерские войска начали сосредоточение у румынской границы. В трансильванском вопросе великие державы продолжали разыгрывать шахматную партию, пытаясь переиграть друг друга. Советский Союз занял уклончивую позицию, но фактически поддержал венгерские претензии. Аналогичную позицию заняли США и Великобритания... Как ни странно, но они преследовали ту же цель, что и нацистское руководство. Но если Берлин стремился использовать этот конфликт для того, чтобы сильнее привязать Бухарест и Будапешт к своей колеснице, то Москва, Лондон и Вашингтон рассчитывали на прямо противоположный эффект.

Начавшиеся 16 августа 1940 г. (по инициативе Румынии) прямые переговоры с Венгрией в Турну-Северине провалились из-за серьезного расхождения позиций, а 27 августа Венгрия уведомила Германию, что срыв переговоров заставляет ее рассмотреть возможность военного решения вопроса. Озабоченный перспективой возникновения румыно-венгерского военного конфликта и воспользовавшись согласием Румынии на международный арбитраж, Гитлер созвал в Вене представителей обеих стран. 30 августа 1940 г. в Вене министры иностранных дел Германии и Италии волевым способом разрешили чужой спор. По итогам арбитража Венгрия получила 43 104 км² из числа территорий, уступленных Румынии после Первой мировой войны. Новая граница была гарантирована Германией и Италией. Однако более значительными были экономические потери Румынии. Румыния лишилась трети крупных промышленных предприятий. Производственные мощности химической промышленности сократились на 22 %, цветной металлургии – на 30 %, лесной промышленности – на 36,8 %.

А 7 сентября Крайовским мирным договором к Болгарии от Румынии отошел район Кадрилатера (Южная Добруджа). Осенью 1940 г. «великая Румыния» перестала существовать, потеряв 34 % своих земель и 33 % населения.

В момент, когда заключался Крайовский договор, в Румынии произошел государственный переворот. Территориальные потери пошатнули авторитет режима Кароля II.

4 сентября 1940 г. он был вынужден поручить формирование нового правительства Иону Антонеску. Антонеску пользовался серьезным авторитетом в стране как «неподкупный военный» и оппозиционер, неоднократно критиковавший ситуацию в армии и стране. На следующий день генерал приостановил действие конституции, распустил парламент и потребовал от короля передать ему полное управление государством. Пользуясь поддержкой гитлеровской Германии и основных румынских политических партий, И. Антонеску вынудил Кароля II отречься от престола. Новым королем стал сын Кароля Михай. Румыния была объявлена национально-легионерским государством.

На первых порах генерал был вынужден делить власть с железногвардейцами, но с каждым днем отношения союзников ухудшались. Приход к власти И. Антонеску ознаменовался резким поворотом к подготовке армии к войне. Одним из первых шагов генерала после прихода к власти стала просьба к Гитлеру прислать в Румынию германскую военную миссию и войска. 15 сентября 1940 г. в Бухарест, по приглашению И. Антонеску, прибыл германский генерал Типпельскирх, чтобы вести переговоры о размещении немецких войск в Румынии. В ходе бесед с ним И. Антонеску повторил свои опасения относительно советской угрозы и просил Германию направить войска для укрепления и обучения румынской армии и гарантии безопасности страны. Одновременно он поднял вопрос о заключении военного союза между Румынией и Германией^[14].

Начальник Генерального штаба генерал Ф. Гальдер 18 сентября 1940 г. в своем дневнике записал: «В целях реорганизации и вооружения румынской армии на основе боевого опыта германской армии будет создана военная миссия с несколькими экспертами. Эта миссия будет работать во взаимодействии с [румынским] Генеральным штабом.

Важным вопросом для Румынии является подготовка большого количества артиллеристов-зенитчиков и летчиков, а также создание моторизованных и танковых частей и соединений до дивизии (в соответствии с нашим предложением).

1-й эшелон немецких войск будет руководить боевой подготовкой ряда соединений и должен состоять на первое время лишь из одного танкового батальона, одного разведывательного моторизованного батальона, одной артиллерийской батареи на мехтяге, одной саперной роты и нескольких ремонтных мастерских. Они будут размещены по учебным лагерям различных соединений.

Район расквартирования: Сибиу – Бухарест – Плоешти– Брашов. Учебные подразделения должны быть переброшены примерно через три недели, одновременно – части ПВО, остальные части – позже.

Антонеску просит прислать трех-четыре офицера Генерального штаба в качестве преподавателей военной академии. После нашего согласия на это предложение детали будут разработаны при участии германского представителя. Вопрос о взаимодействии в случае войны также должен быть согласован совместно»^[15].

В начале октября 1940 г. в Румынию прибыло несколько эшелонов с германскими войсками, включая и моторизованные части. МИД Германии дал поручение своим представителям довести до сведения стран, где они работают, что предпринятая акция «должна быть мотивирована желанием рейха поддерживать на Балканах мир и порядок» и ввод войск должен был «обеспечить защиту германских интересов относительно нефти и зерна против попыток Англии создать угрозу». Однако уже тогда в записке Кейтеля Риббентропу определялись истинные задачи германских войск в Румынии: «Защитить нефтяные месторождения, обеспечить повышение боеготовности румынской армии в соответствии с нашим планом по обеспечению интересов Германии... в случае, когда мы будем вынуждены вступить в войну с Советской Россией, подготовиться к использованию германских и румынских войск с Румынского направления...»^[16]

В соответствии с этими задачами германский Генеральный штаб ускоренными темпами наращивал численность своих сил в Румынии: в конце ноября 1940 г. румынские власти имели сведения, что в стране находится более 25 тыс. военнослужащих рейха, в январе

1941 г. уже 170,6 тыс., а в феврале 1941 г. число германских военных в Румынии возросло до 367,7 тыс. человек.

В середине января 1941 г. И. Антонеску встретился с Гитлером. На повестке дня стоял вопрос власти. Отношения между генералом и железногвардейцами обострились. Гвардисты пользовались поддержкой нацистской партии, и поэтому, прежде чем расправиться с внутренним врагом, И. Антонеску поспешил заручиться поддержкой Берлина. Гитлер дал понять, что он большее значение придает контактам с И. Антонеску по государственной линии, чем партийным с железногвардейцами. И. Антонеску передал на рассмотрение Гитлера меморандум румынского правительства, в котором было изложено видение румыно-германского сотрудничества и роли Румынии в грядущей войне. Бухарест не собирался участвовать в грядущих боевых действиях на Балканах, но в то же время выразил готовность участвовать в войне против СССР. «Присоединяясь к Германии для совместных операций, – говорилось в меморандуме, – Румыния убеждена, что при будущей реконструкции Европы она встретится с полным пониманием со стороны Германии и великого фюрера – мудрого творца. Будучи связанной с Германией Дунаем, Румыния желает также иметь с ней прямую сухопутную связь на севере и северо-западе»^[17].

Сделав столь прозрачный намек на проблему Трансильвании, И. Антонеску выразил надежду, что «в новой Европе Германия будет признавать естественную роль Румынии как регионального гегемона». Вот так, ни много ни мало! Понятное дело, что подобные претензии Бухареста вызвали в нацистских кругах только насмешку. Румыния была нужна Германии только в качестве поставщика сырья и «пушечного мяса» – и не более^[18].

Чтобы оправдать свои захватнические планы и претензии на украинские земли, диктаторский режим Румынии внедрял в общественное сознание миф об исконно румынской земле Транснистрии (слово Транснистрия означало Заднепровье; *лат.* trans – за, через), что оказалась под властью «злых и отсталых захватчиков» – Российской империи, СССР, УССР. Диктатору И. Антонеску подпевали историки-шовинисты, доказывая, что район между Днестром и Южным Бугом с давних пор, «три тысячи лет – чисто румынский край». Поначалу – «земля гетодаков – Тирагетия», потом – часть Римской империи. А румыны хотели видеть себя «потомками легендарных римских легионеров», которые несли «свет цивилизации в темный варварский мир». Даже название одесского района «Молдаванка» трактовалось румынскими псевдоисториками как доказательство «румынской основы» Одессы. Румын начали искать всюду – особенно на степных просторах юга Украины. В типографиях печатались большие тиражи фантастических карт, на которых Одесщина, Николаевщина, Херсонщина, Кировоградчина, Винничина имела «окрас» румынской этнической территории. Всерьез утверждалось, что на этих землях живут 20–40 % румын и их прямых потомков, забывших свое происхождение...

Определенную роль в разработке геополитических концепций правящих кругов Румынии накануне Второй мировой войны сыграли труды И. Нистора «Румыны за Днестром», «Транснистрианские румыны», «Давность румынских поселений по ту сторону Днестра». Они подготавливали общественное мнение к захвату украинских земель. 10 июля 1942 г. И. Нистор прочел доклад «Геополитические и культурные аспекты в Транснистрии», полный восхищения тем, что «политические события с происходящими военными

действиями создали новую ситуацию по ту сторону Днестра»; что между фашистской Германией и королевской Румынией «достигнуто конкретное территориальное размежевание и приобретена территориальная поддержка для создания новой румынской провинции, названной Транснистрией», а «администрация Транснистрии может опираться на старые этнические, политические и культурные основы» этого края. Сегодня работы И. Нистора переизданы в Бухаресте и пользуются популярностью у сторонников идеи «Великой Румынии»^[19].

Часть румынских историков на волне реваншистских планов выискивала доказательства для обоснования претензий Румынии на эти земли на том основании, что Одесса, Ольвия (Олбия), Белгород-Днестровский (Четатя-Албэ), Измаил и другие города «учредили и перестроили румыны». Аргументы историков не ограничивались эпохой Средневековья и уходили еще дальше, в глубь веков. Основой для политических претензий служили претензии «исторические». Территория между Днестром и Южным Бугом считалась искони «румынским краем».

Подобные «исторические» исследования активизировались в 1941–1942 гг. В декабре 1941 г. в Бухаресте была организована специальная конференция, посвященная «украинской Румынии», на которой К. Джиуреску в докладе «Молдавское население в устье Днепра и Буга в XVII–XVIII веках» утверждал: «Под Украиной следует понимать северную территорию с центром в городе Киеве... Земли, расположенные к востоку от Днестра, были заселены сотни лет назад румынами, что и дает нам сегодня неопровержимое право на эту область».

И. Антонеску убеждал румынский народ, что границы «Великой Румынии» должны простираться далеко на восток. Уже после битвы за Одессу, когда немецкие войска и их союзники подошли к Волге, бухарестская газета «Курентул» писала, что границы Румынии должны проходить... по Уралу и обеспечить создание «румынской империи до ворот Азии». Лидер Национал-либеральной партии Георге Брэтиану бредил «пространством безопасности» «великой Румынии», которое заканчивалось восточнее Днепра^[20].

Захватнические планы румынской диктатуры дополнялись нацистскими, шовинистическими заявлениями о намерении властей изгнать из Бессарабии и Буковины евреев, русских и «украинский элемент».

Румынизации подверглись молдаване и жители других национальностей, у которых в роду были предки молдаване. «Установление, кто является молдаванином и кто нет, – отмечалось в рапорте правительственной комиссии, – производилось по наличию 25 % молдавской крови (бабушка или дедушка – молдаване)». Проводилась румынизация лиц, фамилии которых были созвучны румынским, румынизация детей из детских домов.

В Транснистрию планировалось переселить всех молдаван, проживавших в Приднепровье, Приазовье, Крыму, на Северном Кавказе. А местных жителей украинской и русской национальности решено было постепенно выселить за Южный Буг, полностью уничтожив евреев и цыган. Множество молдаван карались за «оскорбление румынской нации», выражавшееся в разговорах на русском или украинском языках. Само существование молдавского, украинского, русского, болгарского, еврейского, цыганского народов в Транснистрии было поставлено под угрозу.

Заручившись неформальной поддержкой фюрера, генерал И. Антонеску смог расправиться с легионерами, которые в январе 1941-го подняли мятеж, сопровождавшийся жесточайшим еврейским погромом. Избавившись от конкурентов, И. Антонеску сосредоточил неограниченную власть в руках военных и начал интенсивно готовиться к грядущей войне.

До 1940 г. румынская военная мысль и практика ведения военного дела ориентировались на французскую военную школу. Однако после поражения Франции в июне 1940 г. румынские военные стали отдавать предпочтение германской школе. В октябре того же года в Румынию прибыла постоянно действующая германская миссия. Ее главной целью стала подготовка румынской армии к войне. При этом главное внимание уделялось борьбе против танков и обучению младшего командного состава.

Румынский генералитет имел за плечами опыт Первой мировой войны, которую нельзя признать удачной для румынского оружия. Некоторые командующие дивизиями и корпусами успели также принять участие во Второй Балканской войне, которая для румынской армии была скорее прогулкой, и в боях против Венгерской Советской Республики. Этого опыта было явно недостаточно для войны в современных условиях. Консервативно настроенные румынские генералы были невосприимчивы к новым немецким методам обучения и действий. Несмотря на то что И. Антонеску пытался выдвигать на ведущие посты таких способных генералов, как Думитреску, Ласкэр и Корне, это не смогло переломить ситуации к лучшему.

По распоряжению И. Антонеску все офицеры запаса румынской армии должны были пройти двухмесячную переподготовку. В течение 1940 г. в армию, на разные сроки, было призвано 40 % офицеров запаса. Генеральный штаб румынской армии разработал план призыва мужчин двенадцати возрастов, подлежавших мобилизации в армию на случай войны с таким расчетом, чтобы к 1 июня 1941 г. все они были подготовлены в соответствии с уставными требованиями германской армии. В 1940–1941 гг. только на содержание призванных на переподготовку резервистов было израсходовано около 6,5 млрд леев. Увеличилось число военных школ и курсов. Был существенно увеличен военный бюджет. Если за пять с половиной лет (с 1935 г. до сентября 1940 г.) ассигнования на военные заказы составляли 80 млрд леев, то за два с половиной года после прихода к власти И. Антонеску они составили 230 млрд леев^[21].

Но румынский военно-промышленный комплекс оставался слаборазвитым, и значительную часть вооружений приходилось закупать за рубежом. Программа модернизации и переподготовки оказалась успешной лишь отчасти. Это касалось и качества вооружений, и уровня подготовки и структуры войск.

Вооруженные силы Румынии состояли из сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота, корпусов пограничной охраны, жандармерии и строительного (фортификационного) корпуса. Общее руководство военным строительством осуществлял высший совет обороны под председательством премьер-министра. Непосредственно вооруженными силами руководило военное министерство (через Генеральный штаб).

На 1 сентября 1939 г. румынская армия состояла из 1 гвардейской и 21 пехотной дивизии^[22]. В 1940 г. началось интенсивное формирование новых соединений. К 22 июня

1941 г. численность вооруженных сил Румынии была доведена до 703 тыс. человек, две трети из которых составляли резервисты.

Территориальные потери 1940 г. сократили человеческий ресурс Румынии с 2,2 млн человек до 1,5 млн. Румыния была вынуждена сократить три пехотные (12, 16 и 17-ю) и три резервные дивизии (26, 33 и 34-ю). В состав сухопутных войск Румынии входили три общевойсковые армии (21 пехотная дивизия и 14 бригад). На их вооружении состояло 3850 орудий, до 4 тыс. минометов, 236 танков.

Пехотная дивизия Румынии (по штату 1941 г.) включала в себя три пехотных полка, два артиллерийских полка (в одном полку – два батальона 75-мм орудий и один батальон 100-мм гаубиц, в другом – по одному батальону каждого вида орудий), батарею зенитных орудий, роту противотанковых орудий и пулеметов, разведывательный эскадрон, батальон связи, инженерный батальон и подразделения обслуживания. Всего, по штату, в дивизии должно было быть 17 715 человек, 13 833 винтовки, 572 пулемета, 186 орудий и минометов (75-мм полевые орудия, 100-мм гаубицы, 37-мм и 47-мм противотанковые орудия)^[23].

Полки румынской регулярной армии носили номера с 1-го по 33-й и с 81-го по 96-й, причем полки первой группы по традиции назывались «гренадерами» – «доробанць» (Dorobanti). Некоторые дивизии имели полки «ванаторь» (Vanatori), то есть стрелковые, которые носили номера с 1-го до 10-й.

Каждый полк состоял из трех батальонов (каждый батальон из трех рот, каждая рота – из трех взводов, каждый взвод – из трех отделений), роту тяжелого вооружения (взвод 81,4-мм минометов, взвод 37-мм противотанковых пушек, взвод 47-мм противотанковых пушек, каждый по 6 орудий). К началу войны 7,92-мм новая винтовка чешского производства ZB образца 1924 г., являвшаяся модифицированной версией немецкой винтовки Mauser 98K, в румынской армии заменила старую винтовку системы «Манлихер» (последняя оставались на вооружении резервных частей)^[24].

Каждое пехотное отделение имело на вооружении легкий пулемет ZB образца 1930 г. чешского или румынского производства. В первые месяцы войны отдельные подразделения начали получать новый пулемет чешского производства ZB-53 образца 1937 г. Остальные были вооружены устаревшим австрийским пулеметом Schwarzlose образца 1907/1912.

Уязвимым местом румынской пехоты была противотанковая артиллерия, хотя немцы и снабжали румын трофейными 47-мм орудиями. Только горнострелковый корпус получил современные артиллерийские орудия «Шкода». Большинство же полевых орудий состояло на вооружении еще с начала Первой мировой, хотя в армию поступило небольшое количество трофейных французских и польских орудий. Основная часть артиллерии была на конной тяге. После Первой мировой войны были сформированы элитные горные части (по итальянскому образцу), наподобие альпийских стрелков. Каждая из таких четырех бригад имела один артиллерийский и два стрелковых полка, разведывательный эскадрон^[25].

Показательным является состояние бронетанковых частей румынской армии. К моменту вступления в войну с СССР румынская армия располагала двумя танковыми полками и танковыми разведывательными эскадронами, находившимся в составе кавалерийских

дивизий. Материальная часть включала 35 танкеток R-1 и 126 легких танков R-2 (LT-35), закупленных в Чехословакии (до оккупации этой страны Германией), 75 французских R-35 (41 закуплен во Франции, 31 – бывшие польские, интернированные в 1939 г.), и 60–75 – старых «Рено» FT-17. Всего румынская армия имела 480 бронированных транспортных средств. В это число входили и транспортеры «Малакса», как закупленные во Франции («Рено-UE»), так и собранные по лицензии на местных заводах. Единственным танком румынской армии, отвечавшим условиям современного боя, был R-2. 1-й танковый полк был вооружен R-2 (Skoda LT 35). 2-й танковый полк был вооружен R-35 (Renault). А учебный танковый батальон – Renault FT 17^[26].

В организации 1-й броневой дивизии активное участие приняли немецкие военные специалисты. Однако проблем избежать не удалось. Стоявшие на вооружении дивизии французские и чешские танки различались по своим боевым качествам и предназначению настолько, что 2-й танковый полк пришлось придать 4-й армии. Фактически в составе дивизии остался только 1-й танковый полк^[27].

К началу войны в румынской армии было 26 кавалерийских полков: 12 полков рошиорей (rosiori), 13 полков каларишей (calarasi) и гвардейский кавалерийский полк. Рошиори были регулярной кавалерией – элитой румынской армии, а калариши были территориальной кавалерией. 12 полков рошиорей и 6 полков каларишей сформировали 6 кавалерийских бригад. Остальные 7 полков каларишей были разделены между крупными соединениями в виде разведывательных подразделений: каждый корпус имел кавалерийский батальон, а каждой дивизии был придан кавалерийский эскадрон. С 1941 г. начался процесс моторизации кавалерии. Первоначальной целью было моторизовать один из трех кавполков каждой кавбригады. Но из-за нехватки транспортных средств к июню 1941 г. были частично моторизованы только три бригады: 5, 6 и 8-я (составили кавкорпус, который воевал в составе 3-й румынской армии). Немоторизованные бригады вошли в состав 4-й румынской армии и приняли участие в сражении за Одессу. Все отличие заключалось в отсутствии моторизованного кавалерийского полка, а вместо него существовал обычный кавалерийский. В механизированной разведывательной роте было 4 танка R-1. Вследствие этого мощь обычной кавбригады была несколько ниже: 192 пулемета, 16 13,2-мм зенитных пулеметов, 1 60-мм миномет, 12 81,4-мм минометов, 14 37-мм противотанковых пушек, 16 75-мм полевых орудий и 4 танка R-1^[28].

Румынские ВВС имели в своем распоряжении 621 боеспособный самолет, из них 276 боевых самолетов (а именно 82 разведчика (IAR-37, -38, -39), 121 истребитель (PZL-11, He-112, Hurricane Mk.1), 34 бомбардировщика (SM-79, Bloch MB-210), 21 легкий бомбардировщик (Potez-63, Bristol Blenheim) и 18 гидросамолетов (Savoia). Еще 440 самолетов находились в летных школах и центрах подготовки^[29]. В штате числилось 1947 пилотов, бортрадистов, бортмехаников и бортстрелков. Румыны имели в своем распоряжении развитую авиационную промышленность: три авиастроительных завода, предприятия по выпуску запчастей для авиации.

Сюда можно добавить Управление сооружений ВВС и ВМФ, куда входили Авиационный арсенал, в качестве основного подразделения, а также авиаремонтные мастерские в Бухаресте, Галаце, Яссах, Текуче и Медиаше.

По итогам переговоров 19 сентября 1940 г. Гитлер принял решение об отправке в Румынию затребованных войск для обучения румынской армии и обеспечения безопасности румынских границ. С 12 октября по 15 ноября этого же года в Румынию прибыла 13-я моторизованная дивизия (генерал фон Роткирх-Пантен), Воздушный экспедиционный корпус (генерал Вильгельм Шпайдел) и соответствующие штабы. Все вышеупомянутые войска были подчинены генералу Эрику Хансену. Воздушный экспедиционный корпус, согласно распоряжениям ОКВ, а точнее, маршала Вильгельма Кейтеля, должен был обеспечить в первую очередь ПВО нефтяного района Плоешти и, соответственно, подготовить личный состав румынской армии. Исходя из поставленной задачи, Воздушный экспедиционный корпус имел в своем составе усиленную дивизию зенитной артиллерии, два полка ПВО, группу истребителей, части связи, а также инженерные части для проведения работ по защите от воздушных налетов и пожаров. Помимо этого, в задачи немцев вошло и создание сети полевых аэродромов для истребительной и бомбардировочной авиации. Отряд летчиков-инструкторов под командованием подполковника Г. Хандрика, располагавшихся на аэродроме Пипера, начал тренировки румынских летчиков-истребителей.

В связи с создавшимся положением немецкое командование согласилось поставить румынским Королевским ВВС более современные боевые самолеты: Вf-109Е и He-111Е. В Германию в срочном порядке были посланы экипажи для прохождения двухмесячных курсов повышения квалификации. Программа подготовки состояла в обучении летчиков ночным полетам, полетам при нулевой видимости, навигации, полетам в сложных метеорологических условиях с использованием радиолокационных систем Fischen и Roland, посадкам с использованием радиомаяка Lorenz. После прохождения курсов экипажи направлялись в 1-ю бомбардировочную флотилию, которая участвовала в летней кампании 1941 г., вплоть до захвата Одессы. Всего за период с октября 1940 по июнь 1941 г. было подготовлено, как в Румынии, так и в Германии, более 2 тыс. военных специалистов, из которых 1500 для ВВС и 500 для зенитной артиллерии.

В марте 1941 г. приступила к работе немецкая военно-морская миссия, возглавляемая контр-адмиралом Ф.-В. Флейшером. Из Германии на румынский флот прибыли эксперт по минным заграждениям и группа специалистов различных родов вооружений. Предполагалась доставка в Румынию сухопутным путем нескольких малых подводных лодок, однако из-за трудностей с их транспортировкой и недостаточного количества таких лодок у самих немцев германское морское командование от этого мероприятия отказалось^[30].

Нацистское руководство Германии достаточно критично оценивало силы своих союзников. Генерал Ф. Гальдер писал в своем дневнике: «От румын вообще ничего нельзя ожидать. Возможно, они будут в состоянии лишь обороняться под прикрытием сильной преграды (реки), да и то только там, где противник не будет атаковать. Антонеску увеличил свою сухопутную армию вместо того, чтобы уменьшить ее и улучшить. Судьба крупных германских соединений не может быть поставлена в зависимость от стойкости румын».

Директива № 21, известная как план «Барбаросса», четко предусматривала, что румынские части будут нести вспомогательную задачу. «Задача Румынии, – отмечалось в директиве, – будет заключаться в том, чтобы отборными войсками поддерживать

наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции, сковать противника там, где не будут действовать германские силы, и в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах».

Приготовления Румынии к войне не прошли незамеченными для советских спецслужб. В преддверии большой войны советская разведка активизировала заброску своей агентуры и диверсионных групп на румынскую территорию. Каждый месяц происходили диверсии, в результате которых пускались под откос поезда с горючим и продовольствием для Германии, тонули баржи с нефтью и хлебом, возникали пожары на нефтепромыслах, взрывы на нефтеочистительных заводах. Например, 6 октября 1940 г. в Бухаресте сгорела фабрика красителей и нефтеперегонный завод; 10 декабря – взорваны резервуары с горючим, подготовленным для отправки в Германию, 16 декабря – выведен из строя нефтепровод Плоешти – Бузэу; 27 марта 1941-го – разрушена прядильная фабрика в Галаце, выполнявшая военные заказы. Весной 1941 г. в Констанце, под руководством коммуниста Ф. Сырбы, были осуществлены диверсии на ряде румынских предприятий^[31].

11 июня 1941 г. И. Антонеску выехал в Мюнхен. Во время встречи с Гитлером, Кейтелем и Йодлем он подтвердил свою готовность предоставить все материальные и людские ресурсы страны для ведения войны и принять в ней участие с первого дня. За это ему были обещаны возврат Бессарабии и Северной Буковины, а также то, что Румыния сможет оккупировать и администрировать и другие советские территории «вплоть до Днепра». Возвратившись из Мюнхена, генерал созвал кабинет и официально поставил в известность министров о скором совместном военном выступлении Германии и Румынии.

Глава 2

БОИ НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ К ОДЕССЕ (22 июня – 22 июля)

Первые дни Великой Отечественной войны стали рубежом для миллионов советских людей: рубежом между жизнью и смертью, рубежом, за которым заканчивалось «мирное время» и начиналось время испытаний, испытаний стойкости, чести, преданности, веры и надежды. На огромном пространстве от Балтийского до Черного моря разгоралась битва за жизнь и свободу миллионов... В то же время в Придунавье, где вместе с немецкими агрессорами выступили румынские, положение на границе СССР было иным.

Современные румынские историки называют события первого месяца войны Румынии против СССР «победной кампанией 33 дней», в результате которой были аннексированы Бессарабия и Северная Буковина (22 июня – 26 июля 1941 г.). Хотя румынской стороне нет причин для гордости за деяния румынской военщины и политиканов – организаторов военных преступлений и преступлений перед человечеством.

Утром 22 июня 1941 г. король Румынии Михай II и руководитель государства И. Антонеску призвали румын к «священной войне» за освобождение Бессарабии и Северной Буковины^[32]. В своем приказе по армии от 22 июня диктатор Румынии И. Антонеску взывал: «Солдаты, приказываю вам: вперед, через Прут! Уничтожайте врага с Востока и Севера. Освободите из красного большевистского рабства наших захваченных братьев. Верните нашей стране славу предков земли Бессарабской и княжеских лесов Буковины, ваши земли и родные места... Сражайтесь за освобождение братьев ваших с земель Бессарабии и Буковины, за честь церквей, за жизни и дома, оскверненные вражескими

захватчиками. Сражайтесь, чтобы отомстить за унижение и несправедливость. Вас просит Нация, Король и ваш генерал»^[33].

Вскоре румынский диктатор заявил: «Мстителями возвращаемся мы на молдавскую землю Стефана Великого, повсеместно восстанавливая основы румынизма». На заседании румынского правительства 8 июля И. Антонеску откровенничал: «...Я выступаю за насильственную миграцию всего еврейского элемента Бессарабии и Буковины, его нужно выставить за пределы наших границ. Также я за насильственную миграцию украинского элемента, которому здесь нечего делать в данный момент. Меня не волнует, войдем ли мы в историю как варвары. Римская империя совершила целую серию варварских актов по отношению к современникам, и все же она была самым величественным политическим устройством. В нашей истории не было более подходящего момента. Если нужно, стреляйте из пулеметов»^[34].

Гитлер подтвердил назначение И. Антонеску командующим румынскими и немецкими войсками, которые находились в Румынии. Но сам И. Антонеску был ограничен в действиях оперативными установками генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, командующего группой армий «Юг». Штаб 11-й немецкой армии представлял связующее звено между И. Антонеску и группами армий и консультировал диктатора в оперативных вопросах^[35].

Румыния напала на СССР одновременно с германскими войсками. На рассвете 22 июня румынская и германская армии начали артиллерийский обстрел и авиационные бомбардировки советских городов на берегу Дуная (Рени, Измаил, Килия, Вилково, Бельцы, Кишинев, Болград). Румынско-немецкая авиация нанесла бомбовые удары по аэродромам и военным объектам. За день до начала войны авиация округа была рассредоточена по запасным аэродромам, штаб округа занял полевой командный пункт под Тирасполем. Эти меры не позволили противнику застать войска врасплох.

Румынские самолеты были перехвачены советскими истребителями И-16. Летчики 67-го истребительного авиаполка утром 22-го сбили 4 румынских бомбардировщика, не потеряв ни одной машины. Румынские данные отличаются с точностью до наоборот. За 22 июня, в районе действия румынской авиации, по советским данным, было сбито на аэродромах и в воздухе 37 самолетов. По румынским данным, за первый день войны румынская авиация потеряла 11 самолетов.

Румынские войска пытались форсировать в нескольких местах Дунай и Прут на участках Куконешти-Веке, Скуляны, Леушени, Кагул... Силами подготовленных ударных групп, используя промежутки в обороне, румынские подразделения сумели захватить небольшие плацдармы у Бранешт, Скулян, Унген, Вален. В пределах Одесской области границу по Дунаю стойко защищал 4-й Черноморский отряд пограничных судов и 79-й Измаильский пограничный отряд: 2, 23, 24 и 25-й погранполки и отдельные погранбатальоны. В 4 часа утра 22 июня румыны открыли огонь по советскому берегу реки Дунай, по погранпостам, заставам, комендатурам 79-го погранотряда (командир – подполковник С.И. Грачев), кораблям Дунайской военной флотилии (командир – контр-адмирал Н.О. Абрамов) и судам Дунайского пароходства. Но все попытки атаковать границу в этот и последующие дни были сорваны пограничниками 15 погранзастав и соседними частями на всем 170-километровом участке границы. Только в районе Скулян, где держали оборону части 8-й румынской пехотной дивизии, отбросить врага за Прут не удалось. На других

направлениях неоднократные попытки румынских войск захватить в июне переправы и плацдармы были отражены^[36].

К началу войны границу с Румынией в районе Молдавской ССР протяженностью 480 км прикрывали войска Одесского военного округа (365 тыс. бойцов, 950 самолетов, командующий генерал-лейтенант Я.Т. Черевиченко).

По плану операции «Барбаросса» действия румынской армии поначалу носили сковывающий характер. Переход в решающее наступление планировался после того, как группа армий «Юг» добьется успеха на направлении главного удара на Украине. Группа армий «Юг» фельдмаршала Герда фон Рундштедта, которой были подчинены румынские силы, была разделена на две части. Ее главные усилия в начале операции «Барбаросса» были сконцентрированы на северном участке, в то время как силы в Румынии должны были ожидать наступления, целью которого было продвижение в глубь Украины. Германские механизированные соединения группы армий «Юг» были сконцентрированы в Польше, в то время как на румынском фронте находились только румынские моторизованные подразделения. Немецкое командование считало реку Прут серьезным препятствием для наступления с участием моторизованных подразделений, а наступательный потенциал румынских войск вызывал у них сомнение.

Состояние и качество румынских войск оценил генерал-полковник вермахта Ф. Гальдер, который прибыл на фронт с целью инспекции румынских оборонительных позиций. Он сделал такие выводы – румынские вооруженные силы не готовы к боевым действиям: отмотилизованный контингент имеет слабую дисциплину и прошел лишь краткосрочную подготовку, офицерский корпус не имеет достаточного опыта и представления о новейших методах войны, армия вооружена устаревшей техникой, в войсках не хватает транспортных средств.

Еще 14 июня 1941 г., в связи с нарастанием угрозы нападения с запада, Одесский военный округ получил указание о выделении управления 9-й армии (командующий генерал-лейтенант Я.Т. Черевиченко) с выводом его в Тирасполь. 21 июня политбюро ЦК ВКП(б) решило образовать Южный фронт. К 4 часам утра 22 июня большинство частей 176, 95, 25, 51-й стрелковых дивизий, а также 9-й кавалерийской дивизии первого эшелона (35, 14-го стрелкового и 2-го кавалерийского корпусов) заняли подготовленную линию обороны вдоль реки Прут. На каждую дивизию, по приказу, приходилось около 100 км границы, но дивизии заняли оборону в полосе 60 км, и между ними остались промежутки, которые прикрывались только силами пограничников. Первая неделя боев сводилась только к мелким стычкам и артиллерийским дуэлям. Потери румынской стороны (22–30 июля) составляли около 1,5 тыс. бойцов.

24–25 июня советские войска перехватили инициативу, ворвавшись на территорию королевства Румыния – Дунайская военная флотилия высадила тактический десант на румынском берегу Дуная. Командующий 51-й Перекопской стрелковой дивизией генерал П.Г. Цирульников направил десант в район румынского города Килия-Веке (мыс Сатул-Ноу) для уничтожения стоявших там артиллерийских батарей, стрелявших по советской территории. На вражеской территории сражался и один из батальонов 25-й стрелковой дивизии, который форсировал Прут у Кагула. Высадка основного десанта – сводной роты пограничников на четырех бронекатерах произошла утром 24 июня. В первом бою две роты 15-го батальона морской пехоты румынских войск были разгромлены, взяты в плен

около 70 солдат и офицеров. Для развития успеха на захваченный плацдарм был высажен батальон 51-й стрелковой дивизии, который захватил мыс Сатул-Ноу и батарею. Советское командование решило высадить в Килия-Веке второй десант – три батальона 23-го стрелкового полка на 14 катерах (капитан-лейтенанта И.К. Кубышкина). Этот десант, разгромив румынский пехотный батальон и погранзаставу, захватил город Килия-Веке, овладел укрепленным погранрайоном и плацдармом глубиной до 3 км, по фронту до 4 км (румынский батальон потерял 358 бойцов убитыми, ранеными и пленными, были захвачены 8 орудий, 30 пулеметов). 26 июня на румынском берегу были высажены подразделения 51-й стрелковой дивизии, занявшие важные в военном смысле поселки и острова, что позволило объединить оба плацдарма в один. В результате оба берега Килийского гирла (около 70 км) оказались в руках советских войск. Измаильская группа кораблей получила свободу действий на Дунае и могла оказать эффективную поддержку сухопутным частям. Только 16 июля, когда противник прорвался к Днестру, угрожая окружением группе войск в Южной Бессарабии, корабли Дунайской флотилии сняли десант с дунайских островов.

На Нижнем Дунае, в Измаиле, базировалась 96-я отдельная авиаэскадрилья капитана А.И. Коробицина (6 И-153 и 8 И-15) Дунайской военной флотилии. После начала войны командование ЧФ выделило для действий в этом районе еще 70-ю и 78-ю отдельные эскадрильи из состава 63-й авиабригады. Они имели на вооружении самолеты СБ и ДБ-3 и базировались на аэродромах Одессы и Николаева. С начала июля 1941-го первая полученная флотом эскадрилья новых Пе-2 удачно использовалась на Дунае.

В первых боях на Дунае и Пруте отличились советские дивизии Южного фронта, которые прославятся во время обороны Одессы. 25-я стрелковая имени В.И. Чапаева дивизия полковника Афанасия Степановича Захарченко занимала участок обороны по рекам Прут, Дунай, в Молдавской ССР и Измаильской области. Эта дивизия была сформирована еще в июле 1918 г. в Заволжье, а с октября 1919 г. базировалась в Приднепровье. В полках дивизии было много призывников из Полтавской области УССР. В сентябре 1939 г. дивизия принимала участие в походе на Западную Украину в составе 27-го стрелкового корпуса Украинского фронта. Штаб дивизии в июне 1941-го, вместе с 263-м стрелковым полком, находился в г. Болград, 31-й стрелковый полк стоял в г. Рени, а 54-й стрелковый полк – в городе Кагул.

25-я стрелковая Чапаевская дивизия состояла из 54-го полка имени Степана Разина (командир – полковник И.И. Свидницкий), 31-го Пугачевского имени Фурманова полка (командир-подполковник К.М. Мухамедьяров), 263-го Домашкинского имени Фрунзе полка (командир – майор, затем подполковник С.И. Султан-Галиев, после его ранения на северной окраине Петерстали – капитан А.И. Ковтун-Станкевич)^[371], 69-го арtpолка, 99-го гаубично-артиллерийского полка, 164-го дивизиона противотанковых орудий, саперного и медицинского батальонов и батальона связи и батальона разведки, танкового батальона на Т-26, 193-й зенитной батарее, 756-го минометного дивизиона и другие подразделения. 22–23 июня 1941-го отдельные румынские части, которым удалось переправиться через Дунай на советский берег, были разгромлены 25-й дивизией, при этом сдалось в плен до 500 вражеских солдат и офицеров^[381].

95-я Молдавская стрелковая дивизия была сформирована в 1939 г. в Киевском военном округе в районе Ананьев– Балта как территориальное соединение РККА, дислоцировалась

в Котовске. В 1940 г. принимала участие в советско-финской войне, вела бои под Выборгом. Получила наименование Молдавской, потому что первой перешла на правый берег Днестра летом 1940 г., когда Бессарабия была присоединена к СССР. Два полка дивизии находились в лагерях вблизи границы накануне войны. 18–21 июня в дивизии проходили тактические учения, приближенные к боевой обстановке. 22 июня дивизия заняла подготовленную в инженерном отношении оборону вдоль реки Прут. На дивизию в среднем приходилось около 100 км участка границы. Командовали дивизией: генерал-майор А.И. Пастревич (17.01–15.07.1941), полковник М.С. Соколов (15.07–10.08.1941), полковник В.Ф. Воробьев (10.08–29.12.1941). Начальником штаба дивизии до 15.07 был полковник М.С. Соколов, 15.07–10.08 – капитан В.П. Сахоров, 10.08–24.08 – майор И.И. Чинов; с 1.09 – полковник И.И. Просолов. Дивизия имела 57 пушек, 39 гаубиц, 42 миномета^[39].

В Южной Бессарабии воевал и 26-й Одесский погранотряд, что контролировал побережье Черного моря от устья Днестра до устья Дуная. Именно этот погранотряд внес славную лепту в оборону Одессы. В первый месяц боев бойцы погранотряда боролись с диверсионными группами врага и парашютистами противника в тылу фронта. Контролировали пути сообщения, железные дороги и мост через Бугаз. На базе отряда был сформирован 26-й погранполк, отдельный погранбатальон и отдельная погранрота^[40].

Румынским войскам удалось удержать плацдарм на советском берегу реки Прут, у Скулян. Для ликвидации вражеского плацдарма были выделены части 95, 170 и 176-й стрелковых дивизий и 30-й горнострелковой дивизий, 2-го механизированного корпуса. Но кровавые бои за скуленский плацдарм не принесли желаемых результатов. 25 июня 1941 г. на юго-западном направлении (на основании приказа НКО СССР от 23 июня 1941 г.) был образован Южный фронт (командующий генерал армии И.В. Тюленев), который призван был удерживать границу Черное море – северный берег Дуная – восточный берег реки Прут – буковинские перевалы (всего более 700 км) и ликвидировать плацдарм противника на восточном берегу Прута у Скулян. В состав фронта вошли 18-я (генерал-лейтенант А.К. Смирнов), 9-я (генерал-лейтенант Я.Т. Черевиченко) армии, 9-й особый стрелковый корпус, дислоцированный в Крыму, 55-й, 7-й стрелковые корпуса (вскоре переданные в состав Юго-Западного фронта), части фронтового подчинения. ВВС фронта состояли из пяти авиационных дивизий, которые входили в состав армий. В распоряжении фронта оставалось два истребительных и один разведывательный авиаполки. Фронт имел 15 стрелковых, 3 кавалерийских, 6 танковых, 3 моторизованные дивизии. В оперативном подчинении находились Одесская военно-морская база, пограничные отряды НКВД, четыре укрепрайона, Дунайская флотилия.

Дунайская военная флотилия (командующий контр-адмирал Н.О. Абрамов) вместе с подчиненным дивизионом морской пограничной охраны насчитывала дивизион мониторов (5 мониторов), дивизион бронекатеров (22 катера), 4 катера «морской охотник», отряд катеров-тральщиков (7 катеров), отряд полуглиссеров (6 единиц), 1 минный заградитель, 1 штабной корабль, 1 плавмастерскую, 1 госпитальное судно, 2 колесных буксира, 36 различных катеров. В составе флотилии были пулеметная и стрелковая роты, 46-й зенитный артдивизион, 6 батарей, 14 истребителей 96-й авиаэскадрильи^[41].

Полевое управление Южного фронта было сформировано из кадров, выделенных штабом Московского военного округа. Этот штаб оказался абсолютно незнаком с молдавским театром военных действий и с войсками. Начальник штаба Московского округа генерал-майор Г.Д. Шишенин был недоволен новым фронтовым назначением. Генерал И.В. Тюленев, став командующим Южным фронтом, считал назначение своим «понижением».

Иван Тюленев, бывший начальник разведотдела 1-й конной армии С.М. Буденного, выдвигенец К. Ворошилова в июне 1940 г., с введением в РККА генеральских званий стал одним из трех первых советских генералов армии, наряду с Г.К. Жуковым и К.А. Мерецковым. Само прибытие штаба на фронт и прием войск под новое командование неоправданно затянулись. Только 24 июня управление фронта прибыло в Винницу, где по указанию Ставки развернуло командный пункт. Но Винница была далеко от Прута, где проходил фронт, да и в курс дела штаб входил больше недели. Вот как об этом напишет И. Тюленев: «Вечером 24 июня специальным поездом я прибыл в Винницу. Изумлению моему и огорчению не было границ: командный пункт фронта оказался совершенно неподготовленным – ни одного телефонного и телеграфного аппарата, ни одной радиостанции»^[42].

Все это отрицательно сказалось на руководстве войсками – из-за неразберихи в советском командовании румынские войска сумели значительно расширить плацдарм в районе Скулян и до 30 июня захватить два новых плацдарма.

В первой директиве фронта (от 25 июня) значилось: «Оборонять госграницу с Румынией... и быть готовым к решительным наступательным действиям». Командующий фронтом И.В. Тюленев полагал, что немецко-румынское наступление начнется позже и на 100 км севернее начавшегося 1 июля наступления – на Могилев-Подольском направлении. К концу июня немецкие войска молниеносно продвинулись в глубь СССР. Ставка Главного командования отдала приказ на отвод советских войск на линию укрепленных районов вдоль старой государственной границы 1939 г. Генералу Тюленеву было приказано прикрыть отход Юго-Западного фронта и отвести правый фланг 18-й армии с границы в Каменец-Подольский укрепленный район, который упорно оборонять. Наступление немецко-румынских войск в Молдавии совпало с передислокацией советских войск, что усугубило неблагоприятное развитие событий^[43].

Командование 18-й армии так же имело ряд недостатков, идентичных недостаткам командования фронта. Командование и штаб 18-й армии были сформированы накануне войны из штатов командования и штаба Харьковского военного округа. Командующий Харьковским округом генерал-лейтенант А.К. Смирнов, начальник штаба генерал-майор В.Я. Колпакчи, начальник авиации округа генерал-майор С.К. Горюнов заняли в новой 18-й армии аналогичные должности и к началу войны не успели войти в курс дел новой армии.

29 июня 1941 г. Гитлер в письме к румынскому командованию обратился с требованием форсировать Прут и начать наступление восточнее от Ботошан, направляя главный удар в северо-восточном направлении. До 1 июля боевые операции в районе реки Прут носили локальный характер. Румынским войскам отводилась скромная роль: защита нефтяных районов от налетов советской авиации, создание плацдармовых укреплений на восточном берегу Прута, а по мере продвижения немецких войск – организация преследования и уничтожение отступающих советских частей в междуречье Прута и Днестра. Формально

все войска, находившиеся на территории Румынии, подчинялись румынскому диктатору И. Антонеску. Фактически же планированием их боевых действий занимался командующий 11-й армией генерал-полковник Риттер фон Шоберт, которому И. Антонеску поручил разработку «всех директив и приказов, касающихся совместного ведения войны»^[44].

Противник начал переправу на восточный берег реки Прут в районах Стефанешти, Скулян, Валя-Мааре. Наступление велось силами 7 немецких дивизий и 22 румынских дивизий и бригад. Основной удар осуществлялся силами 11-й немецкой армии и румынского кавалерийского корпуса на Могилев-Подольский, 1-й румынской бронетанковой дивизией. 198-я пехотная дивизия из района Скулян начала развивать наступление в направлении Чоропкани. Командующий немецкой группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт 24 июня отдал приказ командующему 11-й армией вермахта (командующий – генерал Р. фон Шоберт) готовиться к операции «Мюнхен». Операция «Мюнхен» предполагала молниеносный удар в направлении от Скулян на Кишинев – Тирасполь – Николаев и Винницу, при поддержке сил 4-го германского воздушного корпуса и 1-й румынской бронетанковой дивизии. Впоследствии 11-я армия во взаимодействии с 17-й армией должна была окружить и уничтожить основные силы Южного и левого крыла Юго-Западного фронта. Операция планировалась на случай удержания советскими войсками рубежа вдоль Прута и возникновения необходимости прорыва обороны.

4-й румынской армии (командующий – генерал Н. Чуперкэ; состав – 5, 3 и 11-й корпуса), оставшейся в подчинении румынского командования, при поддержке румынской воздушной группировки (GAL), ставилась задача: наступать на южном направлении по линии Измаил – Болград – Белгород-Днестровский – Одесса, сковав советские войска южнее полосы главного удара немецко-румынских войск. В дельте Дуная был расположен 2-й румынский корпус под командованием генерал-майора Н. Мачича. На 22 июня 1941 г. общее количество румынских солдат на первой линии наступления насчитывало около 326 тыс. бойцов.

Наступательная сила румынских Королевских ВВС была сконцентрирована в Боевой авиационной группе (GAL), которая насчитывала в боевом состоянии 205 самолетов. Их целью было достичь превосходства в воздухе над Бессарабией и Северной Буковиной и затем поддерживать наступление румынской 4-й армии. Авиационная группа состояла из четырех бомбардировочных групп (1, 2, 4 и 5-я) и двух независимых бомбардировочных эскадрилий (82-й и 18-й), трех истребительных групп (5, 7 и 8-й), четырех эскадрилий наблюдателей (11, 12, 13 и 14-й), одной эскадрильи дальней разведки (1-я). 3-я и 4-я румынские армии имели своих собственных наблюдателей, легкие бомбардировщики и связные эскадрильи: 3-я и 5-я эскадрильи были определены к 3-й армии и четыре эскадрильи к 4-й. Одна эскадрилья наблюдателей (15-я) была прикреплена к бронетанковой дивизии. За пределами линии фронта территория Румынии была разделена между 2-м авиационным районом: две истребительные группы (3-я и 4-я) и одна эскадрилья связи (112-я) – и 3-м авиационным районом (6-я истребительная группа и 113-я эскадрилья связи). В Добрудже базировались две эскадрильи гидросамолетов (101-я и 102-я), одна эскадрилья наблюдателей (16-я) и одна истребительная эскадрилья (53-я). Силы люфтваффе в Румынии в целом насчитывали 420 самолетов.

2 июля войска 11-й немецкой и 3-й румынской армий нанесли удар по правофланговым соединениям 9-й армии в направлении на Бельцы. 4 июля прорыв был углублен до 40 км, 5 июля румынские войска заняли Черновцы. 9-я армия пыталась контрударом 2-го мехкорпуса совместно с 74-й стрелковой дивизией остановить и уничтожить вражескую группировку, наступавшую на Бельцы, но безуспешно.

Фронтная разведсводка убеждала советское командование, что противник нанесет удар из района Стефанешти, где якобы сосредоточились главные силы противника в составе 10 дивизий и 900 танков. Но там находилось лишь пять пехотных дивизий и пять бригад с 60 танками. Исходя из этих данных наиболее сильная и глубоко эшелонированная группировка советских войск создана на Каменец-Подольском направлении в полосе 18-й армии (шесть стрелковых дивизий и механизированный корпус). А вот на правом фланге 9-й армии осталось лишь две стрелковые дивизии. Именно против них противник направил шесть пехотных дивизий и две кавалерийские бригады. В составе главной ударной группировки из района Ясс наступали две немецкие и две румынские дивизии, в стык между 30-й стрелковой и 95-й стрелковой дивизиями. В полосе обороны 176-й стрелковой дивизии атаковали две немецкие пехотные дивизии и две румынские кавбригады. На узких участках прорыва на фронт одного советского полка наступали две пехотные дивизии и кавбригада. Советская оборона на реке Прут была прорвана на глубину 8–10 км. Главный удар наносили 54-й и 30-й армейские корпуса в направлении Яссы – Бельцы, а второй удар – 11-й немецкий и румынский кавалерийский корпуса из района Стефанешти на Могилев-Подольский. В дальнейшем обе группировки должны были действовать в общем направлении на Винницу для соединения с 17-й армией, наступавшей из района Львова. 3-я румынская армия, переданная в подчинение командующего 11-й армией, обеспечивала развертывание и фланги наступательных группировок.

Советской 9-й армии противостояла группа армий «Генерал Антонеску». Группа армий «Генерал Антонеску» против Южного фронта имела: немецких пехотных дивизий – 7, румынских пехотных дивизий – 9, румынских кавбригад – 2, румынских крепостных бригад – 1, румынских отдельных пехотных полков – 1, румынских отдельных моторизованных батальонов – 2, румынских батальонов морской пехоты – 3. Немецкая 11-я армия состояла из немецких 22, 50, 72, 76, 170, 198, 239-й пехотных дивизий; румынских частей: 1-й бронетанковой дивизии, 6-й и 8-й, 14-й пехотных дивизий, 5-й и 6-й кавбригад. Румынская 3-я армия состояла из одного Горного корпуса (1, 2, 4-я горные бригады, 8-я кавбригада, 7-я пехотная дивизия). Румынский кавкорпус (5-я, 6-я кавбригады) был выведен из состава 3-й румынской армии и переподчинен 11-й немецкой армии. Румынская 4-я армия состояла из: 5-го армейского корпуса (1-я гвардейская дивизия, 21-я пехотная дивизия); 3-го армейского корпуса (11-я и 15-я пехотные дивизии, 1-я пограничная дивизия); 11-го армейского корпуса (1-я и 2-я крепостные бригады, 17-й пехотный полк, 1-й и 2-й мотобатальоны). Румынский отдельный 2-й армейский корпус действовал в составе: 9-я и 10-я пехотные дивизии, 1-я группа морской пехоты (15, 16, 17-й батальоны)^[45].

Советская 9-я армия имела 6 стрелковых дивизий, 1 горнострелковую дивизию, 2 моторизованные дивизии, 2 кавалерийские дивизии, 4 танковые дивизии, 2 мотоциклетных полка: 14-й стрелковый корпус (25-я и 51-я стрелковые дивизии), 35-й

стрелковый корпус (95-я и 176-я стрелковые дивизии), 48-й стрелковый корпус (30-я горнострелковая и 74-я стрелковая дивизии), 2-й кавалерийский корпус (5-я и 9-я кавалерийские дивизии), 150-я стрелковая дивизия, 2-й механизированный корпус (11-я и 16-я танковые дивизии, 15-я моторизованная дивизия, 6-й мотоциклетный полк), 18-й механизированный корпус (44-я и 47-я танковые дивизии, 218-я моторизованная дивизия, 26-й мотоциклетный полк). Итого: по пехотным дивизиям соотношение сил было 1:3 в пользу противника, по кавалерийским дивизиям 2:1 в пользу РККА, по горным дивизиям 1,5:1 в пользу противника, по моторизованным дивизиям – советское преимущество, по танковым дивизиям – советское преимущество. Однако войска Южного фронта не были укомплектованы по штатной численности, в них остро не хватало средств связи, а механизированные корпуса фронта имели большой некомплект танков, автомашин и тракторов-тягачей. Наиболее сильный 2-й мехкорпус (генерал-лейтенант Ю.Ф. Новосельский) был укомплектован на 50 %, а 18-й (генерал-майор танковых войск П.В. Волоха) – на 27 %; при этом в его 47-й танковой дивизии вообще не было танков^[46]. Бомбежки авиации противника нарушили работу железной дороги. Фронт испытывал серьезные трудности с подвозом снарядов, патронов, продовольствия...

5 июля командующий Южным фронтом, обеспокоенный первыми успехами врага в Молдавии, докладывал И.В. Сталину, С.К. Тимошенко и Т.К. Жукову, что фронт может вести боевые действия только «методом подвижной обороны, опираясь на УРы на Днестре». Завысив вдвое количество вражеских соединений, И.В. Тюленев докладывал в Москву, что против его войск действует не менее 40 пехотных, 13 танковых и моторизованных дивизий (в реальности против Южного фронта действовало только 20 пехотных дивизий). На следующий день И.В. Тюленев, без согласования со Ставкой, приказал отвести войска фронта за Днестр и занять там оборону по линии укрепрайонов. Войска фронта приступили к выполнению приказа на отступление, а противник вышел на рубеж Хотин – Тырново– Бельцы.

7 июля командующий войсками 9-й армии издал приказ на оборону рубежа по реке Днестр. Ссылаясь на отход 18-й армии, одесской группы войск (управление 14-го стрелкового корпуса, 25-я и 51-я стрелковые дивизии) за Днестр, генерал-полковник (произведен в очередное звание в начале июля 1914 г.) Черевиченко приказывает 9-й армии, «продолжая методом маневренной обороны сдерживать противника между реками Прут и Днестр и оказывая упорное сопротивление на промежуточных рубежах, с 10.07.41 г. перейти к прочной обороне р. Днестр, опираясь на Рыбницкий и Тираспольский укрепленные районы... В составе 95-й и 150-й стрелковых дивизий перейти к обороне реки Днестр на участке Гояны, Тирасполь, имея 95-ю стрелковую дивизию на фронте Гояны, (иск.) Ташлык и 150-ю стрелковую дивизию на фронте Ташлык, Тирасполь». 14-му стрелковому корпусу приказано «в ночь на 11.07.41 г. по переправам Чобручи, Глинное, Паланка, Беляевка, Аккерман, Овидиополь, Каролино-Бугаз отойти на восточный берег р. Днестр и, составив одесскую группу войск, перейти к обороне на участке (иск.) Тирасполь, ст. Каролино-Бугаз»^[47].

Но 7 июля Ставка отменила «паникерские» приказы. Отвод войск был разрешен только для правого фланга примыкавшей к Юго-Западному фронту 18-й армии, открытого для действий врага (заняв оборону 17-м стрелковым корпусом по восточному берегу Днестра от 12-го УРа до Липкан). Ставка приказала И.В. Тюленеву передать в соседний Юго-

Западный фронт один стрелковый корпус, два мехкорпуса и несколько дивизий. Южному фронту директивой Ставки от 7 июля предписывалось контрударом резервов отбросить противника за Прут, а затем использовать территорию Бессарабии в качестве исходного плацдарма для наступления.

Утром 8 июля наспех было организовано наступление 48-й стрелкового, 2-го механизированного и 2-го кавалерийского корпусов генералов Р.Я. Малиновского, Ю.В. Новосельского и П.А. Белова. Кровавые встречные бои продолжались три дня. Корпуса не смогли выполнить главной задачи – отбросить противника за Прут, но смогли задержать наступление немецко-румынских войск, что позволило 18-й армии отвести свои войска за Днестр и занять Могилев-Подольский укрепрайон. Передача соседнему, Юго-Западному фронту корпусов, дивизий и артбригады затрудняла выполнение контрудара. Выполняя указания Ставки, И.В. Тюленев усилил правое крыло фронта, перебросив туда 18-й механизированный корпус и развернув резервную 189-ю стрелковую дивизию. Начавшийся отвод войск еще более осложнил условия нанесения контрудара, ведь части 9-й армии уже начали отступление за Днестр^[48].

После контрудара частей Южного фронта поредевшие части немецкой 11-й армии приостановили наступление на Винницу и переориентировались на более мелкие задачи в Молдавии. Командующий группой армий «Юг» приказал направить 54-й армейский корпус 11-й армии на помощь 4-й румынской армии, пытавшейся овладеть Кишиневом.

В то же время румынская броневая дивизия 8 июля прорвалась к Днестру, а 12 июля вошла в город Бельцы. Войска Южного фронта на направлении вражеских ударов в Молдавии к исходу 10 июля отошли на 60–80 км. В боях за этот район румынские потери составили 4 тыс. убитых, 12 тыс. раненых, 5,5 тыс. плененных и дезертиров. 5 июля И. Антонеску заявил, что румынские войска не прекратят борьбы, пока не достигнут своих «древних границ», хотя детализации этих границ еще не было. Генерал И. Тюленев вспоминал те дни: «Не имея конкретной, вытекающей из обстановки задачи, наши войска вынуждены были вести боевые действия на случайных рубежах. Характер этих действий был неопределенный, соотношение сил – невыгодное для нас. Бои носили разрозненный характер. Не было сплошного фронта обороны»^[49].

И все же у Красной армии были и первые победы: 8 июля 150-я стрелковая дивизия контратаковала врага, «нанеся ему значительные потери, отбросила на западный берег, восстановив положение». На следующий день 95-я стрелковая дивизия, перейдя в контратаку, разбила 67-й немецкий пехотный полк и два дивизиона 63-го артиллерийского полка румын, захватив немалые трофеи для первого месяца войны (82 плененных, 20 орудий, 68 автомашин, 400 повозок и 600 лошадей).

8 июля было решено создать Приморскую группу войск. В ее задачу входило прикрывать восточный берег Прута, северный берег Дуная и побережье Черного моря вплоть до Николаева, увязывая свои действия с Черноморским флотом. Ставка и Г.К. Жуков решили, что в дальнейшем ее удастся развернуть в сильную армию. Начальником штаба Г.К. Жуков предложил назначить Г.Д. Шишенина, считая, что ему по плечу организовать надежное взаимодействие с флотом. На должность командующего кандидатуры не было, и он согласился с предложением Военного совета временно назначить командармом Н.Е. Чибисова, не освобождая его от командования Одесским военным округом. В состав Приморской группы вошли штаб, управления и отделы Одесского военного округа, 14-й

стрелковый корпус, состоявший из 25-й Чапаевской, 51-й Перекопской и 150-й стрелковых дивизий, 79-го и 26-го погранотрядов НКВД, Дунайской военной флотилии, Одесской военно-морской базы, специальных частей и 69-го авиационного истребительного полка^[50]. С этого момента – с момента создания Приморской группы войск – военные историки ведут отсчет первого этапа совместной с флотом Одесской оборонительной операции...

5 июля, спустя 13 дней после начала войны, в городах МССР наблюдались хаос, дезорганизация и паника, дополняемые бегством ряда руководителей. Среди партийных деятелей стали распространяться слухи о моральном падении некоторых высокопоставленных работников республики. С началом войны в молдавских советских институтах утвердилось недоверие к уроженцам правобережья Днестра, недавно проживавших «под румынской короной». Толпы мародеров организовали «самоснабжение» за счет государственных складов и магазинов. В решении бюро ЦК КП(б)М от 7 июля 1941 г. «О выполнении партийными и советскими организациями решений ЦК КП(б)М и СНК МССР по вопросам эвакуации» говорилось, что большая часть магазинов в городах и селах не работает, электросети и мостовые разбиты, государственная торговля практически прекратилась.

Республиканскими советскими и партийными органами был создан штаб по эвакуации во главе с заместителем председателя СНК МССР Ф. Ильинским. Основные автодороги из Кишинева к Днестру на Криулень и Бендеры были очищены от беженцев, для контроля за ходом эвакуации были созданы посты и переходы по регулированию движения. Бюро ЦК КП(б)М на своем заседании от 7 июля 1941 г. приняло решение запретить переход через Днестр всем лицам начиная с 8 июля 1941 г., без особого разрешения НКВД. И все же из Молдавии эвакуировалось 300 тыс. жителей, более 4 тыс. вагонов с оборудованием и продовольствием.

Руководство МССР создало десятки отрядов партизан и народной милиции, истребительных и фортификационных батальонов. В шести левобережных районах были созданы 13 подпольных парторганизаций и 8 партизанских отрядов, на правом берегу – 139 партизанских отрядов и несколько подпольных организаций, но деятельность их была практически парализована из-за быстрого продвижения немецко-румынских войск. 16 июля советскими войсками был оставлен Кишинев, 18 июля бои за Корнешть завершились отступлением советских частей, стратегические узлы Молдавии захвачены.

К этому времени в составе Южного фронта, который оборонялся в полосе 500 км, осталось 20 дивизий, большей частью обескровленных. Противник (на молдавском участке фронта) превосходил советские войска по личному составу. Однако большую часть его войск (67 %) составляли румынские войска, не имевшие боевого опыта. Паритет в авиации и в танках позволял советским соединениям отражать наступление. Однако основная часть советских самолетов была устаревших марок. Округ имел всего 60 танков КВ и Т-34 и 222 современных самолета^[51]. Авиация Южного фронта наносила удары по переправам и скоплениям войск врага, провела несколько мощных налетов на нефтепромыслы в Плоешти для затруднения снабжения войск врага горючим, а авиация ЧФ бомбила Констанцу и базы речной румынской флотилии.

Потери войск Южного фронта в боях за Молдавию и Южную Бессарабию и Северную Буковину, по советским данным, составили 8,5 тыс. человек убитыми и около 10 тыс. – ранеными. В румынских сообщениях называется фантастическая цифра потерь советских войск – 80 тыс. пленных. Очевидно, пленные при советском отступлении были, но их количество не превышало 10 тыс. человек^[52]. Общие потери румынских войск составили за июль 1941 г. около 23 тыс. человек, немецкие потери неизвестны. Общие потери румынской армии за 9 дней июня 1941-го составили до 8 тыс. человек, советские потери – неизвестны.

Румынские источники утверждают, что за время кампании в Молдавии румынская авиация сбила 242 самолета противника (83 – в воздушных боях, 108 – на земле, 51 – сбит зенитной артиллерией). Но подобные заявления не имеют ничего общего с правдой. Всего румынской и немецкой авиацией на аэродромах Южного фронта, а также в небе над Молдавией, Румынией, Южной Бессарабией и Северной Буковиной было уничтожено около 60 советских самолетов. Свои потери в авиации румынские источники явно занизили, указав 43 машины и 117 человек в экипажах. На этом участке румыны могли противопоставить 27 истребителей He-112 из состава 51-й и 52-й эскадрилий, которые базировались в Галаце.

Первый период войны трудно назвать успешным для румынской авиации. Внезапности достигнуть не удалось практически нигде, а советские летчики нанесли агрессору ощутимый урон. Так, командир 4-го иап майор Орлов сбил над Гросуловом разведывательный Vlenheim Mk. I 3-й румынской эскадрильи. Во время налета на аэродром Белград лейтенант А.И. Мокляк на И-16 тараном уничтожил двухмоторный бомбардировщик SM-79B. При налете на Измаил были сбиты четыре самолета: три – на счету летчиков 96-й ОАЭ, еще один – 463-й зенитной батареи старшего лейтенанта Г.М. Охоты. Потери румынских ВВС только 22 июня составили 11 машин, не считая тех самолетов, которые сели подбитыми на своей территории и надолго вышли из строя. 25 июня 9 бомбардировщиков из 78-й эскадрильи майора Бадербенкова, взлетев с Николаевского аэродрома, сбросили на Галац 70 бомб. 28 июня лейтенант М.С. Максимов из 96-й эскадрильи на И-153, отражая налет на Килию и Измаил, сбил два «Хенкеля». Авиация ЧФ действовала днем (СБ, ДБ-3, Пе-2) и ночью (МБР-2) группами от 3 до 9 машин. Максимальное количество самолетов, участвовавших в одном налете, составило 29. Потери были минимальные, и в основном от зенитного огня или по небоевым причинам. До конца июня потерь вообще не отмечено, а 8, 10, 15, 21 июля и 10 августа было сбито по одному СБ. 13 августа авиация флота потеряла Пе-2. Но в конце месяца потери резко возросли. 24 августа на базу не вернулись три СБ, а 27-го – еще шесть самолетов, после чего командование приняло решение прекратить систематические действия против судоходства в дельте Дуная. К тому же осложнилась ситуация под Одессой, и все наличные машины пришлось использовать против наступающих румынских частей^[53].

Командующий войсками Одесского округа генерал Н.Е. Чибисов и командарм 9-й (бывший командующий Одесским округом) Я.Т. Черевиченко, боясь окружения своих формирований в Южной Бессарабии, приняли самостоятельное решение отходить из Южной Бессарабии на восточный днестровский берег. Уже 16 июля оставила границу 150-я стрелковая дивизия генерала И.И. Хоруна. Командующий Южным фронтом

решение об оставлении Южной Бессарабии утвердил, рассчитывая вывести из бессарабского мешка свои левофланговые дивизии, которые удерживали границу (150, 51, 25, 95-я стрелковые дивизии).

Приморской группе предписывалось начать отход 18 июля и завершить 25 июля, 9-й армии ставилась задача завершить отход 21 июля и, опираясь на Рыбницкий и Тираспольский укрепрайоны, остановить на этом рубеже дальнейшее продвижение неприятеля. Решение перейти за старую линию обороны – «линию Сталина», за днестровские укрепрайоны, – значительно усиливало оборонительные возможности советских войск. Частям предстояло пройти с боями 100–130 км, под непрерывным огнем противника (части 4-й румынской армии, пограничная 35, 21 и 10-я пехотные дивизии и 7-я кавдивизия), с обозом, нагруженным ранеными, продвигаясь в бесконечных мелких стычках с наседавшим и с севера, и с запада противником.

21–22 июля 51-я стрелковая дивизия, отбиваясь от передовых полков румынской кавалерии, вела арьергардные бои у Сараты, Таругина, Фараоновки, Нового Парижа, заняв к 23 июля оборонный рубеж Введенка – Копань для переправы основных сил через Днестр. Пехота выстреливала свои последние боеприпасы, артиллеристы дивизии в упор шрапнелью расстреливали наступающих румын. Игорь Ефремов (участник боев лета 1941-го, боец 9-й армии) вспоминал: «Отходили «ступеньками». Это так – один батальон обороняется, другой готовит позицию, а третий отходит. Два дня двигались нормально. Но затем, когда держал оборону 3-й батальон, его мощно атаковали танки, кавалерия, пехота и авиация. Батальон долго держался, но кончились боеприпасы, и его взяли в кольцо. Многие попали в плен... Отход от границы был ужасен: жара, пыль, самолеты сверху, танки с флангов, артобстрел, крики и стоны раненых, которых везли на повозках, а убитых хоронили кое-как – в воронках, не делая отметок на картах, где кто похоронен. Части покидали границу ночью, а с наступлением дня занимали оборону на промежуточных рубежах до следующей ночи... Теперь будем ночами идти, а днем лежать в обороне. Скоро станет неустойчивой связь дивизии со штабом армии, а потом и полков со штабом дивизии. Это будет называться «полуокружением». Давно нет газет, радио и хлеба. Скоро не станет и патронов»^[54].

150-я стрелковая дивизия была вынуждена вести навязанные противником бои практически на марше в невыгодных для себя условиях, под бомбежками вражеской авиации, имея только 50 % личного состава. «Ежедневно у нас большие потери. Противник буквально висит на хвосте, а мы наносим ему урон совсем небольшой. Начинаем экономить патроны... Из двух рот делали одну, из двух взводов – один взвод. Отделения ликвидировались сами собой. Потери несли ежечасно, а противника достать было нечем: мы давно без полковой артиллерии и минометов, а пока они были – то без снарядов и мин. Все походные кухни были разбиты снарядами, а в уцелевших нечего варить», – вспоминал очевидец^[55].

В войсках 9-й армии началось массовое дезертирство «запасников» (призванных в июне 1941 г. местных жителей – молдаван), что подрывало дисциплину. Отсутствие подвоза продуктов также разбалтывало солдат, которые переходили на самообеспечение. В бессарабских селах солдаты реквизировали яйца, хлеб, домашний скот... Выполняя приказ Сталина: ничего не оставлять врагу, солдаты уничтожали инфраструктуру района: взрывали мосты и дороги, сжигали поля пшеницы, убивали или угоняли скот.

На обеспечение и содержание переправ в нижнем течении Днестра были брошены шесть отдельных понтонномостовых, мостоинженерных, инженерных, саперных батальонов. Фашисты пытались разрушить переправы с воздуха, но их успешно прикрывал 69-й истребительный авиаполк.

К 22 июля 1941-го румынские войска захватили Измаил, Килию, Рени, Болград. К 25–26 июля немецко-румынские войска вышли к нижнему течению Днестра и к Днестровскому лиману, захватив Аккерман (Белгород-Днестровский) и Заток, оказавшись в 40 км от Одессы. 26 июля румынское командование провозгласило окончание «кампании 33 дней» по так называемому «освобождению» Северной Буковины и Бессарабии.

18 июля 1941 г. появилась директива командования Южного фронта о создании Отдельной Приморской армии на базе Приморской группы войск.

Эта армия была сформирована на марше к 22 июля 1941 г. (временный командующий генерал-майор Н.Е. Чибисов, по совместительству замкомандующего округом). Н.С. Хрущев так характеризовал генерала Чибисова: «Это был солидный, толстый, уже в летах человек, бывший офицер царской армии. Он прошел школу Гражданской войны в Красной армии. Сталин знал его лично, знал еще по Царицыну и доверял ему»^[56]. По воспоминаниям Н.И. Крылова, генерал Чибисов «запомнился как воплощение кипучей энергии, неистощимой работоспособности. Все, что он ни делал, он делал увлеченно и как-то весело. От одного общения с ним люди приободрялись и тоже веселились». Генерал Чибисов приказывал: «Внушить всем, что оборона по р. Днестр такая, через которую противник не должен пройти. Оборона временная, и мы должны выискивать момент для перехода в наступление...»^[57]

18 июля появилась директива командующего войсками Южного фронта № 0019 на отвод войск левого крыла фронта. Она предполагала отход (к утру 21 июля) главных сил Приморской армии на восточный берег Днестра и сосредоточение одной дивизии в армейском резерве в районе Одессы. Дунайскую военную флотилию планировалось скрытно вывести в Одессу. Армия должна была опираться на центр и южный фас Тираспольского УР и аккерманские позиции, во взаимодействии с Черноморским флотом (ЧФ) не допустить прорыва противника в направлении Одессы, удерживая город при любых условиях^[58].

Глава 3 **ПРОРЫВ. БОИ ПОД ОДЕССОЙ (23 июля – 7 августа)**

До середины июля 1941 г. причерноморский фланг Восточного фронта практически не интересовал германское командование. Германский стратегический план рассматривал юг Украины лишь как вспомогательное направление, и даже угроза румынским нефтепромыслам со стороны советских войск в Причерноморье представлялась Гитлеру не слишком серьезной. Немецкое командование считало, что Украину можно будет легко покорить после захвата Москвы или просто путем окружения всех правобережных частей Красной армии ударом с севера вдоль Днепра или Дона. Украина должна была упасть к ногам завоевателей, как спелое яблоко. Но в ходе «похода на Москву» и сражения под Смоленском планы Гитлера изменились...

16 июля 1941 г. на тайном совещании Гитлер отметил, что И. Антонеску желает получить Бессарабию и Одессу и что германские войска обязаны помочь в этом румынским союзникам. В своем письме Гитлер требовал от И. Антонеску продолжения военных действий восточнее Днестра. Фюрер предлагал румынским войскам развернуть наступление в юго-восточном направлении от Буга и взять под контроль захваченные территории. С этой целью Гитлер передавал 44-й армейский корпус в подчинение к И. Антонеску. Одновременно 11-я немецкая армия, на флангах которой действовала 4-я румынская армия, была задействована на правом фланге групп армий «Юг».

В директиве ОКВ № 33 от 19 июля Гитлер приказал изменить главные цели наступления таким образом, чтобы еще до наступления зимы занять на юге СССР Киев, Крым и Донецко-Криворожский бассейн. Важнейшей задачей (на начало августа) было наступление западнее Днепра и уничтожение советских войск 12-й и 6-й армий, оказавшихся в окружении под Уманью в конце июня 1941-го.

30 июля была издана директива ОКВ № 34, которая фактически отменила директиву № 33 и дополнение к ней. Директива № 34 предписывала группе армий «Юг» продолжать операции по уничтожению крупных советских сил западнее Днепра и посредством захвата плацдармов на Днестре создать условия для переправы 1-й танковой группы на восточный берег Днепра.

Начальник Генерального штаба вермахта генерал-пол – ковник Ф. Гальдер записал тогда в своем дневнике: «Согласно указанию фюрера теперь следует приступить к операции по овладению Одессой. Для выполнения этой задачи предназначается корпус Ганзена (54-й армейский корпус 11-й армии) в составе двух немецких и большого количества румынских дивизий. Эта частная операция, которую я считаю необходимой, будет являться эксцентрической по отношению к общей крупной операции на окружение»^[59].

Захват 16 июля немецко-румынскими войсками Кишинева (с 1940 г. столицы Молдавской ССР) и отступление советских частей за Днестр (в районе Рыбницы) подстегнул румынскую армию к активизации наступления. Немецко-румынские войска начали новое наступление уже 17 июля, когда корпус горных стрелков (в составе 1, 2 и 4-й бригад) и кавалерийский корпус (в составе 5, 6 и 8-й кавбригад) 3-й румынской армии под командованием генерала П. Думитреску форсировали Днестр. Румынские части штурмовали Днестровский вал вместе с 11-й немецкой армией. В обращении к солдатам румынских частей генерал П. Думитреску подчеркнул, что им «выпала честь освободить румынское заднепровское население», что борьба, которая развернется на Востоке, – это борьба «за объединение всех святых границ Румынского Народа»^[60].

В письме, присланном Антонеску 27 июля, фюрер поздравил его с успехами на фронте, высоко оценив стремление генерала действовать совместно с армией рейха в войне, и подчеркнул, что, следуя этому курсу, Румыния сможет достичь значительных успехов. Гитлер требовал от Антонеску продолжения военных действий восточнее от Днестра и предлагал румынским войскам развернуть наступление в восточном направлении от Днестра до Днепра и взять под контроль захваченные территории^[61]. 31 июля 1941 г. И. Антонеску, обращаясь к Гитлеру, уверил в письме фюрера в том, что он будет следовать избранному курсу, выполнит поставленные перед ним военные задачи и обеспечит контроль в определенных фюрером районах^[62].

Одесса имела важное стратегическое значение – ведь на аэродромах вблизи нее садились для дозаправки бомбардировщики флотских ВВС ЧФ, совершавшие налеты на румынские промыслы Плоешти, которые снабжали нефтью германскую и румынскую армии.

Ход боевых действий в Причерноморье в значительной степени определялся не столько наступлением румынских войск, сколько развитием событий на Юго-Западном фронте, где немецкая группа армий «Юг» наносила главный удар. Глубокий прорыв немцев на Киевском направлении угрожал тылам Южного фронта, что вынуждало удерживать основные силы на правом крыле фронта. Невысокая эффективность действий Южного фронта была вызвана ошибками разведки в определении состава и численности войск противника. Неправильная оценка его сил не позволяла принимать соответствующие решения на создание устойчивой обороны и разгром вклинившейся группировки агрессора. К этому добавлялась неспособность советских командармов предвидеть действия противника.

Назначение 10 июля 1941 г. С.М. Буденного командующим частями Красной армии, действовавшими на Юго-Западном направлении (для координации действий двух фронтов), не улучшило, а скорее ухудшило положение войск.

С.М. Буденный еще не был знаком ни с положением в Украине, ни с тактикой и стратегией противника в «войне моторов». Он еще жил стереотипами Гражданской войны, 1-й Конной, «большого террора», боясь принимать нестандартные решения. С.М. Буденный едва успел принять командование, как между фронтами (Южным и Юго-Западным) вклинилась немецкая 1-я танковая группа под командованием генерала Клейста, которая 15 июля заняла Бердичев, угрожая как Киеву, так и тылу Южного фронта. В то время как советское командование считало, что главный удар противник наносит на Киев, немецкое командование готовило совсем другую операцию – захват всей Правобережной Украины.

Перед армиями Южного фронта нависла угроза оказаться в гигантском котле. С севера и востока советскую группу генерала Понеделина (части 6-й и 12-й армий) обошла 1-я танковая группа немцев, в то же время 17-я армия противника наступала с юга, а от Днестра, с юго-запада на Умань наступала 11-я армия вермахта. Уже 24 июля войска 6-й и 12-й армий оказались в кольце окружения, которое с каждым днем сужалось. 25 июля, решением советской Ставки, окруженные армии Юго-Западного фронта передавались Южному фронту. Переподчинение этих частей новому фронту привело к ослаблению последнего и к потере управления новыми армиями (6-й и 12-й), к потере их боеспособности. Командование Юго-Западного направления, командование Южного фронта, да и московская Ставка до конца не осознали катастрофическую обстановку на стыке Юго-Западного и Южного фронтов.

Первыми (20 июля) на левый берег Днестра переправились части 95-й стрелковой дивизии, 5-й и 9-й кавалерийских дивизий. Вместе с артполком и пулеметными батальонами укрепрайона 95-я стрелковая дивизия заняла укрепления Тираспольского укрепленного района (ТУР) – от Григориополя до Тирасполя (около 70 км). 95-я переправилась за Днестр после тяжелых боев на Кишиневском направлении, потеряв 30 % боевого состава и практически все танки. Вскоре в 95-ю стрелковую дивизию пришло пополнение в виде маршевого батальона в тысячу человек. 24–25 июля, у села Маяки, на

левый берег Днестра переправились части 51-й стрелковой дивизии. К исходу дня 25 июля на восточный берег Днестра вышли главные силы Приморской армии (30-я, 95-я стрелковые дивизии, 7-й кавполк, 25-я стрелковая дивизия). Эта армия заняла оборону от Тирасполя до устья Днестровского лимана.

Тираспольский укрепрайон – 82-й УР (командир – полковник Г.М. Коченов) являлся хорошо оборудованным в инженерном отношении рубежом. Он имел оборонительные сооружения по всей полосе на глубину 4–6 км. Обороняя фронт 150 км, ТУР имел 262 пулеметных и 22 артиллерийских долговременных сооружения, насчитывал более 10 тыс. человек личного состава, около 100 орудий, 632 станковых и 285 ручных пулеметов (в пулеметных батальонах УР насчитывалось от 1600 до 1840 бойцов). 12 суток укрепрайон отражал постоянные атаки противника, пока противник не стал обходить его с правого фланга, тесня войска 9-й и 18-й армий. На некоторых участках фронта (у Дубоссар и Григориополя) противник сумел переправиться через Днестр «на плечах отступающих», создав плацдармы для дальнейшего наступления.

5-я кавдивизия заняла еще 20 км укреплений ТУР. Это был едва ли не единственный случай в истории, когда конница была использована в качестве полевого заполнения между долговременными огневыми сооружениями укрепленного района. 5-я кавдивизия, батальоны и артиллерия ТУР в течение трех суток отражали попытки противника переправиться через Днестр. 22 июля кавдивизию сменили части 30-й стрелковой дивизии. А конный корпус перебрасывался в резерв в направлении Котовска.

Противником Приморской армии стала 72-я пехотная дивизия 11-й немецкой армии и части 4-й румынской армии: танковая бригада, 1-я бронетанковая дивизия, 15-я и 3-я пехотные дивизии, 1-я и 7-я кавбригады, 11-я пехотная дивизия, 1-я пограничная дивизия, 35-я, 21-я пехотные дивизии. 11-я немецкая армия (танков в армии не было) 18 июля сумела форсировать Днестр в районе Могилева-Подольского, прорвать укрепления Рыбницкого укрепрайона (РУР) и на следующий день захватила Каменку и Рыбницу, создав угрозу с фланга войскам 9-й армии. В разрыв фронта между 9-й и 18-й советскими армиями вклинился 30-й армейский корпус противника, который сумел с ходу захватить город Балту (25 июля) и прорвал оборону на 25 км в глубь фронта. Части советского 55-го стрелкового корпуса были вынуждены оставить рубеж обороны по реке Кодыма^[63].

24 июля командующий 18-й советской армией поставил 48-му стрелковому корпусу задачу – наступать на Балту и разгромить балтинско-кодымскую группировку противника. Две стрелковые дивизии и 2-й кавкорпус отбросили на 8 км к северу части 30-го армейского корпуса противника, полностью разгромив один его пехотный полк, освободили Балту, захватив 10 орудий разных калибров и более 50 пулеметов. Десять дней шли упорные бои за Балту, которая переходила из рук в руки. Но противник, удерживая позиции у Балты, ударил частью 11-й немецкой армии на восток, захватив 28 июля крупную узловую станцию и город Котовск, а 30 июля – штурмовал Ананьев. Корпус Белова получил приказ выбить немцев из Балты. 28 июля 5-я кавдивизия успешно атаковала немецко-румынские войска в 5 км западнее Балты. 11-я немецкая армия обошла кавкорпус с севера, поставив его части в полуокружение. Спешенные кавалеристы ворвались в город и трое суток вели в нем жестокий бой с немецкой пехотой, переходя от дома к дому и забрасывая гранатами подвалы. Советская конница в боях за Балту сорвала планы прорыва 11-й армии на Первомайск.

В целом ситуация на фронте Приморской армии 20–26 июля считалась удовлетворительной. Командование решило отвести 150-ю и 51-ю стрелковые дивизии, переданные в 9-ю армию, в резерв Южного фронта. 51-ю стрелковую дивизию на занимаемом рубеже сменяла 25-я стрелковая дивизия. Но отдохнуть «резервным» дивизиям не пришлось – они сразу же были переброшены на правый фланг армии: 150-я на грузовиках переехала из Тирасполя в Котовск и заняла рубеж обороны у Котовска, 51-я – рубеж обороны Ананьева.

26 июля немецкие войска и соединения 4-й румынской армии форсировали Днестр между Дубоссарами и Григориополем – на стыке 9-й и Приморской армий, в полосе обороны 30-й стрелковой дивизии^[64].

В авангарде наступления была немецкая 72-я пехотная дивизия, имевшая опыт прорыва советской обороны на Пруте. Советская 30-я стрелковая дивизия не выдержала напора 72-й пехотной дивизии. Контратаки для восстановления положения успеха не имели. Части 72-й пехотной дивизии вермахта создали плацдарм на левом берегу Днестра, севернее Григориополя, откуда планировалось начать новое наступление на Николаев. Для разгрома советского армейского тыла, разрушения линий связи и железнодорожного полотна, для организации паники немцы высадили десант у Ананьева в Жеребковском лесу (40 парашютистов).

27 июля командующий 9-й армией решил попытаться восстановить фронт по Днестру, ликвидировать захваченный врагом плацдарм в районе Дубоссары – Григориополь концентрированным ударом 30-й стрелковой дивизии и частью сил 95-й и 150-й стрелковых дивизий, фронтовой авиацией. 95-й стрелковой дивизии предстояло нанести удар под основание вражеского клина – вдоль дороги на Григориополь, а затем уничтожить наведенные противником переправы и отрезать ему выход из перерытского мешка. Во всей полосе обороны 95-й стрелковой дивизии на Днестре остался один полк Сереброва. Утром 29 июля 241-й и 90-й полки начали наступать на Дубоссары. Советское контрнаступление длилось три дня, но не принесло желаемых результатов, а 30 июля враг перешел в наступление. Вслед за 72-й немецкой дивизией за Днестр выдвинулись свежие румынские части. Фашистские бомбардировщики, пользуясь своим превосходством в воздухе, подавляли огонь советских батарей...

Для борьбы с десантами противника в Приднестровье были сформированы Тираспольский, Беляевский и Бендерский истребительные батальоны (вместе – более 700 добровольцев: милиционеров, работников райкомов партии и комсомола, рабочих и служащих). В июле 1941-го эти части сражались с прорвавшимся в тыл в районе Чимишлии румынским кавалерийским полком, участвовали в ликвидации немецких десантов, охраняли мосты через Днестр, железную дорогу, обеспечивали безопасность тыла.

Еще один Овидиопольский истребительный батальон старшего лейтенанта НКВД И.И. Бутовича (3 роты, 390 бойцов) оказал существенную помощь армии в обороне 70 км линии фронта, проходящей по Днестровскому лиману. Бойцы батальона вылавливали дезертиров и диверсантов, которые на различных плавсредствах пытались переплыть лиман, вели охрану многочисленных немецких колоний Овидеопольского района, откуда, в июле – августе 1941-го, начали выселять этнических немцев. На территориях немецких

колоний Овидеопольского района действовали и оперативные группы 57-го полка НКВД. Бойцы истребительного батальона вели разведку и захватывали румынских языков на аккерманском берегу (захваченном румынскими войсками 24–25 июля). В сентябре 1941-го все бойцы истребительного батальона пополнили состав 31-го полка 25-й стрелковой дивизии.

В те дни Одессу несколько раз посещал молодой бригадный комиссар Леонид Ильич Брежнев, тогда – заместитель начальника политуправления Южного фронта. Он организовывал контакты между армейскими политорганами и областной и городской партийными организациями, выезжал в воинские части, на заводы и в катакомбы, принимал участие в разработке планов отпора врагу на Одесском направлении и подготовки партизанских баз. Брежнев постоянно консультировался с секретарем Одесского обкома КП(б)У А.Г. Колыбановым, секретарем Одесского горкома Н.П. Гуревичем, председателем Одесского облисполкома Н.Т. Кальченко, председателем горисполкома Б.И. Давиденко.

Только к концу июля 1941-го, когда враг оказался в 40–50 км от Одессы, командование стало задумываться о возможной обороне Одессы в полном окружении. До этого в войсках царил уверенность в том, что Тираспольский укрепрайон и рубеж Днестра – старая граница СССР – станет последним рубежом отступления советской армии. Но в конце июня части вермахта на севере Украины уже двигались в направлении Киева, угрожая тылам Южного фронта.

26 июля нарком Военно-морского флота Н.Г. Кузнецов поставил перед Военным советом Черноморского флота задачу: «Связаться с сухопутным командованием по вопросу обороны Одессы с использованием кораблей и особенно батарей на суше, детально разработать вопросы взаимодействия. Если по обстановке сухопутных частей не окажется, решать задачу самостоятельно. Кораблям базы поддерживать войска до последнего снаряда... В случае окружения Одессы организовать поддержку и питание с моря. Для обороны базы и поддержки сухопутных войск по обстановке использовать корабли и авиацию основного ядра Черноморского флота»^[65].

Ставкой начала рассматриваться возможность окружения Приморской армии в районе Одессы. В этом случае планировалась стойкая оборона района до начала возможного контрнаступления советских войск.

27 июня командующий ЧФ приказал командующему Одесской базой ВМФ контр-адмиралу Жукову начать фортификационные работы по созданию укрепленной эшелонированной сухопутной обороны базы. Работы должны были вестись круглосуточно с привлечением гарнизона, моряков, сухопутных войск и гражданского населения. Одновременно боевые расчеты береговых батарей ЧФ начали ежедневно проводить учебные стрельбы по наземным целям, чего прежде не делалось.

31 июня командование Южного фронта в своем приказе № 036 указывало, что «враг мелкими группами проникает подчас в глубокий тыл, где нападает на наши коммуникации, средства связи, сеет панику... А у нас раздаются крики: «Окружение!» хотя его нет». Для ликвидации «просачивания» врага предлагалось создавать при штабах армейские подвижные истребительные отряды и истребительные отряды из местных

патриотов. Приказ клеймил проявления «растерянности и трусости» и отсутствие управления в штабах 30-й и 95-й стрелковых дивизий^[66].

1–2 августа противник, продвигавшийся до сих пор в восточном и юго-восточном направлениях – от Дубоссар на Вознесенск, круто повернул часть своих сил на юг, а затем и на юго-запад. По лощинам и перелескам фашистская пехота обошла поредевшие роты 90-го стрелкового полка. Против трех неполных советских стрелковых дивизий оказались 50-я и 73-я пехотные дивизии немцев, 5-я пехотная дивизия, танковая и кавбригады румынских войск... Противник ворвался в тыл 95-й дивизии, чуть не захватив командный пункт и штаб дивизии, разгромил и отбросил части 30-й и 150-й стрелковых дивизий на восток от ст. Затишье.

Огромные потери несли 30, 150, 95-я стрелковые дивизии, в полках которых оставалось от 200 до 300 активных штыков. Прикрыть фланги было просто нечем – все резервы были израсходованы. Командование решило бросить в новую контратаку 51-ю стрелковую дивизию – из района Ананьев в направлении Дубоссары – Григориополь (вместе с остатками 95, 30 и 150-й стрелковых дивизий). Из частей 95-й стрелковой дивизии особо отличилась ударная группа капитана И. Чистякова (1500 бойцов из числа 161-го стрелкового полка, без танков). В этом наступлении проявились организаторские и боевые качества будущих героев обороны Одессы – лейтенантов Я. Бреуса и М. Долгого^[67].

Однако эта атака, начавшаяся только поздним вечером 4 августа, когда противник уже владел ситуацией и прорвал оборону во многих местах, принесла огромные жертвы. Утром 5 августа, после контрудара немецко-румынских войск, наступающие стали отходить.

Ф. Гальдер запишет в своем дневнике: «На фронте группы армий «Юг» постепенно начинают сказываться результаты длительного перемалывания русских войск, действующих на Украине. Противник отходит. Несмотря на это, ввиду малой активности румын и учитывая наличие нескольких хорошо сохранившихся дивизий в составе русского Южного фронта, следует ожидать попытки противника удержать район Одессы и прилегающее к ней побережье. Одесса может стать русским Тобруком. Единственным средством против этого является прорыв 1-й танковой группы через Первомайск на юг»^[68].

В то же время войска Южного фронта, боясь полного окружения, начали постепенный отход на восток от Днестра. 4 августа у соединений Приморской армии прервалась проводная связь со штабом Южного фронта. Хаос дополнили непрекращающиеся споры между армейскими и флотскими: кто будет оборонять город Одессу – Черноморский флот или армия?

Прорывы немецких частей часто прикрывали советские мобильные группы взводов ПВО, состоящие из двух – четырех автомашин со счетверенными пулеметами «Максим», снабженными зенитным прицелом. Огонь счетверенок заставлял неприятельскую пехоту останавливаться и залегать. Эти группы стали своеобразным резервом, который временно задерживал продвижение противника на отдельных участках.

У противника произошло разделение оперативных задач и операционных направлений. 11-я немецкая и 3-я румынская армии нацелили свои удары на Ананьев – Вознесенск, а перед 4-й румынской армией была поставлена задача наступать на Одессу кратчайшим

путем – от Тирасполя на Николаев и от Тирасполя на Брезовку с целью 10–15 августа захватить Одессу. 5 августа войска 4-й румынской армии были усилены 1-й танковой дивизией, части этой армии приступили к переправе через Днестр.

5 августа Ставка Верховного главнокомандования, осознав возможность полного уничтожения войск Южного фронта, наконец-то отдает приказ отвести войска Южного фронта с днестровского рубежа на линию Чигирин – Вознесенск – Днестровский лиман. Только во второй половине дня 5 августа 9-я армия (176, 74, 150 и 51-я стрелковые дивизии) начали отход от Балты и Слободзеи на рубеж Братское – Березовка – фронтом на Запад, а Приморская армия (95-я и 25-я стрелковые дивизии) – на рубеж Березовка–Раздельная – Кучурганский лиман – Днестровский лиман, развертываясь фронтом на север. Из 9-й армии в Приморскую (приказом командарма Южного фронта) передавалась 30-я стрелковая дивизия.

Но основная опасность для всего Южного фронта заключалась в прорыве немецких танков к северу от Первомайска – весь Южный фронт мог оказаться в окружении.

Трое суток советские воины 18-й армии сражались за переправы в 9 км севернее Первомайска, но 9-я и 16-я танковые дивизии танковой группы фон Клейста смяли сопротивление и вырвались на оперативный простор. 3 августа немцы захватили Первомайск и блокировали мосты через Синюху и Южный Буг.

Интересно, что 28 июля советская полевая разведка донесла командованию Южного фронта, что по дороге на Первомайск от Умани, в 30–40 км восточнее Балты, движется моторизованная дивизия немцев с танковым полком. Но командование армии никаких мер не приняло. «Командующий 9-й армией, услышав по телефону от Белова о танках, отказался ему верить. Не поверил и командующий фронтом генерал Тюленев», – вспоминает очевидец.

2 августа 2-й кавкорпус (подчиненный командующему войсками Южного фронта) получил задачу покинуть район Балты и сосредоточиться у Первомайска, прикрыв Николаевское направление. Конница была брошена против танков (в кавкорпусе, по штату, было 2 танковых полка, но к 2 августа корпус остался без танков; в боях были потеряны единицы, остальные танки – старые БТ – вышли из строя и были отправлены на ремонт в тыл). Но когда 2-й кавкорпус подошел к Первомайску, город был уже занят частями 14-го моторизованного корпуса немцев.

Два полка немецкой пехоты с танками, поддержанные бомбардировочной авиацией, атаковали линию обороны 223-й стрелковой дивизии 18-й армии. Дивизия не выдержала натиска и в беспорядке откатилась к Кировограду. Панический отход дивизии привел 3 августа к захвату Кировограда. 9-я кавдивизия переправилась через Южный Буг у Вознесенска на восточный берег реки. 5-я кавдивизия заняла оборону на правом берегу Буга у Врадиевки. Против прорвавшихся у Первомайска немцев выступила и 96-я горнострелковая дивизия.

Военный совет Южного фронта просил разрешения у штаба главкома Юго-Западного направления отвести войска на новые рубежи и одновременно усилить фронт пятью стрелковыми и двумя авиадивизиями из резерва. Но С.М. Буденный, располагавший незначительными резервами, берег их как зеницу ока. Он ошибочно считал, что

действующие против Южного фронта соединения неприятеля сильно измотаны и не имеют подавляющего превосходства в живой силе.

4 августа Буденный в своем боевом донесении в Ставку Верховного главнокомандования сообщил: «Над правым флангом и тылом Южного фронта с севера нависает противник на фронте протяжением 110–120 км от Кировограда до Первомайска включительно. Чтобы парировать угрозу охвата и окружения, нужны подвижные резервы, которых нет. Вновь формируемые дивизии еще не готовы и значительно удалены от решающего района событий. Единственной силой, которая ведет борьбу с обходящим противником и задерживает его продвижение, является авиация. Однако ее также недостаточно. Выделенные Ставкой на усиление три авиаполка еще не прибыли. К тому же дождливая погода с 1 августа крайне ограничила действия авиации. В подобной обстановке считаю, является своевременным решить вопрос, во-первых, о дальнейшей задаче Южного фронта и, во-вторых, об организации обороны по реке Днепр». С.М. Буденный просил: «Разрешить Южному фронту начать отход на рубеж Знаменка, река Ингул, Николаев, поручив оборону Одессы Приморской армии», «дать указание Черноморскому флоту организовать и прикрыть коммуникации Южного фронта и Приморской армии по морю», «для обеспечения отхода войск Южного фронта выделить дополнительно два штурмовых авиаполка»^[69].

В то же время Буденный с энтузиазмом докладывал Ставке набор примитивных выкладок и неподтвержденных данных относительно обороны Одессы. Вместо конкретных мероприятий, планов воздушной обороны, дислокации обороняющихся войск, он который раз повторил заученные призывы и лозунги^[70].

5 августа 1941 г. Сталин одернул маршала: «С предложением маршала С.М. Буденного о рубеже отвода войск Южного фронта на линию реки Ингул Ставка никак не может согласиться... Приказываю: 1) При отводе войск Южного фронта занять линию восточный берег Днепровского лимана до Беляевка, от Беляевка на Ротмистровка, Березовка, Вознесенск и далее на Кировоград, Чигирин. 2) Отвод производить в ночное время и этапами, прикрывая сильными арьергардными боями, и закончить его не позже 10 августа»^[71].

6 августа, не дойдя до намеченного оборонительного рубежа, 72-й кавполк 9-й кавалерийской дивизии подвергся нападению танков противника и был рассеян. Танковые части противника устремились на Вознесенск и отбросили остальные два полка 9-й кавалерийской дивизии. Вознесенск был захвачен противником, как и единственный мост через Южный Буг у Вознесенска. Прорыв танков фон Клейста поставил крест на удержании рубежа обороны по Днестру, так как тыл Южного фронта, восточнее Котовска, оказался открытым на 150 км^[72].

Но еще в более катастрофическом положении оказался правый фланг Южного фронта – остатки группы генерала Понеделина. В Ставку докладывали: «От Понеделина получена радиограмма панического содержания, что организованный выход из боя без уничтожения своей материальной части или без немедленной помощи извне якобы невозможен. Эта оценка положения Понеделиным неверна, и сплошного фронта нет. Имеются промежутки до 10 и более километров. Топтание на месте Понеделина другим иначе объяснено быть не может, как только растерянностью, нераспорядительностью, неэнергичностью...»^[73] Но эта информация командарма Тюленева была не совсем верной.

Армейские штабы не имели оперативной связи с вышестоящими штабами, командование Южного фронта не получало регулярной информации о положении дел.

Группа Понеделина сражалась в полном окружении, силы прорывавшихся советских частей таяли в контратаках, отражаемых заслонами немецкой артиллерии и танков. Немцы изо дня в день усиливали нажим на занимаемый группой плацдарм, чтобы отрезать им путь отступления, стянуть кольцо окружения. Этот плацдарм (густой лес Зеленая Брама) не превышал размера 10 x 10 км и постоянно простреливался артиллерией и закидывался бомбами немецких бомбардировщиков. В то же время армию не поддерживала фронтовая авиация, а снарядов и зениток уже не было. 1–6 августа гитлеровцы уничтожали окруженные армии...

И. Тюленев отменил приказ главкома Юго-Западного направления Буденного от 3 августа о прорыве группы Понеделина к Одессе, распорядившись выходить из окружения в восточном направлении. В то же время Тюленев приказал идти на выручку группе Понеделина частям 18-й армии, но в ночь на 2 августа немцы прорвались к Первомайску и Кривому Озеру, окружив сами части 18-й армии. 5–8 августа противником были уничтожены штабы 6-й и 12-й, в плен были взяты командующий 12-й армией Понеделин и командующий 6-й армией Музыченко. В плен попали два командарма, четверо командиров корпусов, начальник политотдела армии, 11 комдивов, погибли два командира корпусов и шесть комдивов. Группа войск, которую возглавил генерал 49-го стрелкового корпуса С.Я. Огурцов, организовалась в «партизанскую армию», решив прорываться к Одессе. Но и эта группа была разгромлена и пленена. Потери советских войск в Уманском котле составили до 25 тыс. погибших и пропавших без вести и около 100 тыс. пленных... Ставка Верховного главнокомандования, главнокомандование Юго-Западного направления объявили командующего группой войск П.Г. Понеделина виновником разгрома фронта, предателем, добровольно сдавшимся в плен. В 1950 г., по приговору Военной коллегии Верховного суда, П.Г. Понеделин был приговорен к расстрелу^[74].

В боевом донесении командующего войсками Южного фронта в Ставку Верховного главнокомандования 4 августа 1941 г. сообщалось о наступлении советских войск на Дубоссарском направлении силами 51-й стрелковой дивизии, во взаимодействии с частями 30-й стрелковой и 95-й стрелковой дивизии.

4 августа, видя нерешительность командования Южного фронта и Приморской армии, Военный совет ЧФ направил наркому ВМС СССР телеграмму, в которой подчеркивалась необходимость отстоять Одессу даже в случае отхода от Одессы частей Южного фронта. Командование ЧФ просило наркома сообщить об «опасном положении» Одессы в Ставку. В тот же день нарком ВМФ прислал ответную телеграмму, в которой приказывал Одессу не сдавать. 5 августа, когда угроза выхода сухопутных армий противника в район Одессы и блокады города с суши стала реальностью, Ставка издала приказ: «Одессу ни при каких условиях не сдавать», подтвердив его директивой: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот»^[75].

5 августа в 9.00 411-я батарея, что находилась в пригороде Одессы за «дачей Ковалевского» (командир – старший лейтенант И.Н. Никитенко), открыла огонь из всех своих орудий по Аккерманской (Белгород-Днестровской) крепости, где, по сведениям

разведки, разместились румынские части и техника. 25 осколочных снарядов (каждый по 97,5 кг) накрыли цель и принесли большие потери противнику.

Когда войска 9-й армии отошли, обнажив правый фланг Тираспольского УР, возникла угроза захвата противником укрепрайона вместе со всей инфраструктурой и вооружением. 5 августа командир ТУР полковник Г.М. Коченов получил приказ от Военного совета Приморской армии о свертывании Тираспольского укрепрайона, разоружении дотов (пулеметные доты разрушить не успели) и других инженерных сооружений. Необходимо было немедленно взорвать огневые сооружения, вывести людей с оружием, техникой, боеприпасами и использовать их для пополнения полевых войск. Высвобожденные пулеметы ТУРа шли на усиление дивизий и в армейский резерв. Гарнизон ТУРа, сняв из дотов пулеметы и подорвав 47-мм и 76-мм капонирные орудия, отошел на станцию Карпово (40 км от Одессы). Под прикрытием пульбата и артдивизиона, отбивавших 6–7 августа атаки противников на рубежах ТУР, боеприпасы и техника вывозились к Карпову и грузились в вагоны для отправки в Одессу. Приморская армия пополнилась 11 тыс. кадровых пулеметчиков, артиллеристов, саперов, связистов, разведчиков, ополченцев, получила около 500 станковых и 320 ручных пулеметов, полк орудий с пятью боекомплектами к каждому, что повысило боевую мощь армии. Два пулеметных батальона были направлены в Одессу на переформирование, в распоряжение штаба армии поступили батальон связи и саперный батальон. Остальные пулеметные батальоны и артиллерийский полк вливались в состав стрелковых дивизий Приморской армии. Пулеметчикам и артиллеристам Тираспольского укрепрайона суждено было сыграть в обороне Одессы немаловажную роль^[76].

Основной удар противника по Одессе ожидался с севера, где отступала 95-я стрелковая дивизия, поэтому три пулеметных батальона ТУР и 397-й арtpолк ТУР оставались на рубеже Беляевка – Выгода. Вместе с войсками из Тирасполя (1–6 августа) ушло и уехало до 25 тыс. местных жителей (50 % горожан). В городе были выведены из строя стационарные сооружения, системы железнодорожного водоснабжения, сигнализации и связи, сожжены фабрики, мельницы, маслобойные заводы, склады, радиостанция, на перегоне Тирасполь – Кучурган было уничтожено 70 % стрелочных переводов. В спешке отступления были взорваны и мелкие предприятия местного значения. На Одессу отходили тылы 9-й, 18-й и Приморской армий, в городе скопилось 4 тыс. груженых вагонов армейского имущества. Эвакуированный подвижной состав Кишиневской железной дороги был захвачен румынскими войсками на перегоне Раздельная – Выгода (83 поврежденных паровоза и 1600 вагонов). Советские войска отошли от Днестра, где существовали естественная преграда и полоса укреплений. Но две поредевшие стрелковые дивизии не имели никаких возможностей остановить противника среди ровной степи, где никогда не предвиделся фронт и оборонительные позиции были только намечены.

6–8 августа степь между Днестром и Южным Бугом представляла полный хаос. Такого перемешивания частей, как это было в начале августа 1941 г., не знала история войн. Руководство Южным фронтом не знало количества людей в дивизиях, да и сами комдивы об этом не знали; ряд дивизий к этому времени уже существовал только на бумаге. Командование не знало, что происходит с окруженными противником полками и дивизиями. На огромных пространствах бродили дезорганизованные подразделения и группы дезертиров. Многие части Южного фронта остались без патронов, а бойцы, в

ажитоже отступления, побросали лопатки, противогазы, плащ-палатки... Быстро отступавшие части Красной армии стали испытывать серьезные проблемы, не только из-за нехватки продовольствия и боеприпасов, измотанности и усталости частей, но и из-за отсутствия четких приказов и централизованного командования. Диверсионные группы противника уничтожили связь штаба фронта и армейских штабов с отходившими частями.

6 августа на части 51-й и 30-й стрелковых дивизий усилился нажим частей 50-й и 73-й пехотных дивизий вермахта. 95-я стрелковая дивизия под натиском превосходящих сил противника отошла на рубеж высота 194 (1 км севернее села Плоское), в то же время 7-й кавполк 1-й кавдивизии, наступая из Гросулова, отбросил передовые отряды противника в северо-западном направлении и занял рубеж Богачево – Муратово^[77].

Немецкий прорыв в район Новая Одесса окончательно смешал план советской обороны. Немецкие войска, превратив советскую оборону в решето, прорвались в этот район с севера от Балты, Саврани, Первомайска и с востока – от Тирасполя и Рыбницы. Деморализация отступавших и окруженных войск усиливалась гибелью в боях старшего и среднего командного состава, постоянными атаками с воздуха, артиллерийскими и минометными обстрелами. После гибели командиров лейтенанты вынуждены были командовать полками, а некоторые группы «прорывающихся» красноармейцев самоорганизовывались под началом опытных и авторитетных солдат, прошедших Гражданскую или финскую войны.

«Отход на этот рубеж был трудным. Части дивизии, передвигавшиеся на широком фронте, растянулись на много километров и в глубину. Проводные линии связи свертывались, а радиосвязь часто подводила. Для передачи любого распоряжения, для выяснения обстановки приходилось непрерывно посылать работников штаба в полки и батальоны. И главное – наседал противник, от которого никак не удавалось оторваться», – вспоминал участник событий полковник В. Сахаров^[78].

Глава 4

ПРИМОРСКАЯ АРМИЯ ГОТОВИТСЯ К ОБОРОНЕ (6–7 августа)

Первоначально в состав Приморской армии вошли 25, 51, 150-я стрелковые дивизии 14-го стрелкового корпуса, 265-й корпусной артполк, 69-й истребительный авиационный полк, части специальных войск, 26-й погранотряд, Одесская военно-морская база ЧФ и Дунайская военная флотилия. В конце июля был назначен уже не временный, а постоянный командарм Приморской армии – генерал-лейтенант Г.П. Софронов (до этого замкомандующего войсками Прибалтийского округа). Одесский военный округ прекратил свое существование, а его командующий – генерал – лейтенант Н.Е. Чибисов – был назначен командующим Резервной армией. Членами Военного совета Приморской армии были утверждены дивизионный комиссар Ф.Н. Воронин и бригадный комиссар М.Г. Кузнецов (бывший секретарь Измаильского обкома партии). «Воронина мы знали как начальника политуправления Южного фронта. То, что вслед за Т.Д. Шишениным (генерал-майор, начальник штаба Приморской армии. – *Авт.*) в армию направлялся еще один крупный работник фронтового масштаба, говорило о большом внимании к приморскому флангу», – вспоминал генерал Н.И. Крылов^[79]. Политотдел возглавил полковой комиссар Л.П. Бочаров, полковник Н.К. Рыжи стал начальником артиллерии

армии, начальник корпусной санитарной службы военврач 1-го ранга Д.Г. Соколовский – начсанармом.

31 июля в Одессу прибыл новый командующий Приморской армией – генерал Георгий Павлович Софронов. Он приехал в Одессу из Полтавы, где в штабе главкома Юго-Западного направления имел долгую беседу с С.М. Буденным. Штаб армии и генерал Софронов обосновались в подземном КП, который был оборудован под зданием строительного института на ул. Дидрихсона на одесской Молдаванке. Там действовал армейский узел связи, откуда командарм связывался по буквопечатающему аппарату с командующим Южным фронтом.

Генерал Софронов не был знаком с обстановкой в Причерноморье и с состоянием дел в Приморской армии. А времени для введения в курс дела уже не было.

Неподготовленность генерала особенно сказалась на состоянии армии в критические дни 1–10 августа... «Георгий Павлович Софронов встретил войну заместителем командующего войсками Прибалтийского Особого военного округа. Ему было уже под пятьдесят. Софронов сразу располагал к себе. Открытое лицо, доброжелательный взгляд. Держался он просто, даже как-то по-домашнему. Вскоре мы оценили его как человека прямого и душевного, не любителя излишней официальности. При этом он обладал сильным, твердым характером, огромной выдержкой», – вспоминал генерал Н. Крылов^[80].

Командующий фронтом передал из состава Приморской армии в 9-ю армию 51-ю Перекопскую и 150-ю стрелковые дивизии. В конце июля 1941-го из трех стрелковых дивизий, составлявших 14-й корпус – основу Приморской армии, – в Приморской армии оставалась лишь 25-я стрелковая Чапаевская дивизия (фронт от Тирасполя до Черного моря). Но вскоре из 9-й армии в Приморскую была передана 95-я стрелковая Молдавская дивизия, вместе со своей полосой обороны: от Тирасполя до Григориополя (46 км).

До 4 августа Приморская армия еще удерживала двумя полками 25-й стрелковой дивизии восточный берег Днестра и Днестровского лимана до Каролина-Бугаза на Черном море, а двумя полками 95-й стрелковой дивизии – район Тирасполя, ведя бой за Григориополь. Но 4 августа противник прорвал оборону на участке 90-го стрелкового полка, и над частями Приморской и 9-й армий нависла угроза быть отрезанными от других частей Южного фронта.

6 августа был отдан приказ Приморской армии отходить на рубеж, проходящий через Березовку, Катаржино, Раздельную, Кучурганский лиман. 25-й стрелковой дивизии было приказано отступать к станциям Раздельная – Троицкое, удерживая их и прикрывая побережье Днестровского лимана мелкими отрядами. Прикрываясь арьергардами на рубеже Цебриково – Веселый Кут – Новая Петровка – Плоское, 95-я стрелковая дивизия начала, загибая правый фланг к юго-востоку, планомерный отход на реку Кучурган, головами колонн достигнув рубежа реки Кучурган. Оттуда до Тирасполя фронт оставался по Днестру.

За следующий день противник настолько продвинулся на восток, что мог легко выйти в тыл дивизии. В час ночи 7 августа полковник Соколов отдал приказ об отходе 95-й стрелковой дивизии на новый рубеж Ивановка – Новая Петровка – Детинск. Против 95-й дивизии действовали 3, 7, 15-я пехотные и 1-я кавалерийская дивизии румын, а на правом фланге – часть сил 72-й пехотной дивизии немцев... Ночью дивизия перешла неширокий

Кучурган. На этом направлении это была последняя река перед Одессой. Куда-то исчез полк майора Планидина. «В конце концов выяснилось, что полк, отбиваясь от идущего по пятам противника, оказался разделенным на две части, и они самостоятельно отходили к Куяльницкому лиману. В это время полки Сереброва и Новикова отразили все попытки врага обойти их с флангов и окружить. В сложной обстановке отхода на новые рубежи в полосу дивизии попали некоторые подразделения из других соединений», – вспоминал полковник В. Сахаров^[81].

Немецко-румынские войска предприняли массированное наступление на всем левом фланге Южного фронта. Форсировав Днестр, девять румынских и немецких дивизий смяли оборону 9-й армии и на плечах отступавших полков разрезали фронт 150-й стрелковой дивизии в направлении Березовки. Советские части 95-й стрелковой дивизии вынуждены были отходить на линию Жеребково – Катаржино – Раздельная (до Одессы 40–50 км). У Раздельной они установили контакт с 25-й стрелковой дивизией. 6 августа противник занял Котовск и Красные Окна. «После Котовска оторваться от противника мы уже не могли, и немцы принялись нас просто истреблять», – вспоминал Д. Левинский^[82].

Передовые части противника забрасывали свои разведывательные и диверсионные группы в тыл Приморской армии. Одна из таких групп ворвалась в село Кайры, расположенное в 55 км от Одессы, и пыталась там закрепиться до подхода основных сил. Однако 2-й эскадрон 5-го полка 1-й кавалерийской дивизии под командованием старшего лейтенанта И.М. Котенкова выбил ее из села.

6 августа проходил бой частей 95-й стрелковой дивизии с передовыми отрядами 72-й немецкой пехотной дивизии в долине реки Кучурган и у Верхней Михайловки. Части 2-й и 4-й кавбригад румынских войск, наступая в направлении села Кумары, овладели селом Малая Вradiевка. Отходивший по дороге Тирасполь – Одесса, вместе с 95-й и 25-й стрелковыми дивизиями, 265-й корпусный полк тяжелой артиллерии (командир – депутат Верховного Совета УССР майор Н.В. Богданов) огнем с близкой дистанции прямой наводкой остановил наступление танковых частей врага, который стремился прорваться за систему оборонительных рубежей. На Котовском направлении противник, продолжая наступление на Гондрабуру, овладел Новой Георгиевкой и Селивановкой (25 км восточнее Котовска). На Дубоссарском направлении противник вел бои с нашими войсками уже на рубеже ст. Веселый Кут – Плоское – Красная Горка^[83].

Полки 95-й стрелковой дивизии Сереброва и Новикова, отбив все попытки врага обойти их с флангов, вышли из полуокружения, присоединив к себе некоторые подразделения из разгромленных частей. 90-й полк 95-й стрелковой дивизии майора Планидина, отбиваясь от идущего по пятам противника, отходил долиной речушки Большой Куяльник. Этот полк оказался разделенным на две части, причем одна часть полка была оторвана от основных сил 95-й – на узком плато между Куяльницким и Хаджибеевским лиманами. Командир 241-го стрелкового полка П.П. Новиков, «опытный командир, побывавший добровольцем в Испании, сумел с первого часа войны организовать боевые действия полка»...^[84]

Приморская армия, прикрываясь сильными арьергардами на рубеже Цебриково – Веселый Кут – Новая Петровка – Плоское, начала планомерный отход на реку Кучурган. 7 августа командующий Приморской армией приказал войскам занять оборону на подступах к Одессе на таких рубежах: 30-й стрелковой дивизии – по линии Березовка – Демидовка –

Анатольевка – Силовка; 95-й стрелковой дивизии – рубеж реки Кучурган, по линии Жеребково – Катаржино – Кошары – Раздельная; 31-му и 287-му полкам 25-й стрелковой дивизии – по линии Раздельная – Миролубовка – Баден – Граденицы – Маяки – Каролино-Бугаз, «прикрывая побережье Днестровского лимана мелкими отрядами». 1-я кавдивизия и 54-й полк 25-й стрелковой дивизии отводились в резерв армии в селах Джугастрова, Новая Николаевка, Катаржино. Отдельные части и отряды бойцов Южного фронта, ослабленные отступлением, «прибивались» к фронту Приморской армии, создавая дополнительные проблемы со снабжением войск продовольствием и боеприпасами...^[85]

На Одесском направлении противник сосредоточил 4-ю румынскую армию (численность ее была доведена до 300 тыс. человек), составлявшую примерно половину всех вооруженных сил Румынии, и отдельные подразделения 72-й немецкой пехотной дивизии. В первом эшелоне вели наступление 1-я гвардейская, 3-я и 7-я пехотные румынские дивизии, части 72-й немецкой пехотной дивизии. Во втором эшелоне находилось еще 5 пехотных дивизий и 1 кавбригада. На Одесском направлении враг обладал пятикратным превосходством в личном составе и в артиллерии. Противник имел здесь 80 самолетов и 60 танков. В распоряжении защитников Одессы было 35 самолетов и 5–7 исправных танков.

Генерал Г.П. Софронов, осознавая критическое положение войск Приморской армии, еще 4 августа просил у командования фронта усилить армию двумя дивизиями или же снять с нее ответственность за Николаевское направление, изменив разграничительную линию с 9-й армией. Но командующий фронтом заявил генералу Софронову, что усилить Приморскую армию в данный момент невозможно, и подтвердил, что оборона Николаевского направления остается за Приморской армией, угрожая трибуналом за неподчинение.

Уже в начале 1960-х гг., выступая в Одессе на конференции, посвященной обороне города, Г.П. Софронов скажет: «Я все время боялся, очень боялся, положение на фронте было тяжелым, и боялся, что командование фронта прикажет мне, армии отойти за Буг... Я подготовил материалы для обороны Николаевского направления. Но никаких приказов не было... Мы учитывали, что из Очакова противник может перейти в Крым. Военный совет решил послать туда кавалерийскую дивизию. Но не успела эта дивизия прибыть в Очаков, как армии поступил приказ оборонять только Одессу»^[86].

Интересно, что через несколько дней командующий Южным фронтом просто «забыл» о разговоре с Софроновым, очевидно стараясь вывести себя из-под гнева Ставки и представить Софронова «главным виновником» военных неудач. Генерал А.Ф. Хренов писал: «Все мы были озадачены: намерения командарма противоречили прямой и недвусмысленной директиве Ставки. Его оценка обстановки явно расходилась с оценкой Военного совета фронта. И.В. Тюленев и Ф.Н. Романов не скрывали своей тревоги»^[87].

После подобного ответа командующего фронтом генерал Софронов решил возложить оборону города на командира военно-морской базы контр-адмирала Жукова, передав ему одну дивизию из Приморской армии и расценивая эту оборону только как частную задачу армии. А основные силы армии направить на оборону Николаевского направления, чтобы

не дать противнику переправиться через Южный Буг. Генерал Софронов тогда считал, что прорыв неприятеля на Николаев более опасен для советской армии, чем потеря Одессы.

Приморской армии предоставлялся огромный плацдарм в виде широкой полосы побережья, включающей Одессу, Николаев, Очаков. Командарм думал отвести 1-ю кавалерийскую дивизию и 30-ю стрелковую дивизию на прикрытие Николаевского направления. В дальнейшем он рассчитывал передать еще и 25-ю стрелковую дивизию для обороны Николаева и Очакова, оставив для обороны Одессы только 95-ю стрелковую дивизию. Два полка 30-й стрелковой дивизии, забрав из Одессы пополнение и 20 пулеметов, покинули одесский фронт у Тилигульского лимана (у с. Нейзац, восточнее села Катаржино). Дивизия ушла с позиций, открыв фланг 95-й стрелковой дивизии и рубежи обороны протяженностью примерно в 40 км. В связи с отступлением 30-й стрелковой дивизии и 9-й армии в целом сложилась угрожающая ситуация в районе Березовка-Сербки. В брешь устремились части 72-й пехотной дивизии вермахта и румынская кавбригада. Генерал Г.П. Софронов позже заявит, что 30-ю стрелковую дивизию он «так и не видел» и не смог «найти», да и командованием фронта она не будет «найдена» в определенном для нее районе обороны Демидовка – Анатолевка по причине ее полного разгрома при отходе от Одессы в ночь на 9 августа.

Дивизия ушла на соединение с 9-й армией к Николаеву, но во время отступления ее части были атакованы противником и отошли на Викторовку. Уход дивизии с позиций дал возможность румынской армии развить наступление на Благоево и Сербку. С рубежей обороны Одессы для прикрытия Николаева были сняты 522-й и 527-й полки тяжелой артиллерии, 1-й и 3-й дивизионы 266-го артиллерийского полка, 102-й строительный батальон (был вскоре вынужден вернуться в Одессу в связи с немецким прорывом в районе Коблево) и другие части^[88].

Части 1-й кавалерийской дивизии И.Е. Петрова еще 5 августа получили приказ выступить на село Кайры прикрыть дорогу Березовка – Вознесенск и восстановить тактическую связь с правым флангом обороны. 6 августа 5-й полк кавдивизии уже стоял на Николаевской дороге, готовый к обороне, другие полки готовились к маршу «для обороны Очакова». Но утром 8 августа «очаковский фронт» был снят с Приморской армии и кавдивизию, что дошла только до Дофиновки, успели вернуть в Одессу. Но интрига состояла в том, что партийное и советское руководство Одессы и области и командование военно-морской базы ЧФ были с таким решением генерала Софронова не согласны, а настроены на оборону города, используя все имевшиеся в районе Одессы воинские части. В Ставку и на имя высшего партийного руководства из Одессы полетели телеграммы и сообщения «о преступном поведении командарма и командующего фронтом», ведущем к сдаче Одессы.

Фактически 6–7 августа в руководстве города образовался раскол, который мог бы привести к скорому падению причерноморской твердыни^[89]. 7 августа командующему Южным фронтом пришел приказ Главного командования Юго-Западного направления: «По сообщению секретаря Одесского обкома партии секретаря ЦК КП(б)У тов. Бурмистенко, командование Приморской армии решило район Одессы оставить». Главком приказал: «Первое. Немедленно дать объяснение причин невыполнения директивы Ставки. Второе. Подтвердить в категорической форме Военному совету Приморской армии оборонять Одессу при всех обстоятельствах во что бы то ни стало». К Г.П.

Софронову был отправлен «с особой миссией» представитель командования фронта генерал Хренов, на которого была возложена задача быстрейшего изменения решений командарма^[90].

Генерал Хренов так описал непростой разговор с командармом вечером 7 августа: «Георгий Павлович выслушал меня с невозмутимым видом, что, по-видимому, далось ему нелегко. Помолчав, сказал: «Я, товарищ Хренов, в своем решении исходил из ориентации, полученной в Генштабе. Речь там шла о большой армии и большом плацдарме. Армия, как вам известно, оказалась меньше полнокровного корпуса. А плацдарм... Когда я вступил в командование, еще была прямая связь со штабом фронта. Я докладывал Тюленеву, просил либо добавить нам две дивизии, либо снять ответственность за Николаевское направление. Ни на то ни на другое положительного ответа не получил... Командарм предложил начальнику штаба подготовить распоряжения о немедленном прекращении вывода из города каких-либо частей, о возвращении тылов и штабных служб»^[91].

7 августа и командование Южного фронта приняло решение о том, что Николаев будут прикрывать только части 9-й армии, а Приморской армии дается задача прикрытия Одессы и Очакова. В ночь на 8 августа, под воздействием местных партийных органов и приказа Ставки, генерал Софронов отменил свое решение направить основные силы Приморской армии на прикрытие Николаевского направления. В то же время он добивался от командования снятия с Приморской армии ответственности за «очаковский фронт»^[92].

В первые дни обороны в Одессе было два командования, что создавало ряд серьезных проблем: командование Отдельной Приморской армии во главе с генерал-лейтенантом Софроновым, подчиненным Южному фронту, и командование Одесской военно-морской базы во главе с контр-адмиралом Жуковым, подчиненным командующему ЧФ. Пока Ставка медлила с организацией единого командования, в действиях флотского и армейского командований не хватало согласованности. Адмирал Н.Г. Кузнецов вспоминал:

«Пока Приморская армия не была отрезана от основных сил Южного фронта, не возникало и мысли о возложении ответственности за оборону Одессы на Черноморский флот и о создании Одесского оборонительного района (ООР)... Главный морской штаб (ГМШ) и нарком ВМФ признавали пока невозможным поднимать вопрос о целесообразности поручать дело обороны города флоту... Вопрос о том, на кого возложить ответственность за оборону Одессы, встал особенно остро после того, как Приморская армия оказалась в окружении и стала целиком зависеть от снабжения морем... Меня вызвали в Ставку. Мои соображения сводились к тому, что без активной поддержки Черноморского флота оборона Одессы не может быть устойчивой.

– Кто персонально возглавит оборону? – спросил меня И.В. Сталин.

Я ответил, что там есть командир военно-морской базы контр-адмирал Жуков. Однако окончательного решения тогда принято не было.

В Одессу была послана телеграмма Ставки: «Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот». Эта телеграмма была продиктована лично Сталиным...

В начале августа Ставка, несмотря на мои просьбы, не приняла решения о назначении Г.В. Жукова старшим в обороне Одессы и тем самым о подчинении его (и всех войск) Черноморскому флоту. Не могу утверждать, что Б.М. Шапошников противился этому, но имею основания предположить, что именно он больше, чем Верховный главнокомандующий, опасался подчинения сухопутных частей флотским начальникам. Помню, я спросил Бориса Михайловича, поддержит ли он назначение моряка, если я буду настаивать на этом перед Сталиным. Шапошников уклонился от ответа. Во всяком случае, он знал мнение Главного морского штаба и наркома ВМФ по этому вопросу, но подготовил телеграмму с приказанием оборонять Одессу «до последней возможности» в адрес сухопутного командования, возложить же эту задачу на Черноморский флот явно остерегался. Как и следовало ожидать, сразу возникло много неясностей в требованиях к Черноморскому флоту, чувствовалась неопределенность функций командующего флотом»^[93].

Враг был у ворот города, а планов обороны и единства в стане оборонявших не было. 5–7 августа в руководстве Одесского обкома царили неразбериха и панические настроения. Что дальше «делать» с Одессой, не знали ни командующий армией, ни командующий Южным фронтом, да и С.М. Буденный не торопился явить четкий план обороны. Были только громкие призывы и заверения: «Одессу не сдадим!» Военный совет Приморской армии обратился к бойцам, командирам, комиссарам и политработникам с призывом: «Одесса есть и навсегда останется советским городом!»

Как вспоминал Н.В. Краснопольский (политинструктор Южного фронта), до 7 августа «Одесса к обороне готова не была. В Одессе оставались случайные, мелкие, разрозненные части». В своих воспоминаниях заместитель председателя военного трибунала Одесской базы ЧФ Х.Г. Головатый писал о том, что в городе царит «паника и боязнь отдельных лиц в отношении вражеских десантов». Дело начальника 302-го поста службы наблюдения и связи тому подтверждение. Заметив огни кораблей в ночном море и приняв их за вражеский десант (хотя огни принадлежали дозорным кораблям ЧФ), начальник поста Монсенко приказал своим подчиненным разбить радиоаппаратуру и отступить от побережья к центру города»^[94].

Командарм Приморской армии считал, что удержать оборону на подготовленных рубежах силами двух стрелковых и одной кавалерийской дивизии неполного состава, имеющих в его распоряжении, он сможет лишь в том случае, если его поддержит артиллерией ЧФ, а противостоять ему будет лишь армия маршала Антонеску. Если же румынской армии окажут поддержку 11-я немецкая армия и танковая группа Клейста, генерал не ручался за оборону города. В то же время он наивно полагал, что «тяжело будет Одессе первые 3–4 дня (обороны)», и если советские войска смогут отбить первые штурмы «с налету», то враги «нас оставят в покое» и «сосредоточатся» на Николаевском направлении, а оборону Одессы можно держать до весны 1942-го»^[95].

Приморская армия вместе с частями Одесской военно-морской базы (штаб ОВМБ находился в Одессе на ул. Торговой) составили единый гарнизон осажденного города. Руководство же обороной оставалось двойственным, поскольку командование сухопутными войсками находилось в руках командующего Приморской армией, а морскими силами – в руках командующего Одесской военно-морской базой. Такое двоевластие в момент, когда создалась исключительно тяжелая обстановка, было

нетерпимо. В составе руководства обороны не было ответственных товарищей из обкома и горкома КП(б)У и горсовета, что также затрудняло руководство обороной города.

Положение Приморской армии было не из лучших... Большие потери в личном составе, особенно в командных кадрах, ослабили боеспособность войск. В армии осталось всего несколько исправных танков, не было авиации, подходили к концу запасы снарядов, плохо обстояло дело с минометами и зенитной артиллерией, с ручными и противотанковыми гранатами. На 7 августа силы Приморской армии состояли из 25-й Чапаевской и 95-й Молдавской стрелковых дивизий. 95-я оказалась лучшей дивизией, принявшей на себя главные испытания при обороне Одессы. В Приморскую армию была также включена 1-я кавдивизия; 26-й полк погранвойск НКВД и отдельный погранбатальон; 136-й запасной стрелковый полк, в котором перед отправкой на фронт проходили подготовку призванные по мобилизации военнообязанные жители Одессы; 5 пулеметных батальонов Тираспольского укрепрайона (500 станковых и 321 ручной пулемет). Часть сил армии выводилась в резерв: 54-й полк 25-й стрелковой дивизии и отдельные части 1-й кавдивизии. Основу ПВО города составлял 638-й зенитный артиллерийский полк, имевший пять дивизионов трехбатарейного состава с 85-мм зенитными пушками. Полк прикрывал объекты в 1-м боевом секторе с северного, западного и южного направлений.

Во втором боевом секторе располагался 73-й зенитный артиллерийский полк Черноморского флота, прикрывавший объекты города с восточного направления. 27-й дивизион МЗА (малокалиберной зенитной артиллерии) прикрывал водонасосную станцию, крекинг-завод и нефтебазу. 162-й отдельный зенитный пулеметный батальон совместно с пулеметным батальоном 73-го зенитного артполка был поставлен на оборону штаба Одесского военного округа, вокзала и станций Застава, Товарная и Сортировочная. 6-й отдельный дивизион аэростатов заграждения в ночное время прикрывал город одним отрядом с северного направления, вторым – с южного, а третьим – главнейшие объекты внутри города. 21-й отдельный прожекторный батальон совместно с прожекторной ротой 73-го зенитного артполка создавали световое обеспечение на восточном, юго-восточном и юго-западном направлениях^[96].

Зенитные батареи заняли огневые позиции на площадях и бульварах Одессы. Командный пункт одного подразделения находился, между прочим, на сцене знаменитого Одесского оперного театра. Но в системе ПВО не было предусмотрено оповещения о приближении воздушного противника со стороны моря, а вражеские бомбардировщики часто появлялись именно оттуда. Этот пробел устранили только в августе, когда морское командование выделило пять старых катеров, снабдило их рациями, и катера стали нести противовоздушный дозор. Когда фронт подошел к Днестру, стало плохо с оповещением на суше: система дальних постов ВНОС, развернутых у границы, перестала существовать.

Приморская армия имела в своем распоряжении 69-й истребительный авиаполк. К началу боев за Одессу советская авиация была малочисленной. На аэродромах города кроме 69-го истребительного авиаполка базировались три отдельные авиаэскадрильи ЧФ: лодочные 7-я и 8-я, а также 70-я бомбардировочная. В начале августа 1941-го в районе Одесса – Николаев еще действовала боевая авиагруппа в составе: 8-го истребительного авиаполка (24 И-16), эскадрильи 32-го истребительного авиаполка (7 Як-1), 94-я истребительная эскадрилья (4 И-15бис), штурмовая эскадрилья (6 Ил-2). Существенную поддержку

защитникам Одессы до 13 августа оказывал 9-й истребительный авиаполк (база в Николаеве), а все время обороны – 2-й истребительный авиаполк и 40-й бомбардировочный авиаполк (база в Крыму). По мере продвижения противника на восток старые части вывели из Одессы и Николаева, а их место заняли: 1-я эскадрилья 8-го истребительного авиаполка, 46-я эскадрилья штурмовиков (Ил-2, вооруженные РС-82), а также несколько Як-1 и И-15 из 94-й ОИАЭ^[97].

Генерал Н.И. Крылов вспоминал: «Создалось, помню, ощущение, что тут больше авиационных начальников, чем самой авиации. Был начальник ВВС армии – живой и энергичный комбриг Виктор Петрович Катров, имевший, как положено, свой штаб. В Одессе же находились тогда командование и штаб 21-й смешанной авиадивизии. Но из ее боевого состава в полосе Приморской армии базировался уже только один полк – 69-й истребительный, которым, собственно, и ограничивались военно-воздушные силы комбрига Катрова... А единственный полк истребителей должен был защищать от ударов с воздуха отнюдь не только Одессу. Разбросанные по полевым аэродромам «ястребки» прикрывали отход войск к Днестру и переправы, сопровождали летавшие за Днестр бомбардировщики. Когда севернее Тирасполя противник оказался на левом берегу, истребители 69-го полка понадобились и там – для штурмовки вражеской пехоты»^[98].

Армия имела 375 орудий и минометов (к 20 августа количество орудий и минометов было доведено до 583). 18-й артдивизион располагал 212 орудиями. Еще имелось 35 орудий береговых батарей ЧФ (130-мм, 152-мм, 180-мм, 203-мм), 20 орудий в подвижном дивизионе. Остальная артиллерия находилась в дивизиях и полках. Около 30 стволов насчитывалось в корабельном отряде поддержки. На передний край, занимаемый стрелковыми полками, направлялись артиллерийские наблюдатели, что ускоряло вызов огня при отражении вражеских атак. Каждое артиллерийское подразделение ориентировалось на поддержку всех частей, до чьих участков оно могло «достать»^[99].

Вместе с войсками Приморской армии город защищали моряки Одесской военно-морской базы и пограничных судов. В оперативном отношении Одесская военно-морская база стала подчиняться Приморской армии, оставаясь в общем подчинении флотскому командованию. Моряки участвовали в инженерных работах на подступах к городу, укрепляли подходы береговым батареям ЧФ – перед ними создавались и проволочные заграждения, минные поля. База ЧФ располагала двумя дивизионами стационарных батарей (42-й и 44-й) со 130-мм, 180-мм и 203-мм пушками и одним дивизионом подвижных батарей на механизированной тракторной тяге (40-й) с четырьмя 152-мм пушками и четырьмя счетверенными зенитно-пулеметными установками на грузовиках. В Восточном секторе находились: 12 152-мм гаубиц-пушек и гаубиц, 6 122-мм пушек, 25 122-мм гаубиц, 12 107-мм пушек, 4 76-мм пушки и 31 45-мм пушка, 30 минометов (2 120-мм, 4 107-мм, 13 82-мм, 11 50-мм). Значительную часть артиллерии Восточного сектора составляли орудия 40-го подвижного артдивизиона береговой обороны ЧФ. В его составе было две батареи 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 (724-я и 726-я) – 8 орудий; две батареи (37-я и 38-я) 122-мм пушек А-9, всего 6 орудий, а также 4 45-мм и 3 76-мм пушки. В Западном секторе обороны Одессы находились: 7 152-мм гаубиц-пушек и гаубиц, 13 122-мм гаубиц, 22 76-мм пушки, 34 45-мм пушки и 4 76-мм зенитных орудия, 39 минометов (8 120-мм, 15 82-мм, 16 50-мм). В Южном секторе обороны: 12 152-мм гаубиц-пушек и гаубиц, 29 122-мм гаубиц, 28 76-мм пушек, 40 45-мм пушек 6 76-мм зенитных орудий, а также 71

миномет (30 82-мм и 41 50-мм). Кроме своих одесских батарей (БП-36, БП-37 и БП-38 – 152-мм пушки, перевозимые на тракторах), 40-й дивизион был усилен подвижными батареями Дунайской флотилии (БП-724, БП-725). Они принимали участие в боях во всех секторах обороны города. Эти батареи обычно стреляли с закрытых позиций, но в трудные минуты их выдвигали на открытые позиции, и их огонь прямой наводкой по врагу неоднократно спасал положение на фронте.

Противовоздушная оборона базы ЧФ состояла из полка зенитчиков – 122-й зенитно-артиллерийский полк (12 батарей), вышедшего с Дуная 46-го зенитно-артиллерийского дивизиона Дунайской военной флотилии, прожекторной роты, 10-й роты ВНОС и других мелких подразделений. Основу стационарных батарей составляли старые 203-мм пушки, входившие в состав базы еще в Первую мировую войну и не имевшие бронезащиты. Кроме мощных и дальнобойных 130-мм, 152-мм, 180-мм и 203-мм пушек, батареи располагали дальномерными и вычислительными приборами, прожекторами, зенитными пушками, пулеметными установками и минометами. Наиболее активной оказалась западная батарея – БС-1 42-го артдивизиона, которая располагалась у Сухого лимана (командир старший лейтенант А.И. Денненбург). На 8-й станции Большого Фонтана была размещена батарея БС-39, близ села Лески – БС-21 (командир капитан А.И. Кузнецов). В составе береговой обороны имелись стационарные орудия: 3 203-мм (батарея № 21) на мысе Е, 3 180-мм установки МО-1-180 (батарея № 411) у Большого фонтана, 3 180-мм пушки (батарея № 412) у деревни Чебанка, 3 152-мм пушки (батарея № 9) у Люстдорфа, 3 130-мм пушки (батарея № 39) у Большого фонтана, 6 75-мм пушек (батарея № 6) в порту^[100].

В 1940 г. береговая артиллерия Одесской военно-морской базы получила 411-ю и 412-ю батареи из железобетона с новейшими 180-мм орудиями, установленными в бронированных башнях, способными вести огонь на дистанцию до 42 км. БС-411 находилась в западном пригороде Одессы «дача Ковалевского», а БС-412 в поселке Гвардейское на северо-восток от города. К огневой поддержке сухопутных частей готовились стоявшие на рейде корабли. В начале августа отряд кораблей Одесской военно-морской базы состоял из минного заградителя – старого крейсера «Коминтерн» (спущен на воду в 1902 г.), нескольких, также новых, эсминцев и канонерских лодок. Но уже с 8 августа для защиты Одессы периодически привлекались крейсера «Червона Украина», «Красный Крым», «Красный Кавказ» и значительное число эсминцев. В Одессе дислоцировались 1-й Черноморский отряд погрансудов. Одесской базе была подчинена и 82-я эскадрилья гидросамолетов – «летающие лодки» МБР-2 (экипаж 3 человека) майора Чебанника. Он базировался на морском аэродроме на Хаджибеевском лимане. Там же базировались самолеты 7-го авиаотряда пограничных войск. В начале августа 1941-го под Одессой базировались еще три эскадры гидросамолетов: 7, 70 и 80-я авиации ЧФ. Гидросамолеты сопровождали суда, минирующие вражеские коммуникации, занимались разведкой, использовались для атак по наступающим румынским и германским частям и в качестве легких бомбардировщиков. В боях под Одессой 82-я эскадрилья потеряла 15 машин, и 8 сентября уцелевшие экипажи и гидросамолеты были отправлены в Крым.

План оборонительного строительства на подступах к Одессе и Николаеву был утвержден Военным советом еще 12 июля и с этого момента вступил в силу. По этому плану было решено строить оборонительные рубежи вокруг Одессы в виде концентрических

полуокружностей, упирающихся в берега моря и лиманов. Бюро Одесского обкома 13 июля обязало секретарей райкомов и председателей райисполкомов направлять на фортификационные работы в черте города ежедневно не менее 3 тыс. человек. Окончание этих работ предусматривалось 14 августа. В работах по устройству рубежей приняли участие почти 100 тыс. горожан.

Н.И. Крылов вспоминал: «По первоначальному плану, исходившему от командования Южного фронта, намечались три основных рубежа: в 60, 40 и 20–25 километрах от города. Причем первые два должны были прикрывать, вместе с Одессой, обширную полосу побережья, вплоть до Южного Буга. Фронт обороны на первом рубеже составил бы 225 километров. Расчет, таким образом, делался явно не на две или три дивизии. Такие рубежи мог иметь приморский плацдарм, удерживаемый большой армией, о котором говорили с Г.П. Софроновым в Генштабе. План, однако, оставался в силе...»^[101]

К началу августа больше всего успели сделать на первом рубеже, но уже к 5 августа работы были переориентированы на второй (от Беляевки до Тилигульского лимана) и на третий рубежи, ближайšie к Одессе, на всем их протяжении (примерно 140 км – от села Маяки на западе до Аджиаски на востоке).

Инженерные войска армии (кроме трех отдельных саперных батальонов дивизий – 48, 247 и 105-го) состояли из 82-го отдельного саперного батальона, 44-го и 47-го отдельных моторизованных понтонно-мостовых батальонов, 388-го легкого инженерного батальона и 138-го отдельного саперного батальона. Кроме того, в состав инженерных войск армии входили отряд глубокого бурения, головной инженерный склад, Управление военно-полевого строительства № 5 и Управление комендантов 82-го и 83-го укрепленных районов (5 сентября 1941 г. переформированные соответственно в 82-е и 83-е управления военно-полевого строительства) с восемью рабочими и двумя строительными батальонами^[102].

Передний край главного рубежа проходил через ближайšie к городу села и хутора. Его протяженность по фронту составляла 80 км, а глубина – 3,5 км. Если все оборонительные сооружения главного рубежа вытянуть в одну линию, то длина их составила бы 250 км. Этот рубеж имел 32 батальонных района обороны, ротные и взводные опорные пункты, огневые позиции артиллерии и минометов. К 10 августа было построено 256 деревоземляных, кирпичных и железобетонных огневых точек. В батальонные и ротные районы входило до 1500 окопов различного назначения – на отделение и взвод. Они связывались между собой траншеями и ходами сообщения общей длиной в 42 км. Строя рубежи, советские военные инженеры стремились использовать рельеф местности, естественные преграды, сеть дорог. Район Одессы – слегка всхолмленная, равнинная местность, с уклоном в сторону моря. У морской береговой черты земля вздымается крутыми, обрывистыми валами. Это создает проблемы при обороне – наступающие войска имеют хороший обзор местности и благоприятные условия для маскировки. Обороняющиеся, напротив, не имеют хорошего обзора, а огневая поддержка кораблей не так эффективна, потому что из-за береговых круч не видно прибрежной суши.

В 30 км к юго-западу от Одессы находится Днестровский лиман, который мог стать хорошим рубежом обороны. К самому городу тянутся с севера и с северо-запада Малый и Большой Аджалыкские, Хаджибейский и Куяльницкий лиманы, они могли быть использованы для минимализации фронта, но вместе с тем затрудняли маневренность и

взаимодействие обороняющихся. Передовой рубеж обороны Одессы в инженерном отношении уступал главному, достраивать его приходилось под огнем врага, главным образом по ночам. Противотанковые и противопехотные заграждения не были здесь сплошными и столь мощными, как на главном рубеже. Глубина этой полосы достигала 2,5 км.

Противотанковые сооружения на переднем крае и в глубине обороны были сплошными (состояли из рвов с эскарпами и контрэскарпами – крутыми откосами, обращенными в сторону наступающих или обороняющихся войск, трех-четырёх рядов деревянных надолбов, оплетенных толстой проволокой, ежой из рельсов, мин и фугасов). Глубина рвов достигала 3 м, ширина по верху – 7 м. Рвы простреливались пулеметным и противотанковым огнем. Рвы закладывались в 150–300 м перед опорными пунктами передового рубежа. Планировалось устройство орудийных и пулеметных капониров, позволявших держать под обстрелом любую точку рва. Генерал Г.П. Софронов, учитывая, что у немецких дивизий, наступающих в Причерноморье, танков не было, требовал, чтобы прежде всего отрывались не противотанковые рвы, а стрелковые окопы.

На главном рубеже для устройства противопехотных заграждений применялись колючая и гладкая проволока, спирали, ежи, рогатки, мины. Эти заграждения прокладывались в две-три линии, а на направлениях, где ожидалось основные удары, – в четыре-пять. Там же сосредоточивались блокгаузы с зенитными установками, позиции для пулеметов, камнеметов, минные поля и шрапнельные фугасы (было выставлено более 40 тыс. мин).

На главном рубеже рвы предполагалось не выносить вперед, а включать непосредственно в систему батальонных районов. Опорные пункты сходились на ров, ставя его под обстрел противотанковых орудий и ружейно-пулеметный огонь. Второй рубеж главной линии обороны отстоял от города на 40 км, третий – на 25–30 км, четвертый на 12–13 км от городской черты. К 5 августа было вырыто и оборудовано более 85 км противотанковых рвов, около 21 км эскарпов, 281 окоп для противотанковых орудий, 39 минометных, 483 пулеметных и 1410 стрелковых окопов, почти 39 км ходов сообщений, протянуто около 15 км проволочных заграждений.

Укрепления внутри города составляли баррикады, железобетонные пулеметные точки и опорные пункты в виде крепких домов, превращенных в крепости. Предполагалось использовать трансформаторные будки, каменные заборы, катакомбы, ливневые и канализационные сети. Строительством укреплений занималось три управления военно-полевого строительства (в том числе и 82-го укрепрайона). В распоряжении военных строителей было: около 100 автомашин, 400 подвод, железнодорожные платформы, 5 армейских инженерных батальонов, 20 фортификационно-строительных батальонов, сформированных из местного населения, 12 тыс. жителей города, принимавших участие в оборонных работах. В начале августа был готов и подземный армейский командный пункт, что разместился в подвалах и складах бывшего коньячного завода «Шустов» (помещения КП уходили на три этажа под землю и были неприметны снаружи).

В первых числах августа командование Одесской базы ЧФ из моряков спешно формировало два сухопутных полка (по численности они были ближе к батальонам). В 1-м полку набралось 1300 бойцов, во 2-м – около 700. В эти полки вошли: 4-й добровольческий Севастопольский отряд, курсанты школы младших флотских командиров военно-морской базы ЧФ, 2-я химрота и различные береговые команды и все,

без кого можно было обойтись на кораблях, батареях, постах связи. К 5 августа 1-й морской полк был в основном сформирован в казармах на Заставе, хотя еще не имел ни средств связи, ни инженерных средств, ни артиллерии. 2-й полк предназначался для прикрытия порта.

1-й и 2-й батальоны 1-го морского полка (в каждом батальоне по 450–460 бойцов, 18 пулеметов, 5 минометов, 3 гранатомета, 2 пушки) уже 4 августа заняли свои участки обороны между Большим и Малым Аджалыкскими лиманами, у Чебанки (30 км от города, в 4,5 км к северо-востоку от станции Дофиновка). Бойцы морского полка оборудовали окопы под бомбежками противника. 2-й батальон был еще «сырым» подразделением, состоящим из химической роты ЧФ и добровольцев из береговой артиллерии. 3-й батальон пограничников (800 бойцов, 30 пулеметов) занял крайнюю восточную точку предполагаемой обороны Одессы – село Чебаны. Рядом с моряками оборону заняли бойцы 26-го погранотряда (с 5 августа 26-го пограничного полка НКВД).

Кавалерийская дивизия, которую начал формировать майор Луканов (погиб в конце августа 1941-го под хутором Вакаржаны), к началу августа еще не была полностью укомплектована. Три полка кавалерийской дивизии (3, 5, 7-й) стояли в разных местах и не представляли собой еще единого организма. По воспоминаниям командира 3-го кавалерийского полка дивизии М.П. Лахтаренко, дивизия формировалась из призывников из Кировограда, Днепропетровска, Кривого Рога, Одессы, Донбасса, Измаильской области, на 70 % – вчерашними рабочими и шахтерами^[103].

2 августа в кавдивизию прибыло новое начальство – генерал-майор Иван Ефимович Петров и начальник штаба дивизии – полковник Рябченко (погиб под селом Дальник в сентябре 1941 г.). Интересную характеристику давал генерал Крылов командиру кавдивизии: «Генерал Петров ходил в кавалерийской португее. Он носил пенсне, которое иногда, в минуты волнения, вздрагивало от произвольных движений головы – следствие, как я узнал потом, давнишней контузии. В его облике, манере держаться сочетались черты прирожденного военного и интеллигента... Иван Ефимович принадлежал к людям, сразу располагающим к себе, внушающим не просто уважение, но и чувство симпатии... В юности увлекся живописью и архитектурой, был принят в Строгановское училище», а позднее «вел курс истории военного искусства в местном вечернем отделении академии имени М.В. Фрунзе». Генерал имел «трезвое отношение к опасностям», редкие познания «в области фортификации», «неистошимую потребность в самообразовании»^[104].

Константин Симонов, в дневнике писателя, напишет о И.Е. Петрове: «Одна рука у него после ранения плохо действовала и была в перчатке. В другой он держал хлыстик... Это был высокий рыжеватый человек с умным усталым лицом и резкими, быстрыми движениями... Он был четок, немногословен, корректен, умен... Был человеком во многих отношениях незаурядным... Петров был по характеру человеком решительным, а в критические минуты умел быть жестоким... Контузия, полученная им еще в Гражданскую войну, заставляла его, когда он волновался и особенно когда сердился, вдруг быстро и часто кивать так, словно он подтверждал слова собеседника, хотя обычно в такие минуты все бывало как раз наоборот. Петров мог вспылить и, уж если это случалось, бывал резок до бешенства...»^[105] Г.П. Софронов добавлял, что генерал И.Е. Петров был «осторожным» военачальником, хотя и «стремился подражать Чапаеву».

5 августа генерал Петров приказал 5-му кавалерийскому полку двигаться на совхоз Ильичёвка – Свердлово – Кайры. 3-й кавполк в пешем строю стал прикрытием на дороге на Березовку. Отдельные части формирующейся кавалерийской дивизии приняли бой у станции Раздельной и прошли конным рейдом с запада на северо-восток (150 км), прикрывая отход частей Приморской армии к Одессе, иногда заходя в тыл передовым частям противника. В 5-м кавполку капитана Ф.С. Блинова (комплектовался в Котовских казармах) было много ветеранов Гражданской, уходил этот полк из Одессы на фронт с трубачами во главе колонны, с пулеметными тачанками... Некоторые бойцы были в буденновках, сбереженных с Гражданской войны, да и сам Ф. Блинов в Гражданскую воевал в 1-й Конной.

Маршрут полка пролегал мимо дома Пушкина, свято чтимого одесситами.

Приблизившись к нему, капитан Блинов скоординировал равнение. 5-й кавполк направился в пригородные села на востоке Одессы: Свердлово, Кайры, Петровск. Боевое крещение полк получил 6–7 августа у села Кайры, когда четыре эскадрона полка выдержали бой с передовыми частями конницы противника и танками, которые продвигались по дороге из Петровска на Кайры и Калиновку. Позже кавполк произвел рейд Любополь – Сычавка. Ф. Блинов вспоминал, что в августе к 5-му кавполку численностью в 1200 бойцов (4 эскадрона по 220 сабель, 1 пулеметный эскадрон – 100 штыков и 16 пулеметов) было придано 5 танков Т-34. Полк имел восемь 45-мм пушек и шесть 75-мм пушек^[106].

4–7 августа командование Приморской армии сформировало части «восточной завесы», справедливо считая, что части противника уже 9–10 августа могут выйти в тыл обороны. 7 августа враг прорвал оборону севернее Одессы и устремился к селу Коблево для того, чтобы отрезать Одессу от Большой земли и войти в тыл одесской обороны с восточной стороны. Командование опасалось незащищенности восточного рубежа, поэтому отдельные части кавдивизии были направлены на Сычавку.

Единой группы войск на восточном направлении еще не было, так что защищать восточные позиции были направлены «разнокалиберные» подразделения: части 54-го полка имени Степана Разина 25-й Чапаевской стрелковой дивизии (командир – полковник И.И. Свидницкий), подразделения 1-го полка морской пехоты (командир – майор В.П. Морозов), 26-й полк НКВД (командир – майор А.А. Маловский), два батальона ТУРа, батальон 136-го запасного стрелкового полка, два истребительных батальона ополченцев.

Эти войска заняли уже подготовленные траншеи. Огневую поддержку осуществлял 134-й гаубичный полк и 412-я береговая батарея. Части Восточного сектора обороны возглавил комбриг С.Ф. Монахов (ведавший в штабе Одесского военного округа боевой подготовкой войск), которому была поставлена задача: удержание рубежа Григорьевка–Аджалыкский лиман – Булдынка, южная окраина села Свердлово – Ильинка.

5–7 августа на передний край ушло свыше 2 тыс. одесских добровольцев – народных ополченцев. В последующие дни первого периода обороны в регулярные армейские и флотские подразделения ежедневно вливалось до тысячи добровольцев, прошедших военную подготовку в отрядах народного ополчения. «Оборона такого крупного города на изолированном плацдарме, в тылу у врага, явилась задачей совершенно необычной – память не подсказывала решительно никаких подходящих примеров из прошлого», – писал генерал Н.И. Крылов^[107].

Глава 5 БОИ К ВОСТОКУ ОТ ОДЕССЫ (8 августа – октябрь)

К 8 августа, после расщепления советского фронта на изолированные очаги сопротивления, перестало существовать всякое подобие фронта к северу и востоку от Одессы.

Планомерность отхода войск Южного фронта была нарушена немецким наступлением с севера – от Первомайска и с запада – на стыке 9-й и Приморской армий. Отход войск 9-й и Приморской армий происходил по расходящимся направлениям, стык между ними неуклонно растягивался, чем не преминул воспользоваться противник. Приморская армия отходила на юг, на одесские позиции, а 9-я армия – на восток, на переправы в район Николаева. В то же время 9-я армия не могла спешить с отходом, так как соседняя, 18-я армия еще не успела переправиться через Южный Буг.

Немецко-румынские войска намеревались ударом с севера и запада на Николаев окружить войска 9-й, 18-й и Приморской армий. Понимая перспективу огромной ловушки, командующий Южным фронтом принял решение об отводе 9-й и 18-й армий за Южный Буг. 9-я армия стала спешно отходить от Одессы на рубеж Вознесенск – Ивановка – Березовка с задачей прикрыть Николаевское направление и переправы через Южный Буг. Армия еще пыталась закрепиться на промежуточной линии обороны к северу от Одессы на фронте Большая Врэдиевка – Жовтень. В то же время Приморская армия отходит на рубеж Благоево – Беляевка^[108].

8 августа немецкие войска перерезали шоссе на дорогу Одесса – Николаев, чем завершили окружение Одессы. Связь между 9-й и Приморской армиями была потеряна. 8–9 августа в прорыв к востоку от Одессы ринулись румынская кавбригада, небольшие отряды немецкой мотопехоты с танками, а затем силы 170, 73, 50-й пехдивизий румын.

В критическом положении оказалась 30-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся на левом фланге 9-й армии. По распоряжению командования фронта 8 августа она передавалась из состава 9-й армии в Приморскую армию. Но наступление немцев разобщило части этой дивизии. Небольшая часть войск уже несуществующей дивизии примкнула к правому флангу Приморской армии, а большая часть – к левому флангу 9-й армии. Командиры частей, боясь оказаться в окружении, самостоятельно решили пробиваться в полосу между Приморской, а 9-й армии.

Между реками Ингул и Ингулец сосредоточилась 1-я танковая группа генерала фон Э. Клейста (у Нового Буга – 14-й, у Баштанки – 18-й, у Знаменки – 3-й моторизованные корпуса). 7–8 августа германские войска прорвались в междуречье Южного Буга и Ингула, подойдя к Вознесенску. 18-я армия (остатки 17-го, 55-го стрелковых корпусов) оказалась в соприкосновении с передовыми частями противника (16-й, 9-й танковыми дивизиями 14-го моторизованного корпуса 1-й танковой группы, венгерским подвижным корпусом, румынским горным корпусом). Части 18-й армии не смогли удержать Вознесенск и были вынуждены переправиться на восточный берег Южного Буга. 9 августа по наплавному мосту через Южный Буг, наведенному Дунайской флотилией, в Белоусовку переправились части 96-й горнострелковой дивизии, а у села Дмитровка – 160-я и 130-я стрелковые дивизии, 4-я отдельная артиллерийская бригада 18-й армии. Гитлеровцы бомбили переправы, теснили дивизии с севера, но помешать переправе не смогли.

Серьезные бои проходили у Новой Одессы. Несмотря на угрозу окружения, советские войска сумели выполнить приказ – опередить гитлеровцев в занятии новоодесских фортификационных позиций. Этот рубеж прикрывал прямой и самый короткий путь на Николаев с севера. Городок Новая Одесса переходил из рук в руки, обе стороны несли большие потери, но бои у Новой Одессы обеспечили выход из окружения частей 18-й армии. У Новой Одессы держали оборону группа 18-го мехкорпуса генерала П.В. Волоха, 2-й кавкорпус генерала А.П. Белова, 96-я горнострелковая дивизия, два батальона курсантов Одесского пехотного училища во главе с его начальником полковником Г.И. Шерстневым, сводный отряд подполковника Н.Е. Петухова (2000 бойцов – штабные команды, пограничники, ремонтные подразделения, Новоодесский коммунистический батальон), отдельный рабочий батальон (600 штыков), 308-й зенитный дивизион. Одесские «красные юнкера» приняли бой с выброшенным у Ольгополя гитлеровским десантом, а под Братском уничтожили 11 танков противника. При отступлении на Еланец три машины с курсантами попали в засаду. В бою героически пали более 200 курсантов. Тогда же погибла и рота политбойцов 130-й стрелковой дивизии – «отряд комиссаров», – которая приняла бой с колонной вражеской мотопехоты и танков. 10 августа немцы, рассекая советские части, были уже в 60 км восточнее Вознесенска, в глубоком тылу Южного фронта, создавая большую опасность Николаеву с севера^[109].

9-й армии пришлось отражать удары трех армейских корпусов немецкой 11-й армии (8 дивизий) с востока, а с севера – вести борьбу с 48-м немецким мехкорпусом и венгерскими корпусами, стремившимися отрезать пути отхода. 10–12 августа 74-я стрелковая дивизия 9-й армии вела бои за станцию Колосовка и село Веселиново. Штаб 9-й армии спешно эвакуировался в с. Каменка, а потом окружным путем – под Николаев. Главные силы армии заняли позиции от Трихат до Березанского лимана. Вместе с частями 9-й армии в Западном секторе обороны Николаева сражалась Николаевская истребительная дивизия ополчения, пулеметная рота Дунайской военной флотилии, две зенитные батареи. 13 августа основные силы 9-й армии оказались окруженными к западу от Николаева. Противник планомерно уничтожал окруженные и разрозненные группы Южного фронта. Так, 74-я стрелковая дивизия 9-й армии была практически разгромлена. Откатившись от Днестра в район Ананьева, она имела в своем составе не более 300 человек.

10 августа передовые части румынской армии достигли реки Южный Буг, а немецкие части замкнули в районе Березовки еще одно кольцо локального окружения. Очевидец вспоминал: «Нас упорно не пускают на восток! Впереди ежечасно возникают артбатареи немцев на прямой наводке и бьют в лоб. Это прекрасный метод войны: сами немцы потерь не несут, а нас без труда уничтожают... Начался интенсивный обстрел села по площадям. Картина уничтожения обоза артиллеристов не изгладится из памяти. Каждый снаряд находил свою цель – так плотно была забита повозками улица села. В воздух летели куски лошадей и части человеческих тел. Все, что происходило, было страшным даже для нас, повидавших к тому времени немало смертей... Повозки артиллеристов вообще не могли покинуть село. Они стояли так плотно, что им было не выбраться из месива лошадей и людей»^[110].

11 августа немецко-румынские войска захватили Ивановку и Коминтерново. Остатки советских стрелковых дивизий, понеся большие потери, отошли на восток, в направлении

Жовтень. 10–13 августа войска 5-го корпуса 4-й румынской армии (15-я пехотная дивизия, 1-я кавбригада, 1-й танковый полк 1-й танковой дивизии) и части 72-й немецкой пехотной дивизии сломили сопротивление разрозненных частей 30-й и 150-й советских стрелковых дивизий и вышли к побережью Черного моря восточнее Тилигульского лимана (в районе Сычавка – Рыбаковка), отрезав Одессу с суши от основных сил Южного фронта и от «большой» советской земли. Район к востоку от Одессы перешел под контроль 4-й румынской армии (отдельные подразделения 72-й пехотной дивизии вермахта еще две недели после этого поддерживали румынские войска в боях к востоку от Одессы). Приморская армия оказалась изолирована от других армий Южного фронта. С этого момента связь с Одессой была только по морю и воздуху.

Южного фронта к 8 августа уже не было, а существовали разрозненные неуправляемые вооруженные группы. В то же время, совсем не зная реальной оперативной ситуации, советская Ставка настойчиво приказывала Южному фронту занять и удерживать линию обороны: восточный берег Днестровского лимана – Беляевка – Березовка – Вознесенск – Кировоград. Хотя Сталин и указывал на возможность создания более восточной оборонительной линии: Херсон – Каховка – Кривой Рог – Кременчуг, 8–12 августа он был еще против отхода Южного фронта на этот рубеж.

Сталин надеялся, что советские войска удержат за собой, хотя бы временно, промышленные районы Причерноморья и эвакуируют их промышленные мощности. Ставка провоцировала немцев развернуть танковый удар на юг и, таким образом, рассеять свои силы. Ставка «подыгрывала» немцам, подставляя свои фланги, для того чтобы хоть как-то ослабить давление на рубеже Днепра. Такое решение диктовало господство на Черном море, ведь ЧФ можно было использовать для вывода соединений Южного фронта из-под удара и из окружения.

В то же время Военный совет Южного фронта 8 августа сообщал С. М. Буденному: «Первое. Сложившаяся обстановка на фронте в результате шестинедельных непрерывных ожесточенных боев с численно превосходящим противником, измотанность, усталость и исключительно большие потери действующих частей приводят к выводу о невозможности в дальнейшем прочно удерживать рубеж Чигирин, Кировоград, Вознесенск, Березовка, Беляевка... в) в целях удержания районов Одесса и Николаев прочно оборонять войсками Приморской, 18 и 9 армий заранее подготовленный рубеж Снигиревка, Пески, Березовка, Кучурганский лиман; последующий рубеж Новая Софиевка, Михайловка, Петровское, Беляевка. Для сокращения фронта построить позицию Кривой Рог, Пески, включив ее в общую систему передовой позиции. Непосредственно Одессу и Николаев прикрыть, кроме того, круговой обороной во взаимодействии с Черноморским флотом и береговой обороной»^[111].

Немецкое командование опрометчиво «заглохнуло наживку» советской Ставки, приказав моторизованным частям 11-й армии прорваться к Южному Бугу в район Вознесенска и выйти к побережью Черного моря по левому берегу Ингула, отрезав три советские армии. 1-я танковая группа должна была прорваться через Кировоград на Александрию, а три моторизованных соединения 12-го армейского корпуса должны были наступать на Николаев.

Военный совет Южного фронта взывал к главкому Юго-Западного направления: «Обстановка на фронте в течение 10–11.8 резко изменилась, создалась прямая угроза не только Николаеву и Одессе, но угроза окружения армиям, их обороняющим... 18-я армия с подчиненным ей Одесским пехотным училищем с трудом удерживают рубеж колхоз Новая Полтавка, Пески, Новая Одесса, имея против себя превосходящие силы противника с танками... 9-я армия с утра 11.8, атакованная с направления Демидово, Березовка, своими левофланговыми 30-й и 51-й сд начала быстро откатываться на юго-восток, прижимаясь к Бугскому лиману и реке Южный Буг... Против 9-й армии действует три ак, из них два немецких и конный корпус румын... В таких условиях дальнейшая оборона Николаева может закончиться большой катастрофой – потерей 18-й и 9-й армий, которые могут быть прижаты к морю с преграждением им путей отхода на рубеже р. Ингулец».

Однако и 11–13 августа разрешения на отвод войск Южного фронта получено не было. Командование Юго-Западного направления молило Ставку разрешить отход войск Южного фронта хотя бы на рубеж реки Ингулец. Но Сталин направил командованию Юго-Западного направления грозную телеграмму: «Николаев сдавать нельзя. Нужно принять все меры к эвакуации Николаева и, в случае необходимости, организовать взрыв верфей и заводов. Ни авиацией, ни стрелковыми дивизиями Ставка в настоящий момент помочь не может. Если обяжет обстановка, можете взять сами на себя дело отвода частей и организации обороны». Ставка не могла дать приказ на оставление Николаева без эвакуации оборудования и кораблей одной из крупнейших в СССР судовой верфей^[112].

12 августа в Ставку ушло ходатайство Военного совета Южного фронта об отводе войск на фронт реки Ингулец. С.М. Буденный требовал у Ставки: «Для обеспечения отхода и предотвращения катастрофы... усилить Южный фронт двумя бомбардировочными полками, двумя истребительными полками авиации и начать срочную переброску на линию Днепропетровск, Запорожье, Мелитополь шести стрелковых дивизий и трех танковых батальонов из резерва Верховного командования».

Отдельные части 18-й армии начали отход в сторону Снигиревки, а части Дунайской флотилии отступили по шоссе к Херсону. Части 2-го кавкорпуса вышли на левый берег Буга, прикрыв направление на Николаев. Попытки небольших танковых сил противника прорваться на юг отражались артиллеристами кавкорпуса. На усиление корпуса из Николаева прибыл кавполк Плоткина из добровольцев – старых кавалеристов – участников Гражданской войны (сформирован по указанию ЦК КП(б)У и члена Военного совета Юго-Западного направления Н. Хрущева).

2-й кавкорпус получил задачу по прикрытию правого фланга 18-й армии. Части 9-й Крымской кавалерийской дивизии заняли оборону на подступах к Николаеву, части 5-й кавалерийской дивизии столкнулись у Нового Буга с моторизованной колонной немецких войск.

Командующий Южным фронтом вспоминал: «Мы правильно оценили обстановку, учтя при этом, что немцы, хотя и являются большими любителями фланговых ударов и маневров, сами весьма чувствительны к угрозам с флангов. Создать такую угрозу мог только 2-й кавалерийский корпус, втянутый в бой под Вознесенском. Мы решили перебросить его в район Нового Буга. К 12 августа кавалеристы вошли в этот район и

нанесли чувствительный удар по хвосту одной из колонн танковой дивизии гитлеровцев, выдвигавшейся из района Вознесенска на Кривой Рог»^[113].

Немецким войскам удалось прорваться с севера на восточный берег Ингула, отрезав пути отхода 9-й и 18-й армиям. 10–14 августа были самыми сложными для советских войск. Штаб фронта, рассматривая действия генералов Черевиченко и Смирнова как неумелые и паникерские, предлагал остатки 9-й и 18-й армий объединить в руках генерала Чибисова, «для обеспечения по выводу из окружения». К востоку от Николаева отходящим войскам 9-й армии грозила катастрофа в случае невозможности переправиться через Бугский лиман или перехвата противником переправ. С 12 по 14 августа войска 18-й армии переправились через реку Ингул, а войска 9-й армии – через лиман Южного Буга. Части 9-й армии сумели удержать небольшую предмостную позицию и переправить на восточный берег лимана по единственному наплавному мосту протяжением около 2 км людей и технику.

Фашистская авиация бомбила Варваровский мост, гитлеровцы попытались захватить мост с помощью парашютного десанта, но им помешали истребители Дунайской флотилии и 20-й авиадивизии. Войска 9-й армии переправлялись также на кораблях речной флотилии, лодках, плотках, баржах, плавучем доке. Отход войск прикрывали суда Дунайской флотилии, что выдвинулась из Одессы в низовья Южного Буга. Им было приказано прикрыть переправу 9-й и 18-й армий в районе Белоусовка – Ново-Троицкое. Монитор флотилии «Ударный» и два бронекатера пошли вверх по Южному Бугу для нанесения удара по танкам противника в Вознесенске. Они заняли огневую позицию в 7 км от Вознесенска и начали стрелять по городу. Эта стрельба совместно с налетом 96-й авиаэскадрильи вызвала панику у противника (по советским донесениям, 10 танков и 2 орудия противника были уничтожены)^[114].

Когда враг оказался в 70 км от Николаева, Наркомсудпром направил в город директиву о необходимости срочного вывоза в глубь страны наиболее ценного оборудования николаевских заводов. 10 августа были созданы три сектора обороны Николаева: северный (Матвеевка – Ингульский мост); восточный (Мешково – Широкая Балка) и западный (Варваровский мост – переправа Радсад). 11 августа немцам удалось прорваться к Николаеву, и их артиллерия начала обстрел сел Варваровка и Николаева. Положение Николаева стало критическим. 12 августа немецкие танки обошли Николаев с северо-востока, со стороны железнодорожной станции Водопой и перерезали железную дорогу и все дороги, ведущие к Херсону. Немецкая разведка в составе двух танков подошла к селу Киселевка, но у одного из танков мотор заглох. Группа моряков, оборонявших Николаев, сумела в бою сжечь вражеские танки и взять в плен танкистов. Поначалу немецкое командование не решилось бросить крупные силы на Николаев, опасалось крупных советских резервов.

Прибыв в Николаев, вице-адмирал Г.И. Левченко с удивлением узнал, что у контр-адмирала И.Д. Кулишова (командира Николаевской базы ВМФ) не налажена постоянная связь со штабом Южного фронта, который находился в Николаеве. Контр-адмирал Кулишов имел отдаленное представление о положении на фронте и не думал брать на себя ответственность за эвакуацию складов оружия, боеприпасов и продовольствия Южного фронта, располагавшихся в Николаеве.

Вице-адмирал Левченко приказал И.Д. Кулишову немедленно сформировать из береговых служб полк морской пехоты, свернуть стройку командного пункта, а освободившихся людей бросить на погрузку запасов на транспортные суда, организовать вывоз военных запасов в Одессу и Севастополь. Сам Левченко остался в Николаеве помогать Тюленеву координировать действия армии, ЧФ и Дунайской флотилии^[115].

Николаев защищали войска Николаевской военно-морской базы и участок ПВО: 122-й зенитно-артиллерийский полк, 9-й истребительный авиаполк (70 самолетов); флотский полуэкипаж, отдельный дивизион подводных лодок и сторожевых кораблей, группа строящихся кораблей, рота охраны базы, отдельная стрелковая рота, 10-я и 76-я роты, дивизион тральщиков. Моряки строящихся кораблей были сведены в полк морской пехоты (700 человек) капитана 2-го ранга А.Ф. Студеничникова. Под начало Кулишова попали некоторые корабли Дунайской военной флотилии. Всего база располагала 7 тыс. военных моряков. К базе «прибыли» и другие части: рота курсантов Одесского пехотного училища, два батальона НКВД, Снигиревская бригада милиции, Новоодесский коммунистический батальон, 13 тыс. местных жителей, которые вступили в народное ополчение – Николаевскую истребительную дивизию.

Николаевская военно-морская база не получала от фронтового командования информации об обстановке на фронте. Хотя база перешла в подчинение штабу Южного фронта, «координации действий между командованием базы и штабом фронта установлено не было». Вскоре база перешла в подчинение штаба 9-й армии, но в этом штабе после ухода из Николаева штаба фронта «царил разброд и неразбериха... Штаб армии оказался бессильным взять в руки управление войсками»^[116]. Утром 13 августа положение резко осложнилось. Части 22-й пехотной дивизии вермахта вели бой на рубеже Веселый Кут – Нечаянное, а с запада на город наступали части 11-й немецкой армии. Выдвинутые на реке Ингулец вновь сформированные две дивизии и несколько отрядов были растянуты на широком фронте, не могли противостоять напору немецких танков. Фронт легко прорывался, отдельные части окружались и уничтожались. В село Грейгово ворвалась 16-я танковая дивизия немцев и мотодивизия «Адольф Гитлер». На восточной окраине Николаева у «Полигона», со стороны Херсона, показалась колонна немецких танков. Они пытались прорваться к центру города, но были отбиты огнем батареи зенитных орудий 122-го артиллерийского морского полка и авиации. База ВМФ в Николаеве, в отличие от Одессы, не имела своей береговой артиллерии и не могла помочь войскам артиллерийским огнем.

Но Ставка медлила с отходом, считая, что немецкие войска должны «завязнуть» на Южном направлении и оттянуть как можно больше своих войск в район Одесса – Херсон. 12 августа Ставка приказала удерживать Николаев «во что бы то ни стало». Только когда основные силы 9-й и 18-й армий со всеми тылами оказались окруженными в районе Николаева, 14 августа 1941 г. было принято решение оставить Николаев и прорываться в сторону Херсона.

13 августа в 17 ч. 30 мин. командующий войсками Южного фронта приказал: «Командармам 18 и 9: продолжая выполнять задачу по отходу на новый оборонительный рубеж р. Ингулец – организовать противотанковую оборону рубежа р. Ингул и Николаев с востока, используя в первую очередь противотанковую артиллерию, авиацию и отряды истребителей танков (с бутылками); подготовить контратаку для отрезания и уничтожения

прорвавшихся мотомехчастей противника. Атаки производить главным образом ночью, после тщательной разведки»^[117].

Николаев спешно эвакуируется. Из Николаева и Одессы, в середине августа 1941-го, были выведены четыре плавдока, четыре плавкрана, корпуса двух строящихся крейсеров, двух эсминцев... На них было вывезено большое количество оборудования и имущества судостроительных и судоремонтных заводов. Корпуса недостроенных кораблей загрузили оборудованием и ценными материалами, поместили на них работников заводов с семьями. Были взорваны стапеля и цеха судостроительных заводов, три подлодки. Однако для уничтожения всех верфей уже не было ни времени, ни взрывчатки.

Штаб Южного фронта перешел из осажденного Николаева в Берислав, а 14 августа командующий Южным фронтом самолетом прибыл в окруженный Николаев и лично руководил эвакуацией и действиями оставшихся в городе войск. Генерал Тюленев вспоминал: «В Николаеве я тотчас же созвал совещание высшего командного состава, чтобы вместе с членами военных советов армий и командирами корпусов обсудить создавшуюся угрожающую обстановку, принять решительные меры по ликвидации прорыва войск противника. План, предложенный на этом совещании, был прост: при поддержке и под прикрытием артиллерийского и минометного огня на рассвете контратаковать немцев. В наступающих боевых порядках будет находиться артиллерия, которая с ходу развернется и откроет массированный огонь по фашистским танкам»^[118].

Генерал А. К. Смирнов предложил прорываться ночью в двух направлениях – на села Грейгово и Киселевка с последующим выходом к Снигиревке, откуда навстречу войскам 18-й армии наступали части Резервной армии... (Резервная армия генерала Чибисова создана на Днепропетровщине, 5 августа передана Южному фронту.) На совещании генералы высказались за то, чтобы самим идти в первом эшелоне, лично возглавить прорыв войск. В ночь на 15 августа советские войска начали пробиваться из Николаевского котла, отбросив противника за линию железной дороги. 96-я горнострелковая дивизия полковника И.М. Шепетова, находясь в авангарде частей 18-й армии, на рубеже Грейгово нанесла неожиданный для противника удар в ночном бою, глубоко вклинилась в расположение частей 16-й немецкой мотодивизии, совершила прорыв кольца окружения, обеспечив выход частей в направлении Снигиревки. В боях за Грейгово участвовало до 4 тыс. советских бойцов. Заняв позиции фронтом на север, 96-я дивизия создала коридор, по которому выходили из окружения другие части 18-й армии. Южнее, где прорывались войска 9-й армии, основным удар по 16-й танковой дивизии немцев нанесли соединения 48-го стрелкового корпуса генерала Р.Я. Малиновского. Они захватили и уничтожили 30 немецких танков, 35 орудий и минометов, 10 автомашин. В районе Грейгово для прикрытия советских войск был оставлен 155-й горнострелковый полк полковника И. Рамальцева 96-й горнострелковой дивизии. Воины этого полка стояли насмерть на боевых позициях, погибли почти все, но боевые задачи выполнили с честью.

Советское командование приказало отступавшим частям создать передовую позицию обороны на рубеже Ингулец (Кривой Рог – Херсон) силами 5-й стрелковой и 2-й кавалерийской дивизий. Войска 18-й и 9-й армий самостоятельно прокладывали себе дорогу на восток, воспользовавшись тем, что сплошного фронта у противника не было. Выходу советских войск из полуокружения содействовала ударом с востока (из района Снигиревки) 296-я стрелковая дивизия Резервной армии, курсанты Одесского пехотного

училища, бригада милиции, спецчасти 169-й стрелковой дивизии. К исходу 16 августа войска прорыва и деблокирования соединились. Грейговский прорыв стал первым успешным прорывом окруженной фашистами группы войск в истории Второй мировой войны. В бою под Грейгом было уничтожено 475 немецких солдат и офицеров, более 100 машин, 13 минометов, 16 пулеметов и 6 орудий. 9-я армия 15–16 августа прорывалась из окружения и к утру 17 августа вышла на восточный берег Ингульца севернее Херсона. В ночь на 17 августа, оторвавшись от вражеского преследования, войска 18-й армии и 2-го кавкорпуса переправлялись через Ингулец.

Успеху выхода из окружения способствовало то, что на Николаевском направлении в одиночестве действовала только одна 16-я немецкая танковая дивизия. Дивизия генерала Ганса Валентина Хубе не могла поставить прочный заслон на пути отхода двух советских армий – советские стрелковые части просачивались через разреженные порядки танкового клина. Николаевскому прорыву советских войск также способствовал перенос основных усилий противника на Криворожско-Днепропетровское направление, где с 14 августа начались бои за Днепропетровск.

На рассвете 16 августа немецкие войска без боя вошли в оставленный советскими войсками Николаев, а уже 18 августа в город на самолете прибыл Гитлер и высшее немецкое командование. Гитлеру доложили о полном разгроме Южного фронта. Через день после посещения Николаева фюрер вместе с итальянским дуче Муссолини принимал парад немецко-итальянских войск в Первомайске (19 августа). Еще 6 августа 1941-го Гитлер побывал на совещании в штабе группы армий «Юг» в Бердичеве и на торжественном приеме в честь маршала Антонеску, который был награжден немецким Рыцарским крестом. В августе 1941-го Гитлера стал интересовать юг Украины (особенно Донецко-Криворожский бассейн с его запасами цветных металлов и железной руды), а проблематика похода на Москву была отодвинута на второй план успехами немецких войск у Николаева и Кривого Рога. План советской Ставки по отвлечению немецких сил с Московского направления сработал.

17 августа главком Юго-Западного направления санкционировал отвод войск Южного фронта за Днепр с целью организации прочной обороны на рубеже этой крупной водной преграды. На участке от Никополя до Херсона ширина Днепра была около полутора километров. На помощь войскам пришли суда Днепровского речного пароходства. Баржи, плавучие пристани быстро приспособлялись под паромы, все, что могло использоваться для переправы, было мобилизовано. Были построены три паромные переправы: для 2-го кавкорпуса – у Нижнего Рогачика, для 18-й армии – у Кочкаровки; для 9-й армии – у Кайры. За 18–22 августа советскому командованию удалось переправить основную массу войск на восточный берег Днепра. Серьезных налетов авиации противника на всем фронте переправы 18-й и 9-й армий в эти дни не было.

Но были другие трудности... Правда, созданные советской властью. 18 августа окрестности Запорожья огласили взрыв огромной силы – была взорвана плотина Днепрогэса. Взрыв плотины резко поднял уровень воды в нижнем течении Днепра, где в это время шла переправа отходивших войск. Во время затопления островов и берегов Днепра погибло несколько тысяч советских солдат и местных жителей.

19–20 августа советские войска пытались провести контрнаступление к западу от Запорожья. Но оно окончилось катастрофой для советской Резервной армии. Потери наступающих в танках оценивались как «опустошительные». Стрелковые дивизии в контрударе задействованы не были, и это предопределило результат боев. В неудачах советских войск прослеживалось абсолютное военное невежество командарма Резервной генерала Чибисова, который своевременно не направил в наступление пехоту. Уже 19 августа немецко-румынские части захватили Кривой Рог, а 25 августа советские войска оставили Днепропетровск.

Генерал Черевиченко – ретроград уровня унтер-офицера и недалекий человек – даже не постарался закрепить свою армию на рубеже Днепра. В результате отвода двух третей сил 9-й армии от Днепра противник легко переправился через Днепр и уже в августе 1941-го создал Каховский плацдарм, который позже использовался для овладения Северной Таврией и Крымом.

Благодаря отчаянному сопротивлению советских воинов наступление группы Клейста было приостановлено и эта группа так и не смогла завершить полное окружение и уничтожение Южного фронта. Часть советских войск смогла отступить за Днепр. Из окружения вырвались до 11 тыс. бойцов Южного фронта, до 1 тыс. автомашин. Кроме того, разрозненные группы советских войск (до 4 тыс. бойцов) продолжали пробиваться сквозь немецкие и румынские войска вплоть до 18 августа.

Советские войска, спешно отступая из Николаева, «позабыли» о соседнем Херсоне. Войска 9-й армии, что была наиболее близка к городу, прорвали немецкое окружение севернее Херсона и вышли к Днепру у Береслава. Командование армии не выполнило приказ выделить для обороны Херсона 296-ю стрелковую дивизию. Оборону Херсона возглавил командующий Дунайской флотилией контр-адмирал Н.О. Абрамов (в Херсоне сухопутных войск не было). Дунайской флотилии (3 монитора, 16 бронекатеров, вспомогательные суда) было приказано оборонять участок фронта от села Казачьи Лагери до выхода в море из Днепровского лимана, удерживая Херсон и обеспечивая переправу частей Краевой армии через Днепр. Штаб обороны города находился на мониторе «Ударный». В это же время по Днепру к Херсону спустились 1 монитор, 2 буксира, речной танкер и до 300 днепровских речных судов, которые стремились прорваться в Крым или на Дон. Три бронекатера и батарея 46-го отдельного зенитного артполка прикрывали переправу через Днепр у Антоновки, по которой уходили войска 18-й армии.

Еще 5 августа 1941-го началась эвакуация заводов и фабрик из Херсона, а в город прекратили подвоз продовольствия. К 14 августа эвакуация Херсона была уже завершена, и казалось, что в городе уже не осталось советской власти. Очевидец вспоминает: «Сотрудники райкома партии, милиции и службы госбезопасности из города еще не выехали, но за порядком уже никто не следил. Население начало грабить магазины, склады и квартиры, хозяева которых эвакуировались. По улицам тащили мешки с вещами. На тачках везли комоды, шкафы и прочую мебель. По улицам ветер носил кучи бумаг. Пролетевший над центром города немецкий самолет сбросил несколько бомб. В г. Херсон царили анархия, произвол»^[119].

16 августа сухопутные части Дунайской флотилии отбили первую попытку немецких мотоциклистов прорваться к Херсону. Утром 17 августа началось массированное наступление немецких войск на Херсон. Части советской морской пехоты сумели отбить

несколько атак фашистов, в чем им помогла артиллерия кораблей Дунайской флотилии. Корабли били навесным огнем по наступающим колоннам фашистов. 18 августа с артиллерийского и минометного огня по позициям морских пехотинцев гитлеровцы начали новый штурм Херсона. Но бойцы выдержали новую атаку. Во второй половине дня через отдаленный район аэродрома в Херсон ворвались вражеские танки и пехота. С ходу взяв вокзал, немцы устремились в район порта, отрезав фронтовые части от главных сил. Морякам удалось отойти с фронтовых позиций и пробиться в центр Херсона, к Днепру. Бои на улицах Херсона превратились в подобие слоеного пирога... Улицы, где только что прошли немецкие танки, захватывали моряки, а спустя пять минут – немецкие солдаты. Немецкие танки, заняв позиции на улице Ленина, откуда порт полностью просматривался, расстреливали прямой наводкой стоявшие под погрузкой пароходы и баржи.

Моряки и солдаты местного гарнизона, во главе с комендантом города капитан-лейтенантом К. Балакиревым, превратили элеватор в главный узел обороны, который удерживался бойцами пять часов. Со стороны Днепра этот узел обороны поддерживал своим огнем минный заградитель «Колхозник» и катер-глизсер. В бой с немецкими танками вступили пять советских бронекатеров, которые вели огонь прямой наводкой по танкам. К восьми вечера Херсон оказался под завесой дыма – в центре горели дома и заводы, в порту – подожженные отступавшими моряками склады продовольствия, обмундирования и боеприпасов.

Командование ввело в бой последний резерв – два бронекатера флотилии капитан-лейтенанта И.К. Кубышкина. Эти бронекатера прорвались к портовым причалам, чтобы эвакуировать сухопутные части флотилии на левый берег Днепра. Бронекатера открыли артиллерийский огонь по немецким танкам, но и танки не остались в долгу, потопив штабной корабль флотилии «Буг», бронекатер БКА-201 и пароход «Ленин», на котором находились женщины, дети и раненые.

18 августа монитор и канонерские лодки вели интенсивный огонь по танкам и пехоте гитлеровцев. Советские подразделения, отбиваясь от наседавшего врага, переправлялись на кораблях и плавсредствах на левый берег Днепра. Только к полудню 19 августа Херсон полностью был занят противником. Командование получило приказ об оставлении города. Дальнейшая оборона города стала невозможной.

Заняв Херсон, гитлеровцы пытались на лодках пересечь Днепр, навести переправы и перебраться на левый берег реки. Бронекатера Дунайской флотилии пресекали эти попытки. 19 августа Дунайская флотилия отошла от Херсона и заняла позиции на левом берегу Днепра от Цюрупинска до Збурьевки. В протоке Ольховый Днепр укрылись корабли флотилии и многочисленные гражданские суда с эвакуированными. Корабли флотилии производили ночные налеты по Днепру, обстреливая позиции противника в Херсоне. Часть речных советских судов была взорвана своими экипажами, а другие вместе с экипажами и пассажирами погибли от ударов авиации или артиллерии противника, когда пытались прорваться из Днепра в Черное море. 9-я армия переправилась и заняла оборону по Днепру от Горностаевки до Збурьевки и далее на запад до Ягорлыкского залива.

Успешно проведя августовскую наступательную операцию, фашисты и не представляли, что на их пути на восток мощной стеной встанет Очаковский укрепленный сектор береговой обороны Одесской военно-морской базы ЧФ. В Советской военной энциклопедии (1971 г.) ошибочно указано, что Очаков был оккупирован в июле 1941 г. Героическая оборона Очакова почему-то не нашла своего отражения ни в Советской военной энциклопедии, ни в «Истории Одесского военного округа», ни в многотомной «Истории СССР», ни в БСЭ...

В то же время героические бои за Очаковский укрепрайон (Очаков, острова: Березань, Первомайский, Тендра) были составной частью обороны Одессы. Уцелевшие защитники Очаковского укрепрайона позже были награждены медалями «За оборону Одессы». Очаковский укрепрайон имел важное стратегическое значение – он удерживал контроль над Днепро-Бугским лиманом, устьем Днепра, портами Херсон и Николаев. Защитники этого района обеспечивали оборону Одессы – защищая караваны судов, что шли по маршруту Севастополь – Одесса. Очаковский укрепрайон прикрывал собой южную «дорогу жизни», по которой в осажденную врагом Одессу шли продовольствие, боеприпасы, вооружение, а из Одессы происходила эвакуация населения и раненых.

5 августа, когда немецкие войска были еще далеко от Очакова, нарком ВМФ радировал в Очаков: «Если не окажется войск Красной армии – принять бой и самостоятельно сражаться до последнего снаряда». 6 августа в Очаков прибыл представитель Ставки Верховного главнокомандующего, заместитель наркома ВМФ адмирал Г.И. Левченко, который приказал очаковцам не допустить сдачи города и прорыва фашистов через Очаков в Северную Таврию и Крым.

12 августа Очаковский укрепленный сектор, по распоряжению вице-адмирала Г.И. Левченко (Левченко на катере прибыл в Очаков), был выведен из подчинения Одесской военно-морской базы в самостоятельное объединение (с 24 августа 1941 г. он носил название Тендравский боевой участок) и стал подчиняться непосредственно командующему Черноморским флотом. Первоначально линия обороны к востоку от Одессы начиналась по левобережью Днепро-Бугского лимана, включая Очаков, Березань и Первомайский, по Днепровскому лиману до Каховки, по Северной Таврии до Алешек и Скадовска (380 км).

Упорные и кровопролитные бои за очаковско-тендравский укрепрайон проходили с 12 августа по конец октября 1941 г. Части немецкой 50-й пехотной дивизии, захватив Анчекрак, пытались с ходу взять Очаков. Крепость Очаков по силе боевой мощи была второй на Черном море, после Севастополя. На защиту города выступило все население. За короткий срок очаковцы соорудили две мощные линии обороны, вырыли противотанковые рвы. Первой линией обороны стал двенадцатикилометровый противотанковый ров между Днепро-Бугским и Березанским лиманами, десятки километров траншей, сотни пулеметных гнезд.

Очаков защищали: остатки 51-й стрелковой дивизии 9-й армии генерал-майора П.Г. Цирюльника (рубеж Очаков – Парутино), 141-й саперный батальон, Очаковский истребительный батальон добровольцев (ополчение), отдельная саперная рота, сводный отряд 2-й базы торпедных катеров, отдельный погранотряд погранкомендатуры, сводный морской отряд Алексеенко, батальон морской пехоты, части 45-й авиабазы, гарнизон крепости, матросы Военпорта, охрана водного района, бойцы электростанции, госпиталя,

службы тыла – всего до 4 тыс. бойцов. Все части подчинялись командиру Очаковской крепости майору П.З. Базилевичу, начальники штаба – майору И.Р. Хвескевичу, батальонному комиссару Г.Н. Вишневному^[120]. Первый секретарь Очаковского райкома партии П.Е. Назаренко сумел сплотить коммунистов города для эффективной обороны.

К этому «сухопутному» числу защитников необходимо прибавить мощь обороны на море и в воздухе: 2-я бригада торпедных катеров (30 катеров и их база, командир А.А. Мельников), дивизион канонерских лодок и рейдовых катеров, корабли минной партии, 30 сейнеров рыболовецкой флотилии, что стали военными судами...

Торпедные катера из Очаковской базы успешно воевали под Одессой, ставя минные заграждения и оказывая огневую поддержку обороняющейся советской пехоте. По заданию командования ночью эти катера пробирались к одесскому берегу, включали прожектора и имитировали десант, таким образом дезорганизуя румынские войска и вызывая огонь на себя. Кроме того, команды катеров по огню противника определяли расположение вражеских батарей и давали указания крейсерам для подавления вражеских батарей морской артиллерией.

Крепость Очаков прикрывали: 14-й артдивизион (2 крепостные и 2 противокатерные батареи), 6 батарей 70-мм пушек и 2-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион (86, 87, 88, 89-я зенитные батареи). С воздуха Очаковский укрепрайон защищали летчики 29-й авиабазы и 9-го авиаполка истребителей ВВС ЧФ, 45-й авиабазы и 119-й полк морских бомбардировщиков-разведчиков ВВС ЧФ. Советские войска поддерживали огнем канонерская лодка «Красная Армения», мониторы «Ударный» и «Железняков». Береговая батарея № 15, расположенная к северо-западу от Очакова на правом берегу Днепро-Бугского лимана (4 203-мм орудия). При взаимодействии с береговой батареей № 22 на острове Первомайском она способна была осуществлять прикрытие Очакова и всей акватории Днепро-Бугского лимана^[121].

В Очаковский укрепрайон входило еще две крепости-базы, что стали костью в горле зарвавшегося врага. Насыпной остров – крепость Первомайский (иногда обозначался как «остров Майский») – был искусственно создан как «крепость на сваях» еще в 1870-х гг., как форпост, преграждавший вражеским кораблям путь по фарватеру в Днепро-Бугский лиман. Для создания рукотворного острова в три линии в три-четыре ряда в дно забили двадцатиметровые деревянные сваи. Пространство между рядами свай засыпали камнем, песком и глиной, основу строения накрыли горизонтальными балками, а уже в XX в. залили бетоном. Остров находится в 3,5 км от Очакова, глубина моря у острова – 14 м. Площадь острова составляет 7,3 га, протяженность 1400 м. Вокруг острова для защиты от воды был сооружен заградительный вал шириной 6 м и длиной 1400 м, а в северо-восточной части острова устроена гавань. Остров называли «выдающимся гидротехническим сооружением, не имеющим аналогов в мире». К лету 1941 г. остров защищала Первомайская стационарная 22-я береговая батарея (четыре 203-мм орудия, командир батареи – капитан И.А. Радченко), зенитная батарея БЗ-84 и взвод курсантов севастопольских училищ.

Боевые действия в районе Первомайского начались в первые дни войны, когда фашистская авиация попыталась магнитно-акустическими минами «запереть» Днепро-Бугский лиман. Тогда водолазы бригады торпедных катеров обезвредили мины. Начиная с 8 августа остров постоянно подвергался ударам авиации противника. Батареи острова с 10

августа обстреливали части противника, продвигавшиеся на Николаевском направлении и штурмовавшие Очаков. После оставления Очакова защитники Первомайского, вместе с артиллеристами Березани, еще 35 дней обороняли этот важный участок Северного Причерноморья. Только 26 сентября 1941 г., после подрыва орудий и складов, последние защитники острова покинули его, перейдя на Тендровскую косу.

Остров Березань (длина 900 м, ширина 320 м, высота 21 м) также стал островом-крепостью. На нем располагалась 85-я зенитная батарея Очаковского укрепленного сектора старшего лейтенанта А.П. Овсянникова. Батареи Первомайского и Березани прикрывали подступы к порту и городу Очакову со стороны моря, осуществляли противовоздушную оборону караванов судов, идущих маршрутом Севастополь – Одесса, поддерживали своим огнем летчиков 9-го авиаистребительного полка, оборонявших Очаков с воздуха, отражали налеты авиации противника, сбив около 30 самолетов. Батареи охраняли выход из Днепро-Бугского лимана, где в устье Днепра находились корабли Дунайской военной флотилии. Фашистская авиация совершала налеты на островные батареи, пытаясь вывести их из строя, чтобы открыть себе свободный путь к Очакову, Херсону и Николаеву, но безрезультатно.

13 августа рвавшиеся к Одессе и Николаеву немецкие части (50-й пехотная дивизия генерал-лейтенанта К. Холлидта, незадолго прибывшая из Греции) подошли к Очаковскому (Тендровскому) укрепленному сектору в районе Березанского лимана. Немецкие части, форсировав Тилигульский лиман во второй половине дня 13 августа, с ходу попытались ворваться в город, но были остановлены огнем 15-й береговой батареи. С суши Очаков был полностью окружен уже 14 августа, а 16 августа враг повел второе наступление на город уже с трех сторон. Попытки немцев взять Очаков, переправившись через Березанский лиман со стороны Каборгской косы и села Каза, потерпели поражение. Зенитные батареи Очакова, при поддержке артиллерии «Красной Армении», уничтожили 20 танков и автомашин с пехотой противника. 18 августа фашисты начали третий штурм Очакова. Мужество и стойкость в боях проявили бойцы 141-го отдельного стрелкового батальона под командованием капитана А.А. Бондаренко. Будучи не в состоянии после ранения передвигаться по огневой позиции, капитан Бондаренко велел оседлать лошадь и верхом, прижавшись к спине лошади, появлялся в самых опасных местах. Героически вели себя комиссар бригады торпедных катеров Николаев и батальонный комиссар Вишнеvский, постоянно находившиеся один на левом, другой – на правом фланге 141-го батальона, который сдерживал наступление рвущихся в город фашистов. Славой покрыли себя воины Очаковской погранзаставы майора А.П. Изугеньева, бойцы народного ополчения. До последнего снаряда сражался личный состав 89-й батареи со своим командиром, смертельно раненным старшим лейтенантом Е.А. Бржозовским.

Приказом командующего ЧФ вице-адмирала Ф.С. Октябрьского от 15 августа командиру Очаковского укрепленного сектора, личному составу сектора предписывалось, уничтожив все важные объекты, постепенно отойти на новый рубеж обороны: «На острова Первомайский и Березань и Кинбурнскую косу, чтобы продолжить контролировать Днепро-Бугский лиман. Этот рубеж подготовить сейчас же: на островах Первомайский и Березань сосредоточить максимально возможные запасы патронов, снарядов, гранат, технических средств, продовольствия, питьевой воды и т. п. Предписывалось также

обеспечить острова надежной связью, организовать переброску туда и на Кинбурнскую косу зенитных батарей из Очакова, с расчетом по одной батарее на каждый остров».

19 августа командование ЧФ по согласованию с командованием Южного фронта «для централизации обороны участка от побережья между Днепро-Бугским лиманом и Каркинитским заливом создало Тендровский боевой участок в границах: на севере – Кинбурнская коса, южный берег Днепровского лимана; на востоке – Алешки, Б. Копани, Каланчак и Хорлы; на юге – Джарылгачская коса и Тендровская коса. В состав Тендровского боевого участка были включены два стрелковых батальона, 108-й подвижный артиллерийский дивизион, Тендровская маневренная база, учебное судно «Комендор».

20 августа начался новый штурм города, враг прорвал линию защиты. Командование 15-й батареи недостаточно эффективно использовало возможности вооружения батареи, благодаря чему 21 августа батарея была взорвана при отступлении. Разрушения оказались слишком малы, и противнику удалось захватить орудия батареи практически неповрежденными. Отряд погранкомендатуры, прижатый к морскому берегу, до 22 августа сдерживал атаки противника на последнем рубеже, что позволило Очаковскому гарнизону эвакуироваться на Кинбурнскую косу. Немцы потеряли в боях за Очаковский укрепрайон около 6 тыс. человек.

21 августа 1941 г. войска Очаковского укрепленного сектора «под прикрытием батарей островов Березань и Первомайский, при поддержке артогня эсминца «Незаможник» и канлодки «Красный Аджаристан» начали отходить на вторую линию обороны: Кинбурнская коса, острова Первомайский, Березань. Остатки очаковского гарнизона переправились на Кинбурнскую косу, в Прогной и Покровский. Только на Кинбурн удалось переправить более 1 тыс. находившихся в строю бойцов и командиров, около 500 раненых, а также около 600 человек гражданского населения. Защитники Очакова оставили позиции по приказу командующего ЧФ, личный состав войск Очаковского района перешел на Первомайский и Кинбурнскую косу, а впоследствии и на Тендровскую косу^[122].

Первый этап обороны укрепленного сектора (13–22 августа 1941 г.) – бои на 2-й линии обороны, за крепость Очаков. В это время происходила эвакуация судов из Николаева и Херсона в Крым и на Кавказ, прикрытия караванов судов. Батареи 22, 15, 89-я, зенитные батареи сектора, артиллерия судна «Красная Армения» и тральщиков Очаковской базы оказали огромную помощь в обороне города. В период боев за Кинбурн и Тендру из очаковцев личного состава Севастопольского и Николаевского батальонов был сформирован 2-й Черноморский полк морской пехоты капитана Н. Тарана.

26 августа командующий ЧФ радировал: «От устойчивости островов Березань и Первомайского зависит судьба Кинбурнской и Тендровской кос. Заберет противник косы – значит, закроет проход на Одессу, поведет наступление на Перекоп».

Действительно, в фашистских штабах разрабатывался план выхода в тыл Северотаврийской группировки советских войск под Херсон, через Кинбурнскую косу, где не было советских войск прикрытия, вследствие чего планировалось неожиданно захватить Перекопские укрепления и ворваться в Крым. Пока держался Очаковско-Тендровский укрепрайон, немцы не могли использовать как свои базы уже захваченные

ими порты Николаева и Херсона. В то же время в портах Румынии и Болгарии скопилось множество кораблей и судов для охраны транспортов и подвоза средств в Николаев, Херсон, по Днепру и Бугу. В портах Болгарии было «заморожено» 65 тыс. тонн военных грузов. Оборона этого укрепрайона срывала снабжение немецких армий группы «Юг», румынских армий...

Второй этап обороны сектора продолжался с 22 августа по конец октября 1941 г. (бои на третьей линии обороны за Тендру, Первомайский и Березань). Оборона этих островов небольшими силами была возможна вследствие того, что германского флота на Черном море еще не было, а румынский, опасаясь мощи советского ЧФ, находился у побережья Румынии и не решался выступить в морской поход. Пехотой острова Первомайский и Березань достать было невозможно.

Для удержания укрепрайона с Большой земли были присланы подкрепления: Николаевский, Скадовский и Севастопольский батальоны морской пехоты, батальон морской пехоты Дунайской флотилии, уцелевшие суда этой флотилии, пять батарей 36-го зенитно-артиллерийского дивизиона. Отдельное соединение было сформировано контр-адмиралом Жуковым для защиты порта и инженерных сооружений на косе Тендра и островах Первомайский и Березань. В сентябре 1941-го командиром укрепрайона стал генерал-майор береговой службы И.Н. Кузмичев, а комиссаром А.С. Бойко, в октябре – командиром стал И.Р. Хвескевич, начштаба – капитан 1-го ранга Б.Я. Гуревич.

В сентябре 1941-го фашистская авиация непрерывно бомбила Первомайский. Две шхуны, что переправляли на остров снаряды, были подбиты вражеской авиацией, одна затонула, другая – оказалась полузатопленной. Военные водолазы наловчились доставать снаряды из трюмов под водой, и этими снарядами воевали весь сентябрь. Авиация противника пыталась перекрыть путь советским конвоям Севастополь – Одесса. 13 сентября немецкие войска заняли Голую Пристань и Скадовск, что создало угрозу базе Дунайской флотилии и частям Тендровского сектора на Кинбурнской косе. Была потеряна связь частей на Кинбурне с 9-й армией... Командующий ЧФ принял решение об эвакуации Дунайской флотилии. В течение 12–13 сентября части Тендровского участка (около 2 тыс. бойцов, сведенных в полк) вели оборонительные бои и вынуждены были отойти на новый рубеж обороны Верхняя Кардашинка– Келегейские Хутора.

Трагически сложилась судьба Дунайской флотилии, что в начале сентября еще сражалась в низовьях Днепра. Заняв оборону на рубеже Збруевка, Чулаковка и Железный порт, Дунайская флотилия обеспечивала эвакуацию войск и боевой техники с Первомайского и Березани на Тендру. Но, когда немецкие войска повели наступление в херсонских песках, левобережье Днепра и Днепро-Бугского лимана было для флотилии потеряно. Штаб флотилии и оставшиеся суда переместились в район с. Покровка. Из-за малых глубин нельзя было подходить к берегу, и корабли находились на зеркале воды, при атаках вражеских самолетов им оставался только маневр. Во второй половине сентября погибла большая часть кораблей Дунайской флотилии.

До 23 сентября продолжалась оборона островов Первомайский и Березань. Приказом Военного совета ЧФ от 15 сентября в связи с выходом войск противника к Перекопу частям Тендровского боевого участка было приказано: «При отходе с островов Березань и

Первомайский принять все меры к сохранению оружия, всю артиллерию отправить на Тендру. Отход произвести ночью, скрытно, организованно; все остальное уничтожить».

Эвакуация войск и вооружения с островов Первомайский и Березань прошла 20–23 сентября 1941 г. Гарнизоны островов удалось вывезти полностью, а зенитные орудия, боеприпасы, склады пришлось уничтожить. Гарнизон Березани, прикрывавший отвод войск с Первомайского, был эвакуирован в последнюю очередь. Тендровская коса стала важным участком героической обороны Одессы, ключом к морским воротам Одессы. Коса протянулась в северо-западном направлении на 65 км, ее ширина достигала 1,8 км. От материка коса отделена мелководным Тендровским заливом. С началом войны батарея БС-718 (три 130-мм орудия из состава 42-го артдивизиона) была перевезена из Одессы и установлена на Тендре, там же было два счетверенных пулемета «Максим», которые использовались против налетов авиации. На Тендре оборонялось около 1 тыс. артиллеристов, пулеметчиков и морских пехотинцев, базировалась эскадрилья Як-1 73-го (бывшего 296-го) истребительного авиаполка и 2-я бригада торпедных катеров. Там постоянно находился один отряд из шести торпедных катеров, другие катера сопровождали транспорты и конвои с Большой земли в Одессу и обратно. В августе – октябре 1941-го немецкая авиация постоянно бомбила базу и маленький аэродром на Тендре. У тендровских берегов приняли свой последний бой канонерская лодка «Красная Армения», эсминец «Фрунзе» и другие суда. С 30 октября по 5 ноября проходила эвакуация островного гарнизона. Кораблями ЧФ с острова Тендра были доставлены в Севастополь батальон морской пехоты Дунайской флотилии капитана А.Г. Петровского и 17-я пулеметная рота этой флотилии.

Существование Тендровского боевого участка помогло советскому командованию не допустить проход судов противника к портам Херсон и Николаев, обеспечить безопасность коммуникаций Севастополь – Одесса. Героическая оборона причерноморских рубежей – Очакова, островов Первомайский, Березань, Тендра – дала возможность удерживать Одессу. Защитники Одессы знали о близких очагах сопротивления врагу – каждый сбитый над Березанью самолет противника, каждый снаряд, выпущенный по врагу с Первомайской батареи, каждый катер, вышедший в конвой с тендровской базы, крепили оборону Одессы.

Глава 6

«ОДЕССУ НЕ СДАВАТЬ И ОБОРОНЯТЬ ДО ПОСЛЕДНЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ». МАНЕВРЕННАЯ ОБОРОНА НА ПОДСТУПАХ К ОДЕССЕ (8–17 августа)

Соотношение сил и средств к началу битвы за Одессу сложилось не в пользу советских войск. Румынские войска обладали шестикратным превосходством в личном составе и пятикратным – в артиллерии. Если противник имел под Одессой около 100 самолетов и более 100 танков, то в распоряжении защитников города было 30–35 самолетов и ни одного исправного танка. Впрочем, ситуацию с танками вскоре удалось улучшить. Уже 7 августа первые шесть танков БТ-7, отремонтированные на заводе Январского восстания, были отправлены в район Мигаево, где держала оборону 95-я стрелковая дивизия^[123].

Несмотря на то что основной контингент военнообязанных был мобилизован и отправлен на фронт еще в начале войны, Одесса с первого же дня обороны стала давать пополнение частям Приморской армии, сильно поредевшим в предыдущих боях. 5 августа на

передний край ушло свыше 2 тыс. добровольцев – народных ополченцев. В последующие дни первого периода обороны в регулярные армейские и флотские подразделения ежедневно вливалось более тысячи добровольцев, прошедших военную подготовку в отрядах народного ополчения.

Обстановка на фронте требовала принятия срочных мер для создания вокруг Одессы надежного заслона, который преграждал бы путь врагу на суше не только с запада, но и с севера и северо-востока. Для защиты Одессы с моря и поддержки сухопутных войск, оборонявших город, командование ЧФ сформировало отряд кораблей Северо-Западного района, в который вошли крейсер «Коминтерн» (командир – капитан 2-го ранга И.А. Заруба), эсминцы «Шаумян» (командир – капитан-лейтенант К.П. Валюх) и «Незаможник» (командир – капитан-лейтенант Н.И. Минаев), 2-я бригада торпедных катеров (командир – капитан 2-го ранга С.Г. Мельников), отряд сторожевых катеров (командир – старший лейтенант П.И. Державин), дивизион канонерских лодок (командир – капитан 3-го ранга Г.И. Гинзбург) и вспомогательные суда. Командиром отряда был назначен контр-адмирал Д.Д. Вдовиченко, военкомом – батальонный комиссар Я.Г. Почупайло. Отряд базировался в Одессе и был подчинен командиру Одесской военно-морской базы.

8 августа румынский Генеральный штаб издал оперативную директиву № 31, поставив условием разгром 4-й армией советских частей между Днестром и Тилигульским лиманом и взятие Одессы с ходу. Согласно плану румынского командования, 5-й корпус (15-я пехотная, 1-я бронетанковая дивизия (в составе дивизии оставались только 1-й полк, имевший на вооружении танки R-2, и 1-я кавбригада) должен был наступать в направлении Катаржино (ныне с. Краснознаменка) – Бузиново – Большой Буялык (ныне с. Благоево) с последующим поворотом на юг с целью отрезать советские части с востока и северо-востока. В частности, перед бронетанковой дивизией 1-й кавалерийской бригады была поставлена цель захватить село Большой Буялык и перерезать железнодорожную линию Одесса– Березовка.

Главный удар должен был нанести 3-й румынский корпус (3-я и 7-я пехотные, 1-я гвардейская дивизии и 2-й танковый полк, имевший на вооружении танки R-35). Ему поручалось предпринять фронтальную атаку в направлении Плоское – Раздельная – Одесса с целью захвата этого региона и дальнейшего удара на Одессу. Была определена линия разграничения между 54-м немецким армейским корпусом и 4-й румынской армией: Погребы – Зыбка – Ново-Цебриково – Воробьевка – Новониколаевка – Тилигульский лиман. В резерве 4-й румынской армии имелась 5-я пехотная дивизия^[124].

Румынская 3-я группа разведки 3-й пехотной дивизии наступала в направлении Раздельной и сообщила командованию, что село горит, а железнодорожная станция еще занята советскими войсками^[125].

8 августа проходил бой в районе станции Мигаево, в котором приняло участие советское танковое подразделение под командованием Г. Пенежко. Танкистам был отведен участок в районе станции шириной в 5 км и две лесопосадки вдоль железнодорожной насыпи. В их задачи входило сдерживать противника огнем с места и маневрировать вдоль фронта с одного угрожаемого участка на другой. «Мы продвигаемся вдоль насыпи, – вспоминал Г. Пенежко, – на север. Переносим огонь правее, на фланг, где немецкие танки уже достигли железной дороги и два передних уже выбрались на насыпь. Наш фланговый огонь

поджигает эти два танка. Остальные поворачивают назад»^[126]. Осколочными снарядами была рассеяна пехота противника. После этого танковое подразделение получило приказ отправиться на восток от села Катаржино, опередить противника и занять оборону на северной окраине села, после чего вести разведку на село Жовтневое. Однако противнику удалось опередить советские части. Вечером 1-я броневая дивизия и 1-я кавбригада румынской армии заняли село Даниловка и достигли Катаржино, отрезав отступающие на юг советские части. Отходившие на восток советские части повернули на юго-восток, выдвигаясь в район Желепово – Бараново. По румынским источникам, под Катаржино было взято в плен до 200 советских солдат.

Обладая значительным превосходством в живой силе и боевой технике, румынские войска непрерывно наседали на советские войска, упорно пытаясь на плечах отступавших частей прорваться к Одессе.

7 августа части 95-й стрелковой дивизии заняли фронт обороны в 50 км – 90-й стрелковый полк и 134-й гаубичный – Жеребково – Катаржино, 241-й стрелковый полк и 397-й артиллерийский – Катаржино – Кошары, 161-й стрелковый полк и 57-й артиллерийский – Кошары – Кучурган.

8 августа советские части пытались отстоять станцию Раздельная (1 час езды на поезде от Одессы) и доминирующие в этом районе высоты. Машины с счетверенками сержанта В. Малевского стали на путь авангардных отрядов румынских войск.

Катаржино – важный пункт, через который проходил новый рубеж обороны Одессы, отведенный 95-й стрелковой дивизии. Отдельным подразделениям противника удалось проскочить сюда раньше, чем к селу прибыли наши части, а войска 90-й стрелковой дивизии были вытеснены из него. Разыгрался кровавый бой на окраинах Катаржино. Румынская кавалерия была остановлена огнем третьего дивизиона 90-го стрелкового полка и 266-го артиллерийского полка капитана З. Султанова. Но захват противником Катаржина привел к тому, что 134-й гаубичный полк и два стрелковых батальона были отрезаны румынскими частями от Одессы. Этим частям пришлось пробиваться к Одессе через водораздел между Куяльницким и Хаджибеевским лиманами^[127].

Ожесточенный бой произошел и на участке Беляевка – Мангейм – Бриновка, где оборону заняли части 25-й стрелковой дивизии. Бойцы и командиры дивизии стойко выдержали натиск превосходящих сил врага и не дали румынским частям прорваться на юг^[128].

Чтобы ликвидировать угрозу неожиданного удара врага с востока, командование Приморской армии вывело из своего резерва 1-ю кавдивизию и выдвинуло ее на рубеж Сербка – Благоево в 55–60 км севернее Одессы. Конники 5-го кавалерийского полка с ходу вступили в бой с частями 72-й немецкой пехотной дивизии в районе села Кубанка. В бою противник потерял около 200 человек убитыми, несколько орудий и минометов, около 50 автомашин с имуществом и боеприпасами. Оставив кавполк в Кубанке, 1-я кавдивизия форсированным маршем двинулась дальше на север и ночью сосредоточилась в районе села Капитановка. По планам командования Приморской армии советская кавалерийская дивизия должна была восстановить потерянный контакт с частями 9-й армии. Но конница, углублявшись далеко в степь – к Тилигульскому лиману, – сама рисковала оказаться отрезанной от Одессы.

На рубежи, которые остались незанятыми из-за отхода на восток 30-й стрелковой дивизии, были спешно направлены отдельные подразделения, объединенные в сводную группу войск. В нее вошли: 1-й полк морской пехоты – командир майор В.П. Морозов, которого через несколько дней сменил ветеран Гражданской войны полковник Я.И. Осипов, 26-й полк НКВД и находившийся в резерве армии 54-й стрелковый полк 25-й дивизии под командованием полковника И.И. Свидницкого. Командиром сводной группы назначили комбрига С.Ф. Монахова^[129].

В Одессе и ее окрестностях было введено осадное положение. Приказ начальника гарнизона города Г.В. Жукова гласил:

- «1. С 19.00 8 августа город Одесса с окрестностями объявляется на осадном положении.
2. Въезд гражданам в город без специальных пропусков, выдаваемых председателями райисполкомов, запрещается.
3. Во исполнение приказа по гарнизону № 21 от 4.VIII. 41 г. движение граждан и всех видов гражданского транспорта с 20.00 до 6.00 запрещается. Возвращение с работы и следование по служебным делам в этот период разрешается лишь по специальным пропускам, выдаваемым комендантом гарнизона.
4. За всякие диверсионные вылазки (стрельба с чердаков, подача световых сигналов, работа радиопередатчиков) отвечают домовладельцы, управляющие домами и дворники.
5. За нарушение приказа виновные будут привлекаться к строжайшей ответственности по законам военного времени»^[130].

Истребительные батальоны и подразделения народного ополчения усилили охрану промышленных предприятий, объектов транспорта и связи, морского порта, источников водоснабжения, помогали поддерживать в городе строгий порядок военного времени.

9 августа на рассвете противник силами 72-й немецкой, 3-й и 7-й румынских пехотных дивизий и 1-й румынской кавбригады начал атаковать наши войска в разных пунктах, пытаясь нащупать наиболее слабые места складывавшейся обороны и параллельными ударами расчленив Приморскую армию.

В своих мемуарах начальник оперотдела 95-й стрелковой дивизии полковник В.П. Сахаров отмечал: «Весь день 9 августа шли упорные бои, и на правом фланге образовался опасный неприятельский клин: фашистские части продвинулись вперед на участке, где еще не успели занять оборону подразделения 90-го и 241-го полков. Утром 10-го мы начали по приказу командующего Приморской армией отход на рубеж Вандалинка – Бриновка – Новоселовка – станция Карпово, на котором со следующего дня стали отбивать все нараставшие по силе вражеские атаки...»

9 августа у Аджалыкского лимана, где советские части только осваивали рубежи обороны, было сброшено около роты немецких парашютистов в красноармейской форме. Парашютисты должны были подготовить быстрый прорыв войск противника на Одессу с востока. Но парашютистов быстро уничтожили оказавшиеся поблизости бойцы 1-й кавалерийской дивизии.

Особенно упорные бои велись в районе Жеребково – Кошары – Раздельная на рубеже обороны 95-й стрелковой дивизии, против которой действовали две вражеские дивизии. 7-

я рота 241-го стрелкового полка встретила противника штыковой контратакой; в бою только один взвод этой роты уничтожил около ста захватчиков. Так же стойко держались и другие стрелковые подразделения дивизии. Пехоту надежно поддерживала дивизионная артиллерия; 57-й артполк под командованием майора А.В. Филипповича уничтожил до трех вражеских батальонов. В течение многих часов дивизия отражала непрерывные атаки врага^[131].

Решительно и смело действовали артиллеристы подвижных батарей военно-морской базы, которые были направлены на поддержку частей 25-й стрелковой дивизии. 36-я подвижная батарея вступила в единоборство с дивизионом тяжелой артиллерии противника. Не успели вражеские артиллеристы изготовиться к открытию огня, как на них обрушились снаряды из советских орудий. В течение нескольких минут огнем подвижной батареи были выведены из строя 12 тяжелых пушек противника. За этот бой командир батареи лейтенант Д.П. Бойко был награжден орденом Ленина.

Однако к концу дня противнику на северо-восточном участке обороны удалось потеснить наши подразделения, овладеть районом Сербка – Белка и создать угрозу выхода своих частей в тыл Приморской армии. 4-й пехотный полк «Доробанць» разгромил советские войска в районе Бакалово, в то время как 30-й пехотный полк захватил деревню Понятовка. 7-я румынская пехотная дивизия заняла станцию Раздельную и плоскогорье в 6 км к югу от станции.

9 августа румынские части, захватив Любопыль, пытались продвинуться из захваченного ими накануне района Сербка – Белка дальше на юго-восток и прорваться к Черноморскому побережью. Части 72-й пехотной немецкой и 15-й пехотной румынской дивизий переправились через Тилигульский лиман по мосту в районе села Калиновка. Другая группа пошла по правому берегу лимана по участку, где не было советских войск, в результате чего создавалась угроза выхода противника в тыл советским частям, занимавшим Александровку^[132].

Отступая к одесским рубежам, 134-й гаубично-артиллерийский полк, открыв огонь по наседавшему противнику, остановил его продвижение у Севериновки. Ночью, пользуясь темнотой, войска группы комбрига Монахова оторвались от врага и отошли на новый рубеж, отведенный им приказом командования Приморской армии.

Летчики советского 69-го истребительного авиаполка за день произвели 68 самолетовых вылетов, сбили 7 вражеских самолетов, обстреляли пулеметным огнем и реактивными снарядами пехоту, мотомехчасти и артиллерию противника на участке Сербка – Белка, где накануне прорвались вражеские войска.

Учитывая огромный перевес вражеских сил, а также то обстоятельство, что намеченный ранее рубеж обороны Одессы по линии Березовка – Катаржино – Раздельная и Кучурганский лиман был в инженерном отношении слабо оборудован, командование Приморской армии приняло решение с утра 10 августа отвести войска на новую линию и приказало: «Сводной группе комбрига Монахова занять рубеж Кobleво – Визирка – Ильинка; 95-й Молдавской стрелковой дивизии – Старая Вандалиновка – Новоселовка – станция Карпово; 25-й Чапаевской стрелковой дивизии – Красная Вакуловка – Мангейм – Кагарлык – озеро Попово; восточный берег Днестровского лимана оборонять силами

четыре рот 287-го полка 25-й дивизии и двух истребительных батальонов – Овидиопольского и Роксолянского»^[133].

10 августа в секторе 3-го румынского корпуса основные силы 7-й румынской пехотной дивизии достигли Эльзаса (ныне с. Щербанка – 18 км к югу от станции Раздельной), в то время как гвардейская дивизия достигла линии Страсбург (ныне село Кучурган) – Петро-Евдокеевка (возле села Новоукраинка). В секторе 5-го румынского корпуса 1-я броневая дивизия, быстро продвигаясь вперед, разбила дезорганизованные советские части в Большом Буялыке, на первой линии обороны Одессы. У сел Черногорка и Буялык произошло два ожесточенных боя, в ходе которых краснофлотцами (с помощью бутылок с зажигательной смесью) были подбиты три румынских танка^[134].

Войска группы комбрига Монахова – 1-й полк морской пехоты, 26-й полк НКВД и 54-й стрелковый полк – до исхода дня сдерживали натиск частей противника, наступавших из района Сербка – Белка на юго-восток в направлении Буялык – Павлинка – Мариновка^[135].

Группе комбрига Монахова не хватило сил удержаться на линии, включавшей в себя Тилигульский лиман – самый большой и глубокий из одесских лиманов после Днестровского. К 11 августа оборона опиралась уже на более западный Аджалыкский лиман, а дальше проходила через Булдинку, Свердлово, Ильинку, Чеботаревку и потом, удаляясь от города, через Александровку, Бриновку, Карпово, Беляевку к Днестровскому лиману.

В сложных условиях оказался 26-й полк НКВД, которому приказали держать фронт обороны протяженностью в 14 км. 3-й батальон полка, в составе которого было 800 человек, держал оборону 6 км фронта! Полк держался на беззаветном героизме и несгибаемой воле его бойцов. Когда пять танков вплотную подошли к окопу, где оборонялся взвод лейтенанта Вихмянина, пограничники взяли за гранаты и бутылки с горючей смесью: четыре танка из пяти были подорваны или сгорели. У полка, в большинстве своем состоящего из бывших пограничников, была особая гордость за свою воинскую часть – многие сохранили и носили зеленые фуражки пограничников, которыми гордились не меньше, чем моряки своими бескозырками. У пограничников даже было соревнование с соседним полком моряков – кто больше подобьет танков... Командир полка майор А.А. Маловский был молод и, как вспоминает Н. Крылов, был «живой, веселый, задорный. За год до войны окончил академию имени М.В. Фрунзе. Полк принял немногим больше недели назад, но уже вполне освоился»^[136].

До вечера 10 августа румынская дивизия достигла второй линии обороны на линии Благодатная – Малый Аджалык. 1-я румынская кавбригада захватила Севериновку и присоединилась к 1-й бронетанковой дивизии. 10-й пехотный полк разбил незначительные советские части под Лозовой.

Подразделения советской 1-й кавалерийской дивизии вступили в бой с наступающим противником, остановили его на линии Кайры – Ираклиевка, а затем отбили у него село Иповка. 5-й кавполк выбил румынский гарнизон из Любополя и отошел на Сычавку. Кавалерийской дивизии была поставлена задача: не допустить продвижения частей противника к морю и оборонять: 5-му кавполку – Сычавку и Григорьевку с востока; 7-му кавполку – Кошары и Беляры; резервным частям 3-го кавалерийского полка –

сосредоточиться в Визирке. В ходе двухдневных боев кавалеристы подбили два танка, захватили 30 пленных, два орудия и другие трофеи^[137].

Утром 10 августа из Одессы вышла и успешно добралась до Николаева последняя машина с работниками политуправления Южного фронта. Уже через несколько часов после этого все дороги на восток от Одессы были блокированы немецкими и румынскими войсками. Тогда же противник захватил Сычавку и вышел к берегу моря.

На левом фланге, где оборону держала 25-я стрелковая Чапаевская дивизия, противник упорно пытался с ходу захватить поселок Беляевка. Этот населенный пункт имел чрезвычайно важное значение, так как там находилась насосная станция, обеспечивавшая Одессу водой из Днестра. Атаки врага были успешно отбиты 287-м стрелковым полком, которым командовал подполковник С.И. Султан-Галиев. Противник (по советским данным) потерял девять танков и около батальона пехоты убитыми и ранеными. На этом же участке один из батальонов 31-го стрелкового полка, отбивая вражеские атаки в районе села Михайловка, уничтожил свыше 350 солдат и офицеров противника.

Тогда же случился «конфуз» с системой ПВО Одесского района. Неожиданно на гражданском аэродроме в Одессе приземлился немецкий самолет. Из него выскочили 17 немецких автоматчиков и, подняв стрельбу, пытались захватить аэродром для приема нового крупного десанта. Бойцы истребительного батальона Ильичевского района, охранявшие аэродром, смогли быстро уничтожить группу диверсантов и захватить вражеский самолет.

Войска 95-й и 25-й стрелковых дивизий закреплялись на новых позициях. В связи с большой растянутостью фронта (протяженность передового рубежа превышала 100 км) при совершенно недостаточной численности войск командованию Приморской армии пришлось строить боевые порядки линейно, в один эшелон. Только так можно было создать сплошную, без разрывов, линию обороны. При этом, конечно, требовались исключительное упорство и стойкость войск, чтобы не допустить прорыва противника через линии обороны.

В таких условиях особое значение приобрела артиллерия. В начале обороны Одессы Приморская армия танков не имела, самолетов в ее распоряжении было мало. Основной силой, которая могла поддерживать пехоту на наиболее угрожаемых участках, была артиллерия, хотя и ее не хватало. К тому времени в распоряжении Приморской армии, не считая ротных минометов, имелось 375 орудий и минометов. Артиллерийские полки и отдельные артдивизионы были почти полностью укомплектованы материальной частью и сохраняли высокую боеготовность.

Из общего количества 375 орудий и минометов около 212 орудий, или 18 артдивизионов, входивших в состав частей и соединений Приморской армии, являлись маневренным огневым средством в руках начальников артиллерийских секторов. Одесская военноморская база располагала двумя стационарными артдивизионами в составе 15 орудий (130-, 152-, 180-, 203-мм), одним подвижным артдивизионом – 12 орудий и двумя отдельными подвижными батареями – 8 орудий (152-мм). Это увеличивало общую численность артиллерийской обороны на 35 орудий и повышало дальность стрельбы систем до 40 км. Таким образом, в начальный период обороны Одессы, вместе с орудиями береговой обороны, в распоряжении обороняющихся оказалось 409 орудий, не считая

артиллерии ЧФ. Средняя плотность всей артиллерии составляла от 3 до 10 орудий на километр фронта, что было недостаточно для создания сплошной завесы огня. Чтобы наиболее эффективно использовать эту мощную силу, вся артиллерия войск, оборонявших Одессу, была подчинена единому руководству. Это давало возможность маневрировать огнем артиллерии всех видов, быстро сосредоточивать его на том или ином участке фронта для поддержки пехоты там, где завязывались решающие бои.

К 11 августа в ходе боев и общей перегруппировки войск в каждом секторе обороны были созданы:

- артгруппы поддержки пехоты (ПП), в состав которых входили артиллерийские полки стрелковых дивизий, подвижные батареи береговой артиллерии (преимущественно среднего калибра);
- группы дальнего действия (ДД) – из артиллерийских дивизионов армейской артиллерии, подвижных батарей 152-мм калибра и, частично, стационарных батарей береговой артиллерии;
- группы корабельной артиллерии и артиллерийские противотанковые резервы.

В сводной группе комбрига Монахова были созданы:

- группа ПП 54-го стрелкового полка (СП): 1-й и 2-й дивизионы 134-го гаубично-артиллерийского полка (ГАП);
- группа ПП полка НКВД – 3-й дивизион 134 ГАП;
- группа ПП запасного полка – 2-й дивизион 69-го артиллерийского полка (АП) и батарея 134 ГАП;
- группа ДД – 1-й и 3-й дивизионы 265-го корпусного артиллерийского полка (КАП) и 2 подвижные батареи береговой обороны;
- группа корабельной артиллерии: 1 миноносец и 1 канонерская лодка.

В Западном секторе, который обороняла 95-я стрелковая дивизия, в группы ПП входили артиллерийские полки этой же дивизии, группу ДД составлял 122-мм пушечный артиллерийский дивизион и группа корабельной артиллерии: 1 крейсер и 1 подводная лодка (57-й артиллерийский полк майора А.В. Филипповича, 397-й артиллерийский полк майора П.И. Полякова, 2-й артдивизион 266-го корпусного артполка капитана Салтанова, 97-й противотанковый артдивизион капитана В.И. Барковского, 175-й зенитный артдивизион старшего лейтенанта Кривохвостова. Всего – 87 пушек: 45-мм – 12, 76-мм – 32, 122-мм – 11, 122-мм гаубиц – 16, 152-мм – 12, 76-мм зенитных – 4)^[138].

Аналогично этому была создана группировка артиллерии в Южном секторе обороны. Группа ПП 31-го стрелкового полка – 1-й дивизион 69 артиллерийского полка, 36-я и 724-я батареи береговой артиллерии; группа ПП 287-го стрелкового полка – 99-й гаубичный артполк; группа ДД – 2-й дивизион 265-го корпусного артиллерийского полка, БС-1, БС-39 и БС-411 береговой обороны.

Созданная группировка артиллерии и управление ею еще в ходе боев за передовой оборонительный рубеж обеспечивали возможность маневра огнем артиллерии в секторах за счет групп ПП и ДД, а в масштабе оборонительного района в целом за счет маневра огнем группы ДД и 180-мм орудий береговой артиллерии^[139].

Один из самых сложных участков фронта к северо-западу от Одессы обороняла 95-я стрелковая дивизия. Здесь на пути противника к Одессе не было никаких естественных преград. Неудачи во время отступления 95-й стрелковой дивизии привели к кадровым ротациям. Майор А. Паладин был отстранен от командования 90-м стрелковым полком, в этом полку появился новый начштаба. Для улучшения руководства боевыми действиями на этом направлении командиром 95-й стрелковой дивизии был назначен генерал-майор В.Ф. Воробьев, до того занимавший должность начальника оперативного отдела штаба Приморской армии. Временно командовавший дивизией полковник М.С. Соколов вступил в командование 90-м стрелковым полком этой же дивизии. Начальником оперативного отдела штаба армии стал полковник Н.И. Крылов – бывший заместитель начальника этого отдела.

К 22 часам 11 августа советские части начали закрепляться на линии Александровка – станция Буялык – Павлинка – Старая Вандалиновка – Бриновка – хутор Новоселовка – Мангейм – Беляевка – Каролино-Бугаз. К этому времени стала реальностью и линия обороны между Хаджибеевским и Куяльницким лиманами (Чебатаревка – Ильинка).

С утра 11 августа части Приморской армии продолжали укреплять новые оборонительные рубежи и одновременно отражали атаки неприятельских войск по всей линии фронта. Противник, рассчитывая прорвать оборону с ходу, силами 3-й и 7-й пехотных дивизий и 1-й кавбригады по трем направлениям вел наступление на позиции, занимаемые 95-й стрелковой дивизией: из Елизаветовки – на Бриновку, из Штерна – на Калиновку, из Калонтаевки – по железнодорожной линии Раздельная – Одесса.

Несмотря на значительное численное превосходство врага, наши части упорно удерживали свои позиции. На участке обороны 161-го стрелкового полка ощутимую поддержку пехоте оказали подразделения 57-го артполка. Огнем своих батарей они расстроили боевые порядки противника, наступавшего из колонии Штерн, и уничтожили более роты пехоты.

На участке одного из батальонов 241-го стрелкового полка (занимал северные скаты плато от Хаджибеевского лимана до железной дороги Одесса – Раздельная) создалось крайне опасное положение. Огромное напряжение всех физических и моральных сил дало возможность советским бойцам отбить вражеские атаки.

На левом фланге обороны три полка вражеской пехоты, поддержанные авиацией, артиллерией и танками, пытались прорвать линию Красная Вакуловка – Мангейм – Кагарлык – озеро Попово, которую обороняли два полка 25-й Чапаевской стрелковой дивизии – 31-й и 287-й. Особо упорный бой шел в районе села Красная Вакуловка, где противник, стремясь овладеть линией железной дороги станция Раздельная – Одесса, предпринял подряд десять атак.

На правом фланге противник, предприняв ряд ожесточенных атак, пытался прорваться к Одессе с северо-востока. Сильной атаке подвергся 26-й полк НКВД, занявший рубеж обороны между Аджалыкским лиманом и железнодорожной линией Одесса – Вознесенск, а также батальон ополчения Ильичевского района Одессы, что окопался у железнодорожных путей на Вознесенск. На их позиции наступали несколько полков неприятельской пехоты, поддержанной десятью танками. Позже немецкие пленные укажут, что на этом участке в наступлении принимал участие и немецкий батальон

(очевидно, 72-й пехотной дивизии вермахта), который почти полностью погиб в боях 11–14 августа. 26-й полк НКВД только за 11 августа отбил четыре вражеские атаки. Пушки полковой батареи подбили два танка, заставив восемь других танков повернуть. Постоянный дождь и размытая дорога не дали противнику форсировать наступление.

Танки 1-го танкового полка румынской танковой дивизии, наступая 11–12 августа севернее Гильдендорфа и в районе Булдынки, не смогли прорвать советскую оборону, но понесли значительные потери – 13 танков было выведено из строя. После подобного «конфуза» танковый полк противника был перекинут на другой участок – под станцию Карпово, а в районе Восточного сектора у румынских войск осталось только около десяти танкеток R-1.

По воспоминаниям начштаба 26-го полка майора М.Г. Кудряшева, участок, удерживавшийся полком (14 км), «был трудный для обороны из-за плохого обзора переднего края, который закрывали поля кукурузы и подсолнечника»^[140].

Как вспоминал участник боя капитан А. Шейкин, на отдельных участках правого фланга фронта образовались прогалины в 700–800 м: «Путь к Одессе открыт, и некому преградить. Указаний и помощи от комполка почему-то нет, связные не возвращаются»^[141].

11 августа батальон Ильичевского района, занимавший оборону у железной дороги на Вознесенск (между полком НКВД и 54-м стрелковым полком), выбил из окопов румынскую часть. Бойцы в сумерках подползли к неприятельским позициям по неубранному пшеничному полю и, внезапно появившись перед окопами, забросали врага гранатами^[142]. В результате длительного ожесточенного боя правифланговые части Приморской армии (Восточный сектор обороны) вынуждены были отойти на новый рубеж: Григорьевка – Булдынка – южная окраина Свердлова – поселок Шевченко – Ильинка – Чеботаревка^[143].

В ночь на 12-е на советские штабные линии связи начали поступать сбивчивые телефонные доклады о высадке в разных местах парашютных десантов. Были приняты меры, подняты истребительные батальоны, но парашютистов нигде не обнаружили. Так вражеские агенты, подключившись к линиям связи, пытались вызвать панику в войсках и городе.

12 августа румынский Генштаб издал приказ № 934, в котором определил задачи румынской армии по взятию Одессы «с ходу», согласно которому предписывалось создавать штурмовые батальоны и мощные группировки тяжелой артиллерии в 3-м армейском корпусе на главных направлениях удара^[144].

12 августа натиск румынских войск на оба фланга обороны Одессы и на центральном – западном – направлении не ослабевал. На правом фланге наиболее серьезные испытания выпали на долю 1-го полка морской пехоты, оборонявшего рубеж между Аджалыкским и Большим Аджалыкским лиманами. Его позиции в районе села Булдынка после артиллерийского и минометного обстрела атаковала вражеская пехота в сопровождении 6 танков. Морские пехотинцы встретили врага ружейно-пулеметным огнем и бутылками с горючей смесью. Их поддерживали артиллерийским огнем находившаяся неподалеку, в селе Чебанка, 412-я береговая батарея и канонерская лодка «Красная Армения»^[145].

12–13 августа не прекращались ожесточенные бои на фронте 26-го полка НКВД. Румынские части несколько раз прорывали оборону полка, но штыковыми атаками фронт быстро восстанавливался. За первые дни боев, только на фронте этого полка, погибло до 400 советских солдат и офицеров. Бои начались и у села Гильдендорф на восточном берегу Куяльницкого лимана, который обороняли части 54-го стрелкового полка и артиллеристы 134-го артиллерийско-гаубичного полка^[146].

Части 72-й немецкой пехотной дивизии после двухчасовой артиллерийской подготовки пытались прорваться в район Кошары – Сычавка к востоку от Одессы. На помощь нашим наземным частям, оборонявшим Одессу, пришла морская артиллерия. Впервые с начала войны (если не считать действий Дунайской военной флотилии) корабли непосредственно поддерживали своей артиллерией сухопутные войска. Крейсер «Красный Крым», эсминцы «Фрунзе», «Дзержинский», «Шаумян», «Незаможник» и канонерская лодка «Красный Аджаристан», выйдя в район Григорьевки, вместе с береговыми батареями открыли огонь по врагу, подбив 12 танков (по советским данным) и уничтожив до двух рот неприятельской пехоты. Вскоре 72-я немецкая пехотная дивизия была выведена во второй эшелон и непосредственно в боях под Одессой не участвовала.

Силы наступавших в три-четыре раза превосходили силы оборонявшихся, над фронтом нависла угроза прорыва... В критический момент на позиции батальона, где враг особенно наседал, прибыл старший политрук В.А. Мартынов с пятнадцатью матросами из резерва, и они смогли переломить ход боя.

Незадолго до начала боев морских пехотинцев посетил генерал Хренов. Он вспоминал: «У моряков не было навыков земляных работ, да они и не видели особого смысла в таких работах, полагая, что храброму незачем прятаться от пуль и снарядов. Штаб полка расположился в посадке, в неглубоком окопчике. Все его оборудование состояло из двух телефонных аппаратов. В батальонах было еще хуже. А между тем обстановка требовала срочно создавать ячейки, пулеметные и минометные позиции, ходы сообщения, заграждения... В полк Осипова были срочно направлены армейские командиры, которые в ходе боев организовали инженерную подготовку краснофлотцев»^[147]. Взводами у моряков командовали корабельные старшины, которые были совершенно не знакомы с сухопутной тактикой и только учились этому в боях.

Надо добавить, что инженерные части срочно выделили для моряков шанцевый инструмент, колья, колючую проволоку... Бойцы морского полка в августе «щеголяли» в морском обмундировании, в бескозырках, не надевали касок и защитной формы. «Черные брюки краснофлотцев посерели от степной пыли. Морская форма – не для окопов. И вероятно, есть напрасные потери от этого: человек в темном отчетливо виден издали», – вспоминал очевидец событий.

Но самые большие опасения вызывал «снарядный голод». При налете вражеской авиации армия потеряла несколько десятков вагонов снарядов, стоявших под разгрузкой на станции Застава. К 16 августа были учтены все запасы и выяснилось, что снарядов хватит на лишь на два-три дня и то если резко ограничить расход боеприпасов. Ограничение на расходование боеприпасов действовало до конца августа, пока не налажилось регулярное снабжение армии судами ЧФ. Так же остро до конца августа 1941-го стоял вопрос с вооружением – у новобранцев и ополченцев не было даже винтовок...

В первые дни обороны выявились и другие серьезные проблемы. Среди некоторых солдат Приморской армии, еще с июльских боев, утвердилась «танкобоязнь»; многие солдаты не умели и боялись пользоваться минометами... Командованию пришлось срочно ввести практические занятия по борьбе с танками и занятия по основам минометной стрельбы.

Интересно, что во время кровопролитных августовских боев солдат 95-й стрелковой дивизии плохо снабжали продуктами и совсем не снабжали овощами. Чтобы пополнить свой рацион, солдаты обследовали нейтральную полосу, где были поля созревших помидоров, арбузов и кукурузы. Эти продукты разнообразили солдатский рацион не только в советских окопах, но и в румынских. Румынские солдаты в окопах под Одессой постоянно испытывали голод и съедали все, что оставалось неубранным на колхозных полях. Зная эту особенность, советские пропагандисты изготовили и с помощью авиации разбросали над румынскими окопами листовку от имени плененных солдат 11-й румынской дивизии, где были такие слова: «Дорогие румынские солдаты. Не воюйте против наших русских братьев. Мы, те, кто взяты в плен и находимся здесь, очень хорошо обеспечены, нас хорошо кормят... Бросайте оружие и сдавайтесь!»^[148]

В центральной полосе, где оборону держала 95-я стрелковая дивизия, наиболее сильным атакам подвергся 161-й стрелковый полк полковника С.И. Сереброва. Ранним утром, после трехчасовой артиллерийской подготовки, на его позиции пошли в наступление до полутора полков румынской 3-й пехотной дивизии с 12 танками. Они пытались прорваться к железнодорожной линии Одесса – Раздельная в районе станции Карпово. Румынские танки два раза прорывали фронт, подходили вплотную к командному пункту полка на хуторе Виноградном.

Артиллерийским и пулеметным огнем вражеская пехота была остановлена, а затем 161-й стрелковый полк контратаковал ее и отбросил в исходное положение. В бою было подбито пять танков противника, и это при том, что в полку оставалось исправным только одно орудие.

Славой героя в боях за станцию Карпово покрыл себя командир 3-го батальона 161-го стрелкового полка лейтенант Яков Бреус (будущий Герой Советского Союза). Его батальон успел только окопаться, как подвергся атаке вражеских бомбардировщиков, а затем румынской пехоты и танков. Один вражеский танк прорвался на командный пункт батальона. Лейтенант Я. Бреус метнул в него бутылку с зажигательной смесью, что привело к возгоранию танка. Удачный пример командира стали повторять его бойцы...

В этот же день противник предпринял еще одну попытку овладеть станцией Карпово и снова потерпел поражение: он вынужден был отойти, оставив на поле боя около 150 убитых и раненых солдат и офицеров, три миномета. Но и у 161-го стрелкового полка были большие потери: так, в 5-й роте в живых осталось только 23 бойца, ротные командиры погибли. На пополнение 95-й стрелковой дивизии, в окопы у Гнилякова был направлен истребительный батальон одесского Ильичевского и Сталинского районов и небольшой отряд милиционеров из Львова, неизвестно как оказавшихся в Одессе.

11 августа в район станции Карпово были переброшены четыре исправных танка, имевшиеся в наличии у Приморской армии, которые приняли участие в боях, после чего их направили в район села Мангейм, где создалась сложная обстановка. Небольшой отряд советских танков выполнял роль маневренного резерва. С 7 августа он фактически прошел

путь по всему периметру советской обороны. Наряду с танками советские войска использовали в боях бронированные тягачи, переоборудованные в легкие танки^[149].

8–15 августа мелким группам румынских войск еще удавалось просачиваться на стыках советских подразделений в ближние советские тылы. Для ликвидации одной из таких групп к Гнилякову были перекинута отдельные роты 3-го полка Одесской ополченческой дивизии. Во второй половине августа весь ополченческий полк был расформирован и его бойцы пополнили поредевшие части 95-й стрелковой дивизии на фронте под станцией Выгода.

Бои за станцию Карпово шли трое суток 11–13 августа и показали стойкость в обороне советских войск. 2-я и 7-я румынские пехотные дивизии попали под сосредоточенный огонь и понесли серьезные потери. На протяжении 12 августа были предприняты две безуспешные попытки захватить железнодорожную станцию.

13 августа наступление румынских частей было временно приостановлено для укрепления фронта к западу от Хаджибейского лимана несколькими новыми подразделениями (5-й пехотной, 1-й пограничной и 1-й броневой дивизией).

Особенно кровавыми бои были на участке Карповских каменоломен. Но все же обескровленный 161-й стрелковый полк, лишившись в боях более 20 % своего состава, вынужден был отходить от станции Карпово вдоль железной дороги на юг. Командарм Софронов вспоминал, что пулеметная рота, не выдержав давления противника, ушла с позиций у станции Карпово раньше срока. «Пришлось кое-кого из нее расстрелять и широко осветить части армии, что так будут поступать с паникерами». Так же поступили позднее и с некоторыми бойцами 5-й и 6-й роты 90-го стрелкового полка, которые под напором превосходящих сил врага самовольно бросили позиции и 18 августа без приказа отошли к станции Выгода^[150].

Полной неудачей окончилась попытка неприятеля прорвать рубеж Старая Вандалиновка – Бриновка, обороняемый 241-м стрелковым полком 95-й стрелковой дивизии под командованием полковника П.Г. Новикова. Наступавшие на этом участке подразделения вражеской пехоты с большими для него потерями были отброшены на исходные позиции. На левом фланге враг, стремясь овладеть Беляевкой, атаковал позиции 287-го стрелкового полка 25-й стрелковой дивизии. Попытки прорвать линию обороны были предприняты противником и на другом участке этого фланга. При поддержке артиллерии, подбившей семь танков, чапаевцы отразили все атаки неприятеля. Враг снова и снова атаковал части 25-й стрелковой дивизии в районе Беляевка – Михайловка. В результате продолжавшегося весь день упорного боя с превосходящими силами противника наши подразделения вынуждены были оставить село Михайловка, но смогли удержать Беляевку.

Из показаний пленных, взятых в тот день, стало известно о больших потерях в частях 3-й румынской пехотной дивизии. В ротах, имевших ранее по 190 человек, осталось не более 60–70, а некоторые взводы насчитывали по четыре солдата. Всего 12 августа в боях под Одессой, по советским данным, было подбито и уничтожено 12 вражеских танков (некоторые источники называют цифру 14). Существует информация о том, что пять танков из подбитых в этот день ночью было отбуксировано в город и быстро отремонтировано, после чего советские танкисты использовали их против румынских войск^[151].

Летчики 69-го истребительного авиаполка и 82-й эскадрильи морской авиации бомбили скопления неприятельских войск в районах Еремеевка – Свердлово. В боевых действиях против неприятеля под Одессой приняли участие также три эскадрильи самолетов Пе-2, прилетавших с флотских аэродромов в Крыму. В то же время 13–16 августа вражеская авиация нанесла тяжелый удар обороноспособности Приморской армии: под Карповом был разбомблен состав с боеприпасами и вооружением, то же произошло на 1-й Заставе, где от бомб врага взорвались вагоны со снарядами и цистерны с бензином. Эти потери привели к серьезному «снарядному голоду» в армии 16–26 августа.

13 августа С.М. Буденный позвонил адмиралу Ф. Октябрьскому и сообщил, что ожидает из Ставки разрешения перебросить в Одессу морем две стрелковые дивизии, а пока может выделить 20 вагонов с боеприпасами для соединений Приморской армии. В те же дни Ф. Октябрьский начал в Севастополе формирование частей морской пехоты для отправки в Одессу. На кораблях и в береговых частях построили личный состав и предложили добровольцам, желавшим отправиться в Одессу и воевать на суше, сделать два шага вперед. Как правило, вперед шагал весь строй. Но отпускали из экипажей и береговых частей только тех, без кого могли обойтись.

13 августа стороны произвели перегруппировку войск. Наступление румынских частей было временно приостановлено генералом И. Антонеску для укрепления фронта к западу от Хаджибейского лимана несколькими новыми подразделениями (5-й пехотной, 1-й пограничной и 1-й бронетанковой дивизиями). К востоку от Хаджибейского лимана 1-я румынская бронетанковая дивизия была заменена 15-й пехотной дивизией на линии южнее Кубанки и южнее Малого Буялыка. 1-я румынская кавбригада заняла Александровку одним полком, а Ранжевое – другим, завершив окружение города. В секторе 3-го румынского корпуса советские войска предприняли безуспешное контрнаступление к северо-востоку от Мангейма, которое закончилось большими и ненужными потерями.

С целью прорыва передовой линии советской обороны западнее Хаджибейского лимана генерал-лейтенант Н. Чуперкэ запланировал фронтальный удар в направлении Карпово – Выгода силами 3-го румынского корпуса (3, 7 и 11-я пехотные дивизии), в то время как 1-й румынский корпус (1-я гвардейская, 1-я пограничная и 21-я пехотная дивизии) должен был предпринять отвлекающий удар в направлении Кагарлык – Вакаржаны.

Расположенная в секторе 3-го румынского корпуса 1-я броневая дивизия должна была атаковать между Хаджибейским лиманом и Свиной балкой, с целью создания плацдарма в районах Отрадовка и Палиево и удара в тыл советских войск, противостоящих 3-му корпусу. К востоку от Хаджибейского лимана 5-й румынский корпус (1-я кавбригада, 15-й и 13-й пехотные полки и отряд «Хаджибей») должны были удерживать линию фронта и связать боями советские войска в этом районе.

В этот же день Военный совет Приморской армии принял важное решение, осуществление которого значительно помогло улучшить управление войсками и более эффективно использовать возможности для длительной обороны.

Местность, по которой проходила линия обороны, представляла собою безлесную, слегка всхолмленную равнину, пересекаемую по фронту большим количеством довольно глубоких балок и несколькими лиманами. Это позволяло сравнительно надежно

прикрывать фланги наших частей, оборонявших те или иные участки между лиманами, но, с другой стороны, затрудняло связь, маневрирование, взаимодействие войск и управление ими. Такие условия подсказывали целесообразность построения гибкой системы обороны в виде отдельных секторов со своими начальниками и штабами, которые отвечали бы за определенные направления и пользовались достаточной самостоятельностью и автономностью в распоряжении подчиненными им силами и средствами.

Принимая во внимание вышеизложенное, командование Приморской армии приняло решение реорганизовать всю систему обороны и образовать секторы обороны Одессы, определив задачи каждому из них и состав войск, назначив ответственных начальников секторов. В 17 часов командующий армией издал соответствующий приказ, по которому фронт обороны Одессы был разделен на три сектора: Восточный, Западный и Южный.

Восточный сектор (протяженностью 40 км) включал правый фланг обороны от моря до Хаджибейского лимана. Начальник – комбриг С.Ф. Монахов. Состав войск: 1-й полк морской пехоты, 26-й полк НКВД, 54-й полк 25-й стрелковой дивизии, батальон 136-го запасного стрелкового полка, два истребительных батальона и другие мелкие подразделения. Задача – оборонять Одессу с востока и севера, удерживая рубеж Григорьевка – Аджалыкский лиман – Булдынка – южная окраина села Свердлово – Ильинка.

Западный сектор (протяженностью 25 км) имел задачи оборонять Одессу с северо-запада и запада по линии, идущей от Одессы в направлении Вакаржаны – Секретаревка. Начальник – командир 95-й стрелковой дивизии генерал-майор В.Ф. Воробьев. Состав войск: 95-я стрелковая дивизия и 1-й сводный пулеметный батальон Тираспольского укрепрайона. Передний край – по линии Бриновка – Новоселовка – Секретаревка.

Южный сектор (протяженностью 70 км, включая восточный берег Днестровского лимана) замыкал на левом фланге полукольцо рубежа обороны. Начальник – командир 25-й стрелковой дивизии полковник А.С. Захарченко. Состав войск: 31-й и 287-й стрелковые полки 25-й стрелковой дивизии, 2-й сводный пулеметный батальон 82-го Тираспольского укрепленного района. Задача – оборонять Одессу с юго-запада и юга, удерживая рубеж Секретаревка – Мангейм – Кагарлык – озеро Попово – Беляевка – Овидиополь – Каролино-Бугаз – Черное море.

Огневые средства были распределены между секторами с таким расчетом, чтобы иметь возможность создавать большую плотность артиллерии там, где можно было ожидать наиболее сильного нажима противника. В западном и южном секторах находились штатные артиллерийские полки 95-й и 25-й стрелковых дивизий, два дивизиона 265-го корпусного артиллерийского полка и группа флотских подвижных береговых батарей. Войска Восточного сектора поддерживали 134-й гаубичный полк и одна из самых мощных береговых батарей Одесской военно-морской базы – 412-я. На помощь пехоте здесь могла прийти артиллерия боевых кораблей, как это было 13 августа. За штабом артиллерии Приморской армии сохранялась возможность маневра огнем в масштабе всего плацдарма и организации взаимной поддержки секторов^[152].

Приказ командующего Приморской армии требовал от войск всех секторов, совместно с инженерными частями, оборудовать оборонительные рубежи «для длительной и упорной

обороны», построить новые противотанковые и противопехотные препятствия. Руководство обороной всего Черноморского побережья на участке Каролино-Бугаз – Очаков – Тендровская коса возлагалось на командира Одесской военно-морской базы контр-адмирала Г.В. Жукова.

1-я кавдивизия, сосредоточившаяся к утру 13 августа в поселке Застава, составляла главный резерв Приморской армии. В армейском резерве находились также 2-й полк морской пехоты, который стоял в порту, и 47-й отдельный понтонно-мостовой батальон.

14 августа в Восточном секторе крупные силы вражеских войск с утра начали новое наступление на Булдынку. Морские пехотинцы, поддержанные огнем 412-й береговой батареи, 3-го дивизиона 134-го гаубчного полка и артиллерии советских кораблей ЧФ, отбросили неприятеля, захватив в плен эскадрон кавалерии, уничтожив четыре танка и до роты солдат и офицеров. Однако вечером противнику удалось, подтянув резервы, овладеть Булдынкой, хотя и его новые попытки развить наступление дальше на юг были отражены. В тот же день противником были атакованы позиции 54-го стрелкового полка, который выдержал несколько танковых атак.

Ожесточенные бои шли в Южном секторе, в районе Кагарлыка. В 4 часа утра части 25-й стрелковой дивизии выбили неприятеля из занятого им накануне села Михайловка. Однако враг ввел в бой свежие силы и начал теснить советские подразделения. К полудню противнику удалось снова ворваться в село, но после четырехчасового боя он опять был вытеснен из села. Отбиты были также атаки румынских частей, наступавших на Беляевку с запада.

С переходом приморцев на новую линию обороны необходимо было форсировать инженерные работы на новых рубежах. По решению Военного совета Приморской армии в помощь специальным инженерным частям (восемь отдельных рабочих и пять строительных батальонов) были направлены части и подразделения военно-морской базы, тыловых учреждений. К участию в строительстве оборонительных сооружений широко привлекалось и гражданское население, главным образом женщины. Строительством руководил начальник инженерных войск армии полковник Г.П. Кедринский.

В связи с тем, что с 10 августа Одесса оказалась отрезанной от сети советских железных дорог, Военный совет армии решил сформировать из «вольных» путейцев железнодорожный батальон. В армию были призваны 1500 рабочих и служащих железной дороги: 400 путейцев, 400 эксплуатационников, 100 связистов, 400 вагонников и паровозников и 200 работников охраны. Батальону поручено было обеспечить доставку на фронт под Одессу вооружения, боеприпасов, горючего и продовольствия. Одновременно бойцы батальона несли вооруженную охрану, устраняли последствия бомбардировок, спасали эшелоны с ценными военными грузами. Из состава батальона были подобраны бригады машинистов бронепоездов.

Встретив в предыдущие дни сильный отпор со стороны 95-й стрелковой дивизии, находившейся в центре советской обороны, 15 августа противник, видя бесперспективность лобовых атак, направил основные румынские части на правый и левый фланги, рассчитывая прорваться к городу с северо-востока и северо-запада.

В Восточном секторе продолжался ожесточенный бой в районе Булдынки. 1-й полк морской пехоты при поддержке артиллерии эсминца «Шаумян», 412-й и 21-й береговых батарей в течение дня одну за другой отбивал атаки превосходящих сил противника, пытавшегося прорваться к Черноморскому побережью. При этом морские пехотинцы понесли значительные потери: в 1-м и 2-м батальонах полка было убито и ранено до 40 % личного состава.

В Южном секторе с новой силой разгорелись завязавшиеся накануне бои в районе села Кагарлык. Неся большие потери, неприятель перебрасывал сюда все новые и новые подкрепления и предпринимал атаку за атакой. На позиции двух батальонов 31-го стрелкового полка наступала гвардейская дивизия противника. Во второй половине дня, после упорных боев ей удалось прорвать линию обороны в стыке 31-го и 287-го стрелковых полков и к концу дня захватить южную окраину Кагарлыка.

13 и 15 августа генерал И. Антонеску посетил румынские части на одесском фронте, встретился с командирами 1-го и 3-го корпусов генералами Т. Ионеску и В. Атанасиу. Вместе со своим командованием и германскими генералами он согласовал последние детали нового наступления румынских войск, которое началось 16 августа. 1-й корпус атаковал в направлении Кагарлык – Дальник, в то время как 3-й корпус напирал у Куюльницкого лимана. Румынские войска, преодолевая ожесточенное сопротивление советских войск, медленно, но упорно продвигались вперед^[153].

В Восточном секторе продолжались ожесточенные бои в районе Булдынки, у Аджалыкского лимана. Румынское командование кинуло на прорыв девять танков, две роты пехоты и 1-ю кавбригаду, что с боями сумели продвинуться на 2 км в сторону Григорьевки.

1-му полку морской пехоты, понесшему накануне большие потери, с утра пришлось выдерживать новые атаки двух батальонов пехоты и нескольких кавалерийских эскадронов противника, которые при поддержке артиллерии, танков и бронетранспортеров наступали вдоль западного берега Аджалыкского лимана в направлении Шицли. Враг упорно рвался к этому небольшому селению, расположенному в широкой балке, по которой можно было легко продвинуться к приморскому селу Чебанка. А в Чебанке находилась 412-я береговая батарея, силу ударов которой не раз довелось испытать врагу^[154].

На помощь 1-му морскому полку были направлены два батальона 2-го полка морской пехоты, находившегося в армейском резерве. При поддержке артиллерийского огня 412-й батареи и канонерской лодки «Красная Грузия» морские пехотинцы контратаковали вражеские подразделения и сумели их не только остановить, но и потеснить. Румынский кавалерийский эскадрон, прорвавшийся к Шицли, был почти полностью уничтожен, а 28 солдат – взяты в плен. Но через несколько часов началось новое румынское наступление... Румынские войска атаковали во весь рост (в советских источниках такая атака называется «психической»). Вражескую пехоту и кавалерию поддерживала рота танков и авиация, наносившая сильные удары по нашим войскам. Во второй половине дня неприятель снова захватил Шицли. Но на следующее утро контратакой 1-го и 2-го морских батальонов Шицли, а потом и Булдынка были вновь освобождены, моряки захватили 60 пленных, три танка, один броневладелец.

На этом же фланге, в районе села Беляры, заняла огневые позиции батарея тяжелой артиллерии противника, которая с этой позиции могла вести разрушительный огонь по важным объектам обороны Одессы. Наша воздушная разведка своевременно обнаружила ее расположение: координаты были переданы командиру 412-й береговой батареи капитану Н.В. Зиновьеву. Огнем артиллерии румынская батарея была уничтожена, не успев сделать ни одного выстрела^[155].

16 августа противник, атаковав пехотой и танками позиции 287-го полка 25-й стрелковой дивизии, прорвал его оборону у села Кагарлык. Это означало непосредственную угрозу тылам Западного сектора. Прорыв был пока только на одном узком участке, но рассчитывать на то, что чапаевцы ликвидируют его своими силами, не приходилось.

К вечеру противник продвинулся еще на 3 км в юго-восточном направлении. Складывалась опасная ситуация: этот прорыв давал потенциальную возможность румынским войскам быстро продвигаться дальше на юг – в сторону Беляевки и на юго-восток – в направлении Одессы. Здесь подступы к городу были слабо укреплены и отсутствовали части второго эшелона и резервы.

Первые оборонные бои за Одессу показали ряд существенных недостатков в обороне, которая страдала от разобщенности армейского и флотского командования. Между генералом Г.П. Софроновым и контр-адмиралом Г.В. Жуковым в горячие дни обороны 7–17 августа возникали спонтанные стычки, перебранки, что вылилось в «перетягивание каната» и в конкуренцию двух военных структур. Г.В. Жуков подозревал, что сухопутное командование делает все, чтобы «провалить» оборону Одессы. Эти соображения подкреплялись «отступленческими» настроениями командарма Г.П. Софронова 5–7 августа и «странными» действиями армейского командования 16–17 августа, когда из Одессы морем стали вывозиться вооружение и бойцы. Как реакция на подобные действия прозвучала радиограмма, направленная в адрес Одесского обкома партии за подписью секретаря ЦК КП(б)У М.А. Бурмистенко, с требованием: «Одессу оборонять во что бы то ни стало».

Усложнилось управление Приморской армией со стороны Военных советов Южного фронта и Юго-Западного направления, а также организация их взаимодействия с Черноморским флотом. Исходя из этого главнокомандующий Юго-Западным направлением С.М. Буденный обратился 16 августа в Ставку Верховного главнокомандования с предложением: «Приморскую армию переподчинить командующему Черноморским флотом и назначить в помощь последнему командира по наземным войскам». Это предложение, как показал дальнейший ход событий, было принято Ставкой во внимание.

17 августа произошел серьезный конфликт между командованием Приморской армии и морскими начальниками Одесской военной базы. Командир 2-го дивизиона эскадренных миноносцев, находившийся на эсминце «Беспощадный» в конвое транспортов, вышедшем 16 августа из Одессы, донес командующему Черноморским флотом, что он считает необходимым задержать транспорты «Армения» и «Кубань» и учебное судно «Днепр» из-за наличия на них более 100 бойцов, «сбежавших с фронта». Командующий ЧФ приказал транспорты ввести в Казачью бухту Севастополя, задержать суда и, организовав немедленное обследование этих транспортов, снять дезертиров.

К полуночи командир Одесской военно-морской базы (ВМБ) Г.В. Жуков доложил командующему ЧФ, что Военный совет Приморской армии «преступно» спланировал эвакуацию из осажденной Одессы 2563 младших командиров и рядовых, 437 винтовок и 11 станковых пулеметов, а фактически оружия вывозилось больше. По инициативе Г.В. Жукова вооруженные бойцы, погруженные на учебное судно «Днепр», были задержаны.

На эти действия «моряков» посыпались резкие протесты командарма Г.П. Софронова. Члены Военного совета Приморской армии посчитали действия Г.В. Жукова ошибочными, создающими двоевластие в обороне, однако при личном объезде порта с командиром базы командарм убедился сам, что у снятых с учебного судна «Днепр» командиров и красноармейцев было много оружия. Также с винтовками и гранатами отправлялись из Одессы в Новороссийск и некоторые работники милиции, НКВД и армейский начсостав.

Все это происходило при острой нехватке стрелкового оружия в войсках на фронте. Тогда, когда каждый боец в обороне города был на вес золота, а от отсутствия на фронте всего одного батальона могла решиться судьба обороны Одессы...

Но Г.П. Софронов уверял, что никаких приказов об эвакуации целых армейских подразделений не было, а из Одессы отправлялись только специальные тылы 9-й армии, «заблудившейся» в Одессе, – «специалисты из других армий, которые нужнее будут на других фронтах» и тяжелораненые бойцы... Командарм заявлял, что «пароходов с дезертирами» не было, а осуществлялась плановая эвакуация личного состава, не нужного для обороны города.

По воспоминаниям командарма Приморской, Г.В. Жуков «в довольно резкой форме» заявил тогда командарму: «Люди сняты по моему приказу, и я буду делать так и впредь». Г.П. Софронов потом признался, что подумал, что Г.В. Жукову «нужно вправить мозги»^[156].

Командир Одесской ВМБ сообщил руководству флотом, что он неоднократно докладывал Военному совету Приморской армии о наличии снарядов, патронов, гранат и винтовок в вагонах на станции в Одесском порту. Однако решительных мер по разгрузке этого боезапаса армейским командованием принято не было, и в результате бомбежки неприятельских самолетов боезапас был уничтожен. Командир базы просил принять меры к тому, чтобы принудить Военный совет Приморской армии прекратить эвакуацию из Одессы каких-либо военнообязанных.

С целью ликвидации образовавшегося прорыва командование Приморской армии 16 августа отдало приказ с утра 17 августа провести локальное контрнаступление. Для этого была создана ударная группа в составе правофланговых частей 25-й стрелковой, двух кавполков 1-й кавалерийской дивизии и 90-го полка 95-й стрелковой дивизии, усиленная пятью танками. Она должна была сосредоточиться в районе хутора Дар Природы – село Зисарево и оттуда атаковать противника в направлении Кагарлык – Граденицы. Командование группой возлагалось на командира 95-й стрелковой дивизии генерал-майора В.Ф. Воробьева.

25-я стрелковая дивизия получила задачу: удерживая занимаемый рубеж, контратаковать противника в направлении западной окраины Кагарлыка. В подкрепление ей были направлены из состава войск Восточного сектора танковый взвод, один дивизион 69-го

артполка и одна батарея 134-го гаубичного полка. На позиции Южного сектора был направлен и 136-й запасной стрелковый полк. Он получил приказ к 6 часам 17 августа занять и оборонять промежуточный рубеж на линии Карсталь – Фрейденталь, не допуская прорыва противника в направлении Вакаржаны – Дальник. Были спланированы действия артиллеристов и летчиков – истребители с утра начинали штурмовку прорвавшегося противника.

17 августа в 8 часов утра, после короткой артиллерийской и авиационной подготовки, ударная группа советских войск контратаковала противника в направлении Кагарлыка. Одновременно 31-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии перешел в наступление в направлении юго-западной окраины Кагарлыка.

Наступление вначале имело некоторый успех, однако вскоре сказались отсутствие у наших войск необходимого количества полевой артиллерии и опыта наступательных операций. Из доставленных накануне в Одессу снарядов успели подвезти лишь незначительную часть. Огневые точки противника не были подавлены, и они наносили советским частям и подразделениям большие потери. Активно действовала вражеская авиация. В результате этого темп наступления снизился, войскам противника удалось задержать наши части и перейти в контрнаступление.

«Спешка, в которой удар готовился, давала себя знать... Два кавалерийских полка – они действовали в пешем строю – не успели к исходному рубежу в срок и включились в контрудар позже. Встречая сильное сопротивление, части продвигались медленно... При этом противник вклинился в нашу оборону южнее, и там начались бои за Беляевку. В тот день атаки в направлении Беляевки удалось отбить. Ее стойко защищали чапаевцы и подразделение пограничников (они были и в этом секторе). Контратаки наших бойцов поддерживал взвод танков», – вспоминал те бои генерал Н.И. Крылов.

На протяжении дня Кагарлык переходил из рук в руки, пока к 23 часам румынские войска окончательно не захватили село. Прорвав советскую оборону южнее Кагарлыка, румынские части начали продвигаться к Беляевке.

17 августа румынские войска сумели прорвать оборону 1-го батальона морского полка, начали теснить его к морю, углубившись в тыл на 700 м. На помощь полку морской пехоты, истекающему кровью в многодневных боях, были направлены 3-й батальон морской пехоты, батальон связи Тираспольского укрепленного района и караульный батальон.

В Восточном секторе в зоне действия румынской 1-й кавбригады советские части, по румынским оценкам, силами до трех батальонов при поддержке танков захватили Будынку, но были остановлены артиллерийским заградительным огнем. 1-й румынский полк «Рошиорь» контратаковал советские войска вечером 17-го и снова занял село, продвинувшись на 4 км к югу.

Подразделения неприятеля, прорвавшиеся накануне в Шицли, с рассвета пытались продвинуться дальше на юг, но безуспешно. После этого румынское командование перебросило в этот район еще некоторые подразделения. Моряки, подпустив неприятельскую пехоту на близкое расстояние, обрушили на нее шквал огня и заставили залечь на открытом месте. Тогда враг решил атаковать наши позиции с фланга конницей и танками. Завязался упорный бой...

Контратакой советских войск во фланг 15-й пехотной дивизии румынские части были отброшены на 2,5 км к юго-востоку от Малого Буялыка.

16 августа советская воздушная разведка обнаружила переброску неприятельской танковой бригады с восточного направления в район Раздельной. Как потом стало известно, 15 августа враг сосредоточил в районе Калантаевки, вблизи железнодорожной линии Раздельная – Одесса, части 11-й румынской пехотной дивизии, переброшенные из района Бендер. В то же время 95-я стрелковая дивизия, державшая оборону в Западном секторе, была к этому времени сильно ослаблена: два батальона одного из трех ее полков – 90-го – находились в Южном секторе, куда они были направлены в составе ударной группы, а вернуть их назад не представлялось возможным, так как положение в Южном секторе оставалось очень напряженным. Для поддержки 95-й стрелковой дивизии командование Приморской армии могло направить только несколько сот бойцов, только что выписанных из госпиталей, и небольшой отряд моряков из резерва Одесской военно-морской базы.

В Западном секторе 16–17 августа стояло относительное затишье после кровопролитных боев. Здесь в предыдущие дни понесла большие потери 3-я пехотная дивизия неприятеля. Перед фронтом наших войск скопилось много трупов неприятельских солдат и офицеров, от которых шел невыносимый смрад. Командир 95-й стрелковой дивизии генерал В.Ф. Воробьев приказал выставить ночью фанерный щит с надписью: «Командиру 3-й пехотной дивизии. Советское командование предлагает вам 16 августа с 12 до 16 часов убрать трупы и своих раненых солдат и офицеров. В это время наши войска не будут вести огонь». Четыре часа прошли на этом участке фронта без единого выстрела. Обе стороны молчали. Тихо было и в последующие часы. Однако противник не ответил на предложение нашего командования и не воспользовался им. Ночью советские санитары забросали гашеной известью вражеские трупы, ликвидировав очаг зловония.

Командование Западного сектора спешно принимало все меры к тому, чтобы в этих сложных условиях, несмотря на все трудности, должным образом подготовиться к отражению возможного наступления врага. Из показаний захваченных пленных удалось выяснить, когда можно ждать начала наступления противника, в каком направлении готовится главный удар, и соответственно этому расставить свои силы и средства.

Особое внимание уделялось эффективному использованию средств борьбы против танков. Крайне важно было создать наибольшую плотность артиллерийского огня на наиболее танкоопасных направлениях. Начальник дивизионной артиллерии полковник Д.И. Пискунов, как показал дальнейший ход событий, успешно выполнил эту задачу. Командование Приморской армии, зная о намерениях врага, выделило артиллеристам дивизии «двойную порцию» снарядов.

К исходу 17 августа 4-я румынская армия развернулась следующим порядком: на правом фланге 1-й корпус с гвардейской и пограничной дивизиями на первой линии и 21-й пехотной дивизией в резерве. В центре – 3-й корпус с 3, 7 и 11-й пехотными дивизиями на первой линии. Позднее на левом фланге к нему были присоединены подразделения 5-й пехотной дивизии. На левом фланге армии находился 5-й корпус с 15-й пехотной дивизией и 1-й кавалерийской бригадой в первой линии и 13-й пехотной дивизией в резерве. Резерв 4-й армии составляли 5-я пехотная дивизия, 9-я кавбригада и 1-я моторизованная дивизия. В ночь с 18 на 19 августа на фронт также прибыл 4-й корпус (8-я

и 14-я пехотные дивизии). Авиационную поддержку осуществляла румынская Боевая авиационная группа, состоявшая из пяти бомбардировочных групп (1, 2, 4, 5 и 6-я) и четырех истребительных групп (4, 6, 7 и 8-я), а также семи разведывательных эскадрилий и нескольких эскадрилий дальней разведки. Эти силы были дополнены немецкими авиационными частями. Все было готово к наступлению.

Подводя итог боев на дальних подступах к Одессе, следует отметить, что план румынского командования удался лишь частично. Румынским и немецким дивизиям удалось отрезать оборонявшие Одессу части. Однако фронтальный удар, задачей которого был прорыв советской обороны и захват города к середине августа 1941-го, не достиг цели.

Глава 7 **ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ (18–27 августа)**

17 августа командование 4-й румынской армии издало приказ № 35 о начале общего наступления, в котором, в частности, говорилось:

«...2. Наступление будет проводиться 3-м и 1-м армейскими корпусами 18 августа 1941 г., согласно условиям, закрепленным приказами № 33 и 34 и уточненным на конференции командующих крупными подразделениями от 16 августа.

3. Пехотные части должны начать наступление в темное время суток с целью к 3.10 подавить основные точки сопротивления противника.

Время наступления будет определять каждое подразделение самостоятельно, в зависимости от расстояния, которое они должны преодолеть на каждом участке наступления.

4. Артподготовка не проводится. Артиллерия начнет обстрел противника только в том случае, если артиллерия противника начнет обстрел, а также по запросу пехотных частей.

5. Моторизованная бригада берет под свое руководство все боевые машины, которые были предоставлены 3-му армейскому корпусу. Бригада будет находиться в подчинении 3-го армейского корпуса, после того как пехотные части проникнут на позиции противника и возьмут под свой контроль противотанковую защиту...

6. 5-я пехотная дивизия предоставляет 3-му армейскому корпусу сводную группу в составе одного пехотного полка (два батальона) и одного артиллерийского полка (два дивизиона), который будет атаковать между Свиной долиной и Хаджибеевским лиманом с целью сковать силы противника для прикрытия левого крыла 3-й пехотной дивизии.

7. 9-я кавалерийская бригада должна быть готова вступить в бой на случай, если сводная группа «Хаджибей» будет отброшена.

8. 5-й армейский корпус придерживается инструкций приказов № 33 и 34, контролируя коммуникации по направлению северо-восточнее и восточнее Одессы.

9. 11-й армейский корпус сковывает противника на Нижнем Днестре.

Авиация:

а) Начиная с 5.30 будут проводиться ежедневные бомбардировки:

- Егоровка – Отрадовка,
- Василевка – Доброжаны,
- Водохранилище – станция Выгода.

- б) Перед этим массированным бомбардировкам подвергаются аэродромы противника.
- в) По курсу атак – бомбардировка объектов, находящихся в поле зрения.
- г) Будет проводиться прикрытие с воздуха, особенно действия моторизованной бригады.
- д) Авиаразведка согласно приказам.

Командующий армией генерал *Николае Чуперкэ* начальник Генерального штаба генерал *Н. Пеленджяну*»^[157].

На момент наступления 4-я румынская армия имела на своем правом фланге 1-й корпус с гвардейской и пограничной дивизиями в первом эшелоне и 21-й пехотной дивизией в резерве. В центре располагался 3-й корпус с 3, 7 и 11-й пехотными дивизиями в первом эшелоне. На левом фланге находился 5-й корпус с 15-й пехотной дивизией и 1-й кавалерийской бригадой в первой линии и 13-й пехотной дивизией в резерве. Резерв 4-й армии составляли 5-я пехотная дивизия (из состава которой, как мы видели, было изъято два пехотных батальона и два артиллерийских дивизиона), 9-я кавбригада и 1-я моторизованная бригада^[158].

В ночь с 18 на 19 августа на позиции прибыл 4-й румынский корпус (8-я и 14-я пехотные дивизии). Авиационную поддержку осуществляла Gruparea Aeriana de Lupta (Боевая авиационная группа), состоявшая из пяти групп бомбардировщиков и четырех групп истребителей, семь эскадрилий наблюдателей и ряд эскадрилий дальней разведки^[159].

Как видно из планов румынского командования, в качестве основной задачи ставился прорыв в центре советской обороны вдоль железной дороги, ведущей от Раздельной к Одессе, на позициях 161-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии, оборонявшего участок Бриновка – Новоселовка – станция Карпово. Румынская армия имела очевидное преимущество в живой силе и технике, и ее командование рассчитывало на скорую победу.

18 августа в Западном секторе, на 25-километровом фронте обороны 95-й стрелковой дивизии, героизм советских солдат остановил подготовленное наступление врага. Фактически первой победой наших войск в боях за Одессу стало то, что они выстояли в неравной битве!

В 6.30 утра в бой вступил румынский танковый батальон 1-й моторизованной дивизии. Примерно 40 танков шли впереди, пехота наступала за ними, цепями и колоннами. Противник еще не бросал нигде в наступление одновременно на одном участке столько пехоты и танков. 95-я стрелковая сражалась в этот день только в составе двух полков (без полка Соколова, который закрывал разрыв фронта под Кагарлыком).

Начштаба Приморской вспоминал: «Танки шли впереди, пехота за ними, густыми цепями. А дальше виднелись уже не цепи, а колонны. То ли румынское командование очень уж верило в свой успех, то ли просто не берегло своих солдат, которых у него тут было много. Вслед за танками наступали, как потом выяснилось, полки двух пехотных дивизий – 3-й и 7-й. Наши бойцы были строго предупреждены: огня не открывать до особого

сигнала. И красноармейцы, видевшие, как танки и целая лавина вражеской пехоты, беспорядочно стреляющей на ходу, приближаются к нашему переднему краю, проявили исключительную выдержку. Полковник Серебров дал сигнал, когда головные танки подошли к первой траншее на четверть километра. Артиллерия ударила прямой наводкой по танкам, пулеметчики и стрелки – по шеренгам пехоты. В бой вступили истребители танков, сидевшие с зажигательными бутылками и гранатами в ячейках впереди траншей. Эффект массированного огня с короткой дистанции получился большой. Стали останавливаться подбитые танки, другие загорались от метко брошенных бутылок. Пехота, не дойдя до наших окопов, залегла»^[160].

Сильным ружейно-пулеметным огнем румынская пехота была прижата к земле, в результате чего румынские танки оказались без прикрытия. Командир 95-й стрелковой дивизии В.Ф. Воробьев и начальник артиллерии Д.И. Пискунов выдвинули в район станции основную часть своих огневых средств – 57-й артиллерийский полк майора А.В. Филипповича и 97-й отдельный противотанковый дивизион капитана В.И. Барковского^[161]. На этот участок были переброшены большинство пулеметов, полученных дивизией от ТУРа (поставили по пулемету на каждые 50–100 м), и резерв дивизии – разведбатальон с легкими броневиками и танками Т-37.

Но одна советская рота полка дрогнула, начала отходить, в образовавшуюся брешь просочились танки. Пропустив танки через свои траншеи, бойцы батальона продолжали отбивать атаки пехоты. Командир 3-го батальона 161-го стрелкового полка 22-летний лейтенант Яков Бреус вскочил на коня (командиру стрелкового батальона тогда полагался конь), прискакал под огнем на участок отступивший роты и сам повел ее в контратаку. В атаку пошел резерв 95-й стрелковой дивизии – разведбатальон на бронеавтомобилях. Поддерживать 95-ю было приказано авиационному полку...

Отвага и решительность молодого комбата Я. Бреуса (он принял батальон всего две недели назад в боях за Дубоссары), который сумел предотвратить прорыв вражеских войск, были по достоинству оценены Военным советом Приморской армии. Военный совет поддержал представление лейтенанта Бреуса к званию Героя Советского Союза. Он был удостоен этой награды в феврале 1942 г. вместе с группой других участников одесской обороны.

Лично водил своих бойцов в контратаки и командир батальона 90-го стрелкового полка майор В.А. Вруцкий. Его батальон был единственным из состава полка, который участвовал в бою 18 августа (два других оставались в Южном секторе) и, действуя слева от Сереброва, принял на себя удар значительной части вражеских сил. Батальон отразил все атаки, на его участке оказалось множество подбитых и сожженных неприятельских танков.

Более двадцати румынских танков R-2 прорвались вдоль железнодорожной ветки, через советские траншеи и, обогнув наблюдательный пункт 161-го полка и станцию, двинулись вдоль железной дороги в тыл дивизии. У штаба армии не было подвижного противотанкового резерва. Было решено снять с огневых позиций ближайший к району прорыва дивизион бригады зенитчиков.

В лощине вблизи поселка Виноградарь, между Карповом и Выгодой, румынские танки почему-то остановились. К этому времени полковник Пискунов успел перебросить туда

несколько орудий дивизии, которые немедленно открыли огонь по танкам. Танки, маневрируя, подставили борта пушкам противотанкового дивизиона, который подошел к соседней лесопосадке. Три машины сразу же были подбиты. Остальные, не рискуя двигаться без пехоты, пошли через линию фронта обратно.

Командир дивизии выдвинул к месту вражеской атаки основную часть своих огневых средств – 57-й артиллерийский полк майора А.В. Филипповича. В боях особо отличились 97-й отдельный противотанковый дивизион капитана В.И. Барковского и 13-я батарея старшего лейтенанта М.Г. Долгого. Имя командира Василия Барковского стало популярным в Приморской армии: его сорокапятки, способные быстро менять огневые позиции, часто на галопе (орудия имели конную тягу), появлялись там, где был возможен прорыв танков и требовалось поддержать пехоту^[162].

Н. Крылов вспоминал: «Во второй половине дня генерал Воробьев соединился с командармом с наблюдательного пункта полковника Сереброва. Командир дивизии доложил, что противник бежал с поля боя, оставив множество убитых и раненых, и что с НП он сам насчитал двадцать пять подбитых и сожженных танков»^[163]. Потери румын были значительны – выведено из строя 25 танков (по другим данным, 32 танка), погибли три офицера и до роты солдат^[164].

В румынскую историю этот эпизод вошел под названием «катастрофа под Карповом» (порумынски – dezastrul de la Carpova). В полку 1-й румынской броневой дивизии остался только 21 танк. В результате было решено сформировать новое моторизованное подразделение, а остатки дивизии отправить на реорганизацию и ремонт за Днестр, в резерв 4-й армии. 21 августа 46 поврежденных танков (подбитых и неисправных) были отправлены в Кишинев. Остатки дивизии в составе 1-го румынского армейского корпуса принимали участие в захвате Фрейденталя, а затем из них была сформирована сводная группа (впоследствии переименована в 1-ю штурмовую группу) под командованием подполковника Иона Эфтимии. Продолжал воевать под Одессой и 2-й броневой полк (состоявший из танков R-35), находившийся в непосредственном подчинении командования 4-й румынской армии.

Преимущество румынской армии в танках было подорвано, что существенно ослабило ее наступательную мощь. Стало понятным, что Одессу с ходу взять не удастся. Более того, прочность советской обороны заставила командование 4-й румынской армии отказаться от лобового удара и перенести основное внимание на фланги, где впоследствии им удалось достичь существенных успехов. Бои на центральном направлении с этого момента носили вспомогательный характер.

Дала о себе знать неподготовленность румынской армии к масштабному использованию танков, отсутствие опыта взаимодействия танков и пехоты. К тому же и командир 1-й румынской броневой дивизии Иоан Сион не имел должного опыта командования, до своего назначения на должность он командовал зенитной частью. С другой стороны, сказалось и умелое руководство советскими частями.

За один день – 18 августа – потери советского 161-го стрелкового полка составили более 150 бойцов, 241-го стрелкового полка – 71 боец, 90-го стрелкового полка – 80 бойцов. В то же время 7-я румынская пехотная дивизия потеряла около трети своего состава, участвовавшего в наступлении. Подтянувшиеся румынские войска, ударив во фланги

советских войск, сумели вытеснить их со станции Карпово. Несмотря на то что румынским частям ценой больших потерь удалось захватить Карпово, их дальнейшее продвижение вперед захлебнулось.

К вечеру 7-я румынская пехотная дивизия все же смогла проникнуть в глубь советской обороны на 1–1,5 км, в то время как 11-я и 3-я пехотные дивизии продвинулись на 800–1000 м. Но дальнейшее продвижение румынских войск вперед натолкнулось на ожесточенное сопротивление советских войск.

37-й румынский пехотный полк «Доробанць» с боями достиг северной окраины Михайловки, но не смог продвинуться далее. 14-й и 16-й пехотные полки попали под перекрестный огонь со стороны Михайловки и Карпова и понесли тяжелые потери. Командиры обоих полков были ранены.

Около 25 подбитых и сожженных танков остались за линией траншей и на нейтральной полосе. Несколько подбитых танков перетаскивали ночью тягачами в более удобное для осмотра место. Были организованы экскурсии для бойцов и журналистов, где «у вражеских танков, выведенных накануне из строя, делились с товарищами своим боевым опытом те, кто их поразил, – лучшие артиллеристы противотанкового дивизиона, пехотинцы, умело применявшие бутылки с зажигательной жидкостью и гранаты».

В телеграмме Военного совета Приморской армии командованию 95-й стрелковой дивизии говорилось: «Поздравляем с новым успехом. Объявить благодарность бойцам-героям, особенно артиллеристам противотанковых пушек и бойцам, уничтожающим танки бутылками с горючим. Отличившихся представьте к правительственной награде. Боевые подвиги защитников Одессы войдут в историю Отечественной войны как подвиг истинных героев, верных сынов великого советского народа»^[165].

На усиление Западного сектора командованием было послано 700 бойцов, выписанных из госпиталей или только что призванных, и небольшой отряд моряков из резерва Одесской военно-морской базы.

19 августа в Западном секторе части 95-й стрелковой дивизии в упорных боях удерживали рубежи обороны, даже, местами, продвигаясь несколько вперед. Однако над войсками этого сектора нависла серьезная угроза удара с фланга в связи с тем, что была оставлена Беляевка и образовалась большая брешь в нашей обороне. В силу этих обстоятельств к исходу дня был отдан приказ об отходе войск Южного и Западного секторов на новые рубежи. Для пополнения потерь в дивизию было направлено 500 бойцов, но у них не было оружия... Не было оружия и у штаба обороны... 95-я стрелковая дивизия с приданным ей бронепоездом отводилась на линию Палиево – Выгода – хутор Петровский – перекресток дороги севернее Карсталя.

Более благоприятно для румынских частей складывалась ситуация на правом фланге (Южный сектор советской обороны), где наступали части 1-го румынского корпуса (гвардейская и пограничная дивизия). Им противостояли части 25-й стрелковой дивизии и 90-й полк 95-й стрелковой дивизии.

Румынским войскам удалось вклиниться в глубь советской обороны на 7 км и занять позиции к востоку от Толмачева. 5-й румынский пограничный полк занял усадьбу Кагарлык и отбросил советские войска к востоку от речки Барабой. Румынская гвардейская дивизия атаковала в направлении Кагарлыка и Мангейма, но не смогла

прорваться в эти села. Под Блонским 9-й румынский полк, без артиллерийской подготовки, в 3.00 атаковал советские позиции и завязал ожесточенный бой с 241-м стрелковым полком за высоту 110.

К востоку от Хаджибейского лимана румынское наступление началось в 10.00 после двадцатиминутной артиллерийской подготовки. Румынская тактическая группа «Полковник Поенару» (35-й пехотный полк при поддержке 25-го артиллерийского батальона и 3-го батальона 23-го артполка) прорвала оборону 1-го полка морской пехоты, разорвала полк на две части и наступала в направлении 2 км к востоку от Малого Буялыка, 2 км юго-восточнее Старой Дофиновки, а 1-я румынская кавбригада – в направлении Булдынка– Чебанка^[166].

Часть бойцов еще недавно грозного полка Осипова была прижата к морю и к лиману у сел Старая и Новая Дофиновка, другая часть грудью закрыла поселок Чебанка, где находилась советская дальнобойная батарея. Командарм направил на поддержку поредевшего полка Осипова караульный батальон и батальон связи ТУРа, а также группу одесских коммунистов, собранных по партийной мобилизации.

В течение 16–18 августа натиск вражеских дивизий на флангах и в центре фронта Приморской армии усиливался. Особенно тяжелая обстановка сложилась в Западном секторе обороны. В Восточном секторе обороны немцы несколько раз врываются в деревню Булдынка, но каждый раз после артналета береговых батарей их выбивала оттуда морская пехота. 18 августа немецкие части под Одессой начали передавать позиции румынским войскам – 11-й немецкой армии предстояло совершить бросок через Днепр – к Крыму, Донбассу и Кавказу. Смена немецких дивизий румынскими облегчила положение обороняющихся на Одесском плацдарме советских войск.

После 17 августа обострился конфликт между командующим Приморской армией Г.П. Софроновым и командующим Одесской военно-морской базой Г.В. Жуковым, да и командованием всего Черноморского флота. 18 августа адмирал Ф.С. Октябрьский отдал приказ коменданту Одесской военно-морской базы:

- «1. На все отходящие из Одессы и Очакова пароходы, как военные, так и гражданские, сажать только раненых, женщин, детей и стариков.
2. Категорически запрещено принимать на корабли и вывозить из Одессы и Очакова не только военных, но и гражданских лиц, способных носить оружие, от 18 до 55 лет.
3. Учитывая, что дезертирство идет под видом всяких командировок, никаких документов для данной категории лиц не признавать, за исключением тех, которые приезжают в Одесскую В МБ или Приморскую армию из высших штабов или центральных учреждений. Всех задержанных возвращать к месту своей службы.
4. Разрешить организованный выезд рабочим и служащим, эвакуируемым по решению Государственного комитета обороны вместе со своими предприятиями.
5. Для выполнения этих приказаний организовать в порту контрольно-комендантскую службу»^[167].

Одновременно Военный совет ЧФ доложил командующему Южным фронтом (в копиях – маршалу Буденному, адмиралу Кузнецову, маршалу Шапошникову), что «Военный совет

Приморской армии начал эвакуацию войск из Одессы с оружием на транспортах, предназначенных для перевозки женщин, детей и ценных грузов. 16 августа на транспортах «Днепр», «Пестель», «Азов» и «Восток» Военным советом армии было направлено больше двух тысяч человек бойцов и командиров. С огромными трудностями удалось высадить их с транспортов, но все же 600 человек начсостава и бойцов с пулеметами, винтовками, гранатами и боезапасом были задержаны в Севастополе.

В одесском порту царил хаос, был огромный наплыв войск. Они требовали посадки на транспорты, причем предъявляли документы, подписанные начальником тыла и прокурором армии, Военным советом. Военный совет Приморской армии не собирается защищать Одессу до послед – него бойца, так как большое количество оружия вывозилось. Имея это оружие, можно было сформировать новые части из местного населения и поставить их на защиту города»^[168].

В заключение Военный совет ЧФ просил главкома Юго-Западным направлением С.М. Буденного принять решительные меры к нарушителям дисциплины и заставить Военный совет Приморской армии навести порядок в армии и городе или отстранить тех руководителей, которые не выполняют решений высшего командования.

Начальник штаба ЧФ от имени командующего ЧФ приказал старшим морским начальникам в Феодосии и Керчи, а также командиру Новороссийской ВМБ и командующему Азовской военной флотилией создать в портах заградительные отряды для осмотра пассажиров и арестовывать военнслужащих, прибывших из Одессы, как дезертиров независимо от наличия документов, а о задержанных «одесситах» доносить в штаб флота.

Впрочем, еще 16 августа С.М. Буденный в докладе Ставке о положении войск Юго-Западного и Южного фронтов отмечал, что в связи с тем, «что Приморская армия оставлена для обороны Одессы, возникли трудности с ее управлением, питанием и организацией взаимодействия с флотом, поэтому я прошу Приморскую армию переподчинить командующему ЧФ, назначив в помощь последнему грамотного командира по наземным войскам. Прошу Ставку Верховного Командования дать указание по затронутым вопросам»^[169].

Противостояние флотских и армейских начальников закончилось передачей командования в руки военных моряков.

Утром 19 августа была получена директива Ставки Верховного главнокомандования о создании Одесского оборонительного района (ООР). В его состав включались силы Приморской армии, Одесской военно-морской базы и приданные ей корабли ЧФ. Одновременно все силы и средства ООР переподчинялись Военному совету ЧФ. Высшим и единым органом командования на Одесском плацдарме стал Военный совет Одесского оборонительного района. Командующим войсками оборонительного района был назначен командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал Г.В. Жуков.

Командарм Г.П. Софронов еле сдерживал свое негодование. Он поначалу и не думал подчиняться «морячку» Г.В. Жукову, с которым часто конфликтовал. Позже он запишет в своем дневнике: «Ошибочно считают, что основным именинником героической защиты Одессы являются моряки, а армия где-то на задворках. Обидно за армию и ее пехоту.

Оперативно все вопросы решал я лично, без всякого контроля... Внешне же получалось, что все делает тов. Жуков и он – герой»^[170].

Генерал Н.И. Крылов так опишет героя Одессы, человека, от которого в полной мере зависел успех обороны: «У Жукова было обветренное, тронутое когда-то оспой лицо, несколько хмурое и очень волевое. Я знал, что он участник гражданской войны. Побывал и добровольцем в Испании, где заслужил два ордена. В Одессе контр-адмирал служил около трех лет и был известен в городе. Он являлся членом обкома партии, кандидатом в члены ЦК КП(б) Украины... Генерал-лейтенант Софронов и контр-адмирал Жуков – люди очень несхожие по складу характеров». К портрету этого героя он добавлял, что контр-адмирал был коренаст, широкоплеч, порывист...^[171]

Перед Военным советом оборонительного района Ставка Верховного главнокомандования поставила следующие задачи:

1. Одесский район оборонять на рубеже: Фонтанка – Кубанка – Ковалевка – Отрадовка – хутор Первомайск – Беляевка – Маяки – Каролино-Бугаз до последнего бойца.
2. При организации обороны уделять особое внимание созданию и развитию оборонительных сооружений. Создать оборонительные рубежи и привести в оборонительное состояние город.
3. Мобилизовать и использовать все трудоспособное население для обороны города и района, создать запасные части.
4. Изъять из базы, тыловых частей и учреждений весь излишний начальствующий и рядовой состав и использовать его в строю.
5. Установить в городе и районе порядок и соответствующий режим для гражданского населения.
6. Выявить в районе и городе наличие вооружения, военной техники и другого военного имущества; использовать его для обороны. Все ненужное для обороны эвакуировать. Эвакуацию проводить во всех случаях с разрешения контр-адмирала Жукова»^[172].

Командующему ООР с 19 августа были подчинены «все части и учреждения бывшей Приморской группы», а о Приморской армии в директиве Ставки ничего не было сказано, она была просто забыта! Возникал вопрос: сохраняется ли вообще под Одессой армия как оперативное объединение? С 23 августа Одесский оборонительный участок перешел из подчинения Южного фронта в подчинение командующего ЧФ.

Приморская армия переходила под начало морского командования, что поначалу вызвало непонимание у армейских генералов и полковников. Нарком ВМФ Кузнецов предложил командующему ЧФ адмиралу Ф. Октябрьскому предупредить контр-адмирала Г. Жукова, что исходя из негативного опыта обороны Николаева он строго единолично должен командовать как военными частями, так и гражданскими учреждениями, а к нежелающим ему подчиняться – принимать меры на месте и, если потребуется, применять оружие.

Черноморский флот получил задачу: огнем артиллерии береговых батарей и кораблей поддерживать борьбу сухопутных войск, обеспечить подвоз пополнения, вооружения и снаряжения в Одессу, а также эвакуацию из города раненых, населения и ценного имущества.

По иронии судьбы в этот же день И. Антонеску издал декрет о присоединении Транснистрии (территории Одесской области, восточной части Николаевской и части Винницкой областей УССР) к Румынии, в котором говорилось: «Мы, генерал Ион Антонеску, Верховный главнокомандующий армией, постановляем: территория, оккупированная между Днестром и Бугом, за исключением района Одессы, граничащая на севере по линии Могилев – Жмеринка, обозначенной на прилагаемой карте, входит в состав румынской администрации. Назначаем нашим представителем в Транснистрии с предоставлением ему всех полномочий господина профессора Георге Александру. Чиновники, назначенные на работу в Транснистрию, будут получать двойное жалование в леях и жалование в марках, не превышающее жалования в двойном размере в леях. РККС (марка) является единственной монетой, имеющей хождение на территории Транснистрии. Назначаем резиденцию управления Транснистрией в г. Тирасполе. Наш представитель непосредственно подчиняется нам и Президиуму Совета министров»^[173].

После получения приказа о назначении командующим Г.В. Жукова командарм Г.П. Софронов возмущался «несправедливым» назначением и даже собирался ехать в штаб фронта «искать справедливость». Но штаб Южного фронта уже был за Днестром... Чтобы умирить генеральский пыл, Г.В. Жуков вызвал Г.П. Софронова и довольно резко заявил ему (по воспоминаниям Г.П. Софронова): «Приморской армии больше не существует, вы свободны, безработный!» За один день Г.В. Жуков расформировал штаб Приморской армии, забрав в штаб ООР лучших специалистов – комбриг В.П. Катров стал замкомандующего ООР по военно-воздушным силам, генерал-майор А.Ф. Хренов – помкомандующего ООР по инженерной обороне и оборонительному строительству, генерал-майор Г.Д. Шишенин – начальником штаба ООР. Сохранялась также и структура Одесской военно-морской базы. Ее командиром стал (вместо Г.В. Жукова) контр-адмирал И.Д. Кулишов, который одновременно стал замом командующего ООР «по обороне с моря». Г.П. Софронов говорил, что Г.В. Жуков сразу начал «отдавать приказы дивизиям сам», впадая в «начальнический раж»^[174].

Г.В. Жуков в своем первом приказе по войскам ООР (19 августа) даже не упомянул о существовании Приморской армии, к тому же он издал приказ сухопутным войскам, через голову командарма и штаба армии. Но подчинение морскому командованию дивизий и полков себя не оправдало. Г.В. Жуков потом признал ошибочность подобного подхода, понял, что так командовать нельзя, и удержался от опасной в обстановке осады ломки сложившейся системы управления войсками.

Понимая, что проиграл и за отставкой могут последовать тотальные обвинения, Г.П. Софронов попросил у Г.В. Жукова: «Надеюсь, вы мне дадите дивизию?» Жуков, стремясь избавиться от поверженного конкурента, уговаривал бывшего главкома уехать из Одессы: «Вы старше меня в звании, вчера ругали меня, подумайте, неудобно будет».

Софронов все же выпросил у Жукова пост его заместителя «по армии» (одновременно формально оставаясь командующим Приморской армией) и воссоздание штаба Приморской армии хотя бы в урезанном виде. Начальником штаба Приморской армии, вместо Г.Д. Шишенина, был назначен полковник Н.И. Крылов, занимавший до этого пост начальника оперативного отдела, – опытный и одаренный военный работник, ставший впоследствии выдающимся военачальником, Маршалом Советского Союза... Но, как замечал впоследствии сам Крылов, «начальства стало многовато!».

После назначения командующим ООР контр-адмирал Г.В. Жуков перебрался с КП Одесской военно-морской базы (размещался на улице Торговой в здании кардиологического института) в подземный штаб Приморской армии на ул. Дидрихсона (старые подвалы коньячного завода), заставив «приморских» сухопутных штабистов значительно потесниться. Штаб приморцев был прикрыт снаружи бетонным колпаком, имел лучшую систему связи, автономный источник электроэнергии. На трех подземных этажах разместились два командующих, два военных совета, два штаба – оборонительного района и армии. Обедали две эти структуры в одной столовой Военного совета ООР, которую Г.В. Жуков назвал кают-компанией. Интересно, что в кают-компании «генералитет» вечерами веселился... Так Г.П. Софронов запишет в своем дневнике: «За ужином выпили, и я плясал» (25.09.41); «Пили шампанское под музыку разрыва снарядов, ночью было кино... Вчера играли в кости» (28.09.41); «Выпитое вчера за ужином вино сказалось на моем сердце и настроении» (2.10.41)^[175].

Генерал Н.И. Крылов писал, что с приходом к командованию Г.В. Жукова «прекращалось тягостное положение, когда мы, отрезанные от остальных войск Южного фронта, оказались без нормальной связи с вышестоящим штабом и просто не знали, куда обращаться с самыми срочными нуждами. А уж с Севастополем, с командованием Черноморского флота связь могла быть быстрой и надежной»^[176].

С образованием Одесского оборонительного района Народный комиссар ВМФ приказал Военному совету ЧФ для обороны базы и поддержки сухопутных войск по обстановке использовать корабли и авиацию основного ядра ЧФ.

После того как командарм был «повержен», Г.В. Жуков стал уважительно относиться к Г.П. Софронову, как к старшему по званию и годам: «В столовой Военного совета, где Софронов не садился больше во главе стола, не занимал этого места и Жуков. Оно обычно пустовало, а они сидели напротив друг друга». Софронов запишет, что Жуков стал «нарочито подчеркивать мое преимущество перед собой, доходя временами до самоуничужения... Члены же Военного совета его поддерживают, и только один моряк Азаров протестует»^[177].

19 августа сложилась напряженная обстановка на фронте у Куяльницкого лимана, где несколько румынских танков прорвались в тыл обороны 54-го стрелкового полка. Тогда положение спасли пушки 134-го гаубичного полка.

Командир взвода младший лейтенант А. Рак, выкатив одну пушку на танкоопасное направление, прямой наводкой стал бить по прорвавшимся танкам.

К вечеру 19 августа вновь ухудшилась обстановка в Южном секторе. В первом боевом донесении штаба ООР говорилось: «Войска оборонительного района 18 и 19 августа вели особо напряженные бои со значительными силами противника, нанесшего главный удар в направлении Кагарлыка и Карсталя. Введя в бой свежие части, противник к исходу 19 августа прорвал фронт на участке Кагарлык–Беляевка. Наши части, понеся значительные потери (свыше двух тысяч человек только ранеными) в личном составе и материальной части, с боем задерживают противника». В ротах 287-го стрелкового полка 25-й Чапаевской стрелковой дивизии осталось по 25–30 бойцов.

Румынские войска взяли Беляевку, захватили и немедленно отключили Беляевскую водонасосную станцию на Днестре, лишив тем самым 350-тысячное население Одессы

основного источника снабжения пресной водой. И все это в разгар жаркого лета... Захват этого населенного пункта создал также большую угрозу флангам Южного и Западного секторов обороны.

В 20-х числах августа стали сказываться последствия захвата противником станции водоснабжения Одессы. В приказе Г.В. Жукова № 2 по ООР указывалось, что солдаты, за недостатком пресной воды, должны использовать для приготовления пищи, питья и технических целей морскую воду. Для поварских нужд воду требовалось «приготовлять» таким способом – на 1 литр морской воды добавлять 5 граммов питьевой соды, кипятить 20 минут, после удалять осадок. «Для питья» – смешивать 50 на 50 морскую и пресную воду, отстаивать до 5 дней и добавлять 2 таблетки патоцида (обеззараживателя) на литр смешанной воды^[178].

Опасно для обороны Одессы складывалась ситуация в Южном секторе на участке 25-й стрелковой дивизии. Сказалась, среди прочего, несогласованность командования и огромные потери.

Так, в 287-м полку дивизии осталось по 25–30 бойцов в роте, за сутки в госпитали поступило до 2 тыс. раненых бойцов 25-й стрелковой дивизии.

На помощь частям 25-й стрелковой дивизии под Беляевку, в прорыв, был спешно кинут последний резерв – 1-я кавдивизия Петрова (3, 5, 7-й кавполки), которые до этого неделю перебивали в лагерях в Лузановке. Вечером 20-го советские кавалеристы приняли на себя основной удар, захватив 70 румынских пленных.

Но противник прорвал фронт на участке Кагарлык, продолжал наступление на хутор Карсталь. Возникла угроза окружения отдельных подразделений. Командующий ООР Г.В. Жуков отдал приказ об отступлении, даже не поставив в известность своего заместителя по сухопутной обороне командующего Приморской армией Г.В. Софронова. Для 95-й стрелковой дивизии это означало оставление позиций, которые она защитила в упорных, кровавых боях последних десяти дней. Комдив 95-й генерал Воробьев вместе с Г.П. Софроновым пытался возражать против этого отхода. Но Г.П. Жуков не прислушался к их мнению.

В итоге 95-я стрелковая дивизия, не сумев оторваться от противника, отошла на новый рубеж: Палиево – Выгода – Петровский – северо-восточнее Карсталь. Основную группировку дивизии было приказано держать севернее и южнее железной дороги, удерживая район Выгода^[179].

Командир 25-й стрелковой дивизией А.Ф. Захарченко пытался доказать, что отступление нецелесообразно, что созданная на старых рубежах система обороны позволит удержать противника. В ответ Г.В. Жуков пригрозил полковнику трибуналом. Тому не оставалось ничего другого, как выполнять приказ... Не подготовив новых рубежей, комдив 25-й приказал своим частям отходить, но они никак не могли оторваться от противника^[180].

Из-за хаоса во время ночного отхода пехотные части перемешались с кавалерийскими, управление войсками было потеряно, а части дивизии не смогли занять для обороны указанные рубежи и откатились к Одессе. Дивизия отошла несколько дальше – восточнее указанной ей линии обороны на линию Красный Переселенец – южная окраина Фрейденталь – Ильичевка – Юзефсталь. Генерал Г.П. Софронов в своем дневнике запишет: «По вопросам организации получается неразбериха»^[181].

После неудачи под Кагарлыком полковник А.С. Захарченко был освобожден от должности командира 25-й стрелковой дивизии и переведен на штабную работу в Восточном секторе. Г.П. Софронов был недоволен отставкой А.С. Захарченко, считая эту отставку покушением на свои права как командарма. Он запишет в дневнике: «Все командиры дивизий – мои выдвиженцы», читай – «креатура командарма». Командиром 25-й стрелковой дивизии и начальником Южного сектора был назначен генерал-майор И.Е. Петров (с 22 августа приступил к своим обязанностям), до того командовавший 1-й кавдивизией. Кавдивизию временно возглавил ее начальник штаба полковник П.Л. Рябченко. Но она полностью не вышла из подчинения генерала Петрова: для восстановления положения в Южном секторе под его командованием объединились обе эти дивизии с добавлением одного стрелкового полка из 95-й стрелковой дивизии. На И.Е. Петрова была возложена ответственность за весь левый фланг обороны^[182].

В связи с отходом войск на новые рубежи командование ООР потребовало от руководства инженерными частями и местных советских органов ускорить строительство оборонительных сооружений на ближних подступах к городу. Было дано указание: вместо противотанковых рвов ставить оплетенные проволокой надолбы, с тем чтобы в кратчайший срок создать эффективные противотанковые и противопехотные препятствия.

Первый опыт нового командования сухопутными войсками морских начальников оказался неудачным. Впрочем, как заметил Н.И. Крылов, «здравый смысл удержал Г.В. Жукова от опасной в тогдашней обстановке ломки сложившейся системы управления войсками. Перестраивать ее было не время. Если в создавшихся условиях имело смысл подчинить флоту слаженную армию, то подчинение морскому командованию отдельных дивизий и полков никак бы себя не оправдало»^[183].

На 20 августа протяженность фронта одесской обороны составляла более 80 км. В частях, державших этот фронт, насчитывалось 34 500 бойцов и командиров. Из них автоматами были вооружены только 660 человек, полуавтоматическими винтовками – 2450.

Станковых пулеметов имелось 418, ручных – 703. Действующих на позициях танков числилось два, исправных самолетов – 19. В эти дни продолжались кровавые бои на высоте 110, где румынский 9-й пехотный полк «Доробанць» понес серьезные потери – 126 убитых и 250 раненых. На правом фланге румынские войска снова атаковали позиции 1-го полка морской пехоты и присланного на помощь 150-го батальона связи ТУРа, усилив свою наступающую пехоту несколькими кавалерийскими эскадронами и танками. 19 августа, после полудня, им удалось захватить Шицли и Старую Дофиновку и развить дальнейшее продвижение из этих пунктов по направлению к приморским селам Чебанка и Новая Дофиновка. Завязался ожесточенный бой, переходивший местами в рукопашные схватки. Полк морской пехоты понес значительные потери – до 200 бойцов убитыми и ранеными. Румынские войска предприняли атаку западнее села Шицли. Несмотря на успешную стрельбу батареи Вербицкого, подбившую три танка противника, румынские войска прорвали оборону 1-го морского полка и 150-го батальона связи, выйдя им в тылы. Один батальон полка, где погиб комбат, заняв круговую оборону, был прижат к Большому Аджалыкскому лиману у Старой Дофиновки, сумев по лиману переправить своих раненых. Другой батальон был прижат к берегу моря у Чебанки...

Командование Приморской армии ожидало, что первые удары противник нанесет в лоб с севера – между Днестровским и Хаджибеевским лиманами, поэтому создало там вдвое

большую плотность артиллерии, чем на восточном направлении – между Куяльницким и Аджалыкским лиманами. Здесь единственным полевым артполком был 134-й гаубичный, который поделили по батареям между стрелковыми частями. Такое положение делало восточное направление очень опасным...

Артиллерийская поддержка советского полка огнем канонерской лодки «Красный Аджаристан», лидера «Ташкент», эсминцев «Бодрый», «Безупречный» помогала обороняющимся, но не могла изменить исход боя.

20 августа на помощь разбитому полку морпехов Осипова, что едва сдерживал наступление румынских частей и отдельных немецких взводов, был направлен спешно сформированный новый отдельный мотострелковый батальон из пограничников капитана Шейкина, усиленный артиллерийской батареей. А. Шейкин вспоминал, что у Старой Дофиновки, где держали оборону части 1-го морского полка, царил хаос и паника: «Командиры задерживают и убивают бегущих бойцов. За стеной дома кирпичного завода стояли Осипов и его комиссар, оба бледные и нервные. Какой-то подполковник, по-видимому из моряков, размахивал пулеметом, истерически кричал... Я не верил своим глазам, видя эту страшную катастрофу... Ретивые комендоры безжалостно расстреливали своих бегущих моряков-одиночек и группы, в стороне, в овраге. Далее я терпеть не мог, крикнул во всю мочь: «Приостановите безумие, или я применю свою силу...»^[184]

Н.И. Крылов, рассказывая в своих мемуарах о командире полка морпехов Якове Ивановиче Осипове, замечает, что он еще в начале войны был морским интендантом 1-го ранга, возглавлявшим службу тыла Одесской базы: «Образования военного, правда, не получил... Осипову около пятидесяти. Голос глуховатый, лицо в резких, глубоких морщинах. Но фигура стройная, подтянутая»^[185].

Майор Шейкин тогда спас положение, приказав батарее открыть огонь по наступавшим румынским войскам прямой наводкой осколочными снарядами, а мотострелковому батальону – прямо на грузовиках прорваться из Новой Дофиновки в Старую, перед носом наступающего врага. Пятнадцать машин, свернув с дороги, по пахоте, устремились на север, открыв из машин ураганный огонь по врагу. И хотя две машины были подбиты, большинство добралось до позиций морского полка. Спешившись, пограничники пошли в штыковую... Видя это, под руководством старшего политрука В.А. Митракова израненные матросы поднялись из окопов и присоединились к контратаке, которая была настолько мощной, что румынские солдаты бежали несколько километров к селению Шилци, оставив «советам» стратегическую высоту 57,3. В то же время моряки 3-го батальона пытались удержать приморскую дорогу на Николаев, Чебанку и батарею № 411.

По распоряжению Я.И. Осипова к берегу у Новой Дофиновки подошел эсминец и протянул телефонный кабель на КП полка для координации огня своих пушек по переднему краю противника. Огонь был направлен по высоте 41,7 и по северной окраине Старой Дофиновки, где находилась минометная батарея противника. 21 августа адмирал Ф. Октябрьский выслал для обстрела вражеских позиций под Одессу отряд кораблей: «Красный Крым», миноносцы «Дзержинский» и «Фрунзе» под командой капитана 2-го ранга Зубкова.

Облегчили положение моряков и пушки 412-й батареи, которые 18 августа обстреляли румынскую автоколонну, что двигалась к фронту по дамбе Аджалыкского лимана, огонь пушек разрушил переправу, и наступление противника не было поддержано дополнительными силами.

Бои за Старую Дофиновку, в которых моряки пять раз вставали в общую штыковую атаку, стоили советским частям до 400 бойцов, в ротах оставалось по 20 активных штыков, все советские пушки были подбиты. В этом бою в плен сдалось до 200 румынских и немецких солдат, более 400 солдат противника было убито, моряки захватили несколько орудий, 12 пулеметов, 30 лошадей, 3 легких танка (танкетки), броневик...

20 августа 21-я румынская пехотная дивизия, действовавшая на правом фланге 1-го корпуса, к вечеру достигла точки в 2 км северо-западнее села Фрейденталь, расположенного на полпути от Беляевки к Дальнику. Румынская гвардейская дивизия, наступавшая вслед отходящей советской 25-й стрелковой, заняв Кагарлык и Мангейм, продвигаясь на юго-восток, заняла село Василевка и достигла района Макаровка, к юго-западу от Выгоды^[186].

Перед румынской авиацией были поставлены задачи провести разведку позиций юго-восточней Одессы для определения возможных очагов сопротивления и переброски советских подкреплений с юга и юго-востока. Авиации также было приказано произвести аэрофотосъемку позиций Волоновка – Сухой лиман и нанести бомбовые удары по населенным пунктам и скоплениям живой силы и техники противника.

Затяжные бои за Фрейденталь (село на полпути между Беляевкой и Дальником) шли с переменным успехом.

5-й советский кавполк совершил рейд по тылам противника. 31-й Пугачевский стрелковый полк смелой контратакой выбил врага из Петерсталя (ныне – село Петродолинское) и ворвался в соседний Францфельд (ныне – село Надлиманское). Оба селения уже были захвачены противником накануне, и этот боевой успех сводился к восстановлению утраченных позиций. В районе села Маяки (у Днестровского лимана) некоторые роты чапаевцев, что не успели отойти, вели бои в окружении, в круговой обороне. На поддержку 25-й стрелковой дивизии были направлены два дивизиона бригады ПВО, батальон ВНОС, преобразованный в стрелковый, отдельные подразделения тыла, несколько сот ополченцев и бойцов, выздоровевших после ранений.

В Южном секторе, на новом оборонительном рубеже положение временно стабилизировалось. В этом районе советским командованием планировался контрудар, но, как вспоминал В.П. Сахаров, враг сумел нейтрализовать его в самом начале, и «контрудар успеха не имел». Дивизии первого эшелона 3-го румынского корпуса были остановлены на линии обороны Макаровка – Выгода – северная окраина села Палеево. Линия фронта установилась на рубеже лиман – Выгода – Палеево – высота 94,5 – хутор Октябрь – Березань – Беляевка.

Огромным недостатком Южного сектора было то, что здесь практически отсутствовала сплошная линия фронта: между оборонявшимися подразделениями оставались значительные промежутки, которые удерживали только отдельные пулеметные расчеты или наблюдательные посты (секреты).

Напряженная обстановка на переднем крае вызвала необходимость форсировать строительство баррикад и оборонительного рубежа, прилегающего к окраине города.

Командующий войсками ООР приказал:

«1. Закончить все работы по баррикадированию улиц города Одессы: а) внешнего обвода оборонительного рубежа, прилегающего к окраине города, – к 23.08.41 г.; б) внутренней части города – к 25.08.41 г.

2. Баррикады, построенные из гранитного камня, одеть мешками с песком.

3. Все баррикады, построенные с активной задачей, приспособить для ведения огня из них и из прилегающих к ним зданий.

4. Ширококолейную трамвайную магистраль проверить и сделать ее готовой для действия бронепоезда.

5. Для выполнения всех работ в указанный срок через представителей районной власти и партийных органов мобилизовать все население и местный транспорт».

Помощник командующего ООР по инженерной обороне генерал А.Ф. Хренов принял срочные меры к окончанию работ по подготовке противотанкового рва в районе Гниляково – Дальник, оборудованию батальонных районов. На эти работы были переброшены фортификационные батальоны из районов Выгоды, Вакаржан и Александровки.

В середине августа 1941-го начались работы по постройке бронетракторов, которые должны были компенсировать нехватку советских танков (на тот момент в войсках действовало только 9 отремонтированных танков БТ-7). Бронетрактора, построенные на базе транспортных тракторов СТЗ-5, были готовы уже 20 августа. Их бронировку выполнил завод им. Октябрьской революции. Для ускорения постройки для этих бронетракторов использовали башни с разбитых танков Т-26 выпуска 1931 г. Вооружение машин состояло из двух пулеметов. По воспоминаниям бывшего первого секретаря Ленинского райкома партии Н.Г. Луценко, который курировал эту работу, «с 20 августа по 15 октября изготовили 55 танков, переоборудовав их из тракторов СТЗ-5» (другие источники приводят другую цифру построенных в Одессе бронетракторов – 69)^[187].

21 августа румынские 3-я и 5-я пехотные дивизии (последняя была передана из 4-го корпуса, находившегося в резерве) пытались прорваться через линию Макаровка– Выгода – север Палеево. 95-я стрелковая дивизия еще не успела закрепиться на новых рубежах, и к полудню румынским частям удалось захватить расположенную в 28 км от Одессы железнодорожную станцию Выгода. По приказу командарма Г.П. Софронова в распоряжение 95-й стрелковой дивизии была направлена последняя резервная пулеметная рота из Тираспольского УРа (25 станковых пулеметов с расчетами). Эту пулеметную роту, которая 21–22 августа остановила наступление противника, возглавил начштаба дивизии майор Чинов.

22 августа было для защитников города одним из самых напряженных. Из захваченной накануне станции Выгода враг упорно пытался прорваться дальше на юго-восток, по направлению к Одессе. На танкоопасном направлении, которое удерживала 95-я стрелковая дивизия, через кукурузное поле двинулись румынские танки, поддерживаемые

пехотой. Наступление поддержала группа румынской авиации, которая совершила 118 вылетов и сбросила 78 тонн бомб на Гниляково, Вакаржаны, Фрейденталь, Дальник и Мариенталь. По румынским данным, в районе Выгоды 73-я бомбардировочная эскадрилья 6-й бомбардировочной группы вывела из строя советский бронепоезд.

На 22 августа советское командование наметило фланговое наступление на хутор Шевченко – Выгода. Советский 161-й стрелковый полк в утренней атаке даже успел захватить у врага стратегическую высоту 97,4. Но этим же утром после двухчасовой артиллерийской подготовки неприятельские войска и танки перешли в наступление. 11-я румынская пехотная дивизия атаковала передний край советского 241-го стрелкового полка в лоб. 3-я румынская пехотная дивизия ударила с фланга, стремясь вклиниться в стык советских 241-го и 161-го стрелковых полков. 7-я румынская пехотная дивизия, наступавшая от станции Выгода, ударила по 161-му стрелковому полку в районе хутора Дубиново, а пограничная румынская дивизия завязала бой с советским 90-м стрелковым полком. Десяти румынским танкам и нескольким батальонам удалось прорвать оборону на стыке советских полков и обойти советские окопы у хутора Октябрь. Всей обороне Одессы в этот день грозила катастрофа... Комдив 95-й бросил в стык 161-го и 90-го стрелковых полков последний резерв – 100 человек штабистов и политотделовцев, под командованием капитана Сахарова. Старший батальонный комиссар Г.А. Бойко повел штабную роту в контратаку и был тяжело ранен...

Положение спас начальник артиллерии 95-й стрелковой дивизии полковник Д.И. Пискунов, который приказал остановить прорыв противника перекрестным огнем 397-го и 57-го артполков. Он направил огневую мощь своих артполков в стык двух стрелковых полков, где оборонялись штабисты. 95-ю стрелковую дивизию поддерживали и дальнобойные орудия артиллеристов-богдановцев. В решающий момент энергия румынской атаки была остановлена массированным огнем всей дивизионной артиллерии. Артиллеристы выкатили пушки из укрытий и в упор, прямой наводкой стали расстреливать противника. После того как пять танков противника были подбиты, румынские батальоны начали отступать на прежние позиции. Контратаки пехоты и гибкое маневрирование огнем артиллерии позволяли отбивать усиливавшийся натиск врага^[188].

Были в этот день в стане оборонявшихся и досадные недоразумения. Так, советские самолеты ошибочно бомбили позиции 95-й стрелковой дивизии, в этой бомбежке погибло до 50 советских солдат. В ряде частей не хватало патронов... Дошло до того, что комиссар 3-й роты во время боя ушел с позиций в штаб с требованием прислать патронов.

К полудню 21 августа, когда возобновилось наступление противника вдоль железной дороги, 90-й стрелковый полк полковника Соколова ударил в тыл нападающим... Чтобы отвлечь румынские части от наступления, командование 95-й стрелковой дивизии направило в рейд по тылам противника бронепоезд № 22 (4 орудия и 16 пулеметов). Батальонному комиссару, командиру бронепоезда В.Р. Вишневному было приказано «выдвинуться до 3-й будки и уничтожить огнем противника ударом в тыл и фланги в направлении 103,7, хут. Шевченко и вдоль железной дороги на ст. Выгода. Действовать смело и решительно, не боясь окружения»^[189].

После перехода через линию фронта бронепоезд высадил десант из 80 автоматчиков, которые заняли круговую оборону в тылу врага. Как вспоминал В.Р. Вишневецкий: «На параллельно проходящей дороге увидели крупную воинскую часть – несколько тысяч

вражеских солдат и офицеров, стоящих на коленях (видимо, проходило богослужение или принимали присягу перед боем)». Бронепоезд открыл огонь с обоих бортов, нанеся румынским силам значительный урон. Несмотря на сильный артобстрел и атаки бомбардировщиков, бронепоезд благополучно вернулся на станцию Застава-1, потеряв 7 убитых (среди них – командир бронеплощадки Н. Дихтяренко) и 22 раненых. Ночью 23 августа на пополнение дивизии Воробьева был послан на машинах отряд, именованный Одесским полком, из 1300 его бойцов винтовки имела только половина. Но 95-я сумела контратаковать противника и отогнать его от Одессы почти на километр.

Положение дивизии не раз выручали счетверенки (четыре зенитно-пулеметные установки на машинах) старшего лейтенанта И.П. Дацько, что появлялись на самых опасных участках и пулеметным огнем заставляли противника остановиться. Так, две машины с пулеметными установками выбили противника с высоты 82,8, захват которой противником ставил под удар левый фланг дивизии.

В полосе 95-й стрелковой дивизии бои не прекращались и ночью. За один день 23 августа в 95-й стрелковой дивизии выбыло из строя около тысячи человек. Вечером доложили, что в правифланговом 241-м полку П.Г. Новикова в трех стрелковых батальонах осталось 260 красноармейцев. Штаб отправлял на фронт все, что успевали сформировать в городе из запасников старших возрастов и добровольцев. На помощь 241-му стрелковому полку был послан автомобильный батальон под командованием майора В.В. Воскобойникова.

За три дня боев в 95-й дивизии были убиты или ранены все комбаты, тяжело ранены начштаба дивизии майор И.И. Чинов, командир 161-го стрелкового полка полковник С.И. Серебров, командир 90-го стрелкового полка полковник М.С. Соколов. Был убит командир батареи лейтенант С.И. Парамонов. Полковник М.С. Соколов лично возглавил атаку на высоту, захваченную врагом. Раненых командиров заменяли те, кто был рядом: Чинова – капитан Сахаров, Соколова – подполковник Опарин... Генерал Крылов писал: «90-м стрелковым командовал уже упоминавшийся полковник М.С. Соколов, который начал войну начальником штаба этой дивизии. Командиром 161-го стрелкового полка – он оборонялся на центральном участке сектора, по обе стороны железной дороги, – был полковник С.И. Серебров, солдат Первой мировой войны и активный участник Гражданской, с тех пор непрерывно служивший в Красной армии. Третий стрелковый полк дивизии – 241-й – возглавлял полковник П.Г. Новиков, имевший опыт боевых действий в Испании. Эти три полка держали фронт теперь уже против пяти неприятельских дивизий».

В 95-й стрелковой, после кровавых боев, прибыло «морское» пополнение – 600 добровольцев 1-го и 2-го отрядов моряков, присланных из Севастополя. Н.И. Крылов вспоминал: «Вид у моряков бравый, четко держат строй. Все в бескозырках и черных бушлатах... Пробую объяснить, что воевать на суше, сидеть в окопах в морской форме, пожалуй, не очень удобно и лучше бы переодеться в красноармейскую. Но переодеться им явно не хотелось. Высокий, плечистый старшина ответил за всех: «Разрешите нам, товарищ генерал, идти в бой матросами. Если придется умереть за Родину, умрем уж в тельняшках!»

Командовал отрядом моряков майор А.С. Потапов – «бывший преподаватель одного из военно-морских училищ». Этот отряд неожиданно стал «партизанским» – моряки выбили противника из колхоза (хутора) Калинина, но соединиться с батальоном, наступавшим

правее, по другую сторону железной дороги не смогли. План окружения врага не удался... Моряки оказались во вражеском тылу и пробились к своей дивизии только на другой день. А.С. Потапов за свой «партизанский» рейд вскоре был награжден орденом Ленина^[190].

Положение на левом фланге обороны несколько улучшилось, хотя превосходство противника в живой силе и технике оставалось очень значительным. В течение следующего дня враг силами трех дивизий неоднократно пытался продвинуться в направлении сел Красный Переселенец и Францфельд. У Хаджибейского лимана мощная контратака советских войск отбросила румынскую тактическую группу полковника Поенару на 400 м к северу от высоты 58. Тогда же из-под Беляевки под Гниляково (фронт обороны 95-й стрелковой дивизии) перебрасывают советский 5-й кавполк, который должен был прикрывать собой возможные прорывы противника. Но из-за постоянных бомбежек кавалеристов на открытых местностях фронта уже 25 августа полк снова отправляют в резерв – в Лузановский парк.

В то же время 21–24 августа 3-й и 7-й кавполки 1-й кавалерийской дивизии ведут оборонительные бои за Вакаржаны и Дальник, потеряв в этих боях до 30 % своего состава. Тогда бойцы 3-го кавалерийского полка не только отбивали атаки противника, но и переходили в контратаки, разбив румынский батальон и захватив до 80 пленных. Но бойцы 7-го кавалерийского полка были вынуждены отойти вследствие отхода соседних советских подразделений. Отход с позиций 7-го кавалерийского полка командованием рассматривался как «бегство», а командир полка был заменен и привлечен к ответственности. 1-я советская кавдивизия за два дня ожесточенных боев потеряла до 50 % личного состава и была отведена для приведения в порядок и доукомплектования в район Фоминой Балки^[191].

Командующий 4-й румынской армией генерал Н. Чуперкэ определил задачи своим войскам на 22 и 23 августа. Как отмечалось в приказе № 40, главной задачей было как можно скорее выйти на рубеж Волоновка – Сухой лиман. На рассвете 1-й румынский армейский корпус должен был начать наступление от Вакаржан, разворачиваясь к югу. 3-й румынский армейский корпус (по возможности во второй половине темного времени суток) должен был продолжать наступление в заданном направлении с целью сковать советские войска для успешного продвижения 1-го корпуса.

Румынской сводной группе «Хаджибей» ставилась задача: при поддержке тяжелой артиллерии вклиниться как можно глубже в советские позиции. В распоряжение 5-го румынского корпуса передавалась 9-я кавбригада. В армейском резерве оставался 4-й румынский армейский корпус (5-я и 8-я пехотные дивизии). Сильный натиск противника пришлось выдержать и войскам Южного сектора. Против двух полков 25-й стрелковой дивизии (один ее полк – 54-й – по-прежнему оставался в Восточном секторе) и трех полков 1-й кавалерийской дивизии (5-й кавполк был временно выведен из резерва армии) были сосредоточены части четырех румынских дивизий. Командование ООР для усиления обороны в этом секторе направило два дивизиона 15-й бригады ПВО, 45-й батальон ВНОС, преобразованный в стрелковый, некоторые подразделения тыловых служб, отряды ополченцев.

6-й полк 14-й румынской пехотной дивизии атаковал позиции советских войск севернее и южнее Фрейдентала в стыке 287-го и 31-го стрелкового полков 25-й Чапаевской

стрелковой дивизии. По свидетельствам советских источников, румыны попытались прорвать фронт с помощью психической атаки, однако были остановлены и разбиты. К вечеру румыны прорвали оборону 31-го стрелкового полка. Сводная группа подполковника Эфtimiу, составленная из остатков 1-й бронедивизии, захватила северо-западную окраину Петерсталя, а части 14-й румынской пехотной дивизии – северную окраину Францфельда. Румынская тактическая группа полковника Поенару продолжила наступление, но была остановлена, после того как контратака советских войск отбросила 1-ю румынскую кавбригаду на ее левом фланге. В район Куяльницкого лимана прибыла 13-я румынская пехотная дивизия, которая должна была принять участие в боях на следующий день^[192].

Ожесточенные бои шли на правом фланге обороны, где 13-я румынская пехотная дивизия и тактическая группа генерала Димитриу (25-й пехотный полк и 23-й артиллерийский полк) попытались прорвать основную линию обороны, но сумели продвинуться к югу только на 1 км. Артиллерийским огнем возле Большого Буялыка был убит командир 10-го пехотного полка «Вэнэторь» полковник Рауль Халунга.

В районе дамбы через Большой Аджалыкский лиман у Новой Дофиновки противник продолжал атаки советского фронта. Румынские части, несмотря на большие потери, упорно продолжали рваться к Чебанке, где была расположена 412-я береговая батарея – 21 августа в направлении Чебанки повели наступление два эскадрона вражеской кавалерии, рота пехоты и четыре танка. Вкопав в землю несколько танков, румыны начали бить из них по позициям 412-й батареи.

Командование оборонительного района направило отряд из 250 моряков-добровольцев (командир майор И.М. Деньщиков) из прибывшего утром пополнения. Вечером батарейцы и моряки, перейдя в контратаку, захватили 9 противотанковых орудий, 3 станковых пулемета, 5 автомашин и другие трофеи. Противник потерял около 500 человек убитыми.

Упорный бой разгорелся в районе Шицли. После неоднократных атак на позиции 1-го полка морской пехоты противнику снова удалось ворваться в поселок. На этот участок были срочно переброшены батальон 249-го конвойного полка и 150-й батальон связи. Они вместе с морскими пехотинцами контратаковали румынские части, восстановив положение. В полдень части 15-й румынской пехотной дивизии начали наступление в направлении Ильинки, но и здесь они не смогли добиться решающего успеха^[193].

Из Севастополя прибыли крейсер «Красный Крым», эсминцы «Фрунзе» и «Дзержинский». Они доставили в Одессу различные военные грузы. «Красный Крым» и «Фрунзе» сразу же после выгрузки включились в боевые действия. По заданию командования оборонительного района они открыли артиллерийский огонь по скоплениям вражеской пехоты в районах Чебанка и Свердлово. Восточный сектор обороны поддерживали своим огнем крейсер «Красный Кавказ», канонерская лодка «Красная Армения» и другие корабли.

Народный комиссар ВМФ Н.Ф. Кузнецов приказал Военному совету ЧФ:

«Усилить действия авиации в районе Одессы по войскам противника; временно прекратить бомбардировки кораблей, базирующихся на Сулину и Констанцу, за исключением случаев явного сосредоточения в них десантных средств».

Тогда же в Одессу прибыл заместитель командующего ВВС ЧФ генерал-майор В.В. Ермаченков. Он настаивал на продолжении обороны Одессы и согласовал с командованием ООР вопросы использования авиации флота в обороне.

22 августа была принята грозная радиограмма от главнокомандующего Юго-Западным направлением С.М. Буденного, адресованная Военному совету Приморской армии: «Еще раз приказываю Одессу не сдавать, занятые позиции оборонять при любых условиях. Военный совет Приморской армии за выполнение этого приказа отвечает головой». Новое строгое напоминание об ответственности, как писал впоследствии Н.И. Крылов, «было, очевидно, вызвано тревогой по поводу вынужденного отхода приморцев на более близкие к городу рубежи в Южном и Западном секторах. На каком-нибудь другом участке советско-германского фронта тогда могли не так уже много значить те километры, на которые потеснил нас противник в начале третьей декады августа. Но на нашем плацдарме действовал свой масштаб. Тут все время надо было считать, сколько остается от передовой до города, до порта...»^[194]

23 августа румынское командование произвело серьезную перегруппировку войск. На участке между Малым и Большим Аджалыкскими лиманами 9-я кавбригада сменила 1-ю кавбригаду и сводную группу полковника Поенару. С новыми силами румынские части начали наступление на советские позиции в районе Шицли. На некоторых участках советские части вынуждены были отойти, но Шицли и Ильинку удержали. Крейсер «Красный Крым», эсминцы «Дзержинский» и «Фрунзе», выйдя в район Большого Аджалыкского лимана, обстреляли неприятельские позиции у Булдынки и Свердлова.

В то же время переброска с позиций 1-го морского полка мотобатальона пограничников отрицательно сказалась на обороне. Вместо мотобатальона полк Осипова (24 августа) получил две роты милиционеров из Одессы и малочисленный батальон добровольцев-моряков. А. Шейкин писал о новом пополнении Восточного сектора: «Это войско наводило на нас тягостные размышления». Штаб морского полка отошел за Большой Аджалыкский лиман в Вапнярку, утратив связь со своими батальонами^[195].

Наиболее изолированный участок одесской обороны находился на узком перешейке между Куяльницким и Хаджибейским лиманами, где раскинулись виноградники пригородных колхозов. Берег Хаджибейского – высокий, обрывистый, Куяльницкого – более отлогий. Лиманы, пересекая фронт, уходили далеко в расположение противника. Они были удобны для заброски в тылы противника разведчиков и диверсионных групп. В дефиле между лиманами оборонялся только один батальон 136-го запасного полка и 1-й артиллерийский дивизион 134-го гаубичного артполка лейтенанта Фатенюка. Именно здесь 21 августа началось новое наступление румынских войск. В ночном бою вражеской пехоте удалось потеснить советские части, захватить село Ильинка и хутор Черевичный и продолжить наступление в направлении Августовки.

Вскоре румынские войска (части 8-й пехотной дивизии и 1-й кавалерийской дивизии) захватили села Августовка, Прицеловка, Протопоповка, хутор Повары. Эта был серьезный удар по советской обороне. Капитан Шейкин вспоминал, что солдаты, бросив позиции, отступали прямо в город: «Бойцы махнули, удержу не было. Два румынских полка, разбив советский батальон, устремились к Пересыпи. Были моменты, когда фронт между лиманами (хутор Черевичный – Ильинка) прикрывала своим огнем только одна советская

шестиорудийная подвижная зенитная батарея и несколько десятков солдат с одним пулеметом. Закрепясь в противотанковом рву севернее Поповки, эти герои 15 часов сдерживали наступление румын... Им помогла своим огнем 175-я зенитная батарея старшего лейтенанта Кривохвостова 95-й стрелковой дивизии, которая с западного берега Хаджибейского лимана открыла огонь по наступающему, на противоположном берегу, противнику».

24 августа ряд командиров прорванного участка за паническое отступление были расстреляны, а командиром участка – Ильинского направления – стал капитан А. Шейкин. В его распоряжении оказались разношерстные соединения: остатки батальона 136-го запасного полка, батальон связи и саперный батальон, батальон ополченцев – одесских «старых большевиков», минометная рота. Этим частям был придан поредевший мотобатальон Шейкина, потерявший в боях у Старой Дофиновки 150 бойцов^[196].

В Западном секторе 95-я стрелковая дивизия, получив в пополнение отряд моряков-добровольцев и отряд народного ополчения, контратаковала противника по всей занимаемой ею полосе. Враг был отеснен на 1–2 км. Однако во второй половине дня румынские части, при поддержке авиации, приостановили продвижение 95-й стрелковой дивизии, а затем перешли в контрнаступление и захватили населенный пункт Березань. На остальных участках 95-я стрелковая дивизия, остановив неприятеля, удержала свои позиции. Но это было достигнуто ценой больших потерь... За один день боев в войсках Западного сектора выбыло из строя около тысячи человек.

Смелый рейд совершил экипаж бронепоезда № 21. На станции Карпово после отступления со станции советских войск застрял эшелон с поврежденными танками, которые были крайне необходимы для обороны Одессы^[197]. Сержант И. Зубов, ранее сопровождавший этот эшелон, был в разведке и принес сведения о том, что эшелон по-прежнему на станции. Бронепоезд № 21 под командованием лейтенанта Кирпина вышел в свой первый рейс еще не до конца оборудованным. Полностью бронированным был только паровоз, а пульмановские платформы остались с непокрытым верхом. Броней защищены были только борта и орудия. В помощь бронепоезду был придан танковый взвод под командованием политрука И. Кривули. Бронепоезд ночью подошел к станции и открыл огонь, в то время как советские танки вышли в тыл румынским частям. «Услышав шум наших танков позади себя, – вспоминал Г. Пенежко, – румынские солдаты, занимавшие район станции, замерли на месте, притаились в окопчиках, канавках, зданиях. Пехотинцам Бобковского (командира пехотной части, приданной бронепоезду) оставалось только вылавливать их. Они загоняли пленных на бронеплощадки». Количество пленных быстро возрастало, и вскоре их стало в четыре раза больше, чем команды бронепоезда^[198].

Советские ремонтники восстановили 100 м разрушенных железнодорожных путей, после чего эшелон с поврежденными танками прицепили к бронепоезду и двинулись в сторону Одессы. Возле Выгоды пришлось остановиться. Немецкая авиация сбросила несколько бомб, которые разворотили путь и повредили насыпь. Было решено отвести бронепоезд в сторону лесопосадки, замаскировать зеленью и подключить к работе всех, на кого хватит инструмента. Ремонт пути, по подсчетам, должен был занять около восьми часов. Вражеские самолеты при свете дня могли обнаружить и атаковать бронепоезд. Г. Пенежко отправился на командный пункт 161-го стрелкового полка и попросил вызвать истребители. Под прикрытием самолетов путь был отремонтирован и бронепоезд

вернулся в Одессу с эшелоном поврежденных танков, часть которых вскоре была отремонтирована и направлена на линию фронта. Платформы с семнадцатью поврежденными танками были доставлены на завод им. Январского восстания. На одной из них оказалось несколько новых моторов. Это позволило январцам ускорить восстановление танков и отправить на фронт еще шесть боеспособных машин.

Людские и материальные ресурсы Одесского оборонительного района в конце августа 1941-го оказались на грани полного истощения. В журнале боевых действий Приморской армии 23 августа была сделана следующая запись: «В частях армии ощущается большой недостаток винтовок, пулеметов, мин, 76-мм снарядов для полковых и дивизионных орудий, 122-мм снарядов... Обученные резервы исчерпаны полностью, необученных имеется 4000 человек...»^[199]

К этому времени из сотрудников милиции был сформирован отряд особого назначения численностью около 1200 человек под командованием майора П.И. Демченко. На отряд были возложены задачи обеспечения пешей и конной дозорной службы на основных путях, ведущих к городу, борьбы с диверсионными группами противника, просочившимися через линию фронта.

24 августа румынские подразделения усилили давление по всему фронту нашей обороны, но главным направлением их удара был Восточный сектор. 6–7 тыс. советских бойцов едва сдерживали атаки противника, который был в шесть раз сильнее. Всего против Восточного сектора противник сосредоточил и бросил в бой около 40 тыс. солдат и офицеров.

Противник прорвал оборону, и 2-й батальон 1-го морского полка попал в новое окружение, оказавшись прижатым к лиману у Новой Дофиновки. На батальон обрушился артиллерийский и минометный огонь противника. Только на следующий день батальон смог пробиться к своим войскам.

Сюда был направлен огонь советской береговой артиллерии и кораблей, посланы на штурмовку истребители. Но восстановить положение не удавалось... Фронт между Куяльницким и Большим Аджалыкским лиманами критически приблизился к морю. Восточнее, за Большим Аджалыкским лиманом, территория, остававшаяся в руках советских воинов (полк моряков, караульный батальон, батальон тираспольских связистов), протянулась по побережью узкой полосой до деревни Чебанка.

24 августа над 412-й батареей нависла угроза захвата румынскими частями, так как несколько сот обороняющих батарею бойцов 3-го батальона 1-го полка морпехоты и артиллеристов были уже отрезаны от основных сил Восточного сектора. В этот день, решением командующего войсками ООР Г.В. Жуков, на помощь окруженной батарее была направлена маршевая рота донецких шахтеров из города Сталино (ныне Донецк) – 240 человек, из которых только у десятирех были винтовки. Отправленным на верную гибель шахтерам выдали пять-шесть гранат на каждого и саперные лопатки^[200].

Оборона Одесского района в эти критические дни испытывала острую потребность в вооружении. Роту шахтеров, прибывшую невооруженной за три дня до этого из Севастополя, стремились задержать в тылу во 2-м морском полку и не посылать на передовую невооруженной. В Одессе шахтеры должны были стать морской пехотой, обучиться военному делу... Но резервы уже иссякли, а батарею нужно было удержать

хотя бы сутки, чтобы подготовить ее к уничтожению. Еще 22 августа связь руководства ООР с 412-й батареей была прервана, но от 1-го полка моряков шла информация, что вокруг батареи еще идет бой и враг ее не захватил.

412-я дальнбойная артбатарея береговой обороны ЧФ была одним из главных залогов долговременной обороны Одессы. Она была построена в 1930-х гг. по проекту военного инженера Д. Карбышева. Батарея располагалась в балке у села Чебанка, в 1500 м от берега моря. На батарее были установлены три современные 180-мм пушки с круговым обстрелом на 360 градусов, которые поражали цели на дальности до 40 км. Для нужд батареи была сооружена подземная дизельная электростанция, подземные склады боеприпасов, подававшихся автоматически, кубрики, санпункт... От батареи был проложен подземный ход на КП, который находился над берегом моря в 1400 м от орудий. Пушки батареи были предназначены поражать дальние цели и были малоуязвимы при ударах с воздуха, но почти ничего не могли поделать с врагом, который находился близко от боевых расчетов.

21–23 августа весь личный состав батареи (до 400 бойцов) отражал непрерывные атаки прорвавшихся сквозь оборону морского полка румынских частей. Наступление румын было поддержано плотным минометным и пулеметным огнем. К уничтожению 412-й батареи личный состав готов еще не был, к тому же бойцы всего за день до этого поменяли стволы огромных 18-тонных орудий. Эти стволы оперативно сменили фактически вручную – без специальных механизмов, с помощью прибывших с судоремонтного завода стариков-такелажников. Самое опасное для обороны Одессы было не в потере самой батареи, а в ее захвате... Тогда противник мог советскими же орудиями разнести порт, аэродром и половину Одессы. На случай, если противник отрежет батарею, еще ведущую огонь, к Чебанке были высланы советские тральщики и катера.

В середине дня 23 августа шахтерская рота была направлена на передовую, на десяти грузовиках, под началом командира роты – старшего лейтенанта Силина. Машины устремились по Николаевской дороге к Чебанке, но ни шахтеры, ни командование еще не знало, что за Новой Дофиновкой дорогу уже контролируют румынские войска... Не доезжая до батареи, колонна машин была обстреляна и окружена румынскими солдатами. Шахтеры спешили и бросились в атаку, применив против хорошо вооруженных румын только гранаты и саперные лопатки... Смешавшись с румынскими солдатами, шахтеры, воевавшие саперными лопатками, ножами и кулаками, отогнали противника. В ходе боя погиб командир отряда Силин, тяжело ранен был и политрук. Захватив часть румынского вооружения, оставшиеся в живых шахтеры кинулись на румынские подразделения, штурмующие батарею. Румынские части, приняв отряд шахтеров за прорвавшихся советских солдат, стали отступать. В своем первом и последнем бою шахтеры спасли батарею от захвата, но из 240 человек погибло более двухсот, остальные были ранены.

Командир 412-й капитан Н.В. Зиновьев, получив приказ взорвать батарею, долго не хотел верить, что тут нет ошибки или провокации. Он дозвонился до командующего ООР и дважды требовал подтвердить этот приказ. 24 августа командир батареи капитан Н.В. Зиновьев и комиссар политрук А.В. Малинко подготовили батарею к полному уничтожению. Прикрывая отходящие за Большой Аджалыкский лиман войска, артиллеристы выпустили по врагу оставшийся боезапас и, захватив с собой зенитные пулеметы и шесть 45-мм пушек, трофейное оружие, захваченное у противника, в ночь на

25-е подорвали батарею. Несколько сот защитников батареи сумели отойти вдоль моря на Запад и соединиться с бойцами Восточного сектора обороны. Вскоре герои Чебанки влились отдельным батальоном в состав 421-й Одесской стрелковой дивизии.

На фронте между Куяльницким и Хаджибейским лиманами советское командование ООР приказало: во что бы то ни стало взять Августовку и Ильинку и закрепиться на утраченных позициях. План наступления, разработанный в штабе армии, включал в себя прорыв вражеских позиций и окружение врага у сел Прицеловка и Августовка. 24–25 августа советские части контратаковали румынские в районе села Прицеловка. Но начало советского наступления совпало с началом бури и грозы, когда за 15 м ничего не было видно. Часть военнослужащих были не готовы ни к наступлению, ни к обороне – целый батальон «старых коммунистов», или, как они себя называли, «коммунаров», составляли ополченцы 45–55 лет. Капитан Шейкин вспоминал: «Старики-коммунары очень были грустны и жалки... Заявляли, что не умеют стрелять и держать в руках винтовки»^[201].

Когда советские части только начали атаковать у Прицеловки, румынские войска ударили по соседнему участку у Августовки. Атаку румын отбила пулеметная рота из двенадцати пулеметов и батарея сорокапятков, после чего солдаты встали в штыковую атаку и отбросили румын к Августовке, захватив два румынских орудия. Советские потери в бою составили более 300 бойцов, но на подкрепление участку прибыли 40 комсомольцев и еще 100 «старых коммунаров» (как указывал А. Шейкин, «преимущественно евреев»). Румынские войска также несли исключительно тяжелые потери в Восточном секторе: в дневнике одного румынского офицера, оказавшегося в руках советских воинов, была запись о контратаке одного из батальонов, после окончания которой «в батальоне осталось всего 120 человек»^[202].

Но когда 26 августа противник начал наступление в районе Августовки с участием танков, около половины «коммунаров» ушли с фронта, оставив роту мотобатальона в полуокружении. И. Шейкин вспоминал, что они мотивировали этот поступок желанием «повидаться с семьями». На следующий день их вернули на позиции, и «старики-коммунары» устроили румынам атаку, прорвав их оборону на одном из участков. Но одиночные успешные атаки не могли исправить ситуации... На этом участке советские войска так и не смогли восстановить прежний фронт^[203].

Утром 24-го, введя в бой танки, нанося основной удар вдоль балки Глубокой в полосе между Куяльницким и Большим Аджалыкским лиманами, противник вклинился в стык 54-го стрелкового Разинского и 26-го полка НКВД и, не считаясь с большими потерями, стал продвигаться в сторону Лузановки – ближнего предместья Одессы. Во второй половине дня румынская пехота прорвала оборону 1-го батальона 54-го стрелкового полка юго-восточнее хутора Шевченко. Начальник сектора ввел в бой последние свои резервы, однако к исходу дня противнику удалось продвинуться дальше на юг и захватить Александровку, Корсунцы и Ильичевку.

Создавалась серьезная угроза выхода противника к морскому побережью между Куяльницким и Большим Аджалыкским лиманами. В этом случае правофланговые части Восточного сектора (некоторые подразделения 1-го полка морской пехоты, остатки батальона 249-го конвойного полка, 150-й батальон связи, 1-й батальон 26-го полка НКВД), занимавшие оборону на узкой полосе вдоль побережья восточнее Большого

Аджалыкского лимана, могли быть отрезаны от основных сил ООР. Такая опасность была тем более реальной, что за лиманами, как стало известно из данных советской разведки, противник сосредоточивал свежие силы. Приморская армия резервов уже не имела.

Противник вклинился в оборону 26-го полка НКВД, оборвав его связь с армией. На рассвете 26 августа 1-й и 2-й батальоны пошли на прорыв во главе с командиром полка майором А.А. Маловским. Комполка, вместе с четырьмя бойцами, лично проник в тыл противника и забросал гранатами вражеские окопы, что стало сигналом для атаки в глубь вражеских позиций. Во время этой вылазки пограничники захватили четыре румынских легких орудия и тут же открыли из них огонь. Отчаянное наступление полка привело к победе – было захвачено 12 пулеметов, 8 минометов, 3 повозки с боеприпасами... Но в бою 28 августа комполка А. А. Маловский был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Командиром 26-го полка стал командир одного из батальонов этого полка капитан Т.Н. Рубцов.

26 августа в районе хутора Красный Переселец румынские войска прорвали оборону 25-й Чапаевской дивизии. На помощь пришли артиллеристы БП-36. Командир батареи лейтенант Д.П. Бойко выкатил пушки на прямую наводку и открыл губительный огонь шрапнельными снарядами по наступающей румынской пехоте. В это время комиссар батареи политрук Л.У. Крюков с отделением тяги контратаковал с фланга, что позволило ликвидировать прорыв.

Еще 22–24 августа генерал Г.П. Софронов требовал сократить фронт Восточного сектора путем избавления от Чебанского шлейфа – узкого выступа в 12 км, – а высвободившиеся силы бросить на помощь 54-му Разинскому стрелковому полку, у которого в ротах некомплект бойцов достиг 70 %. Как писал Н.И. Крылов, «вывод, к которому пришел Софронов, я считал правильным. Отбросить врага назад от Корсунцев и Ильичевки, не пустить его к морю западнее Большого Аджалыкского лимана и особенно на мыс Е – важнее всего. Сокращение фронта Восточного сектора за счет «шлейфа», как назвал командарм Чебанский выступ, высвободило бы для этого некоторые силы».

Положение в Восточном секторе обсуждалось на ночном заседании Военного совета ООР. Все собравшиеся отмечали реальную опасность не только выхода противника на берег Одесского залива, но и прорыва его к Пересыпи. В третьем часу ночи 25-го Военный совет оборонительного района принял единственно возможное в этих условиях решение – был подписан приказ об отступлении.

В ночь на 25 августа правофланговые части Восточного сектора оставили свои позиции на прибрежной полосе восточнее Большого Аджалыкского лимана и перешли в район расположения 54-го стрелкового полка, где накануне враг прорвал линию обороны. Части Восточного сектора ООР заняли рубеж Александровка – северная окраина агрокомбината «Ильичевка» – совхоз «Ильичевка» (исключительно), 0,5 км южнее отметки 6,5. 1-й полк морской пехоты был выведен в резерв армии по причине потери боеспособности. В боях полк потерял до 75 % своего состава. Вообще в кровавом августе советские потери составляли до 1 тыс. человек в день, за август в госпитали поступило 25 тыс. раненых.

Части 5-го румынского армейского корпуса подошли к Одессе на расстояние 15–16 км. Противник получил возможность обстреливать одесский порт и корабли на подходах к порту, фарватер, проходивший в 4–5 милях от берега, установив в районах Чебанки,

Фонтанки, высоты 65,9 и Гильдендорфа дальнобойную артиллерию. Румыны установили у Чебанки свою артиллерийскую батарею и начали обстреливать город и порт из дальнобойных орудий. Вечером 25 августа на территории порта разорвался первый неприятельский снаряд. Хотя румынская батарея и вела неприцельный огонь, тем не менее эти обстрелы представляли большую опасность, особенно для порта. Срочно предпринятые советскими артиллеристами попытки обнаружить местонахождение вражеской батареи не увенчались успехом, так как орудия скрывались в складках холмистой местности и часто меняли позиции. Огонь же по площадям, открывавшийся с берега и с кораблей, результатов не давал.

Ранним утром 25 августа 54-й стрелковый полк и прибывшие на его участок подразделения перешли в наступление. На 12-километровом отрезке линии фронта между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами завязался ожесточенный бой, который продолжался весь день. Усиленную поддержку войскам Восточного сектора оказывали авиация и корабельная артиллерия. Неожиданностью для румын стало участие в бою нового советского бронепоезда № 21 («Черноморец»). Советские войска отбили у противника захваченные им накануне Александровку, Корсунцы и Ильичевку. Продвижение неприятельских войск к морю в полосе между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами было остановлено. Но на следующий день новое наступление советских частей в Восточном секторе не увенчалось успехом. Давление на Восточный сектор обороны дорого обошлось румынским частям. Со 2 августа 4-я румынская армия потеряла 27 307 человек (5329 погибших, 18 600 раненых и 3378 пропавших без вести).

С утра 26 августа румынские войска, силами до трех дивизий, возобновили наступление на рубежи обороны по обе стороны Куяльницкого лимана. Потеснив подразделения 54-го стрелкового полка на участке восточнее Куяльницкого лимана, неприятель снова захватил Гильдендорф, Александровку, хутор Шевченко и, непрерывно атакуя, продолжал продвигаться по направлению к морскому побережью в район села Фонтанка. Вновь создалось критическое положение. Рядом с Фонтанкой была расположена береговая батарея № 21 (орудия калибра 203 мм), которая играла важную роль в огневой поддержке войск Восточного сектора (командовал батареей капитан А.И. Кузнецов, погибший в бою 26 августа). Значение этой батареи возросло после потери 412-й батареи.

Нескольким мелким группам противника удалось просочиться через линию обороны и приблизиться к месту расположения 21-й батареи, но они были уничтожены бойцами 26-го полка НКВД. Тем не менее Фонтанка и батарея оставались под постоянной угрозой захвата неприятелем.

Для подкрепления войск Восточного сектора, понесших в этот день большие потери, командование Приморской армии направило из своего резерва два отряда моряков и два зенитно-артиллерийских дивизиона с орудиями, приспособленными для стрельбы по наземным целям. Они прибыли под вечер и сразу включились в бой с противником. Части Восточного сектора были поддержаны артиллерийским огнем эсминцев «Бодрый», «Шаумян», «Незаможник», канонерских лодок «Красная Грузия», «Красная Армения», «Красный Аджаристан». К полуночи наши части отбили Ильичевку и заняли юго-восточную окраину Гильдендорфа.

Положение в Восточном секторе продолжало оставаться критическим. На правом его фланге морские пехотинцы и полк НКВД с огромным трудом сдерживали натиск превосходящих сил противника, рвавшегося к черноморскому побережью в районе Фонтанки. 24 августа румынским войскам удалось выйти на западный берег Большого Аджалыкского лимана. Это создало возможность румынской артиллерии вести прицельный огонь по одесским промышленным объектам и портовым сооружениям.

27 августа было связано с наступлением румынских войск на высоту 65,5 у совхоза «Ильичевка». Александровка и большая часть совхоза Ильичевка оказались в руках противника. 5-й кавполк в пешем строю был направлен для возвращения стратегически важной высоты. Из штаба сектора докладывали, что все труднее держаться на правом фланге, у Большого Аджалыкского лимана. Непрерывно атакуя, враг, очевидно, решил любой ценой пробиться к приморскому селению Фонтанка, к мысу Е. Это побудило Военный совет ООР срочно просить у высшего командования подкреплений. Испрашивались одна стрелковая дивизия, батальон танков и истребительный авиаполк.

95-я стрелковая дивизия, державшая оборону в Западном секторе, успешно отбивала упорные ночные атаки двух румынских пехотных дивизий – 3-й и 7-й – и нанесла им чувствительный урон. В ночном бою был разгромлен 14-й полк 7-й пехотной дивизии противника, пытавшийся овладеть хутором Октябрь. 161-й стрелковый полк захватил несколько десятков пленных и трофеи – 4 миномета, 9 пулеметов, танк. Потери только 3-й пехотной дивизии в боях за Выгоду и Октябрь составили 775 человек (138 убитых, 538 раненых и 54 пропавших без вести). 24 августа в результате контратак, поддерживаемых точным огнем артиллерии, наши позиции на ряде участков Западного сектора немного улучшились.

Подтянув подкрепления, неприятель снова атаковал позиции 95-й стрелковой дивизии. На этот раз ему удалось потеснить 161-й стрелковый полк и занять хутора Октябрь и Важный. На помощь 161-му стрелковому были переброшены 13-й отдельный разведывательный батальон, одна батарея 97-го отдельного артдивизиона и прибывший из резерва армии 7-й кавполк. Положение на этом участке было восстановлено, хутора Октябрь и Важный вновь были заняты нашими частями.

В Южном секторе советские войска, отразив все атаки противника, упорно пытавшегося наступать в направлении хутора Красный Переселенец, нанесли ему сильный контрудар. 287-й стрелковый полк, продвигаясь вперед, вышел на южную окраину Фрейденталя. В бою был тяжело ранен командир полка подполковник С.И. Султан-Галиев. На его место назначен капитан А.И. Ковтун-Станкевич.

25 августа 287-й стрелковый полк, отразив атаку противника, перешел в контратаку на высоте 63,3 и занял ее. В бой были брошены все резервы: разведзвод, саперная рота и химзвод. Неприятель силами до одной дивизии, сосредоточившись в районе Фрейденталя, после усиленной артиллерийско-минометной подготовки предпринял наступление на позиции 287-го стрелкового полка. Но чапаевцы отбросили врага назад, нанеся ему большие потери^[204].

В эти дни на позиции 25-й стрелковой дивизии прибыл Константин Симонов, который как военный корреспондент прилетел в Одессу. К. Симонов, познакомившись под Одессой с командиром 287-го полка, даст о нем информацию: «Капитану Андрею Игнатьевичу

Ковтуну-Станкевичу шел тогда сорок второй год. Казак по происхождению, он вступил в Красную армию в 1918 году и прослужил до 1927-го. Демобилизовавшись, работал директором совхоза, директором МТС, секретарем райкома партии и снова был призван в армию уже перед войной»^[205].

31-й стрелковый полк овладел Петерсталем и Францфельдом. Противник попытался перейти в наступление, проявляя особую активность в районе Петерстала. Но туда на помощь начальник сектора направил 3-й кавполк капитана Латоренко. Спешенные кавалеристы с ходу вступили в бой и помогли остановить продвижение врага, разбив румынский батальон и захватив трофеи (6 пулеметов, 2 миномета, 8 автоматов) и 20 пленных.

Но направление нового главного удара неприятеля приходилось на участок 31-го стрелкового полка. Чтобы удержать фронт на этом участке, начальник сектора И.Е. Петров ввел в бой все свои резервы, вплоть до комендантского взвода. Штаб Приморской армии направил в Южный сектор отряд моряков-добровольцев – второй из двух прибывших из Севастополя 22 августа. Однако противнику удалось потеснить 31-й полк.

90-й стрелковый полк, отражая попытку неприятеля ворваться в хутора Вакаржаны и Важный, захватил 4 миномета, 3 пулемета, 20 винтовок и 5 тысяч патронов. 27 августа румынские части вновь предприняли наступление на фронте советского 90-го стрелкового полка, но огонь советской артиллерии прижал к земле противника.

18–26 августа защитники Одессы пережили самые тяжелые дни обороны. На 20 августа протяженность фронта одесской обороны составляла более 80 км. В частях, державших этот фронт, насчитывалось около 35 тыс. бойцов и командиров. Из них автоматами были вооружены 660 человек, полуавтоматическими винтовками – 2450. Станковых пулеметов имелось 418, ручных – 703. Полевая артиллерия состояла из 303 орудий, включая противотанковые. Действующих танков числилось два, исправных самолетов – девятнадцать. В журнале боевых действий появилась такая запись: «В частях армии ощущается большой недостаток винтовок, пулеметов, мин, 76-мм снарядов для полковых и дивизионных орудий, 122-мм снарядов... Обученные резервы исчерпаны полностью, необученных имеется 400 человек». К 26 августа в строю оставалось около 26 тыс. человек – на 9 тыс. меньше, чем неделю назад. Эта была уже критическая точка, за которой – развал обороны. Командарм Г.П. Софронов писал в своем дневнике, что в третьем морском отряде, прибывшем 26 августа, «новички после обстрела из миномета дали драпу, оставив Новую Дофиновку, но румыны не преследовали»^[206]. В те же дни в одесском порту выгрузился танковый батальон из 18 машин.

25 августа был объявлен приказ Военного совета Одесского оборонительного района, в котором говорилось:

«Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, командиры и политработники – славные герои, истинные сыны великого советского народа! Вот уже 16 дней враг пытается штурмовать подступы к городу Одессе и Черноморскому побережью. Все атаки на всех участках фронта отбиваются с большими потерями для врага. На подступах к городу Одессе вы, герои Отечественной войны, наголову разбили 3, 7 и 15-ю румынские пехотные дивизии. Враг бросает в бой новые части, но и эти части получают сокрушительный отпор со стороны славных частей Красной армии и Черноморского

флота. Ваши героические подвиги войдут в историю Отечественной войны как подвиги мужественных бойцов, истинных сынов народа страны социализма. Ваши имена будут передаваться из поколения в поколение, художники напишут картины, поэты сложат стихи и песни, писатели в книгах воспроизведут историю борьбы защитников Одессы и Черноморского побережья. Отмечая упорство, настойчивость и мужество в борьбе с врагом, Военный совет приказывает:

1. Объявить всему личному составу благодарность.
2. Командирам частей и соединений представить особо отличившихся в боях красноармейцев, краснофлотцев, командиров и политработников к правительственной награде.

Военный совет уверен, что личный состав Одесского оборонительного района с честью выполнит боевой приказ и будет упорно бить врага на подступах к Одессе»^[207].

Начальник Генерального штаба Красной армии маршал Б.М. Шапошников от имени Ставки Верховного главнокомандования направил командующему ЧФ вице-адмиралу Ф.С. Октябрьскому телеграмму, в которой выражалась тревога по поводу хода военных действий на фронте под Одессой, где советские войска за последнюю неделю отошли на разных участках на расстояние от 4 до 20 км от линии, указанной в директиве Ставки от 19 августа как основной рубеж обороны.

«Сужение пространства оборонительного района, – указывалось в телеграмме, – чревато опасными последствиями для обороны Одессы. Необходимо:

1. Потребовать от войск большей устойчивости в обороне.
2. Проявлять исключительную настойчивость и до конца использовать людские ресурсы района на пополнение боевых потерь.
3. Не допускать потери оружия бойцами, учитывая затяжной характер боев... При этом всегда иметь в виду затруднения снабжением оружия.
4. Максимально развернуть работы на глубину района, включая территорию города, полностью использовать силы местного населения, средства и возможности Одессы»^[208].

Военный совет ЧФ довел указание Ставки до сведения командования оборонительного района и потребовал от них лучше использовать резервы. «Вы еще не только можете, а обязаны, – говорилось в директиве Военного совета ЧФ, – набрать и послать на передовые позиции до 6–7 тысяч. Возьмите все войска НКВД, милиции, где два писаря, кока, делопроизводителя, кладовщика, казначея и т. д. – оставить одного, а где пять – три отправить на фронт. Вы не взяли еще все, что можно взять». Одновременно командование ЧФ переключило на оказание поддержки защитникам Одессы дополнительные силы флотской авиации и направило новый отряд моряков-добровольцев в количестве 1600 человек, а также 600 тонн боезапаса.

Военный совет оборонительного района признал, что внутренние возможности обороняющихся еще не исчерпаны. Было решено путем дальнейшего сокращения численности личного состава тыловых учреждений армии и дополнительной мобилизации трудящихся города направить в фронтовые части на восполнение боевых потерь 500 человек. Военный совет также решил создать кратковременные 10–15-дневные курсы

командного и политического состава: на курсы командиров направлять сержантов, отличившихся в боях, военных техников, военно-инженерных, комендантских и штабных работников, а на курсы политработников – армейских коммунистов и комсомольцев, имевших навыки агитационной и организаторской работы, а также партийных и комсомольских работников города. Общее руководство курсами было поручено начальнику штаба ООР генералу Г.Д. Шишенину и начальнику политотдела Приморской армии полковому комиссару Л.П. Бочарову. Военный совет одобрил инициативу командования 95-й дивизии и 1-го полка морской пехоты, создавших специальные группы по сбору на поле боя трофейного оружия. Военный совет принял постановление об ускорении строительства оборонительных сооружений на подступах к Одессе и в самом городе.

Требую от командования ООР максимального использования для восполнения боевых потерь имеющихся на месте людских ресурсов, Ставка делала все возможное для обеспечения Одесского оборонительного района свежим пополнением. Несмотря на исключительно сложную обстановку на всех фронтах, она выделила Приморской армии 10 маршевых батальонов.

27 августа в Одессе было получено сообщение, что они уже начали погрузку на суда в Новороссийске. В этот же день в Одессу из Севастополя прибыл эсминец «Смышленный», доставивший боеприпасы и 6500 винтовок, что позволило вооружить одесских ополченцев^[209].

22–30 августа в Одессу были перевезены 1, 2, 3, 4, 5, 6-й отряды моряков-добровольцев из Севастополя в количестве 2300 бойцов и 92 офицера. 1-й отряд моряков майора А. Потапова (моряки линейного корабля «Парижская коммуна» и подводники – 405 бойцов, 10 пулеметов). Отряд начал боевые действия в районе хутора Важный в составе 161-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии.

2-й отряд капитана И. Денщикова (до 700 моряков) был роздан на пополнение полкам Приморской армии: в 241-й стрелковый полк – 450 бойцов, в 161-й и 90-й стрелковые полки – 250 бойцов. 3-й отряд моряков майора П. Тимошенко был направлен на пополнение 1-го морского полка (350 бойцов), 4-й (капитана А. Жука) – оказался в сентябре в окопах под Гниляковым, в составе 161-го стрелкового полка, 5-й (капитана В. Спильника) и 6-й (майора А. Щекина) оставался в тактическом резерве для пополнения 1-го Черноморского полка морской пехоты и 54-го стрелкового полка. Такое пополнение укрепило уверенность командования ООР в возможности успешной обороны города. Первые два «морских» отряда прибыли в Одессу из Севастополя утром 22 августа на кораблях Черноморского флота – крейсере «Красный Крым», эсминцах «Дзержинский» и «Фрунзе». 26 августа, когда в одесский порт на теплоходах «Крым» и «Армения» прибыли 3-й и 4-й отряды, моряков встречал командующий одесской обороны Г.В. Жуков. Но торжества были нарушены огнем вражеской артиллерии по району порта^[210].

В те же дни в одесском порту выгрузился танковый батальон из 18 машин БТ-5. К этому времени улучшилась авиационная поддержка Приморской армии. С 24 августа активное участие в обороне Одессы стала принимать 1-я эскадрилья 40-го авиаполка пикирующих бомбардировщиков под командованием капитана А.П. Цурцумия. До 80 самолетовылетов делали в Одесский район в эти дни бомбардировщики, базировавшиеся на крымских аэродромах ЧФ.

На исходе августа ВВС Одесского оборонительного района получили небольшое пополнение в виде эскадрильи И-16 под командованием капитана Ф.И. Демченко из 8-го истребительного авиаполка ЧФ. Прилетело из Крыма также несколько истребителей других типов и два штурмовика Ил-2. Из Севастополя пришли новые эсминцы с дальнебойными 130-мм орудиями. В боях 25 и 26 августа правый фланг Приморской армии поддерживало по 6–7 кораблей.

Глава 8

ГЕНЕРАЛЬНОЕ РУМЫНСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ (28 августа – 11 сентября)

Обладание Одессой стало для румынской армии и всего руководства Румынии делом государственного престижа. Антонеску не переставая твердил о том, что под Одессой создается «Великая Румыния». Диктатор И. Антонеску придавал битве за Одессу особое «эпическое» значение сражения, в котором будет заложено «будущее Румынии». На фронт под Одессу, в качестве «добровольцев», потянулись сливки румынского общества: руководитель национально-либеральной партии Г. Брэтиану, лидер царанистской партии И. Михалаки, личный адъютант И. Антонеску майор Караджа (этот вояка был убит во время боев под Одессой). Советские войны обнаружили у трупа дневник, отдельные «пораженческие» части этого дневника были опубликованы в московской «Правде» осенью 1941-го).

Фиаско очередных румынских наступлений, невозможность армии целого государства одолеть сопротивление 30 тыс. защитников Одессы, влияло на моральное состояние «непобедимых» войск. Румынская общественность была обеспокоена огромными потерями в боях за «далекую Одессу». Обещания «легкой» победоносной войны разбились об одесскую твердыню.

24 августа 1941-го на одесский фронт прибыл король Румынии Михай. Совместно с И. Антонеску король посетил расположение частей, провел встречи с командирами воинских частей. Было решено, что наступление начнется через два дня. Не обошлось и без любезностей. Король лично вручил кондуктору орден «Михай Витязул» 1-й степени. К этому времени королевским декретом (21 августа 1941 г.) И. Антонеску было также присвоено звание маршала. В указе отмечалось, что И. Антонеску награждается «за особые заслуги в руководстве боями в междуречье Прута и Днестра», а также за продолжение «священной войны», которая приведет к «полному освобождению заднеэстровского румынского населения»^[211].

Тогда же состоялось совещание офицеров штаба 4-й румынской армии, на котором диктатор поставил армии главную задачу: до 3 сентября захватить город. Румынские пленные, взятые под Одессой, заявили на допросах, что И. Антонеску требовал любой ценой добиться решающего успеха под Одессой и намечал овладеть городом: 23, 25, 27 августа, 3 сентября... «Господин маршал Ион Антонеску приказывает: командиров, части которых не наступают со всей решительностью, снимать с постов, предавать суду, лишать права на пенсию. Солдат, не идущих в атаку с должным порывом или оставляющих оборонительную линию, лишать земли и пособий семьям...»^[212] В приказе по 3-му румынскому армейскому корпусу предписывалось расстреливать перед строем «подлецов и трусов, уклоняющихся от светлого долга перед страной».

Румынское командование спешно готовило план «генерального наступления». Как следует из оперативной директивы № 1.335 от 25 августа 1941 г. румынского Генерального штаба, «разгромленный враг предпринимает последние попытки обороны Одессы»^[213]. Предыдущие локальные успехи румынских частей создали у румынского Генерального штаба впечатление, что советское сопротивление может быть за несколько дней сломлено одним «генеральным наступлением» 4-й румынской армии.

Во время подготовки наступательной операции у румынского командования сформировалось две конкурирующих концепции. Первая, принадлежащая И. Антонеску и Генеральному штабу, состояла в том, что генеральное наступление на Одессу должно быть проведено концентрированными ударами по всему периметру фронта.

Командующий 4-й армией генерал Н. Чуперкэ выступал за концентрацию главных румынских сил и средств на узком участке фронта, а именно – на правом фланге армии, на участке Дальник – Татарка, где, по его мнению, можно было легко прорвать советскую оборону и провести быструю атаку на Одессу. Доводы командования 4-й румынской армии основывались на предположении, что советские войска отступили на основной рубеж обороны. Генеральный штаб, в свою очередь, настаивал на том, что советские войска заняли оборону на передовых рубежах.

Первоначально румынское высшее командование намеревалось начать генеральное наступление 23 августа и рассматривало его как продолжение наступления, начатого 18 августа. Директивы от 22 августа указывали направления ударов – захват силами 3-го и 1-го армейских корпусов позиций на широком фронте Гниляково – Сухой лиман. На западе от Дальника предполагалось сконцентрировать румынскую артиллерию для нанесения ударов по позициям советских войск, а также для обстрела западной части пригородов Одессы. Румынская сводная группа «Хаджибей» должна была вести боевые действия на левом крыле главного удара между Куяльницким и Хаджибейским лиманами. Планом утверждался следующий рубеж продвижения: юг Куяльницкого лимана – Михайловка – Гниляково – Дальник – Сухой лиман^[214].

1-й румынский армейский корпус должен был наносить удар на участке Дальник – Татарка с двумя дивизиями на передней линии наступления и одной в резерве. 3-й армейский корпус должен был вести наступление на фланге в направлении Фоминой Балки, 5-й армейский корпус – наносить удар на левом фланге, в направлении Куяльницкий лиман – Черное море.

Учитывая то, что к этому времени румынские войска были слишком измотаны и не обеспечены боеприпасами в полном объеме, Генеральный штаб 24 августа отдает приказ о временном прекращении наступления на участках 3-го и 1-го армейских корпусов, но оставляет прежние задачи для 5-го армейского корпуса, действующего против Восточного сектора советской обороны^[215].

По новому приказу для нанесения «решающего» удара 4-я румынская армия должна была начать наступление утром 28 августа двумя фронтальными ударами. Положения этой директивы были подтверждены оперативной директивой № 1.336 от 26 августа. 4-й корпус должен был атаковать к северу от села Дальник (силами 5-й и 6-й пехотных дивизий), в то время как 11-я пехотная дивизия обеспечивала левый фланг наступления. Этот фланг был усилен пятью тяжелыми артиллерийскими батальонами. 11-й румынский

корпус (силами 8-й и 14-й пехотных дивизий) планировалось бросить в направлении колонии Фрейденталь (генерал Н. Чуперкэ первоначально утвердил наступление 11-го корпуса в направлении Татарки, где он увидел «брешь» в советской обороне)^[216].

Между частями 4-го и 11-го румынских корпусов наступал 1-й корпус, совместно с 21-й пехотной дивизией при поддержке одного батальона тяжелой артиллерии на левом фланге. Оставшаяся часть фронта поддерживалась минимальными силами. К востоку от Хаджибейского лимана румынская сводная группа «Хаджибей» (1-я кавбригада и три батальона из 13-й пехотной дивизии) и 5-й румынский корпус (13-я и 15-я пехотные дивизии) должны были наступать между Куяльницким и Большим Аджалыцким лиманами. 3-й корпус (3-я и 7-я пехотные дивизии), Гвардейская и Пограничная дивизии придерживались в румынском резерве. Для поддержки генерального наступления вермахт направил на Одессу немецкий штурмовой батальон и пять тяжелых артиллерийских батальонов. В целом немецкое командование заняло выжидательную позицию, считая, что румынские части не имеют достаточно возможностей для того, чтобы самостоятельно одолеть оборону города.

28 августа, в 8.30, после 25-минутной артиллерийской подготовки, 4, 11 и 1-й румынские корпуса перешли в наступление. 4-й корпус, осуществлявший наступление на левом фланге главного удара, сумел потеснить 161-й стрелковый полк 95-й стрелковой дивизии в районе хутора Октябрь и вдоль железной дороги Раздельная – Одесса и к 11.30 достиг первой поставленной цели – линии 3 км западнее села Гниляково, 2,5 км восточнее хутора Октябрь, 1 км восточнее хутора Важный. В этом первом бою генерального наступления героически погибло 250 бойцов 161-й стрелковой дивизии, еще 200 бойцов погибло в 241-м стрелковом полку и 7-м кавполку. По румынским данным, в плен было взято 150 советских солдат и уничтожено пять советских танков^[217].

Советское командование, встревоженное прорывом, к вечеру 28-го направило к Фоминой Балке свой «личный резерв» – 800 человек на грузовиках, которые должны были отбить хутор Октябрь. В то же время 29 августа кавполк Лебедева 1-й кавалерийской дивизии, посчитав свою задачу выполненной, ушел с фронта в тыл.

На участке 1-го румынского армейского корпуса – в центре главного удара – сводная группа полковника М. Соаре к 10.00 продвинулась на 1,5 км. Целый день длился бой в районе двух высот – 80,0 и 63,3, расположенных восточнее Фрейденталья, которые оборонял 287-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии. К исходу дня советские части, понеся большие потери, отошли в Восточном направлении, оставив высоту 80,0. Само село еще находилось под контролем советских войск, остававшихся в нем в полном окружении до 3 сентября. Румынская 21-я пехотная дивизия у Вакаржан, хотя и продвинулась на 300–400 м, была остановлена шквальным огнем советских пулеметов и артиллерии.

8-я румынская пехотная дивизия, несмотря на усилия, продвинулась только на 800 м, а к вечеру ее части на центральном участке наступления оттеснили советский фронт еще на 600 м западнее противотанкового рва. 14-я румынская пехотная дивизия, наступая у села Татарка, продвинулась приблизительно на 1–2 км. На протяжении всего дня она вела тяжелые бои и к вечеру своим правым флангом прошла севернее Петерсталя, а левым – к позициям 8-й румынской пехотной дивизии^[218].

Фронт Южного сектора держали всего два стрелковых полка чапаевцев и два спешенных полка кавдивизии. Они внесли весомый вклад в разгром 14-й румынской пехотной дивизии. Они основательно потрепали ее 13-й пехотный полк, захватив немало разного оружия. 29 августа атаки противника сосредоточились на сравнительно узком (около 2 км) участке, примыкающем к дороге, что идет от Беляевки к Одессе через Фрейденталь, Красный Переселенец и Дальник, – самый прямой и короткий путь на Одессу с этого направления. 29 августа 287-й стрелковый полк стоял на пути главного румынского удара. К исходу дня в полку осталось только 740 штыков.

В этот день было много героического... Командир полка капитан Ковтун-Станкевич вскочил на стоявшего у КП коня, догнал отходящую с позиций роту и сам повел ее вперед... Но враг прорывался к полковому КП, угрожая его обойти. Комдив Петров, поставив на свой командный пикап два станковых пулемета, мчась вдоль переднего края, призывал отступавших солдат к контратаке. Комдив вскочил на подножку машины, а два бойца поливали на ходу свинцом наступавшего противника.

Штаб ЧФ к этому времени имел сведения о том, что 14-я румынская пехотная дивизия потеряла более половины личного состава, но против левого фланга Приморской армии начала действовать 8-я пехотная дивизия, а вскоре и 21-я пехотная. Появление этих свежих дивизий означало наращивание неприятельских сил на Южном направлении. Сводная румынская группа «Хаджибей», отбив в 8.00 атаку советских войск на Августовку, устремилась в наступление в направлении на юг к Прицеловке и к 11.00 подошла к линии 3 км южнее села Болгарка – 1 км южнее села Августовка – Чернявка. Противник смял батальон запасного полка и продолжил наступление на одесский район Пересыпь, до которого оставалось всего 5 км. На помощь оборонявшимся подразделениям пришла артиллерия крейсера «Червона Украина», лидера «Ташкент» и других кораблей.

Начштаба артиллерии майор Н.А. Васильев, как старший по званию, принял на себя командование остатками батальона и артиллеристами батареи. С горсткой бойцов он засел в противотанковом рву за Протопоповкой и сумел, на несколько часов, задержать противника. На перешеек в экстренном порядке был переброшен батальон 54-го стрелкового полка разинцев, который не дал румынским частям ворваться в город и удержал новый рубеж: высота 66,3 – Прицеповка – высота 55,5.

В Восточном секторе части 13-й румынской пехотной дивизии 5-го армейского корпуса пытались наступать по направлению к Ильичевке, но прорвать оборону 54-го стрелкового полка не смогли. Более того, советскими войсками была взята в плен рота 89-го румынского пехотного полка, захвачены два противотанковых орудия, три миномета и три пулемета. Однако к концу дня противнику и тут удалось немного потеснить советские подразделения. В Восточном секторе действовал в пешем строю один из полков кавалерийской дивизии, который вместе с моряками полка Осипова сражался за высоту у Николаевского шоссе, что врезалась в советские позиции опасным клином. В бою за высоту погиб прославившийся за дни обороны Одессы командир эскадрона Иван Котенков. В 1-м батальоне полка Осипова осталось в строю 42 человека, во 2-м – 80.

Отходя на отдельных участках, войска Восточного сектора не дали значительно превосходящим силам врага прорваться к Одессе. В Восточном секторе бои продолжались на критических рубежах, от которых отходить уже было некуда: за спиной – Одесса-Сортировочная, рабочий район Одессы Пересыпь... На Пересыпи, на заводе имени

Красина, обороной руководил штаб Восточного сектора. В том, что войска Восточного сектора выстояли, была большая заслуга и боевых кораблей Черноморского флота, огнем своей артиллерии оказывавших поддержку наземным силам. Так, крейсер «Червона Украина», выходивший четыре дня подряд на боевое задание в Одесский залив, поддерживал Восточный сектор обороны огнем корабельной артиллерии.

Румынские части ценой огромных потерь смогли занять поселок Фонтанка и стали продвигаться к расположению 21-й советской береговой батареи – на мыс Е, господствующий над Одесским заливом. 21-я береговая батарея (с орудиями 203-мм, более крупного калибра, чем 412-я батарея) играла ключевую роль в огневой поддержке войск Восточного сектора, особенно после того, как была взорвана 412-я батарея. Артиллеристы батареи встретили противника огнем всех своих орудий, а когда неприятельская пехота вплотную подошла к проволочному заграждению, весь личный состав батареи вышел навстречу врагу с гранатами в руках, присоединившись к прикрывавшему батарею стрелковому подразделению. После короткой рукопашной схватки противник был отброшен. Батарею временно удалось отстоять, но опасность захвата ее неприятелем была слишком велика.

Командующий ООР Г.В. Жуков приказал вывести орудия 21-й батареи из строя. Из порта вышли катера за личным составом батареи. Но посланные катера вернулись без артиллеристов, которые в рукопашном бою отбили мыс Е. 29 августа мыс Е оставался в руках артиллеристов, но соседнюю Фонтанку отбить не удавалось. В бою погиб командир батареи капитан Кузнецов. Выпустив по врагу последние снаряды, 30 августа артиллеристы взорвали свою батарею и влились в части полка Я. Осипова. С этого времени защитников Восточного сектора обороны стали поддерживать огнем своих дальнобойных орудий 411-я и 39-я береговые батареи, расположенные по другую сторону Одесского залива. Снаряды этих батарей начали летать на северо-восток через весь город.

Но 28 августа румынская батарея, ведя стрельбу из-за Большого Аджалыкского лимана, повредила эсминец «Фрунзе», при разрыве снаряда на эсминце ранение получил командир корабля капитан-лейтенант П.А. Бобровников. 29 августа лидер «Ташкент» (капитана 3-го ранга В.Н. Ерошенко) уничтожил эту румынскую батарею, начал обстреливать порт и Пересыпь. После этой победы лидера встречали в порту с почетом – на рейдовом посту был поднят сигнал, набранный флагами по морской азбуке: «Учитесь стрелять и вести себя под огнем у экипажа «Ташкента».

Но на следующий день обстрел порта возобновился и даже усилился, не прекращаясь и ночью. По городу и порту стал бить румынский 11-й тяжелый артиллерийский полк из района Фонтанки, ближе к городу.

Во второй половине дня советские корабли в одесском заливе были атакованы вражеской авиацией. 12 бомб было сброшено на лидер «Ташкент». Умелым маневрированием командиру В.Н. Ерошенко удалось уберечь корабль от прямого попадания, но одна бомба взорвалась в непосредственной близости от «Ташкента». Образовалась пробоина в кормовой части, была разрушена палуба, повреждены надстройки. Лидер, хотя и оставался на плаву, был вынужден своим ходом уйти на ремонт в Севастополь.

29 августа, с рассветом, румынские войска возобновили наступление по всему фронту ООР, нанося главный удар в направлении Выгода – Вакаржаны – Дальник. Наступление

ударных групп противника прикрывалось авиацией. На рассвете значительные силы Красной армии нанесли контрудар по позициям 5-й и 6-й румынских пехотных дивизий. 5-й пехотной дивизии удалось контратаковать и оттеснить советские войска к поселку Гниляково. 6-я пехотная дивизия не смогла остановить наступление советских войск и была отброшена на линию Октябрь–Березино.

В то же время части 95-й стрелковой дивизии сдерживали наступление противника на рубеже: высоты 85,6, 83,6 – хутор Дубиново. В Южном секторе части 25-й стрелковой дивизии удерживали прежние рубежи, оставив к 23.00 29 августа высоту 63,3. Срыву наступления противника в значительной степени помогли летчики 69-го авиаполка, в течение дня 10 раз вылетавшие на штурм врага группами в несколько самолетов.

Державшая оборону в Западном секторе 95-я стрелковая дивизия (по советским данным) за неделю боев вывела из строя 50–60 % личного состава действовавших против нее четырех румынских дивизий. Но, подтягивая все новые и новые резервы, румынские войска сохраняли огромное превосходство в живой силе и технике. Сама 95-я стрелковая дивизия за неделю (20–28 августа) боев потеряла убитыми около 700 человек, ранеными более 2200, без вести пропавшими – около 600, пленными – 90 человек, по другим причинам – 620 человек. По воспоминаниям Г.П. Софронова, к 28 августа в частях Приморской армии были случаи дезертирства с фронта.

В Восточном секторе 54-й стрелковый полк был усилен за счет прибывших из Севастополя двух отрядов моряков и личного состава двух зенитно-артиллерийских дивизионов (с орудиями, приспособленными для стрельбы по наземным целям), снятых из Одессы. 29 августа с крейсера «Червона Украина» высадились 720 краснофлотцев – последний отряд черноморских добровольцев.

Утром 30 августа в Одессу морем прибыла первая партия маршевого пополнения, выделенного Ставкой для ООР, – 5 тыс. хорошо обученных, вооруженных и экипированных бойцов. Благодаря тому, что накануне была подавлена румынская батарея, обстреливавшая порт, высадка прибывших маршевых батальонов прошла без потерь, спокойно и быстро. Прямо с причалов пополнение было отправлено автомашинами на передовую: в Восточный сектор – 1500 бойцов, в Западный – 1500 и в Южный – 2000 (по тысяче бойцов для 25-й стрелковой и кавалерийской дивизий). На некоторых участках фронта прибытие пополнения уже в этот день оказало заметное влияние на ход военных действий.

Части Восточного сектора, при поддержке огня кораблей Черноморского флота, вели упорный бой на рубеже: 1 км севернее Вапнярка – высота 50,9 – агрокомбинат «Ильичевка» – северная окраина села Корсунцы. Севернее шоссе, ведущей из Одессы в Николаев, противник захватил высоту, которая клином врезалась в позиции наших войск, и установил там несколько артиллерийских орудий. Не выбив врага оттуда, трудно было бы удержать и соседние участки. Спешенные батальоны 5-го советского кавалерийского полка выбили врага с высоты 65,5, причем противник потерял в борьбе за высоту до 300 человек, 7 пулеметов и 4 орудия. Захватив на высоте батарею, советские бойцы обнаружили румынских артиллеристов прикованными к лафетам своих орудий! После этой локальной победы обескровленный 5-й советский кавполк отошел в резерв под Дальник, а его позиции занял «морской» полк Осипова.

По показаниям пленных, взятых 29 августа в Восточном секторе, в 13-й румынской пехотной дивизии был почти полностью уничтожен 89-й пехотный полк, было убито и ранено около половины личного состава 7-го полка, уничтожено или захвачено 12 орудий.

30 августа в Западном секторе в течение нескольких часов противник вел изнурительный артиллерийский обстрел позиций 95-й стрелковой дивизии, а в 11 часов румынские войска пошли в наступление, стремясь с северо-запада, со стороны хутора Важный, прорваться к Дальнику. Положение советской обороны улучшилось во второй половине дня, после того как из Одессы прибыло пополнение. На поддержку 95-й стрелковой дивизии командование Приморской армии направило бронепоезда «За Родину» и № 21. Наступление неприятеля было сорвано с большими для него потерями.

Но в полдень 30 августа румынские части овладели хутором Красный Переселенец, расположенным между Фрейденталем и Дальником. Контратакой частей Южного сектора, при поддержке авиации, враг был отброшен в исходное положение. Затем части вновь пополненной 3-й румынской пехотной дивизии возобновили атаки и к вечеру вышли к высоте, расположенному восточнее Красного Переселенца, где были остановлены 287-м стрелковым полком 25-й стрелковой дивизии. Полк, понесший в последние дни августа большие потери, был отведен в район Дальника для доукомплектования. Его сменил на передовой 5-й полк кавалерийской дивизии.

С утра 31 августа части Восточного сектора, усиленные маршевым пополнением, предприняли локальное наступление на участке между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами. При поддержке артиллерии кораблей ЧФ они отбросили части 13-й и 15-й румынских пехотных дивизий, пытавшихся прорваться к Лузановке – предместью Одессы, отбили Ильичевку и южную часть Гильдендорфа. Хуже обстояло дело на рубеже между Куяльницким и Хаджибейским лиманами, где врагу вновь удалось потеснить советские подразделения.

Крейсер «Червона Украина», эсминцы «Сообразительный», «Беспощадный», «Бойкий», «Незаможник», канонерские лодки «Красная Грузия» и «Красная Армения» несколько раз в течение дня огнем корабельной артиллерии «обрабатывали» передний край противника, отражали вражеские атаки в Восточном секторе, сковывали батареи противника, обстреливавшие причалы порта и центр города.

В Южном секторе продолжалось наступление противника в направлении на село Дальник. К концу дня юго-западнее Дальника румынские войска прорвали оборудованный дополнительный рубеж и захватил село Ленинталь. Противник вклинился между 31-ми 287-м стрелковыми полками. Тут наметился вражеский клин – выступ, который части 25-й пехотной дивизии пытались ликвидировать безуспешными контратаками, предпринятыми 1 и 2 сентября. В последующие дни советское командование предпринимало титанические усилия для того, чтобы срезать Ленинтальский выступ. Сомкнуть их фланги на прежних позициях советским полкам никак не удавалось. В случае прорыва румынских частей к Сухому лиману левый фланг советской обороны оказался бы отрезанным... Ленинтальский выступ мог служить плацдармом для дальнейшего наступления румынских войск.

По приказу штаба Одесского оборонительного района областной военкомат провел в городе мобилизацию военнообязанных старших возрастов. С 21 по 30 августа на сборные

пункты райвоенкоматов явилось около 20 тыс. человек. Поступило большое количество заявлений от невоеннообязанных, в том числе и женщин, с просьбой отправить их на фронт. Вскоре свыше 10 тыс. мобилизованных было направлено в части Приморской армии. Н.И. Крылов вспоминал: «В штарме малоллюдно: все, без кого можно обойтись, – в войсках. На передовой и весь политотдел». За период боев Приморская армия потеряла около 20 тыс. человек только ранеными.

Тем временем в Одессу продолжало прибывать маршевое пополнение: 31 августа корабли ЧФ доставили еще 3040 человек. С 30 августа по 2 сентября в Одесском порту высадилось девять маршевых батальонов – 10 тыс. бойцов. За неделю, с 5 по 12 сентября, получено было еще 15 батальонов. Общая численность пополнения, прибывшего с Большой земли за две недели, составила 25 350 человек. Такое пополнение позволило на некоторое время приблизить состав основных боевых частей к штатным нормам и даже создать небольшие резервы. В первых маршевых батальонах бойцы были, что называется, отборные, но в следующих эшелонах стали попадаться люди совсем не обученные военному делу. А новые роты обычно в тот же день попадали на передовую. В полках оказались люди, никогда не державшие в руках винтовки. Через некоторое время таких солдат по пути к фронту, на привалах, учили, как держать винтовку, как заряжать, как целиться и производить выстрел.

В то же время нехватка командного состава снижала боеспособность войск. За один месяц 95-я стрелковая дивизия потеряла три штатных состава командиров взводов и рот. Некомплект командиров имели и все штабы. К середине сентября в дивизиях недоставало почти половины командного состава. Командование Приморской армии решило создать местные десятидневные ускоренные курсы младшего командного состава. Курсы дали частям 310 новых командиров взводов. Всего в Одессе было произведено в младшие лейтенанты около 700 красноармейцев и краснофлотцев.

Командование ЧФ просило ООР и Приморскую армию прислать в Севастополь, для использования в обороне Перекопа 100 грузовиков и 100 минометов «одесского производства». Одесса смогла отправить в Крым 70 боевых машин и 50 минометов.

Военный совет ООР принял решение, направленное на улучшение структуры управления войсками Восточного сектора. Необходимость этого особенно дала о себе знать во время тяжелых боев в конце августа 1941-го. В отличие от Западного и Южного секторов, где действовали полноценные дивизии, в Восточном секторе оборону держали отдельные части и подразделения. Опыт же показывал, что и на правом фланге Приморской армии необходимо иметь единое крупное соединение. Поэтому Военный совет оборонительного района решил сформировать из отдельных частей Восточного сектора, пополненных народными ополченцами, цельную стрелковую дивизию.

Приказ об этом был отдан 1 сентября. Новая дивизия получила сначала название Одесской. 1-й полк морской пехоты был переименован в 1-й стрелковый полк, 26-й полк НКВД – во 2-й стрелковый, 64-й отдельный пулеметный батальон, батальон 249-го конвойного полка НКВД и 1-й батальон 136-го запасного полка были расформированы, а их личный состав влит в указанные два полка. Намечалось сформировать еще один полк Одесской дивизии.

Г.М. Коченов вспоминал: «28 августа 1941 г. мне было приказано ВС ООП сформировать в пятидневный срок из частей Восточного сектора стрелковую дивизию, присвоив ей имя «Первая Одесская стрелковая дивизия». Но 2 сентября (по уточненным данным, 11 сентября. – *Авт.*) Москва присвоила этой номер дивизии – 421-я стрелковая дивизия... Дивизия формировалась без перерыва боя»^[219].

В эту дивизию, которая прикрывала фронт в 17 км, вошли: 1330-й стрелковый полк (бывший морской полк Я. Осипова), 1331-й стрелковый полк (бывший 26-й полк НКВД и части 82-го ТУРа), 54-й стрелковый полк полковника Матусевича (полк, переданный из состава 25-й стрелковой дивизии), артиллерийский полк майора Золотова – два легких и один тяжелый дивизион (всего 36 орудий) и подвижная батарея Дунайской флотилии (4 орудия), отдельный саперный батальон (бывший батальон ТУРа), батальон связи, 64-й отдельный пулеметный батальон, батальон 249-го конвойного полка, 1-й батальон 136-го запасного полка.

Командиром дивизии был назначен полковник Г.М. Коченов, он же стал и начальником Восточного сектора обороны (до этого назначения он исполнял обязанности начальника Одесского гарнизона). Военкомом был утвержден бригадный комиссар Г.М. Аксельрод, начальником штаба – полковник А.С. Захарченко. К комбригу С.Ф. Монахову, возглавлявшему Восточный сектор, «особых претензий не было», но Г. Коченов, имея уникальный опыт командования Тираспольским укрепрайоном, мог создать необходимый в Восточном секторе рубеж обороны (с полевой фортификацией вместо дотов, с продуманной системой огня). Командный пункт новой дивизии находился в санатории Куяльник, передовое КП размещалось в селе Терновка. В новой дивизии из-за больших потерь в боях было только 60 % личного состава. В новую дивизию постепенно влилось 1,5 тыс. бойцов из маршевых рот и около 5 тыс. ополченцев Одессы. В «морских» полках новый комдив постепенно заменил многих «морских» командиров батальонов и рот армейцами.

В конце сентября 54-й стрелковый полк был возвращен в 25-ю стрелковую дивизию, а 3-й морской «десантный» полк стал полком 421-й дивизии. В составе дивизии предусматривались также 1327-й стрелковый полк и 983-й артиллерийский полк, которые существовали только на бумаге – в штатном расписании. КП 95-й стрелковой переместился в старые катакомбы винодельческого совхоза «Холодная Балка», на западном берегу Хаджибейского лимана, в Дальнике расположился командный пункт 25-й стрелковой дивизии и Южного сектора обороны.

К началу осени к борьбе на фронте подключилась советская пропагандистская машина. В Одессе работала мощная радиостанция, что обслуживала не только советские фронтовые части, но и вещала в румынские окопы на румынском языке через громкоговорители, призывая солдат противника прекратить борьбу. В Восточном секторе работали подвижные установки звуковещательной станции с дальностью звука до 7 км.

Между тем румынское и немецкое командование, еще не взяв город, уже обсуждали, как будет использоваться Одесский порт. 2 сентября маршал Антонеску принял у себя немецких адмиралов Пэйша и Флейшнера. Было решено, что навигация в порту начнется по решению немецкого командования^[220].

Будучи реалистом, румынский командарм генерал Н. Чуперкэ предложил Генеральному штабу пересмотреть план наступления и внести в него некоторые изменения. В оперативной записке и в рапорте № 38614 от 4 сентября он сообщает о крайне неудовлетворительном состоянии румынских войск первой линии, об отсутствии резервов.

Командующий отмечал, что румынские потери значительно возросли, а вверенные ему части находятся на грани моральных и физических возможностей. Он отметил полное преимущество советских сил в районе Одессы в воздухе и на море. Генерал предложил немедленно реорганизовать 3, 6, 7, 14 и 21-ю дивизии, которые были еще пригодны для продолжения наступления. Эти боеспособные силы должны были нанести главный удар в направлении села Гниляково и в район поселка Татарка. Прорыв линии обороны советского Южного сектора, Дальник – Татарка, наиболее близкой к городу, он считал оптимальным для победы под Одессой. Румынская и немецкая авиация должны были перекрыть подвоз с моря в Одессу советских резервов. План генерала Н. Чуперкэ подвергся критике главнокомандующего румынской армией генерала А. Ионицу, который считал, что концентрация всех румынских сил на одном направлении при осаде Одессы рискованна и опасна, создает угрозу успешного контрудара со стороны Приморской армии.

Генштаб румынской армии принял оперативную директиву № 1548, согласно которой румынский 11-й армейский корпус должен был развернуть наступление на участке Дальник – Татарка, 3-й армейский корпус должен был поддержать наступление 11-го корпуса, а правым флангом продвигаться в направлении Гниляково – Дальник. Таким образом достигался компромисс между планами генерала Н. Чуперкэ и А. Ионицу, поскольку основной удар направлялся в район, который был определен генералом Н. Чуперкэ (Дальник – Татарка). В то же время главный удар наносился не всеми силами, одним концентрированным наступлением, а лишь двумя корпусами.

3 сентября, находясь в прифронтной зоне, маршал И. Антонеску телеграфировал в Бухарест: «Солдаты находятся на фронте с большим риском быть ранеными или убитыми из-за комиссаров-евреев, которые, будучи вооружены револьверами, с дьявольским упорством толкают в спину русских и заставляют их умирать на передовой... Война вообще и бои в Одессе особенно с избытком доказали, что Сатана – это еврей. Он, и только он, как стадо быков, гонит славян на смерть до последнего патрона. Отсюда наши огромные потери... Не будь комиссаров-евреев, мы давно были бы в Одессе»^[221].

Вернувшись в столицу с Одесского фронта 5 сентября, на заседании правительства кондуктор кратко охарактеризовал ход боев под Одессой. Не сказав о бездарности командования войск, о низком уровне подготовки армии, о нежелании солдат воевать, «маршал неудачи» приписал все действиям евреев: «Эта борьба обходится нам очень дорого. Потери болезненные. Очень большие, очень чувствительные и скорбные для нас. Борьба ожесточенная... Она ведется нами и немцами с евреями, ибо за спиной русских находятся только комиссары-евреи, которые револьверами и пулеметами толкают солдат в бой, не дают им возможности сдаваться, как бы они ни хотели, и заставляют умирать с оружием в руках на передовой»^[222].

1 сентября румынское командование провело перегруппировку своих частей. 6-я румынская пехотная дивизия из-за тяжелых потерь была отведена на реорганизацию в тыл

и заменена 3-й пехотной дивизией. В то время как 21-я румынская пехотная дивизия находилась на реорганизации в Фрейдентале, румынская пограничная дивизия, действовавшая в составе 1-го корпуса, смогла продвинуться на 1 км в Южном направлении. На участке 11-го корпуса 8-я и 14-я пехотные дивизии сумели потеснить советские части в направлении Татарки^[223].

2 сентября румынские войска ударили в стык 161-го стрелкового и 90-го стрелкового полков, в батальонах которых осталось по 30–40 бойцов, за день боев эти полки потеряли 250 бойцов убитыми. В прорыв был послан последний советский дивизионный резерв – 100 бойцов.

241-й стрелковый полк, оборонявшийся на правом фланге сектора, часто имел в строю еще меньше бойцов, но вражеские атаки отбивал успешно. Начштаба полка майор А. Кургинян сам становился и к пулемету, и к миномету, водил в контратаку оставшуюся без командира роту.

Командир 161-го стрелкового полка, назначенный после ранения С.И. Сереброва, «оказался совершенно неподходящим» и выпустил из рук управление подразделениями, и его заменили через два дня, когда полк возглавил майор Н.М. Толстикова (офицер оперотдела штаба армии). Но за эти дни противник смог захватить хутора Важный и Октябрь. Комдив был вынужден срочно перебросить на машинах на участок 161-го стрелкового полка 800 кавалеристов и дивизионный разведбатальон. Именно разведбат, под началом капитана В.П. Сахарова отбил у противника КП 161-го стрелкового полка. В бою разведбат потерял свои броневики и танкетки. Был тяжело ранен и скоро умер в госпитале командир разведбатальона старший лейтенант М.Г. Долгий. Комдив Воробьев приказал ночью снять с передовой разведбат и доставить на машинах в город – отдать последний долг командиру.

В те же часы был атакован правый фланг 95-й стрелковой дивизии – полк Новикова, в котором все батальоны по числу бойцов были не больше рот. Комдив усилил полк двумя счетверенками – машинами с зенитными пулеметами под командой старшего лейтенанта Дацко. Пулеметы прижали к земле румынский батальон и не давали ему подняться. В результате четырехдневных атак противника на отдельных участках Западного сектора советские войска были оттеснены на полтора-два километра, но фронт был удержан. За два дня в 95-ю дивизию влилось свыше 2 тыс. бойцов и несколько одесских «танков» «На испуг». Затем до 2 сентября здесь наступило короткое затишье.

В 69-м истребительном авиаполку Шестакова половина всех вылетов использовалась на штурмовки вражеской пехоты на поле боя, на подавление огневых точек противника. К плоскостям И-16 подвешивались две осколочные пятидесятикилограммовые бомбы. Сбросив бомбы, истребители с бреющего полета разили противника огнем своих скорострельных пушек и пулеметов.

Утром 2 сентября части 25-й стрелковой и 2-й кавдивизий (бывшей 1-й кавалерийской дивизии) контратаковали 8-ю и 14-ю румынские пехотные дивизии, пытаясь выбить их из хуторов Красный Переселенец, Александрогильф и колонии Ленинталь. 5-й кавполк атаковал противника в конном строю (первый раз с 13 августа). Вплоть до полудня инициатива находилась в руках советских войска, которые достигли позиций 24-го румынского артиллерийского полка. Но между советскими частями образовались

разрывы, через которые по полям высокой кукурузы в советские тылы просачивались группы вражеских автоматчиков. Около 14 часов обстановка на фронте резко изменилась: на всем фронте Южного сектора начались атаки крупных румынских сил, оттеснивших 7-й кавполк к хутору Дальницкий. Введя в бой 6-й гвардейский полк «Михай Витязул» и танковую роту, румынское командование сумело восстановить пошатнувшееся положение. К вечеру отошли с боем на новые рубежи и некоторые подразделения 25-й стрелковой дивизии.

Атаковали румынские части и в Восточном секторе – севернее Лузановки, где советская 726-я подвижная батарея (бывшая Измаильская батарея) 40-го отдельного артиллерийского дивизиона вела огонь прямой наводкой по наступающему противнику. Советские части остановили противника, который стремился ударом на Лузановку выйти к морю и отрезать части Восточного сектора.

3 сентября румынская сводная группа полковника М. Соаре, совместно с 70-м немецким штурмовым батальоном, взяла село Вакаржаны, где в тылу румынского фронта находились в окружении советские части^[224].

Н. Крылов вспоминал: «Таких яростных ночных атак в полосе дивизии еще не было. Прямо осатанели! Подпускаем на сто метров, расстреливаем в упор, а они опять лезут. На некоторых участках удается отбиваться только штыковыми контратаками... Все же этот ночной натиск почти везде был отбит. Лишь в самом центре Западного сектора противник еще немного продвинулся...»^[225] Румыны сумели потеснить советские войска на 1,5 км. У 95-й стрелковой дивизии на границе с 25-й стрелковой дивизией пролегли «бескрайние кукурузные поля», что мешало локтевой связи частей. На стыке этих соединений находился только конный патруль. Эта связь все время нарушалась, соседние части никак не могли «найти в этой кукурузе друг друга». Полки Западного сектора обороны растянулись в жидкую цепочку, часть обороны оголилась... Но дивизия оказывала упорное сопротивление благодаря огню артиллерии 411-й батареи и артиллерии 2-го дивизиона 57-го артиллерийского полка, налетам советской штурмовой авиации.

В этот день командир 90-го стрелкового полка полковник Опарин был тяжело ранен. Потери 95-й стрелковой дивизии составили 200 бойцов только убитыми (в 3-м батальоне 161-го стрелкового полка осталось только 85 бойцов), но в тот же день в дивизию из маршевых батальонов прибыло 200 «свежих» бойцов.

Заместитель председателя военного трибунала Х.Г. Головатый вспоминал, что в начале сентября некоторые бойцы советских частей, поддавшись панике, бросали винтовки и «уходили в город», прячась в системе катакомб. Для поиска таких дезертиров был создан специальный «десантный отряд» с правом немедленного применения оружия^[226].

3 сентября 54-й стрелковый полк 1-й Одесской дивизии отразил атаки противника в районе села Корсунцы, у железнодорожной линии. В состав 1-го полка морской пехоты влились роты истребительных батальонов Ленинского, Воднотранспортного, Ильичевского, Приморского и Сталинского районов. Но у побережья Черного моря противник прижал морской полк Осипова вплотную к городу – к Крыжановке. В начале сентября Одесская дивизия впервые выступила как единый организм и успешно отразила атаки двух пехотных дивизий румын, а 6 сентября войска Восточного сектора сами перешли в наступление и продвинулись в Северном направлении на 500 м.

3 сентября командиры 241, 161 и 90-го стрелковых полков, отбивая постоянные атаки противника, просили помощи, но резервов опять не было. Полки выручала артиллерия и авиация: три дивизиона береговой артиллерии и два дивизиона 57-го артполка вели огонь по району южнее хутора Важный^[227].

«Вообще артиллерия творит чудеса. Несмотря на широкий фронт, вся дивизионная и даже береговая артиллерия способна вести сосредоточенный огонь по любому району, успевая помогать соседям слева и справа...» – писал Н.И. Крылов^[228].

Кроме двух собственных артполков, 25-ю стрелковую дивизию поддерживали группа флотских батарей и, наконец, корабли. Главную полевую артиллерийскую силу составлял 265-й артиллерийский полк майора Богданова – «богдановский». Дальнобойная батарея старшего лейтенанта М.К. Куколева у Сухого лимана в течение шести часов вела огонь по дорогам неприятельских тылов и выдвигавшимся к фронту колоннам пехоты. Подвижный артдивизион капитана И.Б. Яблонского (приданный 25-й стрелковой дивизии военно-морской базой, 76– и 122-мм орудия на тракторной тяге) в упор расстреливал цепи наступающих. В особом почете была 36-я батарея лейтенанта Д. Бойко, в которой воевали коренные одесситы-запасники. Сам Д. Бойко до войны был лектором обкома партии. Такой же популярной личностью в дивизии был младший лейтенант В. Симонок – командир минометной батареи. Он увлекал бойцов в штыковые контратаки, первым полз с бутылкой с зажигательной жидкостью навстречу танку. В. Симонок до войны руководил колхозом на Черниговщине. А в боях Великой Отечественной стал Героем Советского Союза.

Под Одессой неуязвимой славой покрыли себя женщины-героини. Нина Онилова, комсомолка с одесской трикотажной фабрики, попала в 25-ю стрелковую дивизию, была там медсестрой, а потом, освоив пулемет, стала пулеметчицей, сражаясь не только в окопах, но и в экипаже одного из одесских танков. Людмила Павличенко – студентка исторического факультета Киевского университета – стала одним из лучших снайперов армии. Счет уничтоженных ею вражеских солдат и офицеров дошел за время обороны Одессы до внушительной цифры – 187. Модистка из одесского ателье Нина Воскобойник в одном строю с мужчинами отбивала яростные атаки противника...

Об интенсивности боев говорят дела защитников Одессы... Начштаба 241-го стрелкового полка в горячий момент вражеской атаки сел в машину с зенитными пулеметами, вывел ее к переднему краю и огнем счетверенных «Максимов» заставил залечь атакующего противника. Новый командир 90-го стрелкового полка майор Т.Д. Белюга (бывший замкомполка по материально-техническому обеспечению) заменил погибшего пулеметчика у его расчета. В контратаке погиб командир 2-й кавалерийской дивизии полковник П.Ф. Рябченко...

3 сентября Военный совет ООР отправил донесение Сталину, где говорилось: «Батареи противника интенсивно обстреливают Одессу. За последние 10 дней ООР имел только раненых 12 тыс. человек. Местные людские ресурсы были исчерпаны. Прибывшие маршевые батальоны пополнили только убыль. Большие потери техники и людей, в особенности начсостава, резко снизили боеспособность и устойчивость войск. Имейшимися силами ООР не в состоянии был отбросить противника от Одессы». Так как противник с каждым днем наращивал свои силы для нового наступления, командование

ООР просило Ставку увеличить число присылаемых маршевых батальонов для восполнения потерь и направить на подкрепление защитников города одну полностью укомплектованную стрелковую дивизию.

5 сентября Верховный главнокомандующий приказал немедленно выделить (за счет 51-й армии) и отправить в Одессу 5 тыс. винтовок, 150 станковых пулеметов, 300 пистолетов-пулеметов Дегтярева, 200 пулеметов Дегтярева, 100 82-мм и 20 120-мм минометов (с тремя боекомплектами мин). Начальник штаба ЧФ сообщил командующему ООР, что выделенные Верховным главнокомандованием для Одессы вооружение и боеприпасы 6 сентября немедленно высылаются на лидере «Харьков» и эсминце «Дзержинский». «Харьков» шел под флагом командующего ЧФ вице-адмирала Ф.С. Октябрьского. Прибытие кораблей было спланировано ночью, и принимались все возможные меры, чтобы уберечь их от огня вражеской артиллерии. С наступлением темноты вышли на позиции в Одесском заливе два находившихся в базе эсминца. Их задача состояла в том, чтобы связать боем вражеские батареи, отвлечь огонь от порта при приближении к нему отряда из Севастополя.

Но корабли из Севастополя задержались на переходе из-за какой-то неисправности и подошли к Одессе не ночью, а ранним утром. «Харьков» и «Дзержинский» шли противобатальонным зигзагом, прикрываясь дымовыми завесами, но дым относил ветром. Противник сосредоточил на фарватере огонь трех батарей. «Харьков» имел мелкие повреждения от осколков. Контр-адмирал Г.В. Жуков и члены Военного совета ООР встретили вице-адмирала на причале окутанным дымовыми завесами... Командующий ЧФ мог получить представление об одесской обстановке.

В тот день, когда в Одессе находился вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, состояние обороны обсуждалось на заседании Военного совета ООР с его участием. Октябрьский сообщил, что моряки ЧФ получили от наркома ВМС задание разработать операцию по высадке десанта в районе Большого Аджалыкского лимана. Задуманная операция держалась в строгом секрете, и информация о ней была ограниченной.

Под впечатлением непрерывных кровопролитных боев, продолжавшихся несколько недель, командующий 4-й армией генерал Н. Чуперкэ предложил румынскому Генеральному штабу сделать небольшой перерыв в наступлении на Одессу с целью отдыха и перегруппировки войск, пересмотра общего оперативного плана действий.

Рапортом № 38.614 от 4 сентября генерал информировал руководство о том, что дивизии первой линии находятся в чрезмерно измотанном состоянии, а дивизии второй линии укомплектованы не полностью^[229].

Командование 4-й румынской армии считало, что средством для перелома ситуации на фронте является неотложная реорганизация пяти дивизий (3, 6, 7, 14, 21-й) – единственных частей, способных на наступательные действия. Командование считало, что генеральное наступление целесообразно провести на участке фронта под Гниляково, в центре советской обороны – там, где советские части занимали хорошо укрепленные позиции, или на участке Дальник – Татарка, на правом фланге армии, где позиции «советов» были не так хорошо укреплены и располагались ближе к городу и порту. Генерал Чуперкэ подчеркивал, что фрагментарные наступательные действия, которые практиковались до сих пор, не могут привести к решающему перелому. Он предлагал

начать широкомасштабное наступление по всему фронту для исключения переброски советских сил из сектора в сектор^[230].

4 сентября румынский Генштаб издал новую оперативную директиву № 1.549 (подтверждающую директиву 1.548), в которой содержалось требование сокращения ввода в прорыв румынских войск западнее Гнилякова и Дальника. 5 сентября, после недели непрерывных атак, генерал Н. Чуперкэ предложил Генеральному штабу перейти к обороне по всему фронту. Но высшее командование отвергло данное предложение.

В отчаянии с румынских самолетов летчики сбрасывают тонны листовок с ультиматумом советским войскам сдаться до 10 сентября, угрожая в противном случае новым «генеральным наступлением» совместно с немецкими войсками.

Тем не менее 5 сентября напряжение боев под Одессой заметно ослабло. Дальнобойная артиллерия противника периодически обстреливала город и порт. По данным советской разведки, румынское командование перебросило в район Ильичевки пулеметный батальон в составе 600 человек с 36 пулеметами и 6 минометами.

5 сентября румынские войска, после недели непрерывных кровопролитных боев, перешли к обороне по всему фронту. Румынское командование было вынуждено обратиться за помощью к немецкой армии. Генерал А. Ионицу в объяснительной записке к немецкому генералу Хауффе (6 сентября 1941 г.) сообщал, что советские войска сконцентрировали вокруг Одессы приблизительно 50 батальонов, которые поддерживают четыре полка кавалерии, семь полков легкой и два полка тяжелой артиллерии; защитники города имеют значительное преимущество на море, которое дает им возможность удерживать оборону и обстреливать румынские позиции из боевых кораблей; он указал, что румынские потери в живой силе с 18 августа по 3 сентября составили 30 % личного состава. Обращаясь к немецкому командованию, генерал Ионицу подчеркнул, что Одессу как можно скорее необходимо взять, поскольку это будет иметь как военное, так и политическое значение.

Командующий румынским Генеральным штабом сообщил, что румынский Генштаб принял решение о переброске из Румынии под Одессу последних семи дивизий, которые были мобилизованы до 20 сентября. Он считал, что советские войска под Одессой могут быть разгромлены лишь в том случае, если немецкие части поддержат румынское наступление (пикирующими бомбардировщиками Ю-87, имевшими опыт в борьбе с военными кораблями, четырьмя-пятью штурмовыми батальонами и тяжелой артиллерией), и заклинал, что «военное и политическое положение обязывает, чтобы Одесса была взята как можно скорее»^[231].

Но немецкое командование согласилось ввести в бой только один пехотный полк, два штурмовых и четыре разведывательных батальона и три дивизиона трудной артиллерии.

В начале сентября 1941 г. в составе командования румынских войск состоялись определенные изменения. Антонеску назначил нового главнокомандующего генерала И. Якобича. Новое генеральное наступление было запланировано на 10 сентября.

Оперативная директива румынского Генерального штаба № 1587 предусматривала нанесение основного удара и прорыв фронта в районах Дальник – Гниляково, Дальник – Татарка.

Огромные потери советской 95-й стрелковой дивизии делали ее фронт наиболее уязвимым для врага. Так, в 241-м стрелковом полку в строю осталось 1200 бойцов (которые располагали: 170 ручными пулеметами, 22 станковыми пулеметами, 19 минометами, 14 огнеметами, 8 ППД). В трех батальонах (оставшихся на фронте Западного сектора) 161-го стрелкового полка осталось 498 бойцов (ручных пулеметов – 5, станковых пулеметов – 4, минометов – 4, ППД – 5). В 90-м стрелковом полку, командование которым принял на себя майор Т.Д. Белюга, в трех батальонах осталось только 320 бойцов (по 2 ручных и станковых пулемета, 4 миномета, 1 огнемет). В боях у Вакаржан полностью погибли 4-я и 5-я роты, а остатки 2-го батальона 90-го полка вели бои у Вакаржан в полном окружении.

К 5 сентября было в основном закончено строительство главного рубежа обороны Одессы. Он состоял из двух линий и нескольких промежуточных и отсечных позиций. Первая линия главного рубежа глубиной 3–5 км проходила через совхоз имени Ворошилова, южную окраину Гильдендорфа, Протопоповку, Гниляково, Дальник, Татарку, Сухой лиман. Этот рубеж, протяженностью по фронту 60–62 км, отстоял от города на 14–15 км. О масштабах выполненных работ на этом рубеже обороны можно судить по следующим данным: здесь было создано 32 батальонных района обороны, построено 256 железобетонных и кирпичных огневых точек, отрыто 1500 окопов разного назначения, установлено свыше 20 км оплетенных проволокой надолбов, более 40 тыс. противотанковых и противопехотных мин^[232].

Завершалось также строительство заградительных сооружений на тыловых рубежах в 8–10 км от города по линии Крыжановка – хутора между Куяльницким и Хаджибейским лиманами – Усатово – поселок Застава – Сухой лиман – Люстдорф. Протяженность этого рубежа по внешнему обводу достигала 35 км. На случай эвакуации Одессы был подготовлен рубеж прикрытия по линии Крыжановка – Кривая Балка – Чубаевка – Большой Фонтан. Общая протяженность основных и промежуточных рубежей обороны, построенных к этому времени на подступах к Одессе, составляла 250 км, а объем земляных работ – около 300 тыс. кубометров. В процессе строительства было израсходовано 50 тыс. кубометров леса, 1200 т рельсовых балок, 2000 т железа, 300 т колючей и 1100 т гладкой проволоки.

На рубеже прикрытия было установлено 550 траншейных огнеметов. Это позволило создать вокруг Одессы огневой пояс протяженностью более 55 км. Дальность действия огнеметов достигала 40 м. Их использование предусматривалось в случае прорыва противником главного рубежа обороны.

Военный совет ООР доложил командованию ЧФ о выполнении указаний Ставки и Военного совета флота от 26 августа: «Минометы, огнеметы делаем на месте и в достаточном количестве. Вступил в строй третий бронепоезд. Через 1–2 дня вступят в строй 30 мелких танков. Слабым местом является недостаток винтовок, нечем восполнить убыль пулеметов и пушек. Эти виды вооружения производить на месте не можем, так как оборудование заводов вывезено. В настоящее время в частях большая убыль начсостава, резервов нет. Для пополнения начсостава проводим работу, выдвигаем из рядовых бойцов младший начсостав, взяли младший начсостав милиции, создали курсы по подготовке среднего начсостава».

Тыл ООР и Приморской армии возглавлял генерал-майор Т.К. Коломиец. Бойцам на передовой рано утром обеспечивался горячий завтрак. На день выдавались хлеб, вареное мясо, помидоры. С наступлением темноты подвозили горячий обед.

6 сентября прибывшая на передовую румынская гвардейская дивизия достигла линии Иозефсталь, 1,5 км северо-восточнее Мариентала и 2 км юго-восточнее Дальника. Штурмовой батальон дивизии сумел перейти противотанковый ров к северу от Иозефстали, а одна дивизионная рота прорвалась в колонию, но вскоре была контратакована и отброшена советскими войсками.

7 сентября румынские войска штурмуют оборону 25-й и 95-й стрелковых дивизий, но серьезных успехов не добиваются. Более того, обескровленный 161-й советский стрелковый полк провел атаку, продвинувшись на 250 м.

В Западном секторе противник в течение двух утренних часов вел массированный артиллерийский огонь по боевым порядкам 90-го и 161-го стрелковых полков 95-й стрелковой дивизии. Вступившая в бой дивизионная артиллерия сумела подавить вражеские батареи. В течение дня румынские части несколько раз пытались наступать по всему фронту дивизии, но каждый раз с большими потерями отбрасывались советскими войсками в исходное положение.

С новой силой разгораются бои на Ленинтальском выступе. 25-я стрелковая дивизия оттеснила неприятеля на расстояние до 600 м, овладев южной окраиной Петерстали и Францфельдом. Но, несмотря на усилия советских войск, срезать выступ не удалось... На следующий день румынские войска попытались перехватить инициативу и перейти в контрнаступление. Главный удар был направлен на позиции 287-го стрелкового полка в районе Ленинтала. Потеряв до полка пехоты, противник вынужден был возвратиться в исходное положение.

6–7 сентября румынские части предприняли новое безуспешное наступление в Восточном секторе. Уже в первый день этого наступления, отбив атаки неприятеля, части Одесской стрелковой дивизии перешли в контратаку. Неприятельские войска были отброшены на 0,5–2 км, оставив на поле боя около 700 убитых и тяжелораненых солдат и офицеров. По советским данным, было подбито 6 танков и 5 танкеток, захвачено 18 орудий, 8 минометов, 20 пулеметов, 20 автоматов и 200 пленных.

7 сентября в Одессу прибыл командующий ЧФ вице-адмирал Ф.С. Октябрьский. Состоялось заседание Военного совета ООР совместно с представителями местных партийных и советских органов. Ф.С. Октябрьский информировал Военный совет ООР о положении дел на юге и на Черном море и сообщил о том, что нарком ВМФ приказал разработать операцию по высадке тактического десанта в район Новой Дофиновки для нанесения удара в тыл противнику, чтобы обеспечить наступление частей ООР в Северном направлении между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами.

Командующий ООР Г.В. Жуков выразил общее мнение Военного совета, заявив, что такая операция необходима, но теми силами, которыми располагает ООР, ее провести практически невозможно.

Военный совет ООР телеграфировал в Ставку: «Батареи противника интенсивно обстреливают Одессу. За последние десять дней ООР имел только ранеными,

размещенными в госпиталях, 12 тысяч... Местные людские ресурсы исчерпаны. Прибывшие маршевые батальоны пополняют только убыль. Имеем большие потери людей, особенно в командном составе. В связи с этим снижается боеспособность. Имеем потери в боевой технике. Имеющимися силами ООР не в состоянии отбросить противника от Одессы. Для решения этой задачи – оттеснить врага и держать город и порт вне артиллерийского обстрела – срочно нужна хорошо вооруженная дивизия»^[233]. Военный совет ЧФ сообщил командованию ООР, что он полностью поддерживает его просьбу о помощи.

Копия телеграммы была послана наркомму ВМФ и Военному совету Черноморского флота. Ответ был получен в тот же день. В телеграмме маршал Б.М. Шапошников указывал на то, что оборона рубежей, прикрывающих Одессу с северо-востока и юго-запада, недостаточно упорна, в результате этого противник овладел районами Гильдендорф и Ленинталь и держит Одессу под артиллерийским огнем. Ставка сообщала, что, по имеющимся данным, противник группирует для наступления на Одессу крупные силы артиллерии, подтягивает еще две пехотные дивизии.

Шапошников предлагал:

1. Организовать два-три мощных налета авиации Черноморского флота, артиллерии кораблей и береговой обороны на позиции противника. Взаимодействуя с этими средствами, войскам ООР следовало вернуть утраченные позиции в районе хуторов Вакаржаны, Фрейденталь, Ленинталь и уничтожить противника, просочившегося в направлении Дальника.
2. Потребовать от войск предельного упорства в обороне каждого метра пространства, повседневно укреплять и совершенствовать занимаемые позиции.
3. Использовать все возможности Одессы для постройки на передовых позициях прочных укреплений из металла, бетона, подручных материалов. Привлечь к полевым оборонительным работам все силы населения, кадры специалистов флота, сухопутных войск, тыловых учреждений.
4. Пополнить убыль в командном составе за счет местных ресурсов^[234].

Ставка не только отказывала Одесскому оборонительному району в помощи, но и требовала вернуть утраченные позиции в условиях отсутствия резервов, больших потерь и уж тем более в условиях, когда противник сам готовился к наступлению. Складывалось впечатление, что Ставка либо просто не верила командованию ООР, либо в очередной раз сказались противоречия между флотским и армейским командованием, которое не желало привлекать значительные армейские силы, столь необходимые на других участках фронта, для обороны военно-морской базы. В дальнейшем упорство Ставки имело серьезные последствия.

10 сентября в Ставку была отправлена еще одна телеграмма: «На фронт прибыли новые части 10-й [румынской] пехотной дивизии. Пятидневные бои по ликвидации прорыва в районе Ленинталь не дали успеха. Противник продолжает с боем двигаться в район Дальника. Положение напряженное. Для восстановления положения срочно требуется полностью вооруженная дивизия. Целесообразно для ускорения взять ее из 51-й армии»^[235].

Командирам дивизий было дано указание дооборудовать рубеж Крыжановка – междулиманские хутора – Гниляково – Дальник – Сухой лиман и использовать для усиления обороны новое оружие одесского производства – огнеметы.

Лидер «Харьков», эсминец «Дзержинский» и несколько транспортов доставили в Одессу пополнение и значительное количество оружия – 120 минометов крупных калибров с тремя боекомплектами мин, 150 станковых и 200 ручных пулеметов, 5000 винтовок, 300 автоматов, большое количество патронов.

8 сентября в Восточном секторе неприятельские части атаковали советский 3-й батальон 54-го стрелкового полка, занимавший оборону на перешейке между Хаджибейским и Куяльницким лиманами. Встретив упорное сопротивление, враг отступил на прежние позиции. В Западном секторе противник ночью предпринял наступление вдоль железной дороги Раздельная – Одесса, продвинулся на 300–400 м, но в дальнейшем был остановлен огнем и контратакой частей 95-й стрелковой дивизии.

9–10 сентября румынские части готовились к наступлению, обстреливая позиции советских войск. 11 сентября советские части безуспешно пытались контратаковать. В Восточном секторе в 16 часов 1331-й стрелковый полк перешел в наступление в направлении Августовки. Подразделения 421-й дивизии заняли южную окраину Прицеповки. Встретив упорное сопротивление неприятеля, полк закрепился на рубеже 1 км южнее хутора Болгарка – 1 км юго-восточнее Августовки – северная окраина Протопопова.

В Западном секторе в 6 часов утра части 95-й стрелковой дивизии после пятнадцатиминутной артиллерийской подготовки перешли в атаку. Противник, открыв сильный артиллерийский огонь, контратаковал советские подразделения. 241-й стрелковый полк, продвинувшийся вперед, вынужден был отойти в исходное положение. В то же время часть бойцов 161-го стрелкового полка оказалась в окружении.

Вечером 9 сентября генерал-майору Петрову от имени командарма было передано, что необходимо срезать клин у Ленинталя в течение следующего дня, используя все имеющиеся силы и средства. Части Южного сектора атаковали неприятеля силами кавалерийского полка, батальона морской пехоты и батальона 31-го стрелкового полка. Атаку поддерживал своим огнем бронепоезд «За Родину» и 265-й артиллерийский полк. Но новые попытки чапаевцев ликвидировать выступ в районе Ленинталя успеха не имели^[236].

Крейсер «Красный Кавказ» в ночь на 11 сентября получил приказ выйти к Одессе и огнем своей артиллерии поддержать войска Южного сектора оборонительного района. На рассвете крейсер подошел к побережью в районе между Аркадией и Большим Фонтаном. Корабельной артиллерии предстояло вести огонь по скоплениям живой силы и техники противника, находившимся в местности, совершенно не просматривавшейся с моря. Чтобы обеспечить успех стрельбы, на берег был высажен и переброшен на передовую корректировочный пост под командованием старшего лейтенанта М.И. Мартынова. Корабельная артиллерия нанесла мощный артиллерийский удар по румынским частям.

Глава 9

«ПЕРЕДАЙТЕ ПРОСЬБУ СТАВКИ...» (бои 12–21 сентября)

Румынский Генеральный штаб не отказался от планов подготовки нового общего наступления на Одессу. Оперативная директива № 1.548 от 7 сентября давала румынской армии небольшую передышку до 10 сентября. После 10 сентября была поставлена цель захвата высот в районе Гниляково – Западный Дальник, прорыв советской линии фронта на двух направлениях: между Глиняково – Дальник и Дальник – Татарка с целью ликвидировать главный очаг сопротивления советских войск. Тяжелую артиллерию предполагалось сконцентрировать на правом фланге армии, на участке 11-го армейского корпуса, напротив Южного сектора советской обороны, так, как это предлагал генерал Чуперкэ. Но румынское руководство решило сменить генерала Николае Чуперкэ на более сговорчивого командующего. Еще 9 сентября он был отстранен от командования 4-й румынской армией и на его место назначен генерал Иосиф Якобич, получивший указание выполнять без каких-либо обсуждений план Верховного командования.

Первое, что сделал новый командующий, – обратился к Генеральному штабу с просьбой об отмене генерального наступления 10 сентября и переносе его на 11 сентября. Верховное командование согласилось с переносом генерального наступления на 11 сентября, а потом само перенесло его на 12 сентября. Румынские силы под Одессой на тот момент насчитывали около 200 тыс. человек (12 пехотных дивизий, 3 кавалерийские и 2 фортификационные бригады). К румынским частям присоединился немецкий отряд под командованием генерал-лейтенанта Рене фон Курбье (1 пехотный полк, 1 инженерно-штурмовой батальон и 2 полка тяжелой артиллерии)^[237].

12 сентября после 15-минутной артподготовки 4-я румынская армия перешла в наступление. Первоначально наступление складывалось не очень удачно для румынских войск. Успеха удалось достичь только в центре, в районе Западного сектора, где 3-й румынский корпус, имея в первом эшелоне 3-ю и 7-ю пехотные дивизии, продвинулся на 2 км, на участке советского 161-го стрелкового полка, захватив высоту Большая Баштанная.

В Восточном секторе подразделения советской 421-й стрелковой дивизии перешли в контратаку в полосе между Куяльницким и Хаджибейским лиманами, заняв южную окраину Прицеповки. На участке 1-го румынского корпуса 8-я пехотная дивизия предприняла атаку в направлении колонии Мариенталь. Два пехотных батальона 7-го пехотного полка «Вэнэторь», которые попытались продвинуться южнее, были контратакованы и окружены советскими частями. Упорные бои развернулись на левом фланге.

В Южном секторе, используя Ленинтальский выступ, срезать который советским войскам так и не удалось, румынские части пытались продвинуться к Дальнику. Утром 12 сентября противник после сильной артподготовки перешел в наступление в полосе Чапаевцев. В первые часы наступления румынским частям удалось потеснить правый фланг 287-го стрелкового полка. Но массированный огонь советской артиллерии и контратаки позволили полку вернуться к исходной позиции на прежний рубеж. Удержал свои позиции и 7-й кавполк. 25-ю стрелковую поддерживали черноморские бомбардировщики и «ястребки» 69-го авиаполка, «богдановский» артполк, береговые батареи, два бронепоезда. С моря вел огонь пришедший накануне в Одессу крейсер «Красный Кавказ». Полностью удержал свои позиции и 7-й кавполк.

Но удержать весь фронт Южного сектора 25-я стрелковая уже не могла. Ей удавалось прикрывать село Дальник и шоссе, которое вело прямо к Одессе, но южнее части дивизии начали отступление. Над левофланговым 31-м стрелковым полком нависла опасность окружения. Только против нашего Южного сектора были сосредоточены пять румынских пехотных дивизий и кавалерийский полк. Плотность артиллерии противника доходила на некоторых участках, до 80 орудий на 1 км фронта.

К востоку от Хаджибейского лимана 5-й румынский корпус и сводная группа «Хаджибей» сковывали советские войска, в то время как румынская тяжелая артиллерия держала порт под постоянным обстрелом.

Румынское командование решило, что советские войска сконцентрировали значительные силы на участках основных ударов, поэтому ему необходимо нанести удар в подбрюшье советской обороны. 13 сентября румынские части продолжили натиск на советский фронт. Румынские 3-я и 7-я пехотные дивизии столкнулись с серьезным сопротивлением со стороны 95-й стрелковой дивизии и ценой больших потерь сумели продвинуться не более чем на 300 м. Но, захватив высоту 79,3 и лощину Большая Дальницкая, противник сумел выйти в советские тылы на стыке 95-й и 25-й стрелковых дивизий.

Румынский прорыв вновь прикрыли собой рота штабистов дивизии во главе с начштаба дивизии Р.Т. Просоловым и бойцы 161-го стрелкового полка, которые обратили прорвавшихся румынских солдат в бегство и даже захватили 34 пленных и 17 пулеметов. Советской контратакой высота 79,3 была взята, а 4-й румынский пехотный полк бежал с поля боя. Вечером дивизиям 3-го румынского корпуса было приказано закрепиться на занятых позициях, 7-я пехотная дивизия была заменена на 5-ю.

На левом фланге советской обороны 11-й румынский корпус силами 14-й пехотной, гвардейской и пограничной дивизий сумел пробиться на расстояние 2–3 км к главной линии обороны перед селом Дальник. Обладая численным превосходством в живой силе и технике, румынские части усиливали нажим на сильно поредевшие части фронта ООР. К этому времени в 287-м стрелковом полку батальоны насчитывали по 50–55 бойцов, а в 7-м кавполку в строю осталось около 300 человек.

В Восточном секторе перед фронтом советской 421-й стрелковой дивизии действовали 13-я и 15-я пехотные дивизии противника, 1-я кавбригада и 32-й пехотный полк 5-й пехотной дивизии.

Учитывая сложившуюся ситуацию, румынский Генштаб приказал переориентировать усилия 4-й армии на участок, расположенный между Дальником и Сухим лиманом. Генерал Ионицу был вынужден принять идею, которую ранее выдвигал генерал Чуперкэ. 11-й румынский корпус был усилен 21-й пехотной дивизией. Из 21-го штурмового батальона, 11-го штурмового батальона, немецкого саперного батальона и артиллерийского батальона был сформирован специальный штурмовой батальон. Все румынские артиллерийские резервы концентрировались в этом секторе. 3-й и 4-й румынские корпуса должны были предпринять вторую атаку в секторе Гниляково с целью сковать все имеющиеся у ООР резервы^[238].

Наступающая румынская пограничная дивизия достигла восточных склонов долины, в которой располагалось село Дальник. Гвардейская дивизия смогла захватить хутора Дальницкий и Ражев. Возникла реальная опасность окружения 31-го стрелкового полка,

оборонявшего левый фланг Южного сектора, что было чревато чрезвычайно тяжелыми последствиями: враг мог прорвать на этом участке главный рубеж обороны и выйти к окраинам Одессы. Однако румынское наступление было временно приостановлено из-за нехватки артиллерийских снарядов.

Советский 69-й авиаполк за день 14 сентября произвел 59 самолето-вылетов, вел разведку, штурмовал пехоту противника. В одном из воздушных боев, сбив десятый самолет врага, погиб командир эскадрильи капитан М.Е. Асташкин. Ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

14 сентября генерал И. Якобич отдает приказ 11-му армейскому корпусу и 21-й пехотной дивизии начать наступление на участке Дальник – Сухой лиман. Левый фланг 11-го армейского корпуса прикрывала специальная штурмовая группа, в которую вошли 21-й и 11-й штурмовой батальоны, 1-й немецкий штурмовой батальон и 1-й дивизион штурмовой артиллерии^[239]. Фронт Южного сектора отстоял от города значительно дальше фронтов других секторов и упирался в Днестровский лиман. Но местность, которую обороняли советские части, была очень открытая, степная, даже без лесопосадок. Уязвимы для вражеской авиации и артиллерии были и ведущие к фронту дороги. В течение дня 14 сентября положение в Южном секторе ухудшилось. Чтобы предупредить катастрофу, не допустить здесь прорыва главного рубежа обороны, оставался единственный выход: отвести левофланговые части этого сектора на восточный берег Сухого лимана, где заблаговременно был подготовлен новый оборонительный рубеж. Такое решение было принято командованием ООР в тот же день. Военный совет ООР единодушно пришел к выводу, что отступление от Днестровского лимана – единственная возможность удержать и укрепить фронт Южном секторе.

25-я стрелковая дивизия и 2-я кавдивизия отводились на рубеж западнее Дальника – Гросс-Либенталь. Противник ввел на этом направлении новую дивизию и, потеснив советские части, проник в район Гросс-Либенталь и к западному берегу Сухого лимана. Чтобы прикрыть это опасное направление, были выдвинуты два бронепоезда, сосредоточен армейский резерв, а в 25-ю стрелковую и 2-ю кавдивизию было направлено пополнение. Под руководством генерала Хренова начали устанавливать железобетонные огневые точки.

Оборона Одессы теряла значительные сельские территории района Овидиополь – Каролино-Бугаз, вместе с линией одноколейной железной дороги Бугаз – Татарка. Но вместе с тем полоса обороны 25-й стрелковой дивизии значительно сокращалась и появилась возможность уплотнить боевые порядки, сосредоточить на решающих участках больше артиллерийского и пулеметного огня, вывести один полк 25-й стрелковой в армейский резерв.

Усилению обороны на южном участке фронта способствовало и то, что передний край обороны теперь проходил по восточному берегу Сухого лимана, форсировать который с ходу румынским частям было трудно. К тому же, захватив район Овидиополя, румынские войска, что противостояли Южному сектору обороны, оказались на узкой, в 10–15 км, полоске суши, прижатые к Днестровскому лиману, что снижало их маневренность. Румынскому командованию постоянно приходилось принимать во внимание потенциальную возможность прорыва советских войск южнее Беляевки с полным окружением румынских частей у Овидиополя и Каролино-Бугаза^[240].

В то же время Н.И. Крылов замечал: «Но в оперативном отношении преимущества получал противник. Береговая линия нашего плацдарма суживалась до 30 километров. Это чрезвычайно ограничивало возможность маневрирования кораблей на подступах к Одессе и практически исключало возможность входа судов в порт в дневное время. Другое, не менее тяжелое последствие отхода левого крыла армии состояло в том, что после этого враг мог начать артиллерийский обстрел города также и с южной стороны. И наконец, сам факт значительного приближения фронта к городу еще на одном участке таил в себе опасность всяких неожиданностей и внезапных осложнений... За первые дни большого сентябрьского наступления противник успел нанести армии ощутимый урон. В батальонах 90-го стрелкового полка майора Белюги оставалось по 50–60 штыков. Почти такое же положение создалось в 287-м стрелковом, только недавно пополненном»^[241].

14–18 сентября были одними из самых критических дней в одесской обороне. Румынские войска очень быстро заняли западный берег Сухого лимана (дамба, соединяющая берега Сухого лимана, у моря была взорвана). Выйдя к Сухому лиману, враг начал обстреливать Одессу и с юга. Снаряды противника простреливали уже весь город и стали «накрывать» единственный аэродром 69-го истребительного авиаполка, район строящихся пирсов в Аркадии.

В ночь на 14 сентября Военный совет ООР послал телеграммы одинакового содержания Верховному главнокомандующему, наркому Военно-морского флота и Военному совету ЧФ. В них докладывалось о создавшемся под Одессой критическом положении и о том, что противник подводит к городу новые дивизии: «Противник получает пополнения, подбрасывает новые дивизии. Под давлением превосходящих сил противника создается опасность отхода наших частей на рубеж Гниляково – Дальник – Сухой лиман. Население, аэродромы, город, порт и корабли будут нести еще большие потери от артогня противника. Авиацию будем вынуждены перебазировать в Крым. Созданная из местных ресурсов 421-я стрелковая дивизия имеет недостаточное количество пулеметов, артиллерии. Остальные дивизии нуждаются в пополнении пулеметами и артиллерией. Все стрелковые части имеют 45 процентов недокомплекта в части начсостава. Полученные маршевые батальоны влиты в части полностью. За месяц обороны наши потери только ранеными 25 тысяч человек, за 12 сентября только раненых 1900 человек. Для обеспечения от прорыва и артобстрела аэродромов, города и порта срочно необходима одна стрелковая дивизия и дальнейшее пополнение маршевыми батальонами с вооружением»^[242].

Ответ из Москвы пришел меньше чем через сутки. Депеша, адресованная командованию оборонительного района, гласила: «Передайте просьбу Ставки Верховного Главнокомандования бойцам и командирам, защищающим Одессу, продержаться 6–7 дней, в течение которых они получают подмогу в виде авиации и вооруженного пополнения. *И. Сталин*».

По поводу ответа Сталина Н.И. Крылов позже заметит: «В дальнейшем ходе войны к войскам, в которых я служил, Верховное главнокомандование никогда не обращалось в такой форме. Ставка ничего не приказывала. Ставка просила...»

Уже через несколько часов после получения этой телеграммы Сталина стало известно, что обещанная подмога начнет прибывать раньше указанных сроков^[243].

Утром 15 сентября противник возобновил наступление в Южном секторе, введя в бой новые резервы. Румынские войска стремились прорваться к селу Дальник. Здесь наряду с подразделениями 25-й Чапаевской и 2-й кавдивизий отличился только что прибывший на этот участок фронта милицейский отряд особого назначения. 15 сентября советские части пытались контратаковать у Дальника, но противник, используя танки, прорвал участок фронта в 7 км. Дабы остановить врага на этом участке, в прорыв были брошены все советские бронемашины из резерва и 69-й артиллерийский полк майора Лукьянченко.

Советский 7-й кавполк, атакованный превосходящими силами неприятеля с фронта и фланга, в течение всего дня вел напряженный бой. В бою погиб командир полка майор Лебедев. К исходу дня полк вынужден был отойти, заняв рубеж в 2 км западнее Дальника. С исключительной стойкостью оборонял свой рубеж 31-й стрелковый полк, на участок которого враг направлял главный удар. Атаки противника на других участках Южного сектора были отражены. Овидиопольский и Беляевский истребительные батальоны, действовавшие ранее на отдельных участках Южного сектора как самостоятельные боевые единицы, 15 сентября были влиты в состав регулярных частей 25-й стрелковой дивизии.

В Западном секторе особенно ожесточенные бои развернулись на участке 90-го стрелкового полка, где непрерывно атаковала румынская пехотная дивизия. Огнем артиллерии, минометов, пулеметов атаки противника были отбиты, его пехота залегла и окопалась. В Восточном секторе неприятель особой активности не проявлял, продолжая проводить инженерные работы по укреплению своих позиций: на отдельных участках между лиманами появились проволочные заграждения. Артиллерия Восточного сектора, а также 1, 39 и 411-я береговые батареи вели огонь по скоплениям войск и артиллерийским батареям врага в районах Александровки, Гильдендорфа, Старой Дофиновки.

Чтобы ухудшить ориентировку румынской артиллерии, в одесском порту был взорван Воронцовский маяк. И хотя артиллерийский обстрел не прекратился, он стал менее прицельным.

Генштаб румынского командования определил, что новый главный удар будет осуществлен в районе Хаджибей– Сухой лиман тремя пехотными дивизиями и группами танков в общем направлении Вакаржаны – Дальник. Но, несмотря на это, атаки, осуществленные румынской армией на протяжении 17–21 сентября, так и не смогли приблизить румын к победе.

В Западном секторе обороны противник предпринял несколько безрезультатных атак на позиции советской 95-й стрелковой дивизии. Контратакуя, советские части захватили у неприятеля 18 станковых и ручных пулеметов, большое количество винтовок и патронов. 17 сентября румынские войска начали атаковать советские позиции в районе села Гниляково. В Восточном секторе 14–15 сентября шла непрерывная артиллерийская перестрелка. 421-я стрелковая дивизия силами 1330-го стрелкового полка и 162-го отдельного зенитно-пулеметного батальона (командир капитан Т.Г. Копейкин) успешно отбила все атаки, уничтожив до двух батальонов пехоты противника.

Возможности пополнения Приморской армии за счет населения Одессы к середине сентября были исчерпаны. На фронт отправляли пожарных, зачислялись в регулярные войска те бойцы истребительных батальонов, которые до сих пор совмещали дежурства у

городских баррикад с работой на производстве. В начале сентября 1941-го в Одессе был сформирован отдельный отряд НКВД под командованием майора милиции Н.Б. Барышникова (до 1 тыс. курсантов школы милиции и работники милиции). Этот отряд 17 сентября, как один из последних резервов, был послан в окопы Южного сектора. В решающих боях 16–19 сентября положение спасал внутренний резерв – 15 сентября из госпиталей и лазаретов был выписан 451 выздоравливающий, 16-го – 113, 17-го – 254, 18-го – 888. За четыре дня более 1700 возвращенных в строй солдат пополнили поредевшие батальоны на передовой.

17 сентября противник попытался продвинуться вперед во всех трех секторах. Почти всюду 95-я стрелковая дивизия сумела их отразить, не подпустив врага к своим окопам. Только в одном месте ему удалось вклиниться – до полка пехоты прорвалось к хутору Кабаченка. Этот опасный клин (от хутора до окраин Одессы – 10 км) предстояло ликвидировать контратаками. В Южном секторе главный удар принимал на себя полк капитана Ковтун-Станкевича. 287-й стрелковый полк центром отошел на 300–400 м и продолжал сдерживать противника, нанося ему большой урон. За день на позициях полка разорвалось около 15 тыс. вражеских мин. Роковые последствия мог иметь не только прорыв на каком-то участке, но и потеря пространства в результате постепенного отхода под лобовым натиском. Тылы Южного сектора уже стали огненным мешком – они простреливались вражеской артиллерией насквозь. В ночь на 18 сентября, после обсуждения у командарма итогов дня, генералу Петрову был передан приказ: «Рубеж высота 66,8–Сухой лиман – Рыбачьи Курени удерживать во что бы то ни стало. На усиление придается отряд в 500 человек, который использовать целиком, не дробя». Переданный отряд был батальоном 54-го Разинского полка, действовавшего на другом фланге обороны.

18 сентября один из батальонов из 54-го стрелкового полка был направлен обратно в 25-ю стрелковую дивизию. На следующий день 1330-й стрелковый полк и 162-й отдельный зенитно-пулеметный батальон подверглись фронтальной атаке, но советские бойцы в очередной раз отбросили наступавших на исходные рубежи с большими потерями для последних.

Частично румынский план наступления удался. Румынская артиллерия получила возможность обстреливать город из дальнобойных орудий не столько с северо-востока, но и с юго-запада, подвергать обстрелам недавно сооруженные временные пристани в Аркадии и на 16-й станции Большого Фонтана. Полоса морского побережья, на которую опирались войска Одесского оборонительного района, сократилась до 30 км, а это серьезно затрудняло маневрирование кораблей на подступах к Одессе. Из-за опасности обстрела советские корабли и транспорты вынуждены были входить в порт и покидать его только ночью. По румынским данным, за несколько дней боев румынские войска захватили в плен более 3 тыс. советских солдат. Попытки 1331-го стрелкового полка 421-й стрелковой дивизии провести локальное наступление и овладеть селом Прицеповка успеха не имели.

Румынское командование рассчитывало на то, что новый штурм Одессы станет последним. 17 сентября маршал Антонеску и начальник Генштаба бригадный генерал Ионицу прибыли на фронт, чтобы лично наблюдать за новым наступлением. Однако по

прибытии в Баден, где находился командный пункт 4-й армии, А. Ионицу погиб в результате катастрофы.

Румынское наступление было предпринято к западу от Хаджибейского лимана. Вместе с силами 1-го и 11-го армейских корпусов в нем участвовали немецкие части: 1-й и 2-й батальоны 123-го пехотного полка, 2-й батальон 121-го пехотного полка, две роты из 71-го саперно-штурмового батальона, штаб 601-го саперного полка с 70-м саперно-штурмовым батальоном^[244].

В 9.00, после 10-минутной артиллерийской подготовки, 21-я румынская пехотная дивизия под командованием генерала Н. Дэскэлеску предприняла наступление из района Красного Переселенца в направлении села Дальник, имея на своем левом фланге немецкий пехотный полк, состоявший из одного пехотного батальона и одного саперно-штурмового батальона. В 12.00 38-й пехотный полк достиг западной окраины села, однако немецкий пехотный полк попал под жестокий обстрел со стороны своего левого неприкрытого фланга и начал отступать. Ситуация была восстановлена после введения дивизионного резерва. 1-й румынский корпус занял высоту в 1,5 км к юго-востоку от Дальника. 3-й румынский корпус наступал силами 3-й и 5-й пехотных дивизий, встречая серьезное сопротивление советского 287-го стрелкового полка на склонах высоты Большая Дальницкая. «Советы» даже контратаковали правый фланг 3-го румынского корпуса и левый фланг 11-го румынского корпуса, заставив румынскую пограничную дивизию отступить на 3 км.

В Восточном секторе советской обороны 5-й румынский корпус, атаковавший силами 13-й и 15-й пехотных дивизий, встретил ожесточенное сопротивление «советов» на укрепленной линии Гильдендорф – Корсунцы к востоку от Фонтанки. Крейсер «Коминтерн», эсминцы «Сообразительный», «Беспощадный», «Незаможник», канонерская лодка «Красная Армения» метким огнем корабельной артиллерии заставили замолчать несколько вражеских батарей в районах Чебанки, Шицли, Новой Дофиновки и непрерывно поддерживали плотную огневую завесу перед фронтом. Серьезную поддержку советским войскам оказала флотская авиация, базировавшаяся в Крыму. Для бомбардировки войск противника днем использовались самолеты Пе-2, ДБ-3, СБ, а ночью – лодочная авиация Одесского оборонительного района (ГСТ и МБР-2). Поражение целей производилось с горизонтального полета и пикирования с высот 3000–1000 м. Для поддержки войск, сражавшихся в этом секторе, командование Приморской армии возвратило в 25-ю Чапаевскую стрелковую дивизию один из стрелковых батальонов ее 54-го стрелкового полка, с начала осады Одессы находившегося в Восточном секторе. Для частичного восполнения потерь сюда были направлены и бойцы из батальона выздоравливающих.

Прибывший в Одессу начальник оперативного отдела штаба ЧФ капитан 2-го ранга Жуковский вручил командованию ООР директиву Военного совета флота от 14 сентября. В ней перед Черноморской эскадрой и Одесским оборонительным районом ставилась задача: в ночь на 16 сентября обеспечить высадку на левом фланге восточной группировки противника 3-го полка морской пехоты, который своим ударом облегчит наступление частей ООР в Северном направлении – на участке между Аджалыкским и Куяльницким лиманами. В результате ожидалось полное уничтожение группировки

противника и вынесение переднего края Восточного сектора обороны на линию Григорьевка – Мещанка – Свердлово – Кубанка^[245].

Складывалась странная ситуация: в условиях, когда Ставка просила продержаться, командование ЧФ форсировало события, предлагая ООР самостоятельно провести поистине самоубийственную операцию. Вице-адмирал И.И. Азаров вспоминал: «Мы недоумевали: на заседании Военного совета командующий флотом согласился, что наступление войск ООР может проводиться лишь при условии усиления их дивизией, и вдруг предлагается наступать прежде, чем началась перевозка дивизии из Новороссийска»^[246].

Что заставило командование ЧФ изменить свою точку зрения в условиях, когда Ставка фактически согласилась с предыдущими предложениями и Военного совета ООР, и Военного совета флота? Все очень смахивало на то, что руководство военно-морских сил решило доказать командованию, что флот способен самостоятельно, без поддержки сухопутных войск провести серьезную наступательную операцию. В жертву этим амбициям командование флота было даже готово принести целый полк морской пехоты.

К чести Военного совета Одесского оборонительного района, он не стал слепо выполнять приказ вышестоящего командования. Обсудив директиву, члены Совета пришли к выводу, что имеющимися силами вести наступление ни в коем случае нельзя. Части ООР были не в состоянии даже сдерживать врага и в ряде мест вынуждены были отходить. 421-я стрелковая дивизия, имевшая пять не полностью укомплектованных батальонов, несшая ежедневные потери, не была способна сломить сопротивление врага и перейти в наступление для соединения с десантом, как предписывалось директивой. Против нее в Восточном секторе действовали 13-я и 15-я румынские пехотные дивизии и подразделения кавбригады, немецкие батареи и другие части. Разгромить их силами трех батальонов 3-го морского полка и преодолеть 14 км было практически невозможно. В лучшем случае это могло привести к бессмысленной гибели 3-го морского полка, в худшем – грозило дезорганизовать всю советскую оборону в Восточном секторе.

Как отмечал И.И. Азаров, «чтобы не расширять круг лиц, посвященных в замысел командования, и не давать пищу для слухов о противоречиях, возникших между Военными советами ООР и флота, было решено послать с докладом в Севастополь заместителя начальника штаба ООР капитана 1-го ранга Иванова».

Военный совет ООР предлагал провести операцию только тогда, когда в Одессу прибудет обещанная Ставкой 157-я стрелковая дивизия, но и тогда не выносить передний край обороны к Свердлову, Мещанке и Кубанке, поскольку эта задача нереальна, а выдвинуться только на такое расстояние, которое исключало бы артиллерийский обстрел одесского порта и фарватеров.

Опасения командования ООР относительно поспешности десанта разделял и ряд флотских офицеров. Командир крейсера «Красный Кавказ» А.М. Гуцин вспоминал: «Первоначально планировалось произвести высадку десанта в ночь на 15 сентября. Флагманским кораблем был «Красный Кавказ». Кроме него, в отряд входили крейсер «Красный Крым», эсминцы «Бойкий», «Беспощадный», «Безупречный». Но командиры кораблей, и я в том числе, сомневались: смогут ли бойцы десанта, непривычные к морским переходам, высадиться быстро и без потерь? Ведь стояла осень, а Черное море в

это время редко бывает спокойным. Нужна была специальная тренировка, чтобы отработать быстроту и четкость действий.

Своими сомнениями я поделился с командующим эскадрой контр-адмиралом Л.А. Владимирским, который отвечал за организацию высадки, и с его заместителем по Григорьевской операции командиром бригады крейсеров капитаном 1-го ранга С.Г. Горшковым. И хотя обстановка требовала незамедлительных действий, оба руководителя согласились со мной. Мы изложили свое мнение командующему флотом. Вице-адмирал Октябрьский тотчас оценил ситуацию и предложил свое решение: потренировать десантников на пути к Одессе. В зависимости от результатов мы были вольны либо продолжить путь, либо возвратиться на базу.

Не теряя времени, мы погрузили людей и вышли в море. На траверзе Херсонесского маяка встали на якоря и приступили к тренировке – вывалили трапы, спустили на воду высадочные средства. И тут ясно увидели, что следовать в Одессу сегодня не придется. Дул свежий ветер, по морю гуляла крупная волна, и наши баркасы швыряло, как щепки. Нижние площадки трапов то уходили в воду, то взлетали вверх. Лишь несколько бывалых бойцов благополучно сели в баркасы, остальные же беспомощно толпились у борта, не решаясь спускаться вниз. Словом, такая выгрузка не укладывалась ни в какие нормативы. Мы возвратились на базу и не мешкая приступили к упорным тренировкам»^[247].

Последующее развитие событий подтвердило правоту Военного совета ООР. 16 сентября 1-й румынский армейский корпус захватил высоты к северо-западу от колонии Гросс-Либенталь. Сводная румынская группа подполковника Эфтимииу и части 7-й кавбригады заняли район к югу от Сухого лимана, где путь им преградил отряд пограничников старшего лейтенанта Попкова.

Между тем ожесточенный натиск противника не ослабевал. 19 сентября он вел наступательные действия на всех участках фронта. 1-й румынский корпус безуспешно пытался овладеть высотой в километре юго-восточнее Дальника с намерением окружить советские части, оборонявшие село. В Восточном секторе ночью противник неоднократно безуспешно атаковал советские части в районе совхоза «Ильичевка». Попытка подтянуть к этому участку румынские резервы была сорвана советской авиацией. Утром, после массивной артиллерийской подготовки, на позиции 1330-го стрелкового полка и 162-го отдельного зенитно-пулеметного батальона вновь двинулись густые цепи атакующих, но снова вынуждены были откатиться назад.

В Западном секторе неприятельская пехота при поддержке артиллерии неудачно пыталась прорвать оборону на стыке 161-го и 90-го стрелковых полков.

20 сентября в Западном и Южном секторах советские войска вели активную оборону, часто переходили в контратаки, стремясь сковать здесь возможно большие силы противника и тем самым способствовать успеху операции, готовившейся в Восточном секторе. Н.И. Крылов вспоминал: «Для крупных контратак просто не было сил. А атаки небольшими подразделениями часто не достигали цели. Но без контратак нельзя было обойтись там, где противнику удавалось – обычно в стыке каких-нибудь подразделений – вклиниться в нашу оборону»^[248].

В Западном секторе 32-й румынский пехотный полк в 8 часов утра перешел в наступление в районе хутора Кабаченко и незначительно вклинился в передний край обороны 161-го

стрелкового полка. В 14 часов контратакой советских частей противник был отброшен в исходное положение с большими для него потерями.

Ожесточенные бои шли в Южном секторе. Утром, после двухчасовой артиллерийской подготовки, противник силами до трех пехотных дивизий, при поддержке авиации, перешел в наступление, нанося главный удар в направлении южной окраины Дальника. Эти атаки успешно отражали с помощью авиации и береговых батарей два полка чапаевцев и два кавполка. Несмотря на значительный численный перевес, румынским войскам так и не удалось прорваться к селу. Лишь 15-й кавполк, под давлением превосходящих сил неприятеля, к исходу дня отошел на полтора километра восточнее занимаемого рубежа.

21 сентября на левом фланге обороны положение осложнилось. Вклиниваясь между нашими частями, противнику удалось прорваться к юго-западной окраине Дальника, где он был остановлен. 1-й румынский корпус безуспешно пытался занять высоту в километре юго-восточнее села. Большая часть села осталась в руках закрепившихся здесь частей 25-й стрелковой дивизии.

Обратимся к воспоминаниям подполковника И. Тимошенко: «Румыны жгли впереди окопов солому, пускали дым в глаза, а сами ложились спать. Мы (моряки-добровольцы, прибывшие накануне в дивизию. – *Авт.*), зная это, перебежками, подошли вплотную и ворвались в окопы, заколов находившихся там штыками»^[249].

На крайний случай командование Приморской армии держало наготове в поселке Застава, расположенном между Дальником и Одессой, один из полков 157-й стрелковой дивизии – 384-й, который был в армейском резерве. Не исключалась возможность ввода его в бой в Южном секторе раньше, чем начнется операция в Восточном секторе. В Западном секторе противник вновь перешел в наступление на стыке 161-го и 90-го стрелковых полков и опять был отброшен с большими для него потерями. В Восточном секторе части 157-й и 421-й стрелковых дивизий производили перегруппировку, готовясь к назначенной на следующий день операции. Судя по всему, о готовящемся контрударе румыны не подозревали.

Устойчивости советской обороны в значительной степени содействовали непрекращающиеся работы по оборудованию оборонительных рубежей вокруг города. К исходу дня 19 сентября было открыто 223 км противотанковых рвов и 68 км эскарпов, установлено 30,4 км оплетенных проволокой надолбов, 75,8 км проволочных заграждений, оборудовано 299 наблюдательных и командных пунктов, 7034 пулеметных, минометных, артиллерийских и пехотных окопа, 137 пулеметных дзотов. Хотя артиллерийский обстрел Одессы из-за Сухого лимана велся без корректировки, советские корабли могли разгружаться в порту только ночью.

За ночь 18 сентября из Одессы было эвакуировано 2719 человек (в большинстве своем – тяжело раненные бойцы). Под вражеским огнем оказались аэродром, хотя строители заранее построили капониры для укрытия самолетов, блиндажи для личного состава. Противник пристрелялся к аэродромам, и самолеты стали попадать под обстрел при взлете и посадке. Командование ООР решило построить новый аэродром на большом пустыре среди дач на Чубаевке (район 4-й станции Большого Фонтана). Десятки рабочих бригад, состоявших главным образом из женщин, были задействованы на этом

строительстве. Одновременно на городском стрельбище шло строительство ложного аэродрома – более заметного с воздуха. Женщины жили тут же – в пустовавших дачах и домах отдыха вблизи стройки, на казарменном положении. Было приказано оборудовать аэродром за десять дней, но все работы закончили за семь, и 69-й авиаполк перебазировался на Большой Фонтан. «Самолеты расставляли между дачами, тщательно маскировали, и их трудно было заметить. Правда, и взлетать с узкой полосы, окруженной постройками и садами, садиться на эту дорожку было нелегко. Тем более что в целях маскировки аэродрома подходить к нему требовалось на бреющем полете.

Самолеты, пронесаясь над самыми крышами, поодиночке уходили к морю, собирались там в группы, набирали высоту и шли на боевое задание. Враг так и не обнаружил эту посадочную площадку, не сбросил на нее ни одной бомбы, и она использовалась до конца обороны», – вспоминал участник боев.

По распоряжению Ставки в Одессу спешно перебрасывалась свежая кадровая дивизия – 157-я стрелковая. 16 сентября ее первый эшелон уже грузился в Новороссийске на суда. Для ускорения переброски дивизии в Новороссийск стягивались из других портов быстроходные транспорты – бывшие пассажирские суда. Военному совету ЧФ для этой цели разрешалось использовать и боевые корабли. Тем не менее Военный совет ЧФ согласился только на то, чтобы перенести десантную операцию на одни сутки, то есть на 17 сентября.

Военный совет Одесского оборонительного района не прекращал своих попыток убедить командование флота перенести десантную операцию на поздний срок. В телеграмме, отправленной Военному совету флота, говорилось: «Наступать в направлении Свердлово – Кубанка при явном превосходстве противника невозможно. В Одесской дивизии осталось пять пехотных батальонов, один артполк, мало снарядов... В Западном и Южном секторах идут напряженные бои. Для отражения атак противника брошены части Одесской дивизии, моряки Одесской военно-морской базы и работники НКВД. Просим отменить операцию, 3-й полк незамедлительно направить в Одессу»^[250].

Командование ООР, не прекращая подготовку к операции, надеялось оттянуть саму операцию до прибытия 157-й стрелковой дивизии. В ее разработке приняли участие начальник оперативного отдела штаба флота капитан 2-го ранга Жуковский, заместитель начальника связи флота капитан 2-го ранга Гусев, флагманский артиллерист флота Руль. Штаб ООР активно вел воздушную, наземную и морскую разведку. Штаб ВВС уточнил расположение группировки пехоты, артиллерии и конницы противника в районе Свердлово, Благодарное, Кубанка, Гильдендорф, передвижение его войск в направлениях Петровское – Свердлово и Буялык – Кремидовка. Штабы дивизий проводили ночные поиски, чтобы выявить номера частей, действующих перед каждым соединением, их смену, перегруппировки и инженерные работы.

Для того чтобы «прощупать» район будущего десанта, к Чебанке был направлен переоборудованный под военный корабль, бывший ледокол «Петраш», который из всех своих пушек 15 минут обстреливал берег Новая Дофиновка – Чебанка – Григорьевка, произведя невероятную панику в румынском тылу. Используя дымовую завесу, «Петрашу» удалось невредимым вернуться в Одесский порт.

Транспорты «Абхазия» и «Днепр», на борту которых находились 384-й стрелковый полк, разведбат и оперативная группа штадива, входили в Одесский порт под бомбежкой и артиллерийским обстрелом. Суда получили повреждения, правда незначительные. Следующей ночью вслед за «Днепром» и «Абхазией» из Новороссийска пришли «Армения» и «Украина». В рейсе находились «Восток», «Белосток», «Курск»... Выгружавшиеся стрелковые полки – 384, 716, 633-й (12 600 штыков, 70 орудий, 15 танков) сосредоточивались в поселке Куяльник, селах Нерубайское и Усатово, лежащих в 5–6 км от Одессы. В составе новой дивизии были один легкий артиллерийский полк (24 76-мм пушки на конной тяге), противотанковый, минометный и зенитный дивизионы. 422-й тяжелый гаубичный полк (36 152-мм гаубиц) поначалу был задержан в Новороссийске и не предназначался для отправки в Одессу. Обращение в Ставку с просьбой закрепить эту часть за 157-й стрелковой дивизией было удовлетворено, что позволило значительно улучшить обеспеченность войск ООР артиллерией^[251].

Н.И. Крылов был в восхищении от прибывшей дивизии: «Обычного призывного возраста, подтянутые, ладные крепыши с превосходной выправкой, словно влитые в отлично подогнанную форму... Командир дивизии Дмитрий Иванович Томилов в Красной армии с весны двадцатого года, воевал против Врангеля и махновцев, участвовал в ликвидации Кронштадтского мятежа. Потом учился на курсах «Выстрел», которые посчастливилось окончить и мне. Кроме командных должностей он занимал и штабные»^[252].

Ставка телеграммой приказала использовать дивизию на направлении главного удара, не распыляя ее на решение второстепенных задач. Кроме того, по распоряжению Ставки в Одессу из кавказских портов направлялось новое пополнение – 18 маршевых рот. С прибытием 157-й стрелковой дивизии, а затем и нового маршевого пополнения соотношение сил на фронте под Одессой заметно изменилось. Если в начале августа численное превосходство противника в живой силе составляло 6:1, то теперь оно уменьшилось примерно до 4:1.

В начале сентября 1941-го с фронта были отозваны все танки для формирования отдельного танкового батальона под командованием старшего лейтенанта Н.И. Юдина. Из отремонтированных на заводе имени Январского восстания БТ-7 на ходу осталось 10 машин, которые были сведены в одну роту. Другие роты были укомплектованы модернизированными БТ-5 и бронетракторами. Всего в батальоне насчитывалось 39 боевых машин и 18 бронетракторов. Согласно «Отчету о работе отдела автобронетанковых войск в период обороны Одессы с 1 августа по 15 октября 1941 г.», составленному начальником АБТВ Одесского оборонительного района подполковником Максимовым 11 марта 1942 г., на 1 октября 1941 г. в составе Приморской армии имелось 31 бронеавтомобиль (из них – 13 пушечных бронемашин БА-10), 13 БТ, 4 Т-26, 9 ХТ (химических танков) и 1 Т-37, а на 10 ноября отдельный танковый батальон Приморской армии располагал 31 бронеавтомобилем, 10 БТ, 2 Т-26, 9 ХТ.

В середине сентября 1941-го, в боях за Дальник и Петерсталь, 2-я кавдивизия последний раз участвовала в боях под Одессой. Потеряв более половины своего состава, эта дивизия перестала представлять единую боевую единицу, ее бойцы были спешены, а дивизионные лошади розданы частям или вывезены в Крым. Сама дивизия получила новое название 2-й мотокавалерийской, и ее бойцы передвигались на особо опасные участки фронта на

грузовиках. Комдивом стал П.Г. Новиков (прославившийся в боях под Одессой комполка 95-й стрелковой дивизии).

Аргументы Военного совета ООР и доклад капитана 1-го ранга Иванова заставили Военный совет ЧФ пересмотреть сроки высадки и предложения о выносе переднего края Восточного сектора в район Свердлово. Операция была перенесена на 21 сентября. Контрудар намечалось нанести в полосе между Куяльницким и Большим Аджалыкским лиманами – из Крѣжановки и Корсунцев – силами 421-й и 157-й стрелковых дивизий, перед которыми ставилась задача наступать в Северном направлении и разгромить 15-ю и 13-ю румынские пехотные дивизии. Артиллерийскую поддержку должны были оказывать 73-я и 38-я батареи Одесской военно-морской базы и 265-й корпусной артиллерийский полк майора Н.В. Богданова. Одновременно планировался удар в полосе между Аджалыкским и Большим Аджалыкским лиманами. Для этого предусматривалось высадить в районе Григорьевки десант – 3-й полк морской пехоты. Ему предстояло пройти по тылам противника на северо-запад и затем соединиться с дивизиями, наступающими с Одесского плацдарма и выполняющими основную задачу, вместе с морской пехотой намечалось высадить на берег корректировщиков корабельной артиллерии, на которую возлагалась задача сначала прикрыть высадку десанта, а затем перенести огонь в глубь расположения вражеских войск. Флотская и армейская авиация общими силами должна была нанести мощные бомбовые удары по аэродромам врага, скоплениям его живой силы и техники, а также прикрывать наши боевые корабли. Контрудар готовился как совместная комбинированная операция армии и флота. До осуществления этой операции необходимо было во всех секторах удерживать занимаемые рубежи обороны. Удачные и продуманные действия советских войск по десанту на Григорьевку сорвали планы немецко-румынского командования относительно полномасштабного наступления.

Глава 10

ОДЕССИТЫ ДЕРЖАТ ОБОРОНУ

Одесса долго не верила войне... Город был вдали от фронтов. В городе работали театры и кинотеатры, а одесситы вечерами, как в мирное время, не спеша прогуливались по улице Чкалова, бывшей до 1920 г. Дерибасовской. Война долго обходила Одессу – первая бомбежка города произошла только через месяц после начала войны – 22 июля. Хотя за первый месяц войны многое в городе изменилось.

Одесса в начале войны являлась крупнейшим промышленным, научным и культурным центром юга УССР. В городе работало 17 вузов, 19 техникумов, 42 научно-исследовательских института, 8 театров, филармония... Общее количество предприятий металлообрабатывающей, машиностроительной, легкой и пищевой промышленности в Одессе превышало 300, в их число входило 110 крупных заводов и фабрик. Черноморское сухогрузное пароходство было самым мощным на Черном море. К началу войны оно насчитывало 58 крупных морских судов и до 250 средних и мелких судов. Одесса была третьим по численности жителей городом в Украине (604 тыс. человек). Но с началом войны на улицах стало значительно меньше мужчин – еще в первый день войны в Одесском военном округе была объявлена мобилизация мужчин 1905–1918 гг. рождения, а военкоматы тысячами отправляли на фронт одесситов-добровольцев других возрастов.

Еще до начала обороны добровольно и по мобилизации ушли на фронт 142 тыс. одесситов. Штаб округа сформировал 136-й запасной полк. Он стал центром обучения мобилизованных красноармейцев и младших командиров. В первые дни июля в Одессе начало формироваться народное ополчение, куда записалось 55 тыс. человек.

В Одесской области был создан 51-й истребительный батальон (общая численность 11 тыс. бойцов). В городе было создано семь истребительных батальонов, по одному в каждом районе, и батальон железнодорожников (всего более 3,5 тыс. бойцов). Измаильский истребительный батальон, прибывший в Одессу 31 июля, был направлен для укрепления 95-й стрелковой дивизии. В ополчение, команды МПВО, резервные боевые дружины предприятий вступало много женщин. В августе 1941-го, пока в Одессу не начали прибывать маршевые батальоны из Крыма, одесские ополченцы были основным пополнением Приморской армии^[253].

Но истребительные отряды и формирования из ополченцев имели серьезные недостатки. Созданные наспех, плохо организованные, без военного опыта части объединяли людей далеких от армии, иногда не умеющих стрелять и кидать гранаты. Подобные формирования были вооружены только на 30–50 %. Младший командный состав этих отрядов состоял из учителей, агрономов, младших милиционеров... Занятия по военной подготовке с ополченцами часто носили «абстрактный» характер, а иногда и вовсе не проводились. Заметим, что часть подобных формирований существовала только на бумаге^[254].

В июле 1941-го в Одессе стала формироваться отдельная Одесская дивизия ополчения. Быстрее всех сформировался 3-й полк дивизии (командир майор И.И. Богачев, начальник штаба капитан Шаталов). В начале августа полк нес оборону во втором эшелоне сторожевого охранения, у сел Усатово и Застава, имея расположение в казармах экипажа военно-морской базы за 2-й Заставой. Этот полк комплектовался из истребительных батальонов ополченцев двух городских районов (около 650 человек), истребительной роты одесского сельского района (около 150 человек), группы милиционеров из области (80 человек), группы членов партии, попавших в полк по партмобилизации (60 человек), офицеров Одесского военкомата Ворошиловского городского района (28 человек). До 10 августа полк имел бои с просачивающимися сквозь первый эшелон группами и десантами противника у станций Выгода и Дачная, у Фоминой и Холодной Балки. Но в этом полку не было артиллерии, а два тяжелых миномета были грудой металла, потому что не имели мин. Наиболее уязвимо было вооружение бывших истребительных батальонов – тут и мелкокалиберные винтовки, трофейное оружие, бутылки с зажигательной смесью. Только у милиционеров имелись новенькие автоматы. Обмундирование полка было «партизанским»: бушлаты и телогрейки, шинели и стеганки, сапоги и ботинки с обмотками.

На площадях и в скверах Одессы проходило обучение горожан военному делу. «Рядом с пожилым научным работником можно видеть юношу-подростка, рядом со слесарем из железнодорожных мастерских – бухгалтера в старомодном пенсне», – писала газета «Правда».

С августа 1941-го, на случай сдачи города, в Одессе создавались партизанские отряды, группы разведчиков, закладывались тайные склады оружия и боеприпасов. По личному указанию Л.П. Берии в Одессу был направлен капитан госбезопасности, начальник 2-го

отделения 7-го отдела 1-го (разведывательного) управления НКГБ СССР Владимир Молодцов (под именем П. Бадаев). В. Молодцов возглавил оперативную разведывательно-диверсионную группу (пять сотрудников центрального аппарата НКВД и тринадцать – областного УНКВД), которая начала в Одессе деятельность по созданию резидентур, разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов. Интересно, что в Одессе до сентября 1941-го не было точных планов катакомб и ни одного специалиста, который мог свободно ориентироваться в катакомбах. Как вспоминал генерал Хренов, только в группе Молодцова были специалисты по катакомбам – «прилетели два бывших одессита, знавшие подземный город как свои пять пальцев. Вчетвером (Хренов, Молодцов и загадочные два одессита) мы вдоль и поперек излазили катакомбы, после чего я вычертил их подробный план»^[255].

15 сентября при политотделе Приморской армии было создано спецподразделение, которое подготовило девять разведывательно-диверсионных групп для действий в катакомбах (всего около 500 бойцов). Этим отрядам в октябре 1941-го выделялись винтовки, пулеметы, гранаты, тол, патроны, рации... Некоторые катакомбы, которые планировалось сделать «подземными крепостями», были электрифицированы, оборудованы колодцами, банями, пекарнями... Одесский обком партии создал в городе пять подпольных райкомов партии (в подполье должны были действовать 110 коммунистов) и шесть партизанских отрядов (130 человек). В Одессе был создан и отряд особого назначения войск НКВД, куда вошли сотрудники У НКВД по Одесской области, преподаватели школы милиции, милиционеры из Одессы, Измаила и Шабо. Диверсионные отряды НКВД проходили тренировку в пустыющих лагерях курортов Лузановка и Большой Фонтан. Многие диверсионные группы, которые планировалось оставить в Одессе после ее захвата врагом, поначалу использовались для диверсий в тылу румынской армии. Первые диверсионные группы прорывались в тыл, когда фронт вокруг Одессы еще не стабилизировался (10 августа был взорван мост на Тилигуле, 16 августа уничтожен румынский штаб в поселке Николаевка).

Большинство групп, стремившихся проникнуть во вражеский тыл, погибли в первых боях на линии прорыва. Так, отряд имени Дзержинского (командир – лейтенант НКВД Г.М. Цыбульский), в полсотню бойцов, который 28 августа был десантирован морем на канонерской лодке «Кубанец» в район Тилигульского лимана (у рыбацкого поселка Аджиаск), захватил морской причал, катер и пулемет противника, разгромил румынский караульный взвод. Вскоре отряд был почти полностью уничтожен батальоном румынской полевой жандармерии. Этому отряду предлагался дерзкий план: прорвать румынский фронт у Чебанки, чем обеспечить прорыв советских войск к Григорьевке.

7 сентября диверсионные отряды, проникшие за линию фронта, совершили ряд налетов в районе поселка Петерсталь, уничтожив более сотни солдат противника. Еще один диверсионный отряд был направлен в Беляевку в сентябре 1941-го. 50 человек отряда Быстрицкого – Солдатенко на нескольких баркасах пробрались из Днестровского лимана в устье Днестра и высадились в камышах возле Беляевки, наделав много шума в тылу румынских войск. Только в сентябре 1941-го в тылах противника действовало около двадцати диверсионных отрядов. С 1 по 8 октября в тыл 15-й и 13-й румынских дивизий было направлено пять диверсионных групп, две из которых уцелели и разгромили штаб

полка в селе Свердлово, взорвали несколько мостов и военных складов, уничтожили около ста румынских солдат и офицеров.

Очевидец вспоминал: «Всюду на перекрестках были сооружены баррикады из мешков с песком и булыжного камня, снятого с мостовой. В проездах стояли противотанковые ежи... У продуктовых магазинов стояли очереди, хотя они еще не были открыты».

Во второй половине августа Одесса была разбита на несколько секторов обороны, а штаб 82-го ТУРа был превращен в штаб городской обороны. Укрепления, минные заграждения и баррикады создавались по четкому плану военных инженеров-фортификаторов 82-го ТУРа, чтобы держать под перекрестным огнем площади, сдерживать продвижение врага на городских улицах. На перекрестках появлялись железобетонные пулеметные точки, крупные каменные дома превращались в опорные пункты, а вся система городской обороны соединялась подземными переходами через катакомбы, ливневые и канализационные сети. Сначала строили три пояса заграждений в самом городе, затем их стало шесть: первый – на окраинах, последний – невдалеке от причалов порта.

Каждая из баррикад укомплектовывалась отрядами для баррикадных боев (всего до 3,6 тыс. бойцов): стрелками, огнеметчиками, пулеметчиками... Кроме этих отрядов из еще работавших на предприятиях рабочих формировался резерв для баррикадных боев в городе в 7 тыс. человек. На пляжах в районе Аркадии, где одесситам было запрещено появляться, велась заготовка песка для баррикад. Было решено создать здесь запасной армейский порт с новыми подъездными путями, причалами и пирсами. В Аркадии, в режиме полной секретности, был построен и армейский запасной командный пункт, оснащенный автономным электропитанием и водоснабжением.

Война помешала началу учебного года – учащиеся пошли в школу не 1, а 15 сентября. Исполком горсовета принял решение приступить к занятиям по программам 1940/41 учебного года. Учащиеся 7–10-х классов обучались в школах, а младшеклассники – по группам в домах, в соответствии с местом проживания.

Уже в начале июля 1941-го началась вялая эвакуация из города тяжелораненых бойцов, семей верхнего слоя партийного актива, специалистов, ценного оборудования. Но чтобы получить возможность эвакуироваться на восток, нужен был извечный одесский «блат» – специальное разрешение партийных или военных органов. С 1 июля до 6 августа, пока работала железная дорога, эвакуация производилась наземным путем и морем. 19 августа на военном эсминце из Одессы были вывезены все банковские ценности в Севастополь.

На 50 % был эвакуирован завод по производству киноаппаратуры «Кинап», на 70 % – «Крекинг-завод», на 50–60 % – заводы станкостроительный имени Ленина, сельскохозяйственного машиностроения имени Октябрьской революции, подъемно-транспортных механизмов имени Январского восстания, линолеумный «Большевик», сахарорафинадный завод... Эвакуирована перевалочная база горючего на 200 тыс. тонн; 188,5 тонны грузов. На станциях и подъездных путях одесского железнодорожного узла скопилось значительное количество подвижного состава – 60 паровозов. Портовики и моряки Черноморского пароходства взяли вывезти 26 паровозов морским путем в Николаев на 6000-тонном плавучем доке. Вместе с локомотивами отправились в Николаев 52 паровозные бригады^[256].

Эвакуации вместе с заводом подлежали и основные кадры специалистов. Из Одессы было эвакуировано 150 предприятий и учреждений медицины и культуры. Между Одессой и портами Крыма и Кавказа тогда курсировало 20–25 транспортов^[257].

С 8 июля официально началась эвакуация населения. Но, по воспоминаниям председателя Одесского горсовета, «вначале население не желало эвакуироваться». Первую партию эвакуированных отправили спецэшеленом 10 июля. Только 24 июля Одессу покинуло три парохода с ответственными работниками, которые уже знали о том, что враг подошел к Днестровскому лиману. 24 июля теплоход «Ленин» (построен перед Первой мировой войной на судовой верфи в Данциге) и транспорт «Ворошилов», в составе каравана судов, вышли из Одессы на Мариуполь, доверху забитые эвакуированными одесситами. Пропуском на «Ленин» и «Ворошилов» служили посадочные талоны, но по одному талону садились два-три взрослых пассажира и полдюжины детей. Много людей приходило с записками от городских и областных руководителей, военной комендатуры, члены экипажа размещали родных и друзей в своих каютах. Вместо положенных 482 пассажиров, «Ленин» принял на борт около 3 тыс. пассажиров и 1200 призывников. Людей было столько, что ими были забиты все салоны, коридоры, трюмы и палубы. «Ленин», чудом избежавший налетов авиации противника, 27 июля подрывался, наскочив на советские минные поля. Тогда в морской пучине у берегов Севастополя погибло около 4 тыс. людей, а в числе спасшихся оказалось 580 счастливых.

Тогда же председателем областной эвакуационной комиссии было подписано распоряжение об эвакуации Оперного театра. Около 150 артистов с семьями в сопровождении трех подвод и двух автомашин с реквизитом пешком отправились в Николаев. Оттуда был организован проезд по железной дороге в Харьков. Новенькие троллейбусы, еще не вышедшие на линию, стали использовать как транспортное средство для эвакуации одесситов. Троллейбусы по Николаевской дороге тащили трактора. В начале сентября из Одессы отплыли транспорты с 1680 воспитанниками одесских детских домов... Во время погрузки детдомовцев на теплоход «Кубань» вражеский штурмовик стремился расстрелять детей, столпившихся у трапов... В начале августа тысячи беженцев перекрыли дорогу Одесса– Николаев. Командующий Приморской армией считал, что необходимо как можно скорее разгрузить Одессу, поэтому предлагал армейским политорганам распространить среди одесситов слухи о том, что фашисты Одессу будут нещадно бомбить.

Из шестисоттысячного населения Одессы к 10 августа в городе осталось примерно 340 тыс. человек, остальные ушли на фронт или эвакуировались (эвакуировалось около 300 тыс. гражданского населения и раненых бойцов). Только в июле 1941-го из Одессы было эвакуировано 46 тыс. человек гражданского населения и тяжелораненых бойцов, в августе – 58 тыс.^[258]

На базарах и стихийных толкучках уезжающие одесситы распродавали свои вещи почти за бесценок (так, новый мужской костюм можно было «справить» за 80–90 руб.). Интересно, что главный базар Одессы – Привоз – собирался до последних дней обороны. На улицах частыми стали военные и милицейские патрули, усиленные бойцами истребительных батальонов. Патрули постоянно проверяли у мужчин документы и вылавливали потенциальных дезертиров, подозрительных, паникеров и диверсантов.

С 19 июля в Одессу начали массово прибывать беженцы из Бессарабии, и оказалось, что фронт приблизился к Одессе уже на 40 км. Вечером 19 июля в одесскую гавань вошли корабли Дунайской военной флотилии, оставившие свои базы на Дунае. А радио и газеты о потере Бессарабии молчали, как молчали они потом об окружении Одессы, хотя ее блокада города была «секретом Полишинеля».

В Одессе и ее пригородах (Чубаевке, Дмитриевке, хуторе Вышинского, Красной Слободке, Хаджибейском и Куяльницком лиманах, в Лузановке, Люстдорфе и на Большом Фонтане) было объявлено военное положение. Оно предусматривало запрет выхода на улицу после 24.00 вечера до 4.30 утра без спецпропуска. Кино, театры, клубы, рестораны имели право работать только до 23.00, а бани и парикмахерские – до 22.00.

8 августа был опубликован приказ начальника гарнизона Одессы Г.В. Жукова № 25 о введении осадного положения. Несколько дней спустя было опубликовано обращение Одесского областного и городского комитетов КП(б)У и исполкомов областного и городского Советов депутатов трудящихся ко всем жителям Одессы. «Пришло время, когда каждый из нас обязан встать на защиту родного города. Забыть все личное, отдать все свои силы на защиту города – долг каждого гражданина... Выполняйте все указания военного командования. До последней капли крови бейтесь за свой родной город, за каждый дом, за каждое предприятие. Деритесь за каждую пядь земли своего города! Уничтожайте фашистских людоедов! Будьте стойкими до конца!» Обращение заканчивалось словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит! Победа будет за нами. Одесса всегда будет несокрушимой крепостью большевизма на Черном море!»^[259]

Приказом начальника гарнизона Одессы исполкому Одесского горсовета вменялось до 8 августа провести перерегистрацию всего городского автогужтранспорта города, мотоциклов и велосипедов. Была «категорически запрещена» эвакуация на автогужтранспорте. Время движения людей, трамваев и автогужтранспорта сокращалось с 5.00 до 22.00, работы торговых точек с 8.00 до 20.00.

22 августа Одесским обкомом КП(б)У было принято постановление о мероприятиях по обеспечению обороны города, состоящее из одиннадцати пунктов. Им предусматривалось организовать городские и районные тройки (1-й секретарь обкома или райкома, представитель горсовета, начальник НКВД). Создавались домовые тройки, которые должны были организовывать круглосуточные дежурства и охрану подъездов, чердаков, крыш домов. Планировалось организовать агитационно-массовую работу на призывных пунктах и среди населения. Секретарям райкомов партии запрещалось отпускать мужчин-коммунистов из города без ведома секретаря горкома партии Наума Гуревича.

24 августа в Одессе приступили к организации районных отрядов обороны улиц и порта, которые использовались и для того, чтобы исключить «просачивание противника в город». Каждый такой отряд должен был включать добровольцев, как мужчин, так и женщин.

С 25 августа в городе была введена карточная система – всего было распределено 360 тыс. карточек. Исполком Одесского облсовета установил продажу печеного хлеба, сахара, круп и жиров по карточкам (нормы: хлеба на каждого работающего на предприятии оборонки – 800 г в день; для рабочих остальных предприятий и служащих – 500 г; на каждого члена

семьи – 400 г; сахара: на каждого работающего – 1 кг в месяц, члена семьи – 200 г; крупы – 3 кг в месяц, на члена семьи – 2 кг; жиров: 1 кг в месяц, члена семьи – 400 г)^[260].

По дворам Молдаванки в июле 1941-го поползли слухи, что немцы полностью разгромили Красную армию, заняли Киев и Ленинград, а Сталин бежал из Москвы... Недостаток информации с лихвой компенсировался нелепыми слухами. Слух о том, что в Одессу скоро прибудет английский флот и снимет фашистскую блокаду, конкурировал со слухом о подходе к Одессе итальянского флота и передаче Одессы под протекторат Италии как «вольной гавани – порто-франко». Власти как огня боялись слухов и паники, которую могла вызвать правда о фронте, правда об истреблении евреев. Радиоприемники были конфискованы у одесситов еще в первые дни войны, а газеты рапортовали только об успехах и героизме советских войск, создавая атмосферу неверия и нереальности происходящего. Большинство из оставшихся в Одессе евреев считали, что информация о зверствах фашистов – только пугающая дезинформация, что даже под немецким или румынским сапогом они смогут выжить.

Несколько сот дезертиров, увильнувших от призыва, были выловлены в одесских катакомбах и на кладбищах... Тогда же в Одессе и окрестностях было поймано более сотни румынских и немецких диверсантов, что спровоцировало волну «шпиономании» в городе, когда вывешенные во дворе простыни или огонек в вечернем окне рассматривались как сигналы для вражеских бомбардировщиков. Одесситы научились сушить белье по квартирам. Режим секретности приводил к тому, что на судах в порту закрашивались названия, а с трамваев снимались указатели маршрутов.

Румынская авиация еще 13 августа разбрасывала над городом и фронтовыми позициями тысячи листовок, напечатанных по-русски и заверенных печатью с румынской короной. Там были такие слова: «Всем красноармейцам. Многочисленная румынская армия окружила город Одессу. Для того чтобы избавиться от жидов и коммунистов, еще до начала штурма советуем вам сдаться в плен. Бейте жидов и комиссаров». Но многонациональная Одесса не воспринимала такой агитации. В городе не произошло ни одного погрома, ни одного эксцесса на национальной почве. 90 % одесситов отдавали всю душу и все силы на борьбу с врагом.

Конечно, были и паникеры-шептуны, а то и скрытые враги, что ждали фашистов, как освободителей. В большинстве своем это были так называемые «бывшие люди» – обиженные властью бывшие помещики, бывшие богатые крестьяне, буржуа и нэпманы, люди которые испытали репрессии и реквизиции. Среди «внутренних врагов» случались и представители наций, воюющих против СССР: советские немцы, румыны, молдаване... Все они ожидали от новой власти улучшения своей жизни.

В июле 1941-го в Одессе и области появилась еще одна проблема – что делать с «подозрительными» этническими немцами, которых в области насчитывалось около 92 тыс. человек. Немцы-колонисты с начала XIX в. поселились в городе и десятках окрестных сел. Они представляли для властей «скрытую угрозу» – некоторые советские немцы потенциально могли быть использованы немецкой и румынской разведками для шпионажа, диверсий и агитации в советском тылу. Как утверждали органы НКВД, после захвата района Одессы румынскими войсками в немецких колониях были созданы фашистские организации «Мительштелле СС», организации немецкой молодежи (в них входило 14 тыс. человек), которые сотрудничали с оккупантами^[261].

Во избежание проблем в тылу в немецкие колонии Одесщины вводились взводы истребительных батальонов и отряды НКВД. В июле 1941-го в Одесской области были закрыты все немецкие школы. 31 августа политбюро издало постановление «О немцах, проживающих на территории Украины», согласно которому немцы в УССР бездоказательно объявлялись шпионами и пособниками фашистов и подлежали немедленной депортации в Сибирь и Казахстан. А еще в июле 1941-го в Одессе и области возобновились аресты и депортация этнических немцев («немецких» репрессивных операций НКВД в Одесском регионе было несколько: 1929, 1933, 1937 гг.). В начале августа был арестован Теофил Рихтер (отец великого музыканта – пианиста Святослава Рихтера), через два месяца он был расстрелян за шпионаж и антисоветскую агитацию. По «немецкому делу» были арестованы преподаватели индустриального и медицинского институтов Д. Кандель и В. Дельвендель. В Овидиопольском районе были арестованы все школьные учителя-немцы, из которых 60 человек были немедленно расстреляны. Арестам подверглись многие реэмигранты, вернувшиеся в Одессу из Бессарабии (до июня 1940-го – румынской провинции), такие как режиссеры-актеры К. Стамеров и Н. Вронский. Репрессии коснулись и членов семей военнопленных и дезертиров, которые арестовывались и выселялись в Сибирь.

Но какая антисоветская агитация могла сравниться с ложью официальных средств информации – в первый месяц осады одесситам даже не сказали, что город находится в полном окружении! Более того, 19 августа по радио дикторы сообщили об успехах на фронте и о том, что немцы выбиты из Тирасполя и Первомайска, в то же время ни о каком отступлении немцев в реальности не могла идти речь. Напротив, к этому времени немцы захватили Херсон и вплотную подошли к Днепропетровску, оставив Тирасполь в глубоком тылу своих войск.

Первый секретарь Одесского обкома КП(б)У Анатолий Георгиевич Колыбанов и председатель облисполкома Никифор Тимофеевич Кальченко пытались координировать деятельность партийных и советских органов с командованием армии и базы ЧФ. Секретарь обкома, ведавший работой с кадрами, отвечал за организацию оборонного строительства, обеспечение промышленных предприятий рабочими и инженерами; секретарь обкома по промышленности – за выполнение заказов фронта; секретарь обкома по пропаганде обеспечивал политико-воспитательную работу. В здании Одесского горкома на улице Перекопской Победы был развернут штаб Оперативной группы горкома во главе с секретарем горкома Н.П. Гуревичем.

«Больше организованности, никакой паники, никакой растерянности. Сейчас необходима величайшая организованность, сплоченность, напряженность, готовность идти на любые жертвы. Решительно и беспощадно боритесь с паникерами и дезорганизаторами», – призывали Одесский обком и горком КП(б)У в обращении «К гражданам города Одессы». Партийные органы обратились к населению: «Вооружайтесь всем, чем можно. Бутылка с горючим, брошенная в танк, камень, брошенный из окна, кипятки, вылитый на голову...»^[262]

Захватив поселок Беляевка (около 35 км от Одессы), румынское командование отключило подачу воды в Одессу через водонапорную станцию «Днепр». Одесса лишилась основного источника пресной воды, оказалась единственным городом в СССР, где во время войны (с 10 сентября 1941 г.) была введена карточная система на воду. Во всех

квартирах тогда перекрыли и опечатали краны, запрещалась поливка цветников и огородов, «промывка дворовых уборных водопроводной водой».

Ситуация с водой в Одессе воспроизведена в ставшем любимым советским зрителем художественном фильме «Жажда». Этот черно-белый фильм был снят в 1959 г. режиссером Е. Ташковым на Одесской киностудии и собрал лучшие силы советского кино – в одной из главных ролей Вячеслав Тихонов, оператор – П. Тодоровский, композитор – А. Эшпай. Автором сценария фильма был поэт и сценарист, участник войны Григорий Поженян. Он, как морской пехотинец, принимал участие в обороне Одессы. В фильме рассказывается о схватке за водонапорную станцию в Беляевке. Диверсионная группа матросов проникла в тыл врага, захватила насосную станцию и включила на несколько часов подачу воды в Одессу. Но художественный фильм не всегда точно повторяет реальность. Был героизм советских разведчиков, были наскоки диверсионных групп в районе Беляевки, но главная их задача была не подать на час-два в воду в Одессу, а уничтожить коммуникации противника и его живую силу, посеять хаос и дезорганизацию в тылу врага, который стремился захватить город.

Для тушения пожаров, возникавших при воздушных налетах, командование и городские власти приспособили воду из моря: на спусках, ведущих к порту, соорудили подсасывающие установки, с помощью которых морской водой наполнялись специальные резервуары для пожарных. Проблему снабжения водой частично снимали 58 артезианских расконсервированных и новых скважин. Одесситы традиционно брали воду в родниках Дюковского сада, у лакокрасочного завода, в «Канаве», на Большом Фонтане. Бурить новые скважины стали специальные военные подразделения – отряд глубокого бурения и гидротехническая рота управления военно-полевых работ 82-го укрепрайона. Снабженная мощными насосами, рота вводила в действие старые скважины и бурила новые. В то же время в городских резервуарах удавалось поддерживать десятидневный запас воды. Горожане стали получать воду через дворовые и уличные краны в определенные часы по карточкам по норме – полведра воды на человека в сутки. На инженерные части возлагалась ответственность за организацию борьбы с пожарами, за бесперебойное снабжение предприятий, порта и гарнизона электроэнергией и водой, за рациональное использование катакомб, водоканализационной сети, подвалов и подземных складов под убежища для населения.

С 6 сентября на предприятиях, в кинотеатрах и клубах Одессы начались собрания и митинги, посвященные месяцу обороны города. На этих собраниях выступали представители фронта, рассказывая, как идут бои на оборонительных рубежах. 9 сентября прошел общегородской митинг, на котором выступали секретарь горкома партии Н.П. Гуревич, дивизионный комиссар Ф.Н. Воронин, рабочие, инженеры. Митинг направил письмо ЦК партии с клятвой защищать город до последней капли крови. Были приняты обращения к ленинградцам и киевлянам, которых также переживали условия осады.

22 июля несколько налетов вражеской авиации заставили одесситов привыкать к военным будням. Появились первые разрушения в центре и на окраинах, в порту был разрушен холодильник и несколько причалов, поврежден пароход «Курск». С этого дня бомбардировки города стали регулярными. Враг использовал зажигательные и фугасные бомбы, морские мины на парашютах, вследствие чего город был охвачен пламенем. Горели дома на Дерибасовской, Пушкинской, Либкнехта, Карла Маркса, Щепкина...

Фугасные бомбы попали в здание городской телефонной станции на Греческой площади, в Дворец моряков, в Пушкинский дом, уничтожили дома напротив Оперного театра. Изодня в день росло число убитых и раненых среди гражданского населения. Тушение пожаров, расчистка улиц от завалов – все это сделалось одесским бытом. В составе МПВО действовали аварийно-спасательные команды, находившиеся на казарменном положении, в постоянной готовности. Они постоянно дежурили на крышах домов, пытаясь пресекать пожары и взрывы зажигательных бомб. В домах на улице Ремесленная погибает сразу две сотни людей. Под обломками дома, разбитого бомбой на улице Греческая, погибли люди, прятаящиеся в подвале. В. Швец вспоминал, что в Одессе из-за бомбежек «люди ходят по улице с вещами, боясь за вещи, которые могут погибнуть во время частых налетов авиации. Командование Одесского оборонительного района просит севастопольскую ставку ЧФ, в ответ на одесские разрушения, отбомбить Бухарест, а на бомбах написать «За нашу Одессу!».

Сильные бомбежки проходили 30 июля (погибло около 50 человек), 19 августа (погибло около 40 человек), 6–7 сентября (погибло около 100 человек), 11 сентября вражеская авиация дважды бомбила жилые кварталы Одессы (погиб 121 и получили ранения 162 мирных жителя), 14 сентября (погибло 22 человека)... За время обороны Одессы было зарегистрировано 615 бомбежек и воздушных боев. Продолжительность налетов доходила до трех часов, количество до 12–13 раз в сутки. Трижды, четырежды в день в городе объявлялись воздушные тревоги. Группы фашистских бомбардировщиков прорывались к порту, к жилым кварталам. За это время над акваторией и территорией порта было сброшено 902 авиабомбы и мины. В порту было разрушено 24 склада, восьмитонный кран, 2 электроподстанции, повреждено 7 причалов, но ни один отдел порта не прекратил работу.

Бомбоубежищ для горожан практически не было, и люди прятались в подвалах домов, на территории заводов. Во дворах и на улицах вдоль тротуаров были вырыты щели. Их накрывали накатами, превращая в своеобразные блиндажи. В городе не было специальных команд для разборки рухнувших зданий. 7 сентября бомбы разрушили несколько жилых домов в центре и терапевтическую клинику, 8 сентября – один из корпусов университета, здание вокзала, обувную фабрику, Дворец пионеров. Возникло много пожаров. В порту получил пробоины транспорт «Ташкент».

25 августа в 19.05 на территории порта разорвался первый румынский артиллерийский снаряд. С этого дня и часа Одесса, которую до тех пор враг мог лишь бомбить с воздуха, оказалась под артиллерийским обстрелом. Обстреливались порт и кварталы Пересыпи и центра города. Дальше снаряды, очевидно, не долетали. Огонь был не прицельный, «беспокоящий». Но орудийный обстрел был для населения тяжелее воздушных бомбежек. Резко сократилось движение на улицах. Только южные и западные кварталы Одессы оставались недосыгаемыми для вражеских батарей. Больше всего снарядов ложилось вокруг порта и непосредственно на его территории. Получили повреждения эсминец «Шаумян», один тральщик, портовый буксир.

«Когда пришлось оставлять Чебанский выступ, полковник Рыжи получил задание иметь в готовности средства для контрбатарейной борьбы. Однако подавить батарею, начавшую обстрел Одессы, оказалось не так просто. Орудия скрывались где-то в складках холмистой

местности, и засечь их никак не удавалось. Огонь по площадям, открывавшийся и с берега, и с кораблей, результатов не давал», – вспоминал генерал А.Ф. Хренов^[263].

С конца августа противник начал обстрел фарватера, порта и города из крупнокалиберной артиллерии со стороны Крыжановки. Особенно усиленному обстрелу подвергались порт, Ленинский район Одессы: станция Сортировочная, Пересыпь с расположенными здесь многочисленными заводами. Так, в некоторые дни на территорию завода имени Октябрьской революции падало в сутки до 200 снарядов и до 30 бомб весом от 100 до 500 кг, причиняя серьезные разрушения.

С середины сентября начался артиллерийский обстрел Одессы с юга, из-за Сухого лимана. Правда, он был не таким, как из района северных лиманов, – наугад, без корректировки. Однако снаряды залетали теперь и к запасным причалам на Большом Фонтане, и в те кварталы города, которые были недостижимы для вражеских батарей, стоявших у Дофиновки и Александровки. Но город приспособился и к этому. Почти без перебоев действовал транспорт. Продолжали работать кинотеатры.

Ю. Климов вспоминал: «На том берегу залива отчетливо были видны разрывы снарядов и орудийные вспышки. Значит, враг полностью замкнул кольцо вокруг Одессы... Было интересно наблюдать с этого берега, как вокруг судов появлялись мощные всплески фонтанов воды, но они продолжали быстро идти намеченным курсом. Было странно видеть разрывы снаряда без звука. Только секунд через 10–15 раздавался свист снаряда и вслед за этим грохотал взрыв... Расстояние до кораблей было 5–6 км. Заслышав обстрел, мы с соседским парнем бегали ближе к морю и смотрели на эту страшную картину. В середине августа начался артобстрел города. Особенно по ночам враг методично, через каждые 10–15 минут, посылал снаряд. Вначале несколько секунд был слышен противный вой снаряда, который с оглушительным грохотом разрывался где-то в городе. Это наводило ужас на женщин и детей...»^[264]

Горком партии и горисполком обратились в Военный совет ООР с предложением переселить всех граждан, проживающих в Водно-транспортном (центральном) районе, в границах Приморского бульвара, в начале улиц Толстого, Короленко, Пушкинская, Ленина, Карла Маркса. Им обещали предоставить дома на окраинах, пустующие дачи в Приморском районе и вблизи парка Аркадия. Тех же, чье жилье было разрушено, городские власти размещали в квартирах эвакуированных. Из рабочего района Пересыпь также начали выселять жителей, прежде всего обитателей одноэтажных трущоб, а стекла их домов замазывали глиной. В глубокой тайне от одесситов власти готовили затопление этого района на случай прорыва противника в город с востока. Часть горожан перешла на постоянное жительство в катакомбы. В районах скопления переселенцев открылись продовольственные ларьки, доставлялись вода в бочках, керосин. 24 сентября бюро обкома приняло постановление об улучшении условий жизни в катакомбах и подвалах, куда переселились тысячи семей. 2 тыс. школьников, чьи семьи переселились в катакомбы, приступили к занятиям под землей. Школьных педагогов, ушедших в армию или ополчение, заменили пожилые преподаватели университета и институтов.

Положение одесситов значительно улучшилось после советского десанта в Григорьевку. Благодаря его высадке и захвату румынских батарей удалось прекратить артиллерийский обстрел порта и города с востока.

Постановлением бюро Одесского обкома компартии «О дальнейшем расширении и организации новых производств для нужд фронта и обороны города» были утверждены список предприятий, мобилизованных для работы на оборону города, и список военной продукции, выпуск которой требовалось наладить на этих предприятиях. В список вошли 23 предприятия: завод имени Январского восстания, имени Октябрьской революции, судоремонтные заводы № 1 и 2, завод имени Петровского, имени Дзержинского, имени 10-летия Октября, «Красная гвардия», «Кинап», «Транспортер», «Большевик», «Красный Профинтерн», «Красный Октябрь», «Красный сигнал», Реммаштрест, завод товарных весов, мебельная фабрика, предприятия управления трудовых резервов и промкооперации. До войны в Одессе не было военных заводов, поэтому необходимо было с нуля, в условиях блокады и бомбежек, организовывать производство^[265].

Ставилась задача организации круглосуточной работы и производства бронепоездов, бронетанковых машин, минометов, огнеметов, ручных и противотанковых гранат, максимального увеличения ремонта танков, бронемашин, пушек, минометов, мин, стрелкового вооружения, автотранспорта, производства противотанковых препятствий, лопат, кирок, топоров, колючей проволоки.

Еще в июле 1941-го командование и руководство Одессы поставило перед коллективом завода имени Январского восстания (директор А.Н. Ликутин) задачу: за пять дней освоить и начать выпуск 50– и 82-мм минометов. Стволы минометов решили изготавливать из нефтеперегонных труб, которые поставлял Крекинг-завод. Растачивали трубы на заводе «Красный Профинтерн». С августа 1941-го завод производил 25 минометов ежедневно. Были обследованы промышленные учреждения, техникумы, лаборатории. Станки и оборудование, обнаруженное на них, были отправлены на завод.

В августе – сентябре 1941 г. на вооружение еще не поступили противотанковые ружья и противотанковые гранаты. Поэтому на заводах Одессы начали изготавливать ручные гранаты с увеличенным зарядом против танков. Каждый завод выпускал тысячи бутылок с горючей смесью без запалов. Прежде чем бросить такую бутылку в цель, следовало заменить пробку смоченной в бензине паклей и поджечь ее. К сентябрю 1941-го на стекольном заводе начали выпуск зажигательных бутылок с запалами. На упаковочной обертке этих бутылок был призыв: «Товарищ! Запал и бутылка изготовлены в Одессе. Не пускай врага в наш город, подожги танк!»

В Одессе изготавливались и «самопальные» гранаты и мины... За основу гранат брали цилиндр советской ручной гранаты РГД-33. В качестве взрывчатого состава – селитру, перемешанную с древесными опилками. Такую гранату обкручивали трехмиллиметровой проволокой или мотоциклетными рессорами. Под корпус противопехотной мины брали жестяные банки из-под консервов, а для противотанковых мин – большие коробки из-под кинолент. Изготавливали на одесских заводах и стальные ежики – так называемый «чеснок» – для разбрасывания на дорогах. Они служили для прокалывания автомобильных шин машин противника, выводили из строя его лошадей. Январка выполняла и другие заказы фронта: ремонт танков, зениток, самолетов, изготовила 70 тыс. лопат. Из разбитых в боях танков (около 60 единиц), скопившихся на станции Одесса-Товарная, ремонтные бригады завода собрали до 20 машин. Из рабочих завода формировались экипажи танков. Рабочие выезжали на фронт, где собирали подбитые танки для ремонта. Военные инженеры Январки – А.И. Обедников и У. Г. Коган –

разработали проект создания легкого танка НИ – «На испуг», переоборудовав гусеничные тракторы СТЗ-НАТИ. На судоремонтных заводах Одессы оставались восьмимиллиметровые листы корабельной стали, которые и пошли на броневое покрытие тракторов. Эти листы накладывались на трактор в два-три слоя, а пространство между ними заполнялось десяти миллиметровым слоем резины или двадцатимиллиметровым слоем досок. Такая броня могла обезопасить экипаж от пуль и осколков снарядов, но не выдерживала удара 35-мм оружейного снаряда. Сверху на импровизированный танк устанавливалась поворотная башня для крупнокалиберного пулемета. Пулеметы снимались со сбитых немецких самолетов. Скорость одесского «изделия» не превышала 25 км в час. Такие «танки» выпускались не только на Январке, но и на других одесских заводах: «Красная гвардия», имени Октябрьской революции, на судоремонтном заводе № 1.

На заводе имени Старостина было организовано производство противотанковых рельсовых препятствий, гусениц для автомашин, минометов, мин, снарядов, авиабомб. Судоремонтный завод № 1 выпускал бронекатера, ремонтировал боевые корабли, переоборудовал торговые суда в военные, строил капониры для укрытия самолетов, изготавливал детали для миномета. Завод имени Петровского наладил производство зарядов для мин, капсюль-детонаторов, боеприпасов (15 тыс. ручных и 2 тыс. противотанковых гранат в сутки). Выпуск ручных гранат освоил коллектив завода «Большевик», производивший взрывчатые вещества. Завод «Красный Профинтерн» производил прицельные приспособления для минометов, гусеницы для автомашин. Городская электростанция изготавливала минометные детали, артель детской игрушки выпускала мины... Винзавод, артели «Комсомолка», имени Тельмана, имени Якубенко наладили производство мин, бутылок с горючей смесью с запалами, ножниц для резания колючей проволоки.

За время обороны Одессы было изготовлено: 1300 минометов, 300 тыс. ручных гранат, 1 тыс. траншейных дальнеструйных огнеметов, 100 тыс. пехотных и саперных лопат, 10 тыс. топоров и кирок. На швейных предприятиях и артелях для фронта было изготовлено 12 тыс. суконных рубах и шаровар, 63 тыс. бушлатов, 25 тыс. свитеров, 16 тыс. телогреек, 16 тыс. ватных брюк, 35 тыс. вещмешков...

Коллектив Одесского судоремонтного завода № 1 в рекордно короткий срок превратил пассажирские суда «Абхазия», «Украина», «Аджаристан» в военные транспорты. Рабочие вооружили зенитными орудиями и пулеметами пароходы «Спартак», «Рот Фронт», «Ворошилов». На многих одесских заводах развернулась упорная борьба за то, чтобы каждая бригада, цех и предприятие были стахановскими.

В Одесском порту (начальник порта П.М. Макаренко) ежедневно производились погрузочно-разгрузочные работы на 20 судах. Для выполнения такого фронта работ, по расчетам мирного времени, понадобилось бы 700–750 грузчиков, но во время обороны города с ними справлялись 230 грузчиков. Часто погрузочно-разгрузочные работы производились во время бомбежек и артиллерийского обстрела^[266].

На большинстве заводов и фабрик работа велась круглосуточно, а рабочие были переведены на казарменное положение. Рабочий день удлинился до 12–15 часов. Для них на предприятиях были установлены койки и организовано питание. На предприятиях создавались звенья противовоздушной обороны: дежурили на крышах, постах

наблюдения, обезвреживали неразорвавшиеся бомбы, тушили пожары... Без отрыва от производства рабочие принимали участие в строительстве оборонительных сооружений, несли охрану заводов, обучались военному делу.

Из 50 тыс. человек, трудившихся на предприятиях Одессы, более трети составляли вчерашние домохозяйки, студентки, школьницы, пришедшие в цеха за время обороны. Тысячи женщин изо дня в день выходили на строительство оборонительных рубежей, дежурили в командах МПВО. Упорный труд одесситов, их выдержка и отвага, их стремление и умение преодолевать трудности, врожденный оптимизм и южный темперамент поддерживали войска в самые сложные дни обороны.

Глава 11 **ГРИГОРЬЕВСКИЙ ДЕСАНТ (21–23 сентября)**

По всем законам военной стратегии и тактики для проведения морского десанта и наступления на укрепленную линию обороны противника требуется двух-трехкратное превосходство над противником. Но советский десант в Григорьевке готовился исходя из других расчетов – мужества и храбрости советских воинов, фактора внезапности и профессиональной маскировки, скоординированности действий военно-морского флота, морского и воздушного десантов, армейских подразделений, артиллерии, военно-морской и армейской авиации...

Румынские части в районе десантирования имели трехкратное превосходство над силами десанта и фронтовых частей, и исходя из этого командование румынскими войсками не могло себе представить даже возможности подобного развития событий.

В Одессе подготовкой десантной операции занимался генерал Т.Д. Шишенин (от штаба армии). Его морской заместитель капитан 1-го ранга С.Н. Иванов был командирован в Севастополь, а из Севастополя в Одессу для координации планов прибыл начальник оперотдела штаба ЧФ капитан 2-го ранга О.С. Жуковский. Решение провести в Восточном секторе 22 сентября наступление с ограниченными целями командующий армией окончательно принял 19 сентября: внезапным совместным ударом 421-й и 157-й стрелковых дивизий из района Фонтанки, Ильичевки и тактического морского десанта из района Григорьевки отбросить находящиеся на этом участке 13-ю и 15-ю румынские пехотные дивизии на 10–20 км, что исключило бы артиллерийский обстрел города и порта.

18 сентября в Одессу были доставлены 18 маршевых рот и 157-я стрелковая – полностью укомплектованная кадровая дивизия. Части разместили недалеко от окопов Восточного сектора в санаториях Куяльник, в поселках Усатово и Нерубайское. 19 сентября прибыл 422-й гаубичный полк – 36 152-мм орудий, а 21 сентября, на транспорте «Валерий Чкалов», в сопровождении эсминца, тральщика и трех сторожевиков, в режиме строгой секретности, в Одессу был доставлен 48-й отдельный дивизион реактивной артиллерии – «катюши»^[267].

Генерал Крылов вспоминал, что подготовка операции «держалась в строжайшем секрете и была известна ограниченному кругу лиц. В штатме знали о предстоящих действиях лишь те, кто непосредственно участвовал в их подготовке. О том, как будет использована новая дивизия, не информировалось пока и командование Западного и Южного секторов»^[268].

Для непосредственной высадки десантников предназначались, кроме корабельных баркасов и шлюпок, отряд катеров и других мелких судов, имевшихся в Одессе, во главе с канонерской лодкой «Красная Грузия».

В начале сентября 1941 г. в Севастополе из краснофлотцев-запасников и добровольцев из состава экипажей кораблей и частей Севастопольской базы был сформирован 3-й полк морской пехоты ЧФ (первые два были созданы в Одессе в июле – августе 1941 г.) под командованием майора П. Харичева (1900 бойцов, три батальона морской пехоты и минометная батарея – девять 82-мм минометов). Вскоре полк возглавил капитан Кузьма Корень.

3-й полк морской пехоты, сформированный в спешном порядке, не имел опыта десантирования на берег, а ему предстояло высадиться ночью, в глубоком месте, под огнем противника. Будущие десантники проводили интенсивные тренировки по основам общевойсковой тактики, приобретению навыков владения огнестрельным и холодным оружием, отработке приемов рукопашного боя. Их учили штурмовать побережье, делать проходы в проволочных заграждениях, ориентироваться на местности. В районе Казачьей бухты Севастополя скрытно отработывались посадка на корабли и высадка с помощью мелких плавсредств. Но бойцам не сообщались истинные цели усиленной подготовки. Напротив, им говорилось о будущих партизанских действиях в тылу врага. За дни подготовки были откорректированы планы посадки и высадки десанта, изготовлены специальные трапы, сходни, лотки для выгрузки боеприпасов и продовольствия, на борт судов приняты дополнительные самоходные плавсредства.

Согласно директиве Военного совета ЧФ от 14 сентября, проведение десантной операции было сначала намечено в ночь на 16 сентября. Для этого были сформированы: отряд десантных кораблей в составе крейсера «Красный Кавказ», эсминцев: «Бойкий», «Безупречный», «Фрунзе» и «Дзержинский», отряд поддержки в составе вспомогательного крейсера (бывшего ледокола) «Микоян», канонерской лодки «Красная Грузия» и «Днестр» и 10 сторожевых катеров. К 21 сентября изменился корабельный состав операции, который стал включать: крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцы «Бойкий», «Безупречный», «Фрунзе», канонерскую лодку «Красная Грузия» и 10 сторожевых катеров. Но эти боевые единицы не были приспособлены для десантных операций.

В 7 часов утра 21 сентября крейсера «Красный Кавказ» и «Красный Крым» стали на якорь в Казачьей бухте, куда несколько позже прибыли эсминцы «Безупречный» и «Бойкий». Посадка десанта продолжалась около шести часов. Ее прикрывали барражем истребительной авиации, зенитной артиллерией и средствами Охраны водного района (ОВР).

Принцип целостности батальонных тактических групп при посадке не соблюдался. В течение 35 минут 9 баркасов доставили на «Красный Кавказ» 996 человек, 9 минометов, боеприпасы и продовольствие. Более часа заняла погрузка на «Красный Крым» (721 боец). На эсминцах «Бойкий» и «Безупречный» разместилась в среднем по роте – 105 и 107 человек, а общая численность принятого десанта составила 1929 человек (в других источниках – 1617 человек).

К 1 часу дня посадка десанта на корабли была закончена, а в 13.30 корабли десанта под командованием командира бригады крейсеров контр-адмирала С.Г. Горшкова вышли из Севастополя, имея эскадренный ход 18 узлов. Под прикрытием двух пар истребителей И-16 и самолетов МБР-2 бригада кораблей вышла за внешнюю кромку минного заграждения. Построившись в кильватерную колонну (головным шел «Бойкий», за ним «Красный Кавказ» под флагом капитана 1-го ранга Горшкова, «Красный Крым» и концевым – «Безупречный»), они взяли курс на Одессу.

Боевое задание бойцам было объявлено только вечером, в море. На флагманском корабле «Красный Кавказ» (где скопилось более 700 бойцов десанта) по внутреннему радио было зачитано обращение командования корабля и 3-го полка морской пехоты. В обращении говорилось: «Военный совет Черноморского флота поставил перед нами почетную и ответственную задачу – оказать помощь героическим защитникам любимой моряками солнечной Одессы... Стремительным броском десанта и мощным ударом в спину фашистам разгромим врага на его позициях, отбросим его от нашей Одессы... Каждый из нас должен считать великой честью выполнить свой воинский долг перед Родиной. Не зная страха, идите вперед, пядь за пядью отвоевывая свою священную землю».

Но пока корабли шли к Одессе, в подготовке десантной операции возникли серьезные проблемы. Чтобы заранее уточнить обстановку в Одессе и оговорить с контрадмиралом Жуковым планы совместных действий, контр-адмирал, командующий эскадрой Л.А. Владимирский (командующий десантной операцией), вышел на эсминце «Фрунзе» (капитан 3-го ранга В.Н. Ерошенко) из Севастополя в Одессу еще на рассвете 21 сентября. Вместе с ним возвращался в Одессу капитан 1-го ранга С.И. Иванов, который вез с собой всю необходимую для документацию для десанта и поддержки его одесскими плавсредствами.

В 15 часов в районе Тендровской косы эсминец «Фрунзе» и канонерская лодка «Красная Армения» были атакованы группой немецких пикирующих бомбардировщиков Ю-87 – «Штука». Это были самолеты 10-го авиакорпуса люфтваффе (I./StG77), переброшенного из районов Средиземного моря. Пилоты авиакорпуса имели двухлетний боевой опыт войны на море против британского флота. Авиакорпус (действовал с аэродрома в Бельцах) стал эффективным средством для борьбы с морскими перевозками между Крымом и Одессой, от которых зависела судьба Приморской армии и обороны Одессы. «Красная Армения» затонула от прямого попадания авиабомбы. Для спасения экипажа к месту трагедии подошел «Фрунзе», но сам оказался новой жертвой авиабомб. «Фрунзе», на котором закончился боезапас для зенитных пушек, получил серьезные повреждения и выбросился на отмель. Та же участь постигла подошедший к нему буксир ОП-2. Часть моряков добралась вплавь до Тендровской косы, другие, оставшиеся на полузатонувшем ОП-2, были сняты торпедным катером. Из команды «Фрунзе» спаслось 110 человек, погибло около пятидесяти. На эсминце был убит заместитель капитана 1-го ранга Иванов, и с ним погибли и все документы по десантированию.

Отсутствие документов и командующего могло привести к провалу операции, ведь на 21 сентября ни штаб флота, ни штаб ООР сведений об этом не имел. Получив сообщение о гибели эсминца «Фрунзе» и не имея еще сведений о судьбе контр-адмирала Л.А. Владимирского, Военный совет ЧФ возложил функции командира высадки на С.Г. Горшкова. Адмирал Ф.С. Октябрьский, узнав о гибели «Фрунзе», внес в план действий

кораблей десанта поправку: крейсерам было приказано, высадив десант, возвращаться в Севастополь.

После получения трагических известий у контр-адмирала Жукова собрались члены Военного совета ООР, командарм, начштаба. «Всех тревожила неизвестная пока судьба Владимирского, Иванова. Сразу же возникли и вопросы практического порядка. Как ориентировать командиров высадочных плавсредств, если окажется, что документы погибли и их не доставят до ночи?»

Вечером 21-го легко раненный контр-адмирал Владимирский был доставлен в Одессу на торпедном катере. Он по памяти продиктовал встретившим его морякам основные указания и данные, без которых высадочные плавсредства не могли выполнять свою задачу. Но суда, отправлявшиеся из Одесского порта, теперь уже заведомо опаздывали. Только в самый разгар десантной операции контр-адмирал Владимирский прибыл к месту высадки десанта на крейсере «Красный Кавказ».

Одесское командование не знало деталей своей боевой задачи – точки встречи с кораблями, порядка высадки, условных сигналов, не получило частот связи с кораблями десанта и направило корабли поддержки десанта позже намеченного в погибших документах срока. Десант шел из Севастополя, а отряд высадочных средств – из Одессы. Отсутствие высадочных средств, способных поддержать десант действенным огнем с относительно небольшой дистанции, могло привести к неоправданным жертвам. Хотя в качестве высадочных средств планировалось использовать канонерскую лодку «Красная Грузия» (бывший тральщик типа «Эльпидифор»), 22 катера и 10 самоходных баркасов Одесской военно-морской базы, десантирование началось без «одесской команды».

Советская эскадра приближалась к Одесскому заливу. Днем вражеская авиация не атаковала корабли эскадры, но вечером зенитчикам пришлось трижды открывать огонь по самолетам противника. Очевидно, противник установил факт выхода кораблей из Севастополя, но посчитал, что они направляются в Одессу для обычной артиллерийской поддержки советских войск.

Прибыв в район Григорьевки, корабли десантного отряда встали на якорь в 15–25 кабельтовых от берега и в 1.25 ночи начали интенсивную артиллерийскую подготовку, более трех часов обстреливая заранее выявленные объекты в Григорьевке, Чебанке, Старой и Новой Дофиновке, Визирке, Шицли, Билярах. За это время было израсходовано 3220 снарядов, причем около 20 % из них – в течение первых 10 минут. Стрельба велась главным образом по площадям с использованием осветительных снарядов, значительно облегчавших пристрелку. Затем корабельная артиллерия поставила огневую завесу на флангах и по фронту участка высадки, не подпуская силы врага к берегу, куда направлялись плавсредства с первым броском десанта.

Непосредственная высадка на берег должна была проводиться имевшими маленькую осадку катерами-охотниками МО-4 и канонерской лодкой «Красная Грузия», составлявшими отряд высадочных средств. Корабли с десантом подошли к точке встречи с отрядами высадочных средств и огневой поддержки. Однако этих отрядов на месте не оказалось, так как инструкции командования погибли на эсминце «Фрунзе», контр-адмирал Л.А. Владимирский прибыл в Одессу гораздо позже намеченного срока.

Командующий ЧФ, опасаясь массированного налета вражеской авиации на крейсера при возвращении в Севастополь (эсминцам было приказано остаться для огневой поддержки десанта), потребовал ускорить высадку десанта и завершить его раньше намеченного срока. Поэтому, не дожидаясь подхода катеров и баркасов из Одессы, капитан 1-го ранга С.Г. Горшков отдал распоряжение начать высадку десанта в 1.35 22 сентября, а не в 3 часа, как ранее предусматривалось планом. С.Г. Горшков принял решение начать высадку десанта с корабельных баркасов и шлюпок.

В 1.35 от кораблей отошли первые баркасы с морской пехотой – началась высадка первого десанта на Черном море в Отечественную войну. Высадку было приказано было закончить к 3.00. Все десантники, высаживаясь на берег, должны были иметь трехдневный запас продовольствия. Высадка десанта оказалась неожиданной для врага, и он не смог оказать никакого противодействия советским войскам. Первой начала высадку рота под командованием младшего лейтенанта И.Д. Чорупы и батальонного комиссара И.П. Прохорова.

Достигнув через 20–30 минут берега, передовая группа зажгла сигнальные огни, ориентируясь на которые высаживались остальные подразделения. Развернувшись в боевой порядок, первая рота десанта стремительным броском захватила поселок Григорьевка, обеспечив плацдарм для высадки всего десанта. Сразу же началась посадка на баркасы других подразделений десантного полка. Используя семь корабельных баркасов, крейсер «Красный Кавказ» в течение двух часов высадил личный состав, после чего начали перевозить боеприпасы. Одновременно шла переброска десанта с «Красного Крыма» и эсминцев, закончившаяся в 5 часов утра.

Большая осадка баркасов и перегруженность плавсредств затрудняли подход к берегу, что увеличило время проведения операции. Бойцы в 100–150 м от берега прыгали в воду и с поднятым над головой оружием, нередко по грудь в холодной воде, бежали к берегу. Полк высаживался без артиллерии, только с легкими минометами. С первыми десантниками на берег вышли корректировочные посты с крейсера и эсминца «Бойкий». Заняв позиции на плацдарме и установив связь с кораблями по радио, они начали корректировку огня.

Вот как описывает десантирование краснофлотец М.А. Кунчилин: «Вспышки от артиллерийских выстрелов слепили глаза настолько, что несколько секунд абсолютно ничего не было видно... Барка уперлась в грунт, мы прыгнули в воду, которая была по грудь, и пошли к берегу. На берегу оказались проволочные заграждения, которые были вытаснены с кольями»^[269].

Доставив десантников первого броска, баркасы и шлюпки вернулись к кораблям и приняли новую партию десанта. Десант высадился успешно, хотя доставка подразделений к берегу и затянулась до шестого часа утра. Вражеская авиация ночью и в первые утренние часы над кораблями и десантом не появлялась.

Мнения «летописцев» героического десанта разделяются. Одни указывают на завязавшийся бой во время высадки десанта: «Бой за берег длился примерно час», другие – на пулеметный и минометный обстрел побережья румынскими войсками, третьи – на отсутствие противника в момент высадки. Анализируя воспоминания участников десанта, можно сказать, что при высадке ни один человек не погиб и не утонул. На вершинах

склонов были замечены только румынские конные дозоры. Но начавшийся артобстрел их спугнул...

Огнем корабельной артиллерии (более 40 орудий калибра 76–180 мм) десант был прижат к кромке воды, и для того, чтобы он продвинулся дальше, потребовалась дополнительная корректировка огня. Огонь корабельной артиллерии был перенесен в глубину обороны противника с целью воспрепятствовать подходу его резервов. Точные и своевременные целеуказания корректировщиков, передаваемые по радио, позволяли корабельным артиллеристам значительно снизить количество пристрелочных залпов и быстро переходить на поражение.

На берегу действия десанта планировалось поддерживать бомбоштурмовыми ударами специально выделенной авиагруппы в составе 63-й бомбардировочной авиабригады ЧФ и местного 69-го истребительного авиаполка. Флотская авиация, бомбардировщики, прилетевшие из Крыма, наносили удар по тылам и разведанным резервам противника у Свердлова, Кубанки, Сычавки, Булданки, Старой Дофиновки. Одесские истребители должны были не допустить вылета самолетов противника с двух ближайших к Одессе полевых аэродромов в районе колоний Баден (Очеретовка) и Зельцы.

На рассвете 21 сентября из Одессы вылетели двадцать И-16 и два Ил-2, которые были разбиты на две группы. Вот как описывает в своих воспоминаниях участник того боя старший лейтенант летчик 69-го авиаполка А.Т. Череватенко, ставший потом Героем Советского Союза: «Над аэродромом появились настолько внезапно, что зенитки не сразу открыли огонь. По сигналу командира мы сначала обстреляли из пушек и пулеметов палатки, где, должно быть, еще спали гитлеровцы. После разворота стали уничтожать самолеты, бензосклад, штабеля боеприпасов. Штурмовики Ил-2 подавляли зенитки... Противник потерял практически все, что там было». На обоих аэродромах было уничтожено около 20 «Мессершмиттов» и «Юнкерсов» противника^[270].

Вечером 21 сентября в районе мыса Аджиаски (восточнее села Коблево) 6 катеров – «морских охотников» высадили роту моряков для имитации десанта. Этот десант должен был привлечь возможный удар противника на себя, и это ему удалось... Враг привлек для ликвидации десанта крупные силы. Моряки «демонстративного десанта» героически погибли в неравном бою.

Но был еще героический воздушный десант, о котором в исторической литературе практически нет упоминаний. Руководители десантной операции решили, что в операции может помочь воздушный десант в тыл тех румынских частей, что находились на линии высадки морского десанта.

Предполагалась высадка парашютного десанта в районе высоты 57,3 (примерно в 10 км от морского побережья) в районе маленького села Шицли, где, по данным разведки, располагался штаб румынского пехотного полка. 20–25 человек десанта должны были нарушить связь и управление противника, создать панику в его тылу, оттянуть на себя часть сил врага. Для выполнения этого задания в Севастополе формировался и проходил ускоренную подготовку особый отряд парашютистов, состоявший в основном из моряков-добровольцев из обслуживающего персонала аэродромов авиационных частей ЧФ. Командование рассчитывало на то, что все зачисленные в отряд бойцы имеют необходимую парашютную подготовку, что на самом деле было не так. Каждый

воздушный десантник был вооружен пистолетом-пулеметом с тремя запасными магазинами, кинжалом и гранатами.

В 1.30 22 сентября с самолета ТБ-3 в районе высоты 57,3 летчик 18-го транспортного отряда ЧФ старший лейтенант С.П. Гаврилов высадил парашютный десант в количестве 23 человек под командованием старшины А. Кузнецова. Сильный ветер, ночная ограниченная видимость и недостаточная парашютная подготовка не позволили отряду в полном составе собраться после приземления. Некоторые парашютисты «потерялись», и им пришлось действовать в одиночку, что привело к неоправданным потерям: из 23 человек погибли и пропали без вести двенадцать.

В течение нескольких часов бойцы воздушного десанта: М. Бакланов, Ф. Воронков, Г. Елисеев, А. Котиков, П. Литовченко, Р. Перепелица, В. Чумичев и другие – уничтожили пять линий проводной связи, чем нарушили управление войсками противника. После выполнения боевого задания, утром 22 сентября, авиадесантники соединились с 3-м полком морской пехоты.

Парашютист М. Негреба один уничтожил крупный штаб противника, за что был награжден орденом Ленина. Он вспоминал: «Прямо на меня мчались четыре всадника. Они спешили у домика, привязали лошадей к изгороди и нырнули куда-то вниз. Я пополз и увидел возле домика погреб. У входа стоял часовой. Он зевал и явно скучал. Покинув пост, часовой подошел к лошадям. Воспользовавшись этим, я проскочил к погребу. Было ясно слышно, как звонил телефон и кто-то говорил грубым, резким голосом на чужом языке. В окно я увидел посреди погреба стол. За ним сидели несколько офицеров, склонившись над картой. Понял, что это вражеский штаб. Я поднял гранату, отодвинул предохранитель и... не бросил ее: одной гранаты для такого важного учреждения маловато. Вынув еще три, связал их вместе ремешком и метнул этот увесистый «букет» в окно. Раздался оглушительный взрыв, лошади сорвались с привязи и убежали, а часовой упал».

К моменту подхода высадочных судов и кораблей огневой поддержки Одесской военно-морской базы к району высадки на берегу было уже несколько сотен десантников, которые, захватив плацдарм у Григорьевки, начали наступление в сторону линии фронта – в направлении на юго-запад. Темпы переброски морских пехотинцев с кораблей на берег ускорились. К 5 часам утра высадка десанта была завершена.

Крейсеры «Красный Кавказ» (командир – капитан 2-го ранга А. Зубков) и «Красный Крым» (командир – капитан 2-го ранга А. Гушин) сразу поспешили в Севастополь, а эсминцы «Бойкий», «Безупречный» и «Беспощадный» (общее командование – капитан 1-го ранга П. Порембский) остались для артиллерийской поддержки десанта. Командование флотом стремилось быстрее вывести из района наиболее опасных ударов авиации противника важные боевые единицы – крейсеры, приказав сразу же после артподготовки и десантирования следовать в Севастополь, с расчетом за темное время суток пройти большую часть пути до Севастополя.

Эсминцы «Бойкий», «Безупречный», «Беспощадный» и канонерская лодка «Красная Грузия» выпустили по врагу 3225 снарядов разных калибров. Для большей успешности огня и обеспечения наводки крейсер «Красный Крым» вел стрельбу осветительными снарядами, а крейсер «Красный Кавказ» вел методический огонь главных калибров по

селу Свердлово, где, по данным разведки, находился штаб румынских войск. Корректировочные посты, высаженные на берег, обеспечили большую эффективность огня. Корабли подавляли очаги сопротивления противника, рассеивали скопления войск и техники в районах Фонтанки, совхоза «Ильичевка», Гильдендорфа^[271].

Пока советские истребители штурмовали тылы противника, над кораблями десанта барражировал только один истребитель, который был атакован звеном вражеской авиации и сбит. Эсминец «Безупречный» в 13.00 был атакован несколькими пикирующими бомбардировщиками Ю-87.

Ведя заградительный огонь, эсминец избежал прямых попаданий авиабомб, но получил пробоину от близкого разрыва в воде. После затопления машинного отделения корабль лишился хода. Эсминец «Беспощадный» взялся отбуксировать «Безупречный» в Одесский порт. Когда «Беспощадный» в 17.30 вернулся на свою огневую позицию, он сам подвергся атаке пикирующих бомбардировщиков и получил серьезные повреждения. Бомба попала в полубак эсминца и разрушила его до 44-го шпангоута. Задним ходом, окутанный дымом, эсминец сумел дойти до Одесского порта. В дальнейшем буксир СП-14 повел эсминец «Беспощадный» в Севастополь.

К шести часам утра, сразу после десантирования, 3-й морской полк развернул стремительное наступление в два эшелона. Первый эшелон составляли 1-й и 3-й батальоны, 1-й батальон (командир – капитан Б.Л. Михайлов) атаковал в направлении Чебанки и Новой Дофиновки, имея одной из задач не допустить переправы румынских частей через Аджалыкский лиман. 3-й батальон (командир – старший лейтенант И.Ф. Матвиенко) наступал севернее – на Старую Дофиновку. 2-й батальон (командир – начштаба полка майор П.В. Харичев) составлял второй резервный эшелон, бойцы которого стали зачищать захваченный район от врагов. На берегу остались неубранными знаки, указывавшие границы минных полей. Серьезный бой произошел у села Чебанка – там находился штаб одной из неприятельских частей. Румынские войска артиллерийским и пулеметным огнем пытались задержать продвижение десантников. Чтобы захватить Чебанку, морские пехотинцы прокладывали себе путь штыковыми атаками, помогла огнем и корабельная артиллерия (корректировщики шли с батальоном)^[272].

Из трех эсминцев, пришедших ночью из Севастополя, сохранял боеспособность только «Бойкий». Он помог батальону десантников сломить сопротивление врага у Чебанки. «Бойкий» установил связь с корректировочным постом «Безупречного», который частью своих орудий поддерживал батальон. До наступления сумерек на «Бойкий» несколько раз налетали пикирующие бомбардировщики. Отбиваясь от них, он израсходовал весь боезапас своих зениток и последние атаки мог отражать лишь пулеметным огнем.

Пять часов длился бой за Новую Дофиновку: 3-й батальон десантного полка оказался в очень тяжелом положении, но к 18 часам противник был выбит и из этого села. Ломая сопротивление противника, десантные части выполнили поставленную им задачу – захватили весь морской берег между Аджалыкским и Большим Аджалыкским лиманами, вышли на рубеж: высота 57,3–Старая Дофиновка – Новая Дофиновка и с 19 часов 23 сентября вошли в связь с частями 421-й стрелковой дивизии в районе совхоза имени Ворошилова. В ложине, недалеко от Чебанки, десантники захватили четырехорудийную дальнобойную батарею, что около месяца стреляла по городу. На щитах и стволах каждого из четырех орудий краснофлотец Петренко написал мелом: «Больше стрелять по

Одессе не будет». На следующий день жители Одессы приветствовали моряков, которые провезли захваченную вражескую батарею по улицам города.

Морской и воздушный десанты у Григорьевки явились полной неожиданностью для противника. Вражеские подразделения, охранявшие берег, были парализованы массированным огнем корабельной артиллерии, действиями парашютистов, стремительностью натиска десантников. Не совсем ясно остается с итогами операции. Потери десанта, указываемые в литературе и приказах, скорее всего, преднамеренно занижены. На 407 человек, получивших ранения, обычно приходится 70–100 погибших, а в документах значится 29. Да и соотношение с потерями румынской армии говорит о том, что погибших было не менее, а то и более сотни. Численность 3-го полка морской пехоты в различных источниках указывается разная – от полутора до двух тысяч бойцов. С трофеями также не все сходится... Принято считать, что десантники захватили две вражеские батареи (8 орудий), но в литературе уже говорится о 35 орудиях и множестве пулеметов, о 400 уничтоженных неприятельских солдатах и офицерах, разгроме штаба полка. А вот Г.П. Софронов в своем дневнике утверждал, что десантники «уничтожили до 200 румынских солдат и офицеров», «захватили дальнобойную батарею»...^[273]

Но больше всех ударился в фантазии одесский публицист А. Черкасов. В книге «Оборона Одессы: страницы правды» он пишет, что Григорьевский десант был предназначен не для «одесских дел», а «должен был, выйдя на оперативный простор стремительным наступлением через Николаев и Херсон, ударить в тыл 11-й немецкой армии, ведущей бой у Перекопа, с последующей деблокадой Крыма», для разгрома немецкой группировки Манштейна в районе Крымских перешейков. Десантникам (в количестве 1600–1700 бойцов и, возможно, дивизии Томилова в 10 тыс. бойцов) предстояло, пройдя по тылам фашистских войск рейдом в 200–220 км до Перекопа, ударить в тыл немецким войскам, штурмующим Крым!^[274] Подобный разворот событий мог привидеться автору только далекому как от исторической науки, так и от элементарных азов военного искусства.

Утром 21 сентября командующий Приморской армией Г.П. Софронов подписал боевой приказ, которым определялись задачи армии в совместной операции. Тогда же была произведена рекогносцировка исходного положения и переднего края обороны противника, проведены мероприятия по организации взаимодействия и управления войсками. Командованию частей Восточного сектора была передана разработанная штабом Приморской армии и утвержденная Военным советом плановая таблица боя и приказ. В приказе сообщалось о том, что ЧФ высаживает морской десант для овладения районом Новая Дофиновка, а частям армии предписывалось, продолжая оборонять в Западном и Южном секторах занимаемые рубежи, с утра 22 сентября перейти в наступление в Восточном секторе. Григорьевский десант планировался в комплексе с общим наступлением с советскими войсками Восточного сектора обороны.

Частям 157-й и 421-й стрелковых дивизий было приказано произвести перегруппировку. 157-й стрелковой дивизии с приданными ей артиллерийскими частями приказано было занять левый фланг полосы контрудара, сменив там полки 421-й, атаковать противника из района Соляных Приисков по линии Корсунцы – совхоз «Ильичевка» – Гильдендорф и, развивая наступление на северо-восток, выйти к хутору Петровскому и поселку Шевченко.

421-я стрелковая дивизия должна была атаковать противника по линии Крыжановка – Фонтанка – совхоз имени Ворошилова – Вапнярка – Александровка и дальше по западному берегу Большого Аджалыкского лимана навстречу наступающему десанту 3-го морского полка. Главный удар в полосе наступления 421-й наносил ее 1330-й стрелковый полк (бывший 1-й полк морской пехоты) полковника Я. Осипова, который понес большие потери в боях второй половины августа. Напомним, что 421-я стрелковая дивизия была окончательно создана только 11 сентября 1941 г. Дивизия представляла собой весьма слабое формирование. Поначалу (до Григорьевской операции) в ее состав входили только два полка – 1330-й и 1331-й. Своей артиллерии у дивизии не было.

Большинство бойцов осиповского полка носили армейские гимнастерки, подпоясанные флотским ремнем с якорем на бляхе. В расстегнутом вороте виднелась тельняшка. Бойцы имели каски, но в спокойной обстановке разрешалось носить бескозырки. Генерал Н.И. Крылов вспоминал: «С 18 сентября, когда в порту выгрузился первый эшелон 157-й дивизии, ее прибытие стало определять все наши планы на ближайшее будущее»^[275].

16 сентября из Новороссийска вышел первый эшелон 157-й стрелковой дивизии.

На транспортах «Днепр» и «Абхазия» было перевезено 4722 человека, 18 орудий, 15 танков и 18 автомашин. На следующий день из Новороссийска вышел второй эшелон в составе транспортов «Армения» и «Украина», на борту которых находились 4372 человека, 26 орудий и 45 автомашин. Из Новороссийска до района Севастополя их конвоировали: один крейсер, один тральщик, четыре сторожевых катера и две летающие лодки МБР-2. Первый эшелон конвоировал «Коминтерн», а второй – «Червона Украина». Третий эшелон, в составе транспортов «Крым», «Курск» и «Белосток», вышел из Новороссийска 18 сентября. Его конвоировали (до Севастополя) крейсер «Красный Крым» и четыре сторожевых катера. Транспорт «Курск» следовал отдельно. 157-я стрелковая дивизия была переброшена в Одессу без потерь, румынская и немецкая авиации не пытались воспрепятствовать движению конвоев.

Действительно, дивизия под командованием полковника Дмитрия Ивановича Томилова представляла, по одесским меркам, значительную силу. Она была развернута в Новороссийске в сентябре 1939 г. на базе 221-го Черноморского стрелкового полка 74-й Таманской стрелковой дивизии. Но эта дивизия еще не имела боевого опыта. Летом 1941-го дивизия находилась в составе войск Северо-Кавказского военного округа. В 157-й стрелковой дивизии по штату численность 12 618 бойцов и командиров, но в Григорьевской операции было задействовано только около 10 тыс. бойцов дивизии.

Но и прибытие 157-й стрелковой дивизии не обеспечивало советского численного превосходства над противником на Восточном направлении, и наступление планировалось в уникальных условиях превосходства противника. Впрочем, левый фланг 4-й румынской армии был наиболее слабым звеном, и атаковать на этом фланге не было безумством. 13-я и 15-я румынские пехотные дивизии были потрепаны в сорокадневных боях, боевые порядки врага слабели по мере приближения фронта к морю, вследствие стремления уменьшить потери от огня советских кораблей.

421-я и 157-я стрелковые дивизии должны были участвовать в контрударе двумя полками. В то же время один полк из 421-й стрелковой дивизии оставался в обороне на перешейке между Куяльницким и Хаджибейским лиманами, а один из состава 157-й дивизии (384-й)

выводился в армейский резерв на Заставу. Наступление начиналось еще до того, как 422-й артиллерийский полк 157-й стрелковой дивизии прибыл в Одесский порт. У 157-й стрелковой дивизии имелось пять легких батарей. К ним добавился дивизион 134-го гаубичного полка и танковый батальон (до 30 танков) из одесского резерва. Другой дивизион гаубичного полка поступал в распоряжение 421-й стрелковой дивизии. Обеим дивизиям обеспечивалась поддержка 265-го артиллерийского полка, береговых батарей из Южного сектора, а 421-й – артиллерия кораблей.

Согласно замыслу операции части Одесского оборонительного района перешли в наступление много позже 3-го морского полка. После того как авиация ЧФ нанесет удары по резервам противника, а авиация Приморской армии атакует вражеские аэродромы, авиация ЧФ нанесет удары по вторым эшелонам противника, с 7.30 до 8 часов утра должна была пройти артподготовка перед наступлением, а в 8 часов утра – начаться наступление 421-й и 157-й стрелковых дивизий.

Контр-адмирал Г.В. Жуков и члены Военного совета ООР Воронин и Азаров к рассвету выехали в Восточный сектор, на наблюдательные пункты: 157-й стрелковой дивизии – в Лузановку и 421-й стрелковой дивизии – в Крыжановку. В 16 часов 21 сентября командиры частей получили приказ быть готовым к выступлению. Неожиданно в 7 часов утра, за полчаса до артподготовки для советского наступления, румынская артиллерия начала активно обстреливать позиции Восточного сектора. «Огонь сильный, а тут еще туман. Перемешался с дымом, и получилась такая завеса, что дышать тяжело. Снаряды рвутся и впереди, и в глубине, за второй траншеей... Обстрел рубежей Восточного сектора, внезапно начавшийся за тридцать минут до нашей артподготовки, заставил каждого из нас задавать себе такие вопросы. Наш огонь все нарастал, и вражеские пушки постепенно смолкали»^[276].

Были и еще неожиданности, что могли сорвать операцию. «С десантом до конца операции не было связи! Рации безмолвствовали... В душу закрадывались сомнения об успехе», – писал Г.П. Софронов. Начинать операцию, не получив известий о десанте, было рискованно. Посылаемые моряками к Григорьевке связные катера возвращались обратно из-за сильного обстрела с берега. Только к вечеру 22-го, через авиацию, одесский штаб выяснил, что десант прошел успешно. А на рассвете 23-го к берегу у Чебанки прорвался морской охотник с группой связистов 421-й стрелковой дивизии и разведчиков штаба ООР, вскоре с десантом была налажена постоянная связь Одессы и Севастополя через эсминцы^[277].

421-я стрелковая дивизия наступала силами 1330-го и 54-го стрелковых полков через кукурузные поля, в направлении совхоза имени Ворошилова, Александровки, Болгарки. В обороне находилась группировка противника в составе 15-й пехотной дивизии, 1-й кавбригады и 13-го отдельного пулеметного батальона. К 10 часам утра 421-я дивизия вышла на рубеж: западная окраина Фонтанки – совхоз «Ильичевка» – шоссе Одесса – Николаев.

Советское наступление стало неожиданностью для 22-го румынского пехотного полка. Один из батальонов этого полка потерял командование и поддался панике, потянув за собой другие подразделения. Румыны отступили на южные окраины села Кубанка, сломав всю линию обороны 5-го корпуса, который был вынужден отвести свою 15-ю пехотную

дивизию. Румынские солдаты 15-й пехотной дивизии находились на передовой начиная с июля и нуждались в отдыхе и реорганизации. В конце сентября они ожидали своей замены и подхода новых подкреплений 1, 2 и 18-й пехотных дивизий.

157-я стрелковая дивизия наступала пятью батальонами 716-го и 633-го стрелковых полков (3-й батальон 633-го полка прибыл в Одессу лишь утром 22 сентября и в этот день не смог принять участия в боях, а 384-й полк находился в армейском резерве). Дивизии противостояли 13-я румынская пехотная дивизия и отдельный пулеметный батальон. Главный удар 157-я стрелковая дивизия наносила на своем левом фланге в направлении Гильдендорфа и совхоза «Ильичевка». Наступление дивизии поддержали 30 танков и бронепоезд. На участке 157-й стрелковой дивизии было сконцентрировано большое количество артиллерии – 10 орудий на 1 км фронта.

Путь наступающим дивизиям преграждали вражеские дзоты, окопы, проволочные заграждения... Но неприятельские войска не смогли устоять перед сильным натиском советских дивизий, и вскоре их сопротивление было сломлено. Бросая на поле боя убитых и раненых, вооружение, боеприпасы, снаряжение, противник начал беспорядочное отступление в Северном направлении. Дивизия Томилова, присланная Ставкой, оказалась одной из лучших, действительно ударной силой. На левом фланге 157-й стрелковой дивизии наступление пошло быстрее, чем на других участках. Главный удар – на север, на Гильдендорф наносился 716-м стрелковым полком В.А. Соцкова, бронепоездом и ротой танков. 633-й стрелковый полк дивизии с еще одним танковым взводом успешно продвигался справа от железной дороги к совхозу «Ильичевка». 716-й стрелковый полк дивизии Томилова, вырвавшийся вперед, к 13 часам занял Гильдендорф, а 633-й стрелковый полк – совхоз «Ильичевка».

Правый фланг наступающих значительно отставал от левого. На участке 421-й стрелковой дивизии, у Фонтанки, где располагались доты противника, наступление было временно приостановлено. Повторные атаки не приводили к успеху. У шоссе Одесса – Николаев, между дорогой и побережьем, батальон осиповского полка вынужден был залечь перед проволочным заграждением, что прикрывались сильным пулеметным огнем. Проволоку рубили лопатками, набрасывали на нее бушлаты и телогрейки. Ценой больших жертв и героизма Фонтанка к 10 часам утра была очищена от врага. Полк Осипова был задержан у укрепленной противником высоты 58,0 и у соседнего агрокомбината.

В 13.30 командарм признал необходимым временно приостановить наступление. Вследствие неравномерного продвижения войск на соседних участках между частями образовались большие разрывы. Некоторые командиры, увлекшись преследованием противника, утратили контакт с соседом, не успевали выдвигать на новые позиции артиллерию, переносить командные пункты, линию связи. Во второй половине дня румынское командование стало спешно перебрасывать в район боев части резерва и части, снятые с других участков фронта. Авиация противника начала усиленную бомбардировку порта и кораблей, поддерживавших огнем артиллерии наступавшие войска.

После того как через три часа полки 157-й стрелковой дивизии возобновили атаки, 716-й стрелковый полк продвинулся далеко вдоль Куяльницкого лимана, а затем повернул к центральному участку полосы контрудара. Преследуя противника, дивизия Томилова, через два часа после возобновления атак, вышла на рубеж хутора Шевченко и расположенных к востоку от него высот.

К этому времени между 633-м стрелковым полком и его правым соседом образовался большой разрыв, который следовало ликвидировать как можно быстрее. В 23.00 войскам передали боевое распоряжение, где указывалась новая линия обороны. Она начиналась по ту сторону Большого Аджалыкского лимана за Новой Дофиновкой (удерживать Старую Дофиновку и Чебанку, через которые прошел десант, задача не ставилась) и пролегла севернее Александровки и Гильдендорфа, сохраняя между лиманами дугообразную форму прежнего переднего края. С возобновлением наступления 412-я стрелковая дивизия захватила агрокомбинат и высоту 58,0. После этих локальных побед румынские части на правом фланге обратились в бегство.

В течение всего дня наступления авиация поддерживала атаки советских войск. С 16.15 до 18.50 десять истребителей штурмовали живую силу и пулеметные гнезда противника в ложине западнее Александровки. В то же время румынские летчики соединения GAL совершили 71 вылет и сбросили 32 т бомб на наступающие советские войска. К исходу дня румынскому командованию удалось приостановить наступление 157-й стрелковой дивизии, большую активность начала проявлять вражеская авиация. При активной поддержке огня корабельной артиллерии, бомбардировочной и штурмовой авиации части Восточного сектора к исходу дня выполнили поставленную задачу. Как утверждают донесения, из контрудара 157-я стрелковая дивизия вышла с минимальными потерями: 19 убитых, 237 раненых. Несравненно большие потери были у 421-й. Полк Осипова вышел к Александрова и Вапнярке, где в районе совхоза имени Ворошилова около 6.00 23 сентября встретился с моряками из 3-го полка морской пехоты.

С наступлением темноты 22 сентября 157-й стрелковой дивизии было приказано прекратить преследование неприятельских частей. Утром 23-го такой же приказ получила и 421-я стрелковая дивизия. Части стали закрепляться на достигнутых рубежах между Большим Аджалыкским и Куяльницким лиманами – рубежах, за которые шли ожесточенные бои в конце августа 1941-го.

Войскам левого фланга 4-й румынской армии было нанесено серьезное поражение. Враг потерял около 5 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, до 200 румынских солдат сдались в плен. Были разгромлены незадолго до этого пополненные 13-я и 15-я румынские пехотные дивизии, причем 13-я пехотная дивизия понесла такие потери, что в дальнейших боевых действиях под Одессой практически не участвовала.

Впоследствии румынский Генштаб провел тщательное расследование «тактического кризиса» (так был назван успех советского наступления в Восточном секторе). По итогам расследования было установлено, что 4-й армейский корпус 21–22 сентября проигнорировал приказ командования 4-й армии о сдерживании противника. 5-й армейский корпус с 13-й дивизией (правый фланг) и 15-й дивизией (левый фланг) действовали на слишком широком фронте между Куяльницким лиманом и Черным морем, несмотря на то что 13-я дивизия имела в своем распоряжении лишь четыре батальона, она держала участок фронта протяженностью в 10 км.

Наши войска и десантники захватили большие трофеи, в том числе 33 орудия разных калибров, включая тяжелые орудия, обстреливавшие город и порт, 110 пулеметов, 30 минометов, 1100 винтовок и автоматов, 13 500 мин и ручных гранат, 3000 снарядов, много военного снаряжения. В некоторых документах указываются и 6 трофейных танков...

Успех контрудара сыграл огромную роль в укреплении боеспособности частей Приморской армии и поднял боевой дух защитников Одессы.

В связи с тем, что в Западном и Южном секторах противник 22 сентября пытался контратаковать, командование ООР прекратило наступление в Восточном секторе. К тому же наступать дальше, в глубь румынского тыла, означало расширять еще больше фронт Восточного сектора, рубежи которого было уже нечем удерживать.

В то же время Григорьевский десант показал, то советские войска не накопили еще опыта наступательных действий, не везде активно велась разведка, плохо прикрывались стыки между частями, наступавшим не удалось окружить и пленить сколько-нибудь значительные силы противника.

Десант показал, что слишком частое и яркое освещение берега от взрывов осветительных снарядов может демаскировать как корабли, так и высадку частей, что корабли были недостаточно прикрыты силами истребительной авиации.

22 сентября румынское командование начало спешную переброску резервов на Восточное направление, опасаясь, что наше наступление там будет продолжаться. В то же время атаки врага в других секторах обороны не прекращались. Советским войскам Восточного сектора (в основном 421-й стрелковой дивизии) было передано боевое распоряжение удерживать новую линию обороны: восточная сторона Большого Аджалыкского лимана за Новой Дофиновкой – Александровкой – Гильдендорфом. После десантной операции в ночь на 23 сентября в войсках ООР была произведена перегруппировка сил. За 21–24 сентября Приморская армия получила с Большой земли 15 новых маршевых рот (3500 бойцов).

Частям наиболее боеспособной 157-й стрелковой дивизии, за исключением 716-го стрелкового полка, оказавшегося в оперативном подчинении командира 421-й стрелковой дивизии, было приказано начать с утра 23 сентября переброску в район Нерубайского и Усатово, чтобы занять рубежи в Западном секторе. Там же оказался танковый батальон 157-й стрелковой дивизии (15 танков) и 422-й артполк. 3-й полк морской пехоты поступал в распоряжение командира 421-й стрелковой дивизии и занял позиции у Новой Дофиновки, рядом с полком Осипова. В то же время 54-й Разинский стрелковый полк возвращался в 25-ю Чапаевскую стрелковую дивизию.

Приморская армия готовилась к контрудару в Западном и Южном секторах. Замысел сводился к тому, чтобы разгромить румынскую группировку в районе Ленинталь – Петер – сталь, вклинившуюся в советскую оборону на левом фланге, выходом на прежний рубеж улучшить позиции и таким образом лишить противника возможности обстреливать Одессу с юго-запада. Выполнить эту задачу предполагалось силами трех стрелковых дивизий – 157, 95 и 25-й. 157-я стрелковая дивизия выдвигалась на передний край, сменив на позициях 90-й полк 95-й стрелковой дивизии и 2-й батальон 54-го полка 25-й стрелковой дивизии, которые были выведены в район западнее Большой Фоминой Балки.

Генерал Т. Коломиец в своих воспоминаниях писал, что во время Григорьевского десанта и наступления в Восточном секторе в Южном секторе обороны также был проведен контрудар на Фрейденталь силами 287-го стрелкового полка подполковника Захарова и резервного дивизиона, с задачей захвата дальнотойной батареи противника и

господствующих высот. Рота автоматчиков лейтенанта Хмары смогла захватить несколько орудий^[278].

Командование обороной Одессы, находясь под впечатлением первоначального успеха, начало строить наполеоновские планы: «В ближайшее время отбросить врага подальше от Одессы на Южном и Западном направлениях», ударить по флангам румынской армии и «смотреть всю систему». Генерал Крылов вспоминал: «В штарме кое-кому начинало казаться, что контрудар в Восточном секторе может перерасти чуть ли не в разгром осадившей Одессу неприятельской группировки – быстрое продвижение войск на ограниченном участке порождало иллюзии...»

Но после наступления запасы артиллерийских снарядов и мин в войсках и на складах ООР сократились наполовину. Командованию пришлось установить ограниченный расход снарядов – $\frac{1}{16}$ боевого комплекта в сутки. Войскам было дано указание обороняться преимущественно огнем пулеметов, а к артиллерийскому и минометному прибегать лишь в случаях наступления крупных сил противника, установив при этом жесткий контроль за расходом снарядов и мин. В румынских войсках сложилась схожая ситуация с боеприпасами, что не давало им возможности вести активные масштабные боевые действия.

Впервые с начала одесской обороны Военный совет армии собрал на КП командиров и комиссаров дивизий и некоторых частей. После собрания состоялся ужин с шампанским. Поздравляли организаторов удачного наступления и десанта. «Мне и Жукову – именные подарки», – запишет в дневнике Г.П. Софронов^[279].

Операция продемонстрировала эффективность тактических десантов при условии неожиданной высадки, отсутствии серьезной береговой обороны противника и поддержке крупными кораблями, причем риск для этих кораблей в ночных условиях оказался минимален. Оттеснив врага на 5–8 км, выбив его с позиций, откуда он обстреливал город и порт, войска решили главную проблему обороны. Продвижение частей Восточного сектора на север и восток увеличило территорию Одесского плацдарма примерно на 120 кв. км.

Григорьевскому десанту посвятил стихотворение Константин Симонов, бывший в те дни спецкором «Красной Звезды» в осажденной Одессе:

Мы в бушлатах с Черноморья
Шли, как грозный вал.
«Черной хмарой» после боя
Нас фашист назвал...
...Как рванешь в атаке ворот,
Тельник бьет в глаза,
Словно защищает город
Моря полоса.

Глава 12

ПОСЛЕДНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ И КОНТРУДАРЫ (24 сентября – 12 октября)

С 24 сентября до 1 октября, после неудач генеральных наступлений и григорьевского «конфуза», 4-я румынская армия приостановила активные военные действия под Одессой и осуществила перегруппировку сил. Отсутствие резервов и значительные потери за последние десять дней боев охладили пыл румынского командования. В то же время разрабатывался новый план захвата Одессы. Для выполнения этого плана румынское командование предусматривало введение в бой новых резервных войск и немецких штурмовых частей, немецкой артиллерии и авиации. 5-й армейский корпус вместе с 1, 4 и 13-й пехотными дивизиями планировалось бросить в новые атаки на Благодатное (с целью захватить высоты Соленое, Крижановка и Лузановка), для того чтобы ворваться в город с северо-востока. 6-й армейский корпус и 1-я гвардейская дивизия должны были атаковать между лиманами Хаджибей и Куяльник, по шоссе Ильинка– Одесса, чтобы прорвать совместную оборону с севера. 1-й армейский корпус и 2, 3 и 11-я пехотные дивизии должны были наступать в районе Гниляково на юго-запад, с целью захвата высот между Одессой и села Усатово. 11-й армейский корпус и 6, 10, 21-я пехотные дивизии – атаковать в районе села Татарка, развивая массированное наступление на город. 4-й армейский корпус вместе с 7-й и 14-й пехотными дивизиями, 1-й пограничной дивизией, 7-й кавалерийской бригадой, сводной группой полковника Эфтимии и частями 132-й немецкой пехотной дивизии – пробиваться у села Татарка с юга, 3-й армейский корпус – наступать севернее и южнее от Дальника. Немецкие части концентрировались на левом фланге 4-й румынской армии – между Куяльницким лиманом и побережьем Черного моря. На флангах 4-й румынской армии должны были действовать 5-й и 6-й армейские корпуса, прикрывая румынские части...

Неудачи румынского наступления под Одессой вызвали разочарование высшего немецкого командования. 26 сентября генерал А. Хауффе (начальник миссии сухопутных войск в Румынии) был вызван к генералу Гальдеру, для того чтобы объяснить действия румынского командования в целом и И. Антонеску в частности. После встречи с Хауффе Гальдер записал в своем дневнике: «Генерал Хауффе докладывает об обстановке на одесском участке фронта: позавчера Антонеску принял решение просить немецкой помощи, так как румыны не смогли взять Одессу одни»^[280].

1 октября, вернувшись на фронт под Одессу, глава германской военной миссии провел встречу с главой румынского государства. Во время встречи обговаривались спорные вопросы в связи со штурмом Одессы. Генерал А. Хауффе, от имени командования сухопутных войск Германии, предлагал накануне начала нового генерального наступления немецких войск на Восточном фронте атаковать Одессу с северо-востока с задачей выйти на берег моря, одновременно осуществляя бомбардировки одесского порта. Вместе с тем немецкий генерал пообещал румынскому диктатору способствовать тому, чтобы задействовать в наступлении на Одессу большую группировку немецких войск^[281].

И. Антонеску настаивал на том, что наступление на Одессу должно начаться сразу же по прибытии на фронт четырех свежих румынских дивизий и осуществляться исключительно силами румынских войск. Вместе с тем И. Антонеску запросил немецкое командование о возможной активизации действий немецкой артиллерии и авиации, направленных против советского флота. Что касается поддержки со стороны немецких войск, то маршал И. Антонеску оказался гораздо большим реалистом, чем немецкий генерал.

Для координации еще одного генерального (финального) штурма Одессы 1 октября в штабном поезде румынского командования «Патрия» состоялась встреча маршала И. Антонеску с генералом Артуром Хауффе, после которой 5 октября Гитлер переслал в германскую военную миссию письмо, в котором, обращаясь к И. Антонеску, подчеркнул стратегическую необходимость быстрого захвата Одессы. Гитлер советовал румынскому командованию согласовать план штурма города с немецким штабом. Гитлер указал, что может отправить под Одессу только одну немецкую пехотную дивизию, и то только после того, как она будет высвобождена после выполнения поставленных задач. О серьезной авиационной поддержке со стороны немецкого командования в письме Гитлера вообще речь не шла. В этом же письме было указано, что под Одессу будет переброшена немецкая тяжелая артиллерия. Гитлер дал указания о перегруппировке немецких войск, задействованных на северо-западном относительно Одессы участке фронта, на северо-восточный участок фронта, в сектор ответственности 5-го армейского корпуса, где они должны были продолжать наступательные действия «после прибытия подкреплений немецкой артиллерии»^[282].

В итоге в конце сентября к Одессе были направлены 99-я легкая германская дивизия, дивизион 15-см минометов, дивизион чешских 24-см гаубиц, тяжелый артдивизион (2 батареи мортир и 1 батарея тяжелых полевых гаубиц), батарея 21-см пушек.

В советских войсках ООП после десантной операции и контрнаступления в ночь на 23 сентября также начали перегруппировку сил. Наиболее боеспособная 157-я стрелковая дивизия была переброшена на проблемные участки Западного и Южного секторов, а оборону в Восточном секторе удерживали только войска 421-й стрелковой дивизии с приданным ей 3-м полком морской пехоты севастопольцев. 26 сентября 157-я стрелковая дивизия заняла восьмикилометровую полосу обороны между 95-й и 25-й стрелковыми дивизиями, полосы обороны которых значительно сократились. Размещение в этих секторах двух новых советских артполков позволило почти вдвое увеличить плотность артиллерии. 95-я стрелковая получила возможность ненадолго вывести во второй эшелон два из трех своих полков. При перегруппировке вышла из временного подчинения генералу Петрову 2-я кавдивизия, и полковник П.Г. Новиков стал ее командиром. В 421-й стрелковой дивизии 54-й стрелковый Разинский полк заменялся 3-м морским. 161-й стрелковый полк принял новый командир – полковник А.Г. Капитохин, только что прибывший из Москвы.

В результате сентябрьского контрудара полоса 421-й стрелковой дивизии Коченова расширилась до 23 км, а плотность артиллерии оставалась здесь самой низкой – меньше четырех стволов на километр фронта. Краснофлотцы из 3-го морского полка не умели окапываться и были не в ладах с сухопутной тактикой. Моряки были сильнее в атаке, чем в обороне. Комдиву пришлось заменить в 3-м морском полку часть командного состава армейцами, более подготовленными тактически, побатальонно выводить части на два-три дня в тыловой район для практической «оборонной» учебы. В полк добавили пулеметов, влили до 400 пехотинцев из маршевого пополнения.

26 сентября противник атаковал моряков у Большого Аджалыкского лимана и ненадолго выбил батальон 3-го полка из Новой Дофиновки. Но 3-й морской полк, поддержанный огнем кораблей, вновь овладел этим селением, а 28-го даже продвинулся на 1,5 км

восточнее села. На следующий день румынский егерский полк предпринял безуспешную атаку на позиции 3-го полка морской пехоты. Артиллерией 421-й дивизии противник был остановлен. 27 сентября румынские части начали наступление вдоль восточного берега Куяльницкого лимана – на Гильдендорф, одновременно атакуя на перешейке между Куяльницким и Хаджибейским лиманами. Противник сумел прорваться вплотную к батареям советских гаубиц. Но сосредоточенный огонь нескольких дивизионов 134-го гаубичного полка (начштаба гаубичного полка капитан К. Чернявский развернул гаубицы 1-го дивизиона, которые стояли у Кубанки, на 180 градусов и ударил по тылам противника из-за Куяльницкого лимана), зенитчиков 175-го дивизиона остановил наступающего врага, заставил залечь и предрешил успех последовавшей затем контратаки. Советские части захватили трофеи: 40 станковых пулеметов, более 250 винтовок, два десятка автомашин. С 28 сентября в войсках ООР стала чувствоваться нехватка боеприпасов к орудиям и минометам.

Командование ООР уже с 23 сентября начало готовить по врагу новый контрудар. Замысел операции сводился к тому, чтобы ударом в направлении Ленинталь – Петерсталь разгромить неприятельскую группировку, вклинившуюся в нашу оборону на левом фланге, и выйти здесь на прежний рубеж (существовавшей до 13 сентября), окружив в районе Овидиополь – Каролино-Бугаз – Сухой лиман группировку противника. Тогда стал бы снова невозможен обстрел Одессы и с этого направления.

Решение наступать в конце сентября 1941-го в Южном секторе было принято, но к этому времени не поступила ожидавшаяся с Большой земли партия снарядов. Дивизионный комиссар Воронин стоял за то, чтобы наносить удар с ограниченным запасом снарядов, заменив огонь артиллерии огнем гвардейских минометов. Но командарм посчитал план слишком большим риском. Начало контрудара отодвигалось со дня на день.

27 сентября командующий ЧФ прислал Военному совету ООР телеграмму, где предлагалось экономить боеприпасы, так как на регулярность снабжения Одессы может повлиять тяжелое положение, создавшееся на подступах к Крыму. Только 29 сентября в Одессу из Новороссийска были доставлены необходимые для нового контрудара снаряды. После чего наступление было назначено на 2 октября.

К концу сентября 1941-го ухудшилась обстановка на южном крыле советско-германского фронта. Противник вторгся в пределы Донбасса и начал наступление в Южном направлении, стремясь захватить Крымский полуостров. 25 сентября после ожесточенных боев немецким войскам удалось прорвать Перекопские позиции и овладеть Турецким валом.

Крым оказался изолированным с суши. Возникла угроза потери Севастополя – главной базы ЧФ. Вследствие этого дальнейшая оборона Одессы, оставшейся в глубоком тылу противника, становилась крайне затруднительной. Черноморский флот, который являлся определяющим фактором в обороне изолированного Одесского плацдарма, не мог одновременно обеспечить оборону Одессы и Крыма.

В связи с создавшейся обстановкой Военный совет ЧФ обратился к Ставке с предложением оставить Одессу, чтобы ее войсками укрепить оборону Крыма. 30 сентября Ставка отдала директиву об эвакуации войск Одесского оборонительного района. В директиве, подписанной И.В. Сталиным и Б.М. Шапошниковым, говорилось: «Храбро и

честно выполнившим свою задачу бойцам и командирам Одесского оборонительного района в кратчайший срок эвакуировать войска Одесского района на Крымский полуостров». Далее указывались пункты высадки войск в Крыму и предлагалось командующему ЧФ и командующему ООР составить план вывода войск с плацдарма, при этом особое внимание предлагалось обратить на удержание флангов обороны Одессы до окончания эвакуации.

Эту директиву вручили командующему войсками ООР контр-адмиралу Г.В. Жукову прибывшие в ночь на 1 октября в Одессу из Севастополя заместитель наркома ВМФ вице-адмирал Г.И. Левченко и начальник оперативного отдела штаба ЧФ капитан 2-го ранга О.С. Жуковский. Немедленно по их прибытии собрался Военный совет ООР. На заседании присутствовали Г.В. Жуков, Ф.Н. Воронин, А.Г. Колыбанов, И.И. Азаров, Г.П. Софронов, М.Г. Кузнецов, Г.Д. Шишенин, И.Д. Кулишов, Г.И. Левченко и О.С. Жуковский. Была проанализирована сложившаяся обстановка, обсуждались способы практического выполнения новой задачи.

Предоставим слова участнику событий Н.И. Крылову:

«В кабинете воцарилась мертвая тишина... Левченко кончил читать, и тишина будто взорвалась.

– Это невозможно! Тут какое-то недоразумение! – вскричал поднявшийся с места Колыбанов.

– Да как же так? – вторил ему Кулишов. – Мы сейчас сильнее, чем когда-либо!.. Надо доложить в Москву!..

Я видел, с каким трудом сдерживается Жуков...

Выждав, когда снова наступит тишина, Левченко сказал:

– Ваши чувства, товарищи, мне понятны. Но приказы Ставки не обсуждают. Директива эта точно отвечает положению на фронтах. Думайте над тем, как лучше выполнить приказ. Транспорты за первым эшелонам эвакуируемых придут завтра ночью.

Генерал И. Петров тогда в сердцах произнес: «Ну и уплывайте с вашими кораблями к чертовой матери! Я с этими людьми воевал, а теперь брошу их здесь?»^[283]

В соответствии с указанием Ставки командование Одесского оборонительного района приступало к разработке плана эвакуации войск.

Той же ночью была получена телеграмма от наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова и начальника Главного политуправления ЧФ армейского комиссара 2-го ранга И.В. Рогова, которые требовали обратить особое внимание на обеспечение строжайшей секретности эвакуации, рекомендовали нанести врагу сильный удар, чтобы в момент отхода советских войск он занимался приведением в порядок своих сил. Телеграммы требовали не повторить при эвакуации войск из Одессы ошибок, допущенных во время эвакуации Таллина.

На заседании Военного совета было решено провести эвакуацию Одесского оборонительного района в три этапа с 1 по 20 октября. Командующему Приморской армией Г.П. Софронову, командиру Одесской военно-морской базы И.Д. Кулишову, помощнику командующего ООР по инженерной обороне А.Ф. Хренову было поручено

подготовить план эвакуации, который намечалось рассмотреть на очередном заседании Военного совета 3–4 октября. Вместе с тем было признано необходимым приступить к эвакуации немедленно, до разработки плана и отправить в первую очередь наиболее полно укомплектованное соединение ООР – 157-ю стрелковую дивизию, чтобы возможно быстрее оказать существенную помощь защитникам Крыма.

О директиве Ставки и предстоящей эвакуации на первом этапе должен знать лишь самый узкий круг лиц руководящего состава и исполнителей; в этот круг не входили даже командиры соединений. Объяснение всему происходящему рекомендовалось давать такое: полученное нами подкрепление сыграло свою роль, теперь оно потребовалось на другом участке фронта.

Вечером состоялось заседание Военного совета ООР с участием Г.И. Левченко и М.Г. Кузнецова. Обсуждался доложенный начальником штаба Приморской армии Н.И. Крыловым план вывода войск из боя и отвода их с оборонительных рубежей к пунктам посадки на корабли. План предусматривал: до 7 октября эвакуировать части и вооружение 157-й стрелковой дивизии, инженерно-строительные части и раненых; до 13–15-го – тылы Приморской армии и военно-морской базы, ценное оборудование промышленных предприятий и порта, квалифицированных рабочих, семьи военнослужащих и партийно-советского актива; в течение 16–20 октября – основные силы оборонительного района. При этом войска планировалось отводить последовательно на тыловые рубежи, а потом на баррикады двумя эшелонами: сначала 25-ю стрелковую дивизию и 2-ю кавдивизию, которые предполагалось вывезти из Одессы, в ночь на 18 октября, а затем вторым эшелоном – 95-ю и 421-ю стрелковые дивизии, которые должны были уйти с позиций последними.

Для прикрытия ухода советских войск планировалось использовать корабельную артиллерию, береговые батареи военно-морской базы и авиацию ЧФ: они должны были вести непрерывный огонь вплоть до отхода последних судов и пресекать любые попытки противника помешать эвакуации. После ее завершения артиллеристы береговой охраны, взорвав батареи, должны были уйти на сейнерах. При этом Военный совет ООР исходил из разработанного штабом ЧФ плана подачи транспортов и кораблей боевого охранения.

Военный совет принял решение не отменять ранее запланированный контрудар в Южном секторе. Правда, теперь осуществить его предстояло меньшими силами, чем предполагалось ранее, так как рассчитывать на участие в нем 157-й стрелковой дивизии в полном составе не приходилось. Изменилась и цель операции – она проводилась для дезориентации противника и скрытия начавшейся эвакуации.

1 октября в 14.15 командующий Приморской армией отдал приказ о переходе с утра 2 октября в наступление в Южном секторе обороны. Этим приказом частям 25-й стрелковой дивизии с приданным ей 384-м стрелковым полком 157-й стрелковой дивизии (другой полк дивизии выводился в армейский резерв), армейским танковым батальоном, гвардейским минометным дивизионом и 422-м гаубичным артполком, 2-й кавалерийской дивизии с приданным ей 99-м гаубичным артиллерийским полком и 1-й береговой батареей Одесской военно-морской базы предписывалось, нанося главный удар в направлении Ленинталя, овладеть хутором Дальницкий и рубежом у южной окраины Дальника. В ночь на 2 октября 25-я стрелковая и 2-я кавалерийская дивизии, с приданными им частями, заняли исходные позиции для наступления. Г.П. Софронов

позже уверял, что само наступление стало возможным благодаря «драчливости» командарма.

В ночь на 2 октября первый из уходящих полков 157-й стрелковой дивизии вместе с легкими артиллерийскими батареями погрузился на транспорты «Украина» и «Жан Жорес». В эту же ночь инфаркт миокарда свалил командарма Г.П. Софронова, который узнал о гибели своего сына. Ввиду болезни Г.П. Софронова Военный совет ООР назначил новым командующим Приморской армией генерал-майора И.Е. Петрова. 25-ю Чапаевскую стрелковую дивизию принял от него начальник тыла армии генерал-майор Т.К. Коломиец. Начальником тыла армии стал интендант 1-го ранга А.П. Ермилов. 5 октября Г.П. Софронов был эвакуирован из Одессы в Севастополь вместе с Г.И. Левченко и А.Г. Колыбановым^[284].

А утром 2 октября в 9.40 в Южном секторе началась артподготовка, предшествовавшая наступлению. В ней принимал участие отдельный дивизион гвардейских минометов «катюш» (командир капитан П.С. Небоженко), прибывший на плацдарм 23 сентября и успевший показать себя во время наступления в Восточном секторе. Командующий ЧФ предупреждал руководство ООР об особой секретности оружия и особой ответственности за то, чтобы оно ни при каких обстоятельствах не попало в руки врага. В дальнейшем дивизион Небоженко использовался при отражении попыток противника прорвать наш фронт в районе Татарки и Болгарских хуторов. Но присланный запас реактивных снарядов для «катюш» был невелик, и их использовали в самых крайних случаях.

В 10.00 поднялись в атаку полки 25-й стрелковой дивизии и один из оставшихся еще полков 157-й стрелковой – 384-й стрелковый полк полковника Аксенова. На участке, обработанном «катюшами», противник сразу оставил первую линию обороны, начав беспорядочный отход. 384-й стрелковый полк прорвал линию обороны в секторе румынской 1-й пограничной дивизии и левого фланга 6-й пехотной дивизии и продвинулся в направлении хутора Дальницкий. Слева от чапаевцев наступала кавдивизия. Кроме артиллерии атакующих дивизий их поддерживали с правого фланга дивизионы Западного сектора, богдановцы, береговые батареи, два бронепоезда и 422-й тяжелый гаубичный полк.

Основной удар наносился в направлении Ленинталя. Вперед вырвался армейский танковый батальон в составе 35 машин под командованием старшего лейтенанта Н.И. Юдина, который смог прорваться в Ленинталь. При виде советских танков, часть из которых были просто бронированными тракторами «На испуг», румынский 8-й пулеметный батальон отступил и увлек за собой 36-й пулеметный батальон и 1-й батальон 5-го пограничного полка (части левого фланга пограничной дивизии). Танкисты ворвались в Ленинталь, в глубь обороны противника, и вывезли в расположение своих войск 24 орудия, много пулеметов и минометов. Несколько советских танков смогли прорваться через вражеские артиллерийские позиции, на 4 км в глубь фронта^[285].

Тогда румынские артиллеристы, под командованием капитана В. Антониу, вступили в бой с советскими танками и пехотой, используя гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Позже капитан В. Антониу был награжден орденом «Михай Витязул» 3-й степени.

Румынские артиллеристы 1-го полка тяжелой артиллерии и 54-го артполка сумели уничтожить прямой наводкой 12 советских танков. Это стало возможным после того, как

четыре румынских истребителя IAR-80 из 8-й истребительной группы пулеметным огнем отсекали пехоту и оставили советские танки без прикрытия. В целом GAL ввела в бой 46 самолетов и сбросила 16 т бомб на расположение советских войск. Впрочем, советские источники говорят о потере всего лишь двух машин, которые оторвались от боевого порядка батальона во время преследования противника.

Кавдивизия продвинулась совсем незначительно. В 13.00 советские части были остановлены румынским дивизионным резервом в 1 км юго-западнее хутора Дальницкий. Во второй половине дня сопротивление противника стало нарастать, он начал переходить в контратаки.

Выполнив ближайшую задачу, генерал Петров приостановил наступление. Он доложил, что должен привести в порядок и выровнять части, ликвидировать образовавшиеся разрывы. Г.П. Софронов считал, что генерал Петров «из-за осторожности... операцию смазал: не довел эту наступательную операцию до конца – «румыны не побежали».

В результате операции советских частей Южного сектора были уничтожены 4 батальона вражеской пехоты, захвачено 162 пленных, 44 орудия, свыше 40 пулеметов. Основная цель контрудара была достигнута. Активные действия советских войск убеждали румынское командование в том, что части Красной армии намерены и в дальнейшем оборонять Одессу^[286].

3-й румынский корпус использовал 21-ю пехотную дивизию генерал-майора П. Дэскэлеску для прикрытия дороги Дальник – Красный Переселенец и атаки северного, правого фланга советских войск. Левый советский фланг был атакован 7-й пехотной дивизией 11-го корпуса. Румынским контрнаступлением в ночь с 3 на 4 октября и 4 октября «старая» линия фронта была восстановлена.

Впрочем, советские войска и сами постепенно отступали... Отход 25-й стрелковой дивизии был вызван необходимостью как можно скорее перебросить в Крым 157-ю дивизию. Участвовавшие в контрударе полки этой дивизии – 384-й стрелковый и 422-й гаубичный – отводились в армейские тылы. К рассвету 4 октября 384-й стрелковый полк сосредоточился в поселке Застава, в готовности к посадке на корабли. На передовой его сменил 54-й стрелковый полк 25-й стрелковой дивизии. В дальнейшем, с 4 по 12 октября, шли ожесточенные бои с большими потерями с обеих сторон. 2-я кавдивизия продолжала локальные бои за улучшение своих позиций.

На рассвете 5 октября развернулись новые бои в районе Болгарских хуторов, которые первоначально были захвачены румынскими частями, а затем контрударом советских войск части противника были отброшены на исходные позиции. Ночью румынские части мелкими группами переправились через Сухой лиман в его мелководной части (в районе Института виноградарства и виноделия имени В.Е. Таирова) и утром 5 октября, силами до батальона пехоты, перешли в наступление. На восточном берегу лимана советские войска не имели сплошной линии обороны, что создало угрозу прорыва. На этот участок из армейского резерва были срочно направлены батальон 54-го стрелкового полка и резервный отряд пограничников. Румынский десант был отбит, причем на правом берегу лимана враг оставил 40 трупов и 11 раненых, которые были захвачены в плен.

Новый командир 25-й стрелковой Т.К. Коломиец впоследствии вспоминал: «В дивизии выработана не совсем верная тактика: при обороне она растягивалась в одну линию». В

начале октября 1941-го дивизия была крайне малочисленна, но необходимо было убеждать противника в обратном: что дивизия имеет два эшелона обороны. По приказу комдива началась операция «имитации», для того чтобы румынские летчики после разведывательных полетов над фронтом дивизии докладывали командованию о ее мощи^[287].

Мобильные дивизионные группы имитировали инженерные работы по созданию второй линии обороны и присутствие на этой линии войск, подвоз армейских кухонь. Все это провоцировало румынскую артиллерию на обстрел второй, «пустой» линии обороны.

Вечером 7 октября в штабе ООР состоялось совещание, на котором был обсужден предложенный штабом Приморской армии новый план эвакуации войск оборонительного района. Первоначальный план, принятый Военным советом 4 октября, предусматривал эвакуацию главных сил оборонительного района в течение 5 дней (16–20 октября) двумя эшелонами, с отводом войск последовательно на тыловые рубежи, потом на баррикады в черте города, а оттуда – в порт. Возникли серьезные опасения, что при таком постепенном, растянутом на несколько дней выводе войск противник сможет обнаружить истинные намерения советского командования и обрушиться всеми своими силами на части, оставшиеся еще в городе, и разгромить их.

В поисках оптимального решения проблемы в штабе армии вызрела идея отвести все четыре дивизии, оборонявшие Одессу, – 95, 25, 421-ю стрелковую и 2-ю кавалерийскую – с занимаемых позиций не на промежуточные рубежи, а прямо к причалам, и не двумя эшелонами, а в одну ночь. Становилась очевидной и необходимость внести поправки в намеченные сроки эвакуации.

В то время как силы под Одессой ослаблялись выводом 157-й стрелковой дивизии и ряда других частей, противник подтягивал на фронт под Одессу новые пополнения. Советская разведка имела сведения о том, что к 16–17 октября противник подтянет к Одессе резервные части и немецкие подразделения и к 18 октября уже будет готов начать новое генеральное наступление. Кроме того, стало известно, что противник готовит локальные удары в уязвимых местах советской обороны.

Опасения советского командования подтвердились уже на следующий день.

Подразделения 11-й румынской пехотной дивизии 1-го армейского корпуса начали наступление в районе Алтестово – Гниляково. Еще 8 октября, в соответствии с оперативным приказом № 103 по румынскому 1-му корпусу, вдоль всей линии советского фронта были направлены румынские разведывательные группы. Очевидно, румынское командование уже знало об эвакуации и рассчитывало, нащупав слабое место в советской обороне, ворваться в Одессу, помешав эвакуации основных частей. У высоты 94,5 было замечено, что советские части, прекратив инженерные работы, ведут в этом секторе «слабый огонь». На этом основании румынское командование пришло к выводу, что оборона в этом районе серьезно ослабла. Румынским частям был отдан приказ немедленно атаковать и захватить ничейную высоту к востоку от Гнилой Балки, как ключевой стратегический пункт^[288].

8 октября Г.Д. Шишенин, по поручению командующего ООР, созвал совещание руководящего состава Одесского района. Главный вопрос – о завершении эвакуации. На совещании высказывались опасения, что отвод с позиций двух дивизий первого эшелона

позволит противнику разгадать намерения эвакуации, после чего румынские войска будут прорываться на Пересыпь и в район Большого Фонтана, тогда места посадки войск на транспорты окажутся под огнем не только артиллерии, но и минометов, что приведет к большим потерям в людях, технике и судах, а в худшем случае – к полному разгрому частей второго эшелона. Военный совет ООР принял новый вариант плана эвакуации войск. Было решено просить Военный совет ЧФ дать согласие на завершение ускоренной эвакуации в ночь с 15 на 16 октября и увеличить подачу транспортов до количества, которое позволило бы посадить одновременно на суда все основные войска ООР, – 35 тыс. человек с вооружением и боевой техникой, а также обеспечить сопровождение их боевыми кораблями и авиацией. По новому плану основные силы армии должны были оставаться до последнего дня обороны на занимаемых позициях и только вечером 15 октября, прикрываясь арьегардными батальонами, оторваться от противника и, совершив почти 20-километровый марш-бросок, произвести посадку на транспорты.

На совещании было предложено имитировать повышенную боевую активность и по возможности сократить срок завершения эвакуации. 9 октября Военный совет решил отводить войска одним эшелоном, причем не 19 и не 20, а уже 16 октября.

А.Ф. Хренов вспоминал: «Рано утром 10 октября Фришман передал мне просьбу Жукова срочно зайти к нему... Он выглядел очень усталым, осунулся, кожа на лице потемнела, под глазами набухли мешки. Гавриил Васильевич производил впечатление человека, который провел бессонную ночь...

– Убедить Севастополь в реальности нового плана эвакуации. По радио договориться трудно, нужно кому-то идти туда. Военный совет решил поручить эту миссию вам».

11 октября генерал А.Ф. Хренов уже был в Севастополе на флагманском командном пункте у вице-адмирала Ф.С. Октябрьского: «Филипп Сергеевич внимательно выслушал мои доводы в пользу пересмотра плана эвакуации. Но с принятием решения не торопился. Слишком ответственным было дело, слишком дорогой ценой пришлось бы расплачиваться за ошибку. Да и перестроить все графики движения транспортов к Одессе и их авиационного прикрытия, надо думать, было непросто...»

В то же время в штабе ЧФ А.Ф. Хренов встретил больше сочувствия. Вопрос, связанный с сосредоточением в Одессе необходимого количества судов и авиационным прикрытием перехода, штабисты считали решаемым^[289].

На оперативную группу Приморской армии во главе с генерал-майором И.Е. Петровым возлагалось руководство отводом войск с занимаемых рубежей, их боевое прикрытие арьегардными частями и артиллерией, а на командира Одесской военно-морской базы контр-адмирала И.Д. Кулишова – руководство посадкой войск и погрузкой боевой техники на корабли и транспорты.

В целях обеспечения скрытности операции по эвакуации, дезориентации и дезинформации противника применялись не только активные действия. Советскими разведчиками были подкинута фиктивные материалы о переброске в Одессу дополнительных армейских и военно-морских частей. По фронтовым дорогам, просматриваемым противником, двигались автомашины, крытые брезентом, демонстрируя доставку подкрепления. В городе специально распространялись слухи об оперативном перемещении войск и эвакуации из Одессы на зиму части населения. На

палубах прибывавших днем транспортов высились штабеля мешков с мукой, ящики с продовольствием, железные печи для землянок. В порту демонстративно производилась их выгрузка, что создавало впечатление, будто в Одессу завозится продовольствие для войск и населения на зиму.

Советские «секретные» документы утверждали, что в Одессу начинают прибывать свежие части, чтобы помочь Приморской армии держать оборону до весны 1942-го. После чего авиация противника «интересовалась» только транспортами, шедшими в Одессу, а на уходящие в Севастополь внимания не обращалось. Разгружались транспорты днем, так что от вражеских лазутчиков не могло укрыться, какого характера груз прибыл в Одессу. В войсках распространялись памятки по подготовке к зиме. Велась усиленная заготовка овощей. Бойцам выдавалось зимнее обмундирование. Саперы приступили к строительству утепленных землянок по всему фронту. К 1 октября в городе уже были развернуты мастерские по пошивке десятков тысяч комплектов теплого обмундирования – телогреек и ватных брюк. На фронте запасались соломой для утепления землянок.

Между тем из Севастополя в Одессу, в сопровождении крейсера «Коминтерн», миноносца «Шаумян», тральщика «Земляк» и трех сторожевых катеров, прибыли транспорты «Калинин», «Москва», «Чехов» и «Сызрань». Они предназначались для эвакуации жителей Одессы, личного состава ООР и боевой техники.

В ночь на 9 октября румынский батальон, используя эффект внезапности, выдвинулся к Гнилой Балке и послал четыре разведывательных отряда к Востоку от Балки. В то же время в нескольких километрах севернее 19-й румынский пехотный полк ворвался в село Алтестово и после непродолжительного боя захватил его. Левый фланг советской оборонительной позиции у Гнилой Балки был прорван, были захвачены советские ДОТы главной линии обороны. Но движение войск к Холодной Балке встречало возрастающее сопротивление советских частей, и продвижение на каждые 200 м требовало новой артиллерийской подготовки. Продвинувшийся на 600 м румынский полк был остановлен сильным артиллерийским огнем трех-четырёх советских батарей и пулеметным обстрелом налетевшей на позиции 19-го полка советской эскадрильи. Румынская атака захлебнулась под сильным пулеметным и минометным огнем на всем протяжении линии фронта между Гнилой Балкой и Хаджибейским лиманом. Между Гниляковым и Хаджибейским лиманом оборону держал 241-й стрелковый полк 95-й дивизии. Гниляково защищал 3-й батальон советского 90-го стрелкового полка той же дивизии. 2-й румынский полк, наступающий к западу от села Гниляково, сумел проникнуть на западные окраины села, ворвался в церковь. Но этот прорыв был блокирован сильным огнем советских солдат, засевших в соседних домах^[290].

Советские части, отступив к высоте 81,6, сумели приготовить новую линию обороны в Гнилой Балке. Советские полевые укрепления еще являлись серьезным препятствием для румынского наступления на этом участке – противотанковый ров с тремя линиями колючей проволоки к востоку от рва, глубокие траншеи, ДОТы и минные поля. Из показаний пленных румыны узнали, что «ни одно подразделение их полка не было отведено в Одессу, они ждут подкреплений».

Одновременно с операцией 11-й румынской пехотной дивизии (в районе Гниляково) продолжалось наступление румынских частей в других секторах.

В Южном секторе утром 10 октября 10-я румынская пехотная дивизия предприняла наступление в направлении Татарки, пытаясь прорвать оборону на стыке 25-й стрелковой и 2-й кавдивизий. После интенсивной артиллерийской подготовки, под прикрытием утреннего тумана, началось наступление на советские позиции южнее Татарки, которые удерживались спешенной 2-й кавдивизией.

Три батальона 33-го румынского пехотного полка смогли овладеть линией траншей, прорваться на южную окраину села, войти в тыл правого фланга 2-й кавалерийской дивизии. Продолжая наступление, румынские батальоны вышли к железной дороге Одесса – Овидиополь, пытались завладеть высотой на юго-востоке от Татарки, в тылу советской обороны. Командование 25-й, понимая серьезность положения, запросило помощи, огневой мощи «катюш». В прорыв в любой момент могли быть втянуты крупные резервы противника, что грозило развалом обороны.

Но огонь советских «катюш» остановил наступление. В помощь оборонявшимся были посланы подразделения из резерва: батальон 54-го стрелкового полка, батальон 3-го полка морской пехоты, дивизионный разведбатальон капитана Антипина, спешенный кавалерийский эскадрон, мотострелковая рота на 8–10 пушечных бронемашинах. Контратака 31-го стрелкового и 7-го кавалерийского полков, при поддержке танков, 1, 39 и 411-й батарей и бронепоезда «За Родину!», завершилась окружением и разгромом румынского полка. Советские войска ворвались на румынский передний край. В плен попали свыше 200 румынских солдат и офицеров (по другим данным – до трехсот), было захвачено 34 пулемета, 14 минометов и другие трофеи, в частности полковое знамя и оперативные документы.

9 октября румынские части пытались наступать у хутора Кабаченко и на позициях 25-й стрелковой дивизии, где два полка румынской пехоты были отогнаны от советских позиций слаженным огнем артиллерии. Наступление румынских частей у Болгарских хуторов было отбито огнем дивизиона «катюш». В ночь на 10 октября части румынской пехоты вновь попытались переправиться по мелководью через Сухой лиман, но были рассеяны огнем действовавшего в Южном секторе бронепоезда № 22 под командованием лейтенанта Беликова. Еще одна атака в районе Татарки на участке 1-го батальона 54-го стрелкового полка 25-й стрелковой дивизии также была успешно отражена с помощью залпов «катюш» и огня дивизионной артиллерии^[291].

В Западном секторе во второй половине дня два батальона румынской пехоты при поддержке артиллерийского и минометного огня прорвали оборону в районе хутора Кабаченко. Контратакой дивизионного и полкового резерва противник был отброшен.

На участке фронта под Гниляковом румынские части развивали достигнутый ранее успех. Они получили новый оперативный приказ № 107 о возобновлении наступления на юго-восток в направлении к шоссе Холодная Балка – Одесса силами 3-го и 19-го полков при поддержке всей дивизионной артиллерии, на фронте шириной 800 м. Наступление должно было развиваться до тех пор, пока не будет встречено новое серьезное сопротивление. Атака, которая началась в 12.30 после десятиминутной артподготовки всей дивизионной артиллерии, захлебнулась под огнем пяти-шести батарей, в пулеметном и минометном огне обороняющихся. Но с третьей попытки, окружив узлы обороны, румыны захватили высоты 81,6 и 66,1, взяв в плен более сотни красноармейцев.

Ночью на крайнем левом фланге возле лимана советские части, усиленные двумя ротами, срочно прибывшими из Одессы на грузовиках, при поддержке десяти танков дважды контратаковали противника, заставив отступить 19-й румынский полк. Советский батальон 241-го стрелкового полка сражался за каждый метр земли, не давая окопаться противнику. Но на следующий день румыны, подтянув резерв, вновь перешли в наступление.

В последних боях 19-й и 3-й румынские пехотные полки понесли тяжелые потери (до 30 % выбывших из строя) и утратили способность к наступлению. Силы 2-го румынского пехотного полка также были подорваны после «работы» советских батарей.

11-я румынская пехотная дивизия продолжила атаки в Большой Фоминой Балке, пытаясь окружить советские части у Гнилякова и захватить линию обороны Гниляково – Холодная Балка. Румынским частям удалось ворваться в поселок Холодная Балка и углубиться на 300 м севернее леса Андреево. Но и тут румынские подразделения натолкнулись на бешеное сопротивление и контратаки советских войск 95-й стрелковой дивизии (силами двух рот и четырех танков).

11 октября были предприняты попытки атак румынских войск и в других секторах. В Восточном секторе два румынских кавалерийских эскадрона в пешем строю атаковали боевые порядки 421-й стрелковой дивизии. Контратакой дивизионного резерва противник был отброшен, в ходе боя захвачены пленные. В Южном секторе румынские войска попытались прорвать оборону в районе позиций 54-го стрелкового полка 25-й стрелковой дивизии и 2-й кавалерийской дивизии, но все атаки были отбиты. Тогда же, 11 октября, с позиций начали сниматься части 2-й кавалерийской дивизии, а их окопы заняли отдельные группы бойцов 287-го стрелкового полка.

К 12 октября советские части, прижатые к Хаджибейскому лиману, были окружены в «кармане» – линия фронта напоминала своими очертаниями букву S. Такой фронт позволял советским частям наблюдать и препятствовать всем приготовлениям румынских войск к наступлению, реагируя огнем и маневром по всем направлениям.

Утром 12 октября, после десятиминутной артподготовки, 2-й румынский пехотный полк атаковал Гниляково. Как свидетельствует командир 11-й пехотной дивизии И. Теодореску, «реакция противника была исключительно сильной, в особенности на северных окраинах Гнилякова, откуда Советы вели автоматный огонь из домов, чердаков и погребов. Со стороны противотанкового рва вели огонь минометные батареи. Легкая артиллерия обстреливала наши передовые линии, в то время как тяжелая артиллерия обстреливала наши резервы и штабы. Противник предпринял три контратаки против левого фланга 2-го полка, который удерживал северную часть деревни»^[292].

Контратака румын предпринималась силами батальона, при поддержке пяти танков. Только 13 октября, после двух дней кровопролитных уличных боев, противнику удалось занять село. Румынские части потеряли убитыми и ранеными около 1 тыс. солдат и офицеров. Потери советских частей также приближаются к этой цифре, если учитывать 380 пленных, оказавшихся в полном окружении у Гнилякова. Румынским частям удалось захватить населенные пункты Гниляково, Алтестово, Холодная Балка.

В ходе операций 8–9 октября противник продвинулся на 1–2 км (по румынской информации – до 6 км) в глубь обороны советской 95-й стрелковой дивизии. Совместно с

другим румынским наступательным флангом юго-западнее Татарки образовывались своеобразные клещи, которые могли привести к окружению и уничтожению советской обороны между Дальником, Усатовом, Гнилой Балкой, Татаркой, разрушить весь фронт, превратить последние дни эвакуации Одессы в катастрофу. Ударной артиллерийской группе под командованием начальника артиллерии дивизии полковника Д.И. Пискунова удалось остановить движение румынских частей массированным артиллерийским огнем.

На исходе дня линия фронта в Западном секторе проходила южнее Холодная Балка – окраина Андреевки – западная окраина Гнилякова – ст. Дачная – хутор Кабаченко – 300 м восточнее высоты 76,5. В целом, не считая боев в Гнилякове, с 12 октября румынские части перешли к обороне. В Западном и Южном секторах шли локальные бои местного значения.

Контрнаступление советских войск 1—12 октября достигло поставленной цели. Румынские части понесли существенные потери и были дезориентированы относительно планов советского командования. Но командование 4-й армии не было намерено отказываться от наступления.

Военный совет ООР принял окончательное решение об общей эвакуации в ночь на 16 октября. Командующий Приморской армией Петров подписал боевой приказ, в котором говорилось:

«1. Противник, активизируя с 9.X.41 г. свои действия на всем фронте армии и вводя в бой свежие части, безуспешно пытается прорвать фронт и захватить Одессу.

2. По решению Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии части Приморской армии, героически и честно выполнившие свои задачи, в кратчайший срок должны оставить Одессу и сосредоточиться для действий на новом направлении.

3. Во исполнение указаний Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии приказываю:

1) Отвод всех войск армии с занимаемого оборонительного рубежа для посадки на суда начать с 19.00 15 октября 1941 г.

2) Для прикрытия отвода главных сил от каждого стрелкового полка, находящегося в первом эшелоне оборонительной полосы дивизий, выделить арьергарды в составе одного стрелкового батальона с батареями ПА и орудиями ПТО.

3) Посадку главных сил дивизий на суда произвести в Одесском порту с нижеуказанных причалов:

421 сд – Нефтегавань, причалы № 1, 2, 3 и 4;

95 сд – Военный мол, причалы № 34 и 36;

25 сд – Платоновский мол, причал № 17;

2 кд – Карантинный мол, причал № 5.

Пути подхода к причалам для посадки на суда – согласно схеме. Одновременно с эвакуацией главных сил должно быть вместе с пехотой вывезено все стрелковое оружие, все пулеметы, минометы, орудия ПТО и ПА. Средства усиления и приданные части эвакуируются одновременно с главными силами всех дивизий, которым они приданы.

4) Материальную часть артиллерии, автомашины и конский состав эвакуировать по мере подхода грузовых судов до момента эвакуации главных сил дивизий по специальным нарядам штарма. В первую очередь вывозить наиболее новую матчасть.

Материальную часть артиллерии и автотранспорта, которую не представится возможности вывезти до начала эвакуации главных сил (кроме орудий ПТО и ПА), уничтожить, назначив ответственных лиц из начсостава для их уничтожения.

5) По окончании посадки и отхода судов с главными силами от причалов арьегардные части эвакуируются на каботажных судах и частично на боевых кораблях ЧФ.

Посадку арьегардов на суда произвести в пунктах согласно схеме». В приказе далее предписывалось командирам дивизий назначить комендантов районов посадки войск, начальников и комиссаров эшелонов на каждое судно, выделить проводников для сопровождения каждого подразделения к месту посадки и выставить маяки по маршруту предстоящего движения частей; указывались и другие обязательные меры для обеспечения четкого и точного выполнения плана эвакуации войск.

Глава 13 **БИТВА ЗА ЧЕРНОЕ МОРЕ**

Славные, героические страницы были вписаны Черноморским флотом в летопись Великой Отечественной войны. Личный состав кораблей, баз, частей и соединений Черноморского флота (ЧФ) показал отвагу и мастерство в боях с германским и румынским агрессорами. С началом войны ЧФ огнем корабельной и береговой артиллерии поддерживал соединения и объединения сухопутных войск в оборонительных боях и сражениях на приморских направлениях, обеспечивали военные и народно-хозяйственные перевозки и конвои по Черному морю, силами авиации наносил удары по важным военно-морским базам, портам и нефтепромыслам Румынии. Соединения и части ЧФ участвовали в высадке морских десантов, обороне военно-морских баз, срывали морские перевозки противника. Тем не менее в ходе обороны Одессы спектр действий Черноморского флота существенно расширился.

В 1939 г. на экраны Советского Союза вышел художественный фильм «Моряки», созданный на Одесской киностудии. Фильм стал одним из лидеров кинопроката. Снятый в жанре военной фантастики (в то время в этом жанре, изображающем будущую войну и действия советских войск, были сняты ленты «Если завтра война», «Танкисты», «Глубокий рейд» и другие, ныне подзабытые пропагандистские картины), он все же давал некое представление о взгляде советского руководства на грядущую войну на море. Она представлялась в виде столкновения больших флотов с участием линкоров и крейсеров, в котором советские краснофлотцы организуют неизвестному империалистическому противнику «вторую Цусиму».

Реалии войны на море оказались совсем иными, чем это представляли себе советские флотоводцы накануне войны. Советский флот практически не участвовал в морских сражениях, и его основной задачей стала как раз поддержка сухопутных войск, доставка подкреплений и боеприпасов, а основным противником – не линкоры, крейсера и эсминцы противника, а авиация. Именно она нанесла наибольший урон советским кораблям в период битвы за Одессу. Румынское командование вполне справедливо (хотя и

с очевидным опозданием) просило своих немецких союзников усилить авиацию, действующую в районе Одессы, именно этим типом самолетов.

К 22 июня 1941 г. ЧФ полностью доминировал на Черном море и имел в строю: 1 линкор, 6 крейсеров, 17 лидеров и эсминцев, 2 сторожевых корабля, 47 подводных лодок, 4 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 15 тральщиков, 84 торпедных катера (больше торпедных катеров, чем флоты Германии, Италии, Румынии и Турции, вместе взятые), 10 катеров – охотников за подводными лодками, вспомогательные суда^[293].

В первые недели после начала войны Черноморский флот стал пополняться катерами морской погранохраны НКВД (94 катера), мобилизованными торговыми и рыболовецкими судами (около 150 судов). Командованию ЧФ подчинялась Дунайская речная флотилия.

Подводные силы ЧФ были сведены в две бригады и один отдельный учебный дивизион. 1-я бригада (командир капитан 1-го ранга П.И. Болтунов) состояла из четырех дивизионов, включавших 22 большие и средние подводные лодки. 2-я бригада подводных лодок (командир капитан 1-го ранга М.Г. Соловьев) состояла из трех дивизионов, включавших 15 малых подводных лодок. Отдельный учебный дивизион (командир капитан 3-го ранга Л.Г. Петров) имел в своем составе 3 средние и 4 малые подводные лодки.

В составе флотской авиации числилось 624 самолета: 138 бомбардировщиков, 360 истребителей, 140 разведчиков, 70 гидросамолетов. ВВС ЧФ состоял из 63-й бомбардировочной авиабригады (40-й бомбардировочный авиаполк, 2-й минно-торпедный авиаполк, две отдельные бомбардировочные эскадрильи), 62-й истребительной авиабригады (8, 9, 32-й истребительные авиаполки), четырех отдельных истребительных авиаэскадрилий (в том числе одной Дунайской флотилии), морского разведывательного авиаполка, пяти отдельных морских разведывательных авиаэскадрилий и отдельного морского авиаотряда^[294].

В Одессе базировались: дивизион канонерских лодок в составе: «Красный Аджаристан», «Красная Армения», «Красная Грузия», старый крейсер «Коминтерн» (бывший «Кагул»), в Очакове базировалась 2-я бригада торпедных катеров. Одесская ВМБ была прикрыта артиллерией ЧФ: батареи № 1, 21, 39, 718, 411 и 412, вход в Днепро-Бугский лиман преграждали батареи № 15 и 22. Дунай и Черноморское побережье в устье Дуная прикрывали Дунайский дивизион (15 боевых и 30 вспомогательных судов) и Морской дивизион ВМФ (14 военных и 9 вспомогательных судов, 20 гидросамолетов). В дельте Дуная был также расположен полк морской пехоты (3 батальона).

Королевский военно-морской флот Румынии (*Marina Regala Romana*) к лету 1941 г. на Черном море был разделен на два больших тактических подразделения: Морской дивизион и Дунайский дивизион. Также существовали меньшие по численности военно-морская группа «Сулина» и Верхнедунайский сектор. Перед Морским дивизионом была поставлена задача защищать побережье от нападений противника. Он состоял из морских сил, командования района гавани «Констанца», артгруппы «Констанца» (6 батарей) и флотилии гидросамолетов (3 эскадрильи, насчитывавшие в целом 20 гидросамолетов), складов морского оборудования и материалов, обслуживающей группы и частей Берегового арtpолка.

Морские силы состояли из: эскадры эсминцев – 4 корабля, секции канонерских лодок – 3 корабля, секции корветов (по терминологии того времени – миноносцев) – 3 корабля, секции минных заградителей – 5 кораблей, группы подводных лодок и торпедных катеров – 1 подводная лодка и 3 торпедных катера. Дунайский дивизион имел целью защиту румынской части реки и состоял из речных военно-морских сил (эскадра мониторов – 3 корабля, секция торпедных катеров – 2 корабля, десантная рота, группа надводной обороны, обслуживающая группа), а также тактической группы «Тульча» (речная группа – 2 монитора и 4 торпедных катера, группа надводной обороны, конвой снабжения)^[295].

В целом на 22 июня 1941 г. военно-морской флот Румынии имел в своем распоряжении 40 основных военных судов: 23 – на Черном море и 17 – на Дунае. 4 эсминца (Regele Ferdinand, Regina Maria, Marasesti и Marasti) являлись наиболее сильными румынскими судами, однако только первые два были относительно новой постройки (1928–1929). Подводная лодка Delfinul была спущена на воду в 1936 г. Три миноносца и три канонерские лодки были построены еще до Первой мировой войны. Наиболее современными были 3 торпедных катера (Viforul, Vijelia и Viscolul) и минный заградитель Amiral Murgescu, спущенные на воду после 1939 г.

На Дунае основными боевыми судами были 7 мониторов, из которых четыре были построенные в 1907 г., а остальные – вскоре после Первой мировой войны. Также действовало 4 торпедных катера, построенных в 1907 г., 2 бронированных патрульных катера и 5 речных катеров, доставленных из Чехословакии в 1940–1941 гг. Кроме того, военно-морской флот реквизирует для военных нужд много гражданских судов.

Скромно выглядела и морская пехота румын. Полк морской пехоты состоял из трех батальонов (15, 16, 17-й), которые были распределены между сводными группами, входившими в морской отряд «Сулина»: сводная группа «Переправа» состоял из 17-го батальона морской пехоты и береговой артбатареи, сводная группа «Килия Веке» – из 15-го батальона морской пехоты и береговой артбатареи, сводная группа «Сулина» (обеспечивала защиту дельты Дуная) – из 16-го батальона морской пехоты, группы патрульных катеров, береговой артгруппы (2 батареи).

Основные группировки береговой артиллерии располагались в Констанце и Сулине, а кроме того, береговая артиллерия прикрывала Балчик и Мангалию. Накануне войны немцы усилили румынскую береговую оборону^[296].

Учитывая качественное и количественное превосходство советского ЧФ, румынский флот действовал с большой осторожностью. Действия румынских кораблей были в прямом смысле единичными. Например, сторожевой катер Viscolul вышел в открытое море в ночь с 19 на 20 августа и в ночь с 18 на 19 сентября; Viforul был в походе между 26–27 сентября и 30 сентября – 1 октября.

Подводная лодка Delfinul провела два безуспешных похода (в общем 22 дня) вдоль восточного побережья Крыма. К успешным действиям румынской подводной лодки можно отнести разве что раннее обнаружение советской эскадры, совершавшей набег на Констанцу 26 июня, и психологический эффект. «К сожалению, – отмечают авторы книги «Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», – факты действительного обнаружения ее перископа или ложного обнаружения несуществовавших лодок привели к мысли о наличии на Черном море немецких

подводных лодок, тогда как они появились там лишь через 15 месяцев. Ожидать от румынского военного флота наступательных действий, участия в десантных операциях, да и каких-либо акций было недальновидно...»^[297]

На Черном море кроме румынского флота был карликовый флот королевства Болгария и флот Турции. Но Турция постоянно заявляла о своем нейтралитете в войне и не пропускала через проливы военные суда любых держав, а болгарский флот и армия так и не решились участвовать в войне против «братушек» из СССР.

Но командующий советским ЧФ адмирал Ф.С. Октябрьский был заранее подготовлен сражаться «по старой схеме» – отбиваться от ударов превосходящих морских сил врага. Если на Черном море реальный и сильный враг отсутствовал, его необходимо было выдумать... Летом 1941-го среди советских флотских утвердилось убеждение, что в Черном море уже господствуют итальянские и германские подводные лодки и Италией, Германией и Румынией готовится десант на Крымский полуостров (как 90 лет назад, во времена Крымской войны). Советские разведчики уверяли, что «итальянский флот с десантом для высадки в Одессе и Севастополе» уже тайно прошел Дарданеллы и Босфор, что в румынской Констанце готовится военный десант в Крым, «на аэродромах Бухареста скопление шестимоторных транспортных самолетов для переброски парашютистов»... В эти мифы всерьез поверили адмиралы в Москве и в Севастополе. Командование ЧФ ждало десанта противника – уход судов противника в порты Румынии и Болгарии был воспринят как сосредоточение сил перед десантной операцией. Тогда возникли даже термины «перископомания» и «десантобоязнь»... которые отражали неоправданные опасения советского военно-морского командования. Адмирал Октябрьский, ссылаясь на флотскую разведку, доложил наркому ВМФ Кузнецову, что в Черное море вошли 10–12 германских подводных лодок, и приказал выставить перед всеми военно-морскими базами, от Одессы до Батуми, дозоры из надводных кораблей, катеров и подводных лодок^[298].

Уже в конце июня 1941-го советская канонерская лодка «Красная Армения» была «атакована подводной лодкой противника», а у Севастополя и Сочи заметили появление вражеских подлодок. Интересно, что за первые три месяца войны советские моряки «уничтожили» 15 мнимых вражеских подводных лодок. Советские надводные корабли бомбили глубинными бомбами мифические вражеские подводные лодки от Одессы до Батуми. Впрочем, бывали и «недоразумения». Так, подводная лодка М-111 23 сентября обнаружила «вражеский линкор» недалеко от Севастополя. Лодка выпустила торпеду, но она прошла рядом с бортом корабля... Атакованный «линкор» оказался советским транспортом «Восток» с сотнями бойцов на борту.

Командование ЧФ в первые дни войны приказало установить оборонительные минные заграждения возле своих баз. За первый месяц войны было выставлено 7300 мин и 1378 минных защитников (более 73 % имевшихся на ЧФ морских якорных мин). 24 июня в районе Одессы корабли флота начали ставить оборонительные минные заграждения. Позднее эти заграждения были усилены постановкой мин на флангах оборонительного района и на подходах к нему от устья Днестра до Гендры.

Вреда противнику в 1941 г. эти заграждения не нанесли, зато из-за их множества и их торопливой постановки на советских минах подорвались 18 советских боевых кораблей и транспортных судов и еще около десятка получили тяжелые повреждения (за первые 12 месяцев войны).

В северо-западном районе Черного моря (Измаил – Балаклава) от мин погибли: 3 июля – торпедный катер № 12, 21 июля – шхуна «Ленин», 27 июля – транспорт «Ленин», а 30 сентября в районе Севастополя получил серьезные повреждения эсминец «Совершенный». За 1941 г. на этих минах не подорвалось ни одного корабля противника, по причине того, что корабли противника не выходили из румынских территориальных вод. Зато советские минные заграждения чрезвычайно мешали маневру кораблей ЧФ, прохождению караванов судов, затрудняли сообщение между советскими портами... Корабли ЧФ потеряли свободу маневрирования. Они не могли входить в свои базы ночью и составляли легкую добычу самолетов и кораблей противника.

Для прохода наших кораблей в Севастополь в огромном минном заграждении (около 4 тыс. мин) было оставлено только три узких фарватера. Транспорты и корабли, идущие в Севастополь и из Севастополя, должны были проходить по этим фарватерам только в условиях хорошей видимости и в сопровождении тральщиков. Они стояли у границ минного заграждения по десяткам часов под прицелом германской и румынской авиации. Такое положение привело к тому, что осенью 1941 г. адмирал Ф.С. Октябрьский приказал начать траление (обезвреживание) собственных мин.

Только после 5 августа 1941 г. было возобновлено сопровождение из Румынии нефтяных танкеров, предназначенных для итальянского флота из Средиземного моря по линии Констанца – Босфор. Небольшая протяженность транспортных линий позволяла румынским судам совершать переходы из одного порта в другой в течение одной ночи. Но румынскую нефть доставляли в Германию главным образом по Дунаю и железной дороге. Обеспечивая защиту своих коммуникаций, противник еще до начала боевых действий выставил параллельно береговой черте минные заграждения.

Немецкое командование привлекло также авиацию Болгарии к обеспечению противолодочной обороны своих морских конвоев, шедших через болгарские территориальные воды от румынских портов к проливу Босфор и обратно. Кроме того, болгарские порты использовались как для пребывания румынского военно-морского флота, так и для караванов и отдельных судов, перевозивших на запад румынскую нефть. В ответ на это Черноморский флот развернул против Болгарии подводную войну. 22 августа нарком ВМФ издал директиву: «Подводным лодкам начать действия против транспортов, плавающих болгарскими территориальными водами. Проведите операцию «ДБ-3» по засорению минами болгарских территориальных вод. При выборе мест постановки учтите возможность действия наших подлодок в тех же водах. Бомбежка болгарских портов и побережья пока запрещается».

В болгарских территориальных водах действовали четыре советские подводные лодки, которые вели разведку, высаживали диверсионно-разведывательные группы, атаковали суда, ставили в болгарских водах минные заграждения. На одной из таких мин подорвался и затонул болгарский транспорт «Шипка».

Основным противником советских ВМС оставалась германская и румынская авиация. Некоторую опасность для ЧФ могли представлять военно-воздушные силы Румынии: около 300 боевых самолетов (около 130 истребителей, 55 бомбардировщиков, 82 разведчика, 18 летающих лодок «Савойя»). К этому числу можно прибавить 440 самолетов, которые имелись в летных школах и учебных частях.

На Черном море гидроавиация люфтваффе – 8-й отряд ПСС, имевший на вооружении поплавковые гидросамолеты He-59, – проводила морскую разведку и искала советские подводные лодки. Вскоре к ним добавились три «Арадо-196», переброшенные со Средиземного моря из состава SAGr-126, и летающие лодки «Дорнье-24». Из румынской Констанцы этот воздушный флот позднее перебрался в советский Николаев.

Вместе с румынскими самолетами в боевых действиях в районе Одессы участвовала германская авиагруппа 4/KG27, переброшенная в середине июня 1941 г. из Франции на аэродром Фокшаны в Румынию. Эскадрилья была укомплектована бомбардировщиками He-111. Немцы утверждали, что с 11 по 18 августа в ходе налетов на Одессу пилоты KG-27, в том числе майор фон Бест, потопили восемь транспортных судов общим тоннажем 33 тыс. брт и еще 24 корабля повредили. Это было явное преувеличение советских потерь. 23 июля германская авиация атаковала в Одесском заливе транспорт «Аджария» (4227 т). На транспорте возник сильный пожар, судно выбросилось на берег и сгорело. 10 августа в Одесском порту от авиабомб затонул буксир СП-11. 12 августа на пути из Херсона в Одессу авиацией противника был атакован теплоход «Новороссийск». Судно получило тяжелые повреждения от прямого попадания авиабомб и выбросилось на берег в районе Григорьевки^[299].

15 августа румынские бомбардировщики Blenheim атаковали канонерскую лодку «Красный Аджаристан». От взрыва бомбы вблизи борта вышло из строя кормовое орудие, 12 человек получили ранения. В ночь на 21 августа в районе Одессы румынские бомбардировщики Blenheim потопили транспорт «Брянск» (3378 т), который, впрочем, шел на балласте. Больше никаких советских судов в районе Одессы авиацией противника потоплено не было. За август – сентябрь 1941-го румынской авиацией были потоплены эсминец «Фрунзе», канонерская лодка «Красная Армения», монитор «Ударный», теплоход «Аджария», а также несколько мелких кораблей и транспортов.

26 июня недалеко от Одессы состоялся важный морской бой, ставший во многом переломным в боевом использовании ЧФ. Советская группа военных кораблей, возглавляемая крейсером «Ворошилов», при поддержке шести эсминцев и нескольких других кораблей предприняла первую (и последнюю) набеговую операцию – рейд на главный румынский порт Констанцу. Еще одно мощное ударное флотское соединение во главе с линкором «Парижская коммуна» ожидало в 150 милях от побережья, рассчитывая использовать ожидаемый успех передовой группы и присоединиться к операции. Эта группа должна была также прикрывать суда от флангового нападения мифического итальянского флота. Крейсер «Ворошилов», оставаясь в 50 милях от румынского берега, послал два лидера – эсминцы «Москву» и «Харьков» – в разведывательный рейд к Констанце. Для обстрела были выделены ничтожные силы – ведь отряд прикрытия операции составляли еще два эсминца и крейсер «Ворошилов», мощная, 180-мм артиллерия которого могла вести огонь с более безопасных дистанций.

Утром 26 июня оба корабля открыли огонь из 130-мм орудий, выпустив около 350 снарядов по порту, вокзалу, нефтяным терминалам. Советские суда еще на подходе к Констанце были замечены подводной лодкой, и румынское командование подготовилось к обороне. Два румынских эсминца Regina Maria и Marasti, находясь возле мыса Тузла, открыли ответный огонь из 120-мм орудий. Из-за высокого профиля побережья румынские эсминцы было трудно обнаружить, в отличие от советских судов, чьи силуэты

четко вырисовывались на фоне неба. В дуэль вступила немецкая прибрежная 280-мм батарея «Тирпиц», которая третьим залпом накрыла лидер «Москва». После пяти залпов советские корабли вышли из зоны досягаемости батареи^[300].

В 5.12 «Москва» и «Харьков» начали отход, но вскоре в середине корпуса «Москвы» раздался взрыв. Столб огня и дыма поднялся на высоту 30 м. «Москва» переломилась пополам, носовая часть лидера была оторвана, кормовая часть держалась на плаву. Потеряв параваны, «Москва» попала на минное поле и, подорвавшись на mine, затонула в течение нескольких минут. Тогда спаслось только 69 из 400 членов экипажа. Спасшиеся попали в плен. Румынское командование объявило, что «Москва» потоплена румынскими береговыми торпедными аппаратами, немецкое командование заявило, что это сделала немецкая батарея. Но это было не совсем так...

Два румынских торпедных катера попытались атаковать подбитый «Харьков», но были отогнаны кораблями из советской группы. В это же время группа советских бомбардировщиков из 40-го полка бомбардировщиков ЧФ атаковала порт, потеряв в этом рейде девять машин. «Харьков» поставил дымзавесу и попытался спасти уцелевших моряков, но тут у его борта разорвались два снаряда. Лидер получил повреждения и вышел из зоны досягаемости береговых батарей противника. Крейсер «Ворошилов» на полном ходу вернулся обратно в Севастополь, уведя с собой ударную группу.

Потеря крупного боевого корабля ошеломила командование флотом. Страх новых потерь парализовал волю к активным наступательным действиям.

В начале войны только 12 советских подводных лодок вышли в море на 12 участков, по побережью Черного моря. 8 подлодок прикрывали подступы к Одессе, Севастополю, Керчи, Новороссийску, Батуми, хотя для этих портов не было никакой угрозы со стороны моря. Только три подлодки были отправлены к берегам Румынии и Болгарии и одна к турецким берегам. Советские подводные лодки Щ-205, Щ-206, Щ-209, курсируя у румынских берегов, долго не могли найти цель – румыны резко сократили объем перевозок. В суматохе первых дней войны штаб ЧФ забыл оповестить о рейде на Констанцу свои подводные лодки, находившиеся у берегов Румынии. По плану корабли группы должны были пройти между позициями подводных лодок Щ-205 и Щ-206. Скорее всего, советская подлодка Щ-206 торпедировала «Москву» и сама погибла от глубинных бомб эсминца «Сообразительный». В августе подводная лодка Щ-211 капитан-лейтенанта А.Д. Девятко потопила румынский транспорт «Пелес» и торпедировала итальянский танкер «Суперга».

Приказом наркома ВМФ от 6 августа для артиллерийской поддержки войск, защищавших Одессу, флот создал специальный отряд кораблей Северо-Западного района контр-адмирала Д.Д. Вдовиченко. В него вошли крейсер «Коминтерн», эсминцы «Шаумян» и «Незаможник», минный заградитель «Лукомский», 2-я бригада торпедных катеров, 5-й дивизион тральщиков, дивизион канонерок, отряд сторожевых катеров и другие корабли.

Корабли ЧФ активно участвовали в боевых действиях, оказывая огневую помощь флангам Приморской армии, организуя переброску грузов и подкреплений в осажденный город. Но сопровождение крупных военных транспортов и защита их от атак с воздуха были возложены на крейсеры, эсминцы и тральщики, поскольку сторожевые катера типа МО для этого оказались не готовы. Артиллерийские корабли прибрежного действия в составе

ЧФ отсутствовали, было лишь четыре тихоходные канонерские лодки типа «Красная Абхазия», переоборудованные из десантных транспортов времен Первой мировой войны. С оставлением Дуная к ним прибавилось два монитора и десять бронекатеров, несколько вспомогательных канонерских лодок, переоборудованных из гражданских судов. Специальные конвойные суда – сторожевые и эскортные корабли – в Черноморском флоте были представлены только двумя сторожевиками типа «Ураган»^[301].

Наступление румынских войск на Одессу было остановлено огнем 412-й береговой батареи, орудийным огнем эсминцев «Незаможник» и «Шаумян» и бомбардировочной авиацией ЧФ (35 бомбардировщиков). Береговые батареи 40-го подвижного артдивизиона ЧФ были переведены на позиции у Люстдорфа, Дофиновки, Крыжановки и других пунктов, откуда сумели концентрированным огнем остановить противника. Канонерская лодка «Красная Грузия» и батарея № 412 в середине августа 1941-го оказывали успешную поддержку действиям 1-го полка морской пехоты. Во время стрельбы в районе деревни Григорьевка канонерская лодка «Красная Грузия» была шесть раз атакована авиацией противника.

22 августа одесский отряд был усилен пришедшим крейсером «Красный Крым». Его сопровождали эсминцы «Фрунзе» и «Дзержинский». В тот же день «Фрунзе» вел обстрел позиции противника у Чебанки и Свердлово. 23 августа в Одессу приходит крейсер «Червона Украина», сразу же добавив «голоса» своих 15 130-мм орудий во фронтную канонаду. Крейсер «Красный Крым» выпустил 462, а эсминец «Фрунзе» – 140 130-мм фугасных снарядов. Они смогли задержать наступление румынских войск на восточном участке обороны города.

28 августа положение в секторах обороны снова потребовало усиления отряда кораблей Северо-Западного района. В этот день части Восточного сектора обороны поддерживают крейсер, лидер, эскадренные миноносцы «Смышленный», «Фрунзе», «Шаумян» и канонерская лодка «Красная Грузия» под общим командованием контр-адмирала Д.Д. Вдовиченко.

В артиллерийской поддержке войск Приморской армии ежедневно участвовало шесть – восемь боевых кораблей. Например, 27 августа вели огонь по неприятельским позициям в районе Свердлово эсминцы «Бодрый», «Смышленный», «Шаумян», «Незаможник» и канонерские лодки «Красная Армения», «Красная Грузия» и «Красный Азербайджан». Части Восточного сектора обороны поддерживали артиллерийским огнем еще и крейсер «Червона Украина», лидер «Ташкент», эсминец «Фрунзе»...

Первой крупной и удачной наступательной акцией ЧФ стала высадка десанта под Одессой в районе Григорьевки. Десант, однако, показал, что кораблей, способных обстреливать занятый противником берег, действовать в мелководных заливах и лиманах, высаживать и снимать войска на необорудованном побережье, у ЧФ практически не было. Во время Григорьевского десанта за сутки с небольшим под Одессой и на пути к ней выбыло из строя или было уничтожено пять кораблей. После Григорьевского десанта флот вновь перешел к оборонительным действиям, занимаясь только переброской, эвакуацией войск и артиллерийской поддержкой флангов советских частей.

В первые дни войны авиация советского ЧФ ограничилась дневными воздушными налетами на Констанцу, Сулину, Галац – с 23 по 25 июля в них приняло участие 140

бомбардировщиков без истребительного прикрытия, при этом погибли 16 машин. В течение 23 июня ВВС ЧФ произвели три налета на Констанцу. В них участвовали два полка ВВС ЧФ: 2-й минно-торпедный авиаполк, вооруженный ДБ-3Ф, и 40-й авиаполк, вооруженный бомбардировщиками СБ. Организационно оба полка входили в состав 63-й авиабригады. Первый налет был произведен 63-й авиабригадой в составе 33 ДБ-3 и 27 СБ, которые бомбардировали зернохранилище, элеватор, нефтегавань и нефтегородок в Констанце, аэродром Мамайя и батарею в Талае. В ходе налета был потерян один СБ. Второй налет был произведен силами семи ДБ-3. Самолеты бомбили военный мол, район железнодорожных мастерских и нефтегородок. Третий раз девять ДБ-3 сбросили бомбы на нефтегородок, железнодорожные мастерские и элеватор. В тот же день шесть СБ бомбили склады и транспорты в Сулине. Всего за сутки на Констанцу и Сулину было сброшено более 850 бомб.

Утром 24 июня 14 советских бомбардировщиков ДБ-3Ф и 18 СБ вновь бомбили порт в Констанце и близлежащий аэродром Мамайя. На подходе к Констанце наши самолеты встретили 16 румынских истребителей. Советские самолеты сумели отбомбиться, но потеряли 3 ДБ-3Ф и 7 СБ. По сообщениям наших летчиков, было сбито 11 румынских истребителей, но, по германским данным, было уничтожено 3 истребителя Ме-Ю9Ф. Вечером Констанцу бомбили два ДБ-3Ф. Всего за день авиация ЧФ произвела на Констанцу 40 самолето-вылетов, сбросив 76 бомб. С 25–26 июня авиация ЧФ вела активные действия в районе нижнего Дуная. До 18 августа авиацией были потоплены плавбатарея MR-3, военный буксир «Мантурин», сторожевые катера MR-5 и SR-25, драга, два буксира, минный заградитель «Аурора», 18 самоходных и несамоходных барж и шхун, мониторы «Ласиер Катараджиу» и «Ардеал».

Эффективными были операции ВВС ЧФ против судоходства противника в дельте Дуная. Фактически за первые два военных месяца более 30 кораблей и судов было уничтожено и около 30 выведено из строя. Для обороны Одессы ЧФ выделил авиагруппу в составе 40 истребителей и штурмовиков (командир – капитан Ф.И. Демченко). Она была оперативно подчинена командиру 69-го истребительного авиаполка ВВС Приморской армии. 10 августа два воздушных транспорта «Звено» (ТБ-3 из 18-й транспортной эскадрильи) нанесли удар по чернаводскому мосту через Дунай, через который проходила не только стратегическая железная дорога, но и труба нефтепровода Плоешти – Констанца. К тяжелым самолетам были подвешены по два И-16 СПБ из второй эскадрильи 32-го ИАП. Каждый истребитель нес по две бомбы ФАБ-250. И-16 отсоединились от бомбардировщиков на высоте 1700 м, а бомбы сбросили с 500-метровой высоты. Были полностью разрушены мост и труба нефтепровода.

С 22 августа руководство авиации ЧФ осуществлял один начальник – заместитель командующего ВВС флота генерал-майор В.В. Ермаченков. Август был последним месяцем 1941 года, когда авиация ЧФ решала флотские задачи. Советской авиации не удалось уничтожить с воздуха немногочисленный румынский флот. 6 сентября нарком ВМФ порекомендовал Военному совету ЧФ нанести воздушные удары по Бухаресту с целью оттянуть туда с фронта часть сил вражеской истребительной авиации, а также посеять разочарование в войне у румынских войск. В ночь 8 сентября и в ночь на 13 сентября авиация ЧФ бомбила Бухарест максимально тяжелыми бомбами. До конца августа командование ЧФ берегло ударную авиацию для отражения вражеского морского

десанта в Крыму (на авиацию ЧФ приходилось три боевых вылета на самолет в месяц). Но к сентябрю эти страхи развеялись. 26 сентября нарком ВМФ приказал использовать авиацию исключительно для поддержки сухопутных войск.

Близость аэродромов, на которые могла базироваться советская бомбардировочная и штурмовая авиация в начальный период обороны Одессы, способствовала ее использованию в интересах оборонявшихся войск. После оставления Николаева и Очакова трудности в использовании ударной авиации возросли. Раздельное базирование бомбардировочной авиации (на аэродромы Крыма) и прикрывавших ее истребителей затрудняло организацию тактического взаимодействия, вызывало напряжение небольшого количества истребителей, находившихся в Одессе. Типовыми задачами, выполнявшимися авиацией ЧФ при обороне Одессы, являлись удары по скоплениям живой силы и техники противника, прикрытие базы с воздуха, поддержка сухопутных войск ударами по вражеским танкам и мотопехоте, разведка на морском и сухопутном направлениях.

Во второй половине августа 1941-го на юг из-под Москвы была переброшена 1-я эскадрилья из германской авиагруппы I/K.G28. Входившие в состав эскадрильи Хе-111 получили на вооружение торпеды. Впервые немцы применили авиационные торпеды 24 августа, когда на подходе к Одессе подвергся атаке транспорт «Фабрициус». Но обе сброшенные германскими самолетами торпеды прошли мимо.

29 августа два Хе-111 пытались торпедировать учебное судно «Днепр», шедшее в Одессу с 3 тыс. солдат на борту. Обе торпеды снова прошли мимо. Корабли ЧФ неоднократно подвергались атакам авиации противника. 30 августа три Ю-88 сбросили бомбы на лидер «Ташкент». От разрыва бомб образовалась пробоина, кубрики были затоплены, но механизмы остались неповрежденными. 6 сентября в одесском порту был потоплен тральщик № 493 «Хаджибей», а 15 сентября порту от близких разрывов бомб затонул буксир СП-9.

В связи с бомбардировкой Одессы 11 сентября пятьюдесятью самолетами противника Военный совет ООП просил командующего ЧФ организовать мощный удар по Бухаресту. Командующий флотом ответил, что просьбу выполнит, и приказал командующему ВВС ЧФ подготовить этот удар. В ночь на 13 сентября три ДБ-3 бомбили Бухарест. Сброшено было три бомбы ФАБ-1000 и две бомбы ФАБ-250. Разрывы наблюдались в центре и в северо-западной части города. Два самолета бомбили запасные цели. Два Пе-2 бомбили транспорты противника в районе города Тулча.

Румынское и немецкое командование допустило в борьбе против советского ЧФ ряд существенных просчетов. Румынские минные заграждения могли бы сковать действия ЧФ у Одессы, блокировать Одессу с моря и сделать невозможными интенсивные морские перевозки Севастополь – Одесса. Но в румынском флоте и ВВС отсутствовали надводные и подводные силы для минных постановок. С другой стороны, запаздывание руководства люфтваффе в создании запаса авиационных неконтактных мин в значительной мере сказалось на результатах действий вражеской авиации на морских коммуникациях. 14 сентября немецкая авиация пыталась заминировать Одесский порт и выход из него, сбросив пятнадцать мин, из которых только пять упали в воду. Подобная постановка мин с воздуха могла только напугать противника, а не создать минную преграду. Весьма вероятно также, что отсутствие активности в минировании Одесской гавани объяснялось

и тем, что румынское и немецкое командование рассчитывали на скорое взятие города и стремились сохранить Одесский порт и фарватеры чистыми для себя.

Одна из важнейших задач ЧФ при обороне Одессы состояла в защите морских коммуникаций, обеспечении безопасности военных и грузовых перевозок. В частности, на Одесскую военно-морскую базу была возложена задача обеспечения безопасности перевозок от устья Дуная до Одессы и от Одессы до Ак-Мечети. До 20-х чисел июля движение судов на всех трассах осуществлялось поточным методом. До 23 июля авиация противника не проявляла активности на советских морских коммуникациях, за исключением постановки мин с воздуха в районе Севастополя и на выходе из Днепро-Бугского лимана, а также тремя атаками судов, следовавших из Одессы в Жебрияны. С первых дней войны стал сказываться недостаток в сторожевых кораблях, тральщиках и катерах специальной постройки, которые требовались для обеспечения безопасности движения кораблей и судов. Практически для этой цели ЧФ мог выделить около двадцати сторожевых катеров, два-три тральщика и один-два эсминец. Командование ЧФ, учитывая существующие возможности, дало указание осуществлять охранение только тех судов, которые перевозили ценные грузы. Остальные должны были следовать под берегом без охранения, как днем, так и ночью. Так, в июле из 263 судорейсов из Севастополя в Одессу, которая на тот момент была ближайшей к противнику, только у 131 имелось охранение (50 %) ^[302].

26 июля была введена система конвоев, однако те же причины (нехватка судов сопровождения) мешали организовать надежное охранение от двух основных в то время опасностей – авиации и мин. Охранение одного транспорта осуществлялось одним сторожевым катером, а если этот транспорт перевозил груз, имевший важное значение, то двумя-тремя катерами. Если в конвой входило два транспорта, их охраняли два-три сторожевых катера, два тральщика или эсминец. На подходах к военно-морским базам конвой прикрывали два-три самолета МБР-2. В тех случаях, когда в состав конвоя включалось три транспорта, что бывало редко, походное охранение несколько увеличивалось.

С выходом противника на ближние подступы к Одессе авиация противника усилила свои действия на прибрежной коммуникации, связывавшей эту базу с другими базами и портами. Изменившаяся в пользу врага обстановка на сухопутном фронте позволила немецкой авиации появляться в районе обнаружения советских кораблей и судов через 10–15 минут после донесения разведки. Пикирующие бомбардировщики противника начали действовать группами по шесть – девять самолетов. Со второй половины августа на коммуникациях, связывавших Одессу с другими военно-морскими базами, начали действовать немецкие бомбардировщики и торпедоносцы, перебазированные из Средиземноморского театра.

Активизация авиации противника заставила усилить в меру имевшихся возможностей непосредственное обеспечение безопасности транспортов на переходе. В августе из 272 транспортов, прошедших по трассе Севастополь– Одесса – Севастополь, только 21 судно (9 %) шло без охранения ^[303].

Дальнейшее увеличение налетов немецкой и румынской авиации заставило еще больше усилить походное охранение. Основной его задачей являлось прикрытие транспортных судов от удара с воздуха. При этом в походном охранении в три-четыре раза увеличилось

количество эскадренных миноносцев и тральщиков, и тем самым значительно усилилась мощность зенитного огня. Кроме того, недостаточная скорость хода транспортных средств и нехватка кораблей охранения заставили военных моряков выполнять несвойственные им на первый взгляд задачи военных перевозок.

Одной из наиболее ярких страниц в действиях ЧФ стало его участие в эвакуации Одессы.

Глава 14 **«ОДЕССУ ОСТАВЛЯЕТ ПОСЛЕДНИЙ БАТАЛЬОН...» (13–16 октября)**

События середины сентября 1941-го на фронтах тяжело сказались на настроениях защитников Одессы. Враг прорвал Перекопские укрепления и штурмовал Крым, взял в полукольцо Киев, прорвался к Ладожскому озеру и осадил Ленинград, разгромил группировку советских войск под Вязьмой, подошел к Москве... Было понятно, что советское командование уже намеревалось решать более серьезные задачи и одесская «заноза», что беспокоила преимущественно румынские войска, потеряла свою актуальность.

Вечером 12 октября Военный совет ООР принял окончательное решение об ускоренной эвакуации Приморской армии и утвердил все документы, определяющие порядок одновременного отвода войск с позиций и погрузки на суда. Эвакуация была назначена в кратчайший срок, в ночь с 15 на 16 октября. Это решение было принято своевременно, потому что положение Приморской армии было не из лучших. Румынское командование, узнав о скорой эвакуации, не только готовило войска для общего штурма, но и «пригласило» немецкие войска для поддержки последнего штурма города. По данным разведки, немецкое командование направляло на штурм Одессы одну дивизию вермахта, что могла изменить соотношение сил, прибыв на фронт под Одессу уже 18–19 октября. Положение оборонявшихся усугублялось тем, что из Одессы уже была эвакуирована одна дивизия и тяжелая артиллерия. Стратегически отход Приморской армии в несколько эшелонов грозил возможным прорывом румынских войска к порту и окружением части советских войска в городе.

Ранним утром 13 октября в Одессу из Севастополя прибыл член Военного совета ЧФ дивизионный комиссар Н.М. Кулаков – посланец командующего ЧФ Ф.С. Октябрьского. Он должен был ознакомиться с обстановкой в Одессе и на «одесском фронте» и доложить Военному совету ЧФ, какова готовность армии к эвакуации. Вместе с Н.М. Кулаковым в Одессу прибыла группа артиллеристов для составления плана огневого обеспечения эвакуации корабельной артиллерией.

Н.М. Кулаков, выслушав доклады контр-адмирала Г.В. Жукова и командарма И.Е. Петрова и выяснив детали одесской обстановки, направил на имя Ф.С. Октябрьского радиogramму, в которой сообщалось, что командование и штабы ООР, Приморской армии и Одесской военно-морской базы предусмотрело все меры по обеспечению эвакуации войска. Несколько часов спустя командующий флотом, получив радиogramму из Одессы, дал согласие на отвод войска одним эшелоном с посадкой на суда в ночь на 16 октября. Общее руководство отходом войска и посадкой их на суда осуществлялось Военным советом Одесского оборонительного района. Военный совет принял окончательное

решение – вечером 15 октября снять с фронта все силы, походными колоннами вывести их в районы посадки, посадить на суда и немедленно отправить в Крым^[304].

Эвакуация партийного и советского актива из Одессы фактически началась 5 октября. Возможно, толчком для «самозэвакуации» послужил загадочный отъезд из Одессы первого секретаря А. Колыбанова. Он покинул Одессу в тот момент, когда был необходим для проведения успешной операции по эвакуации города и для организации подпольно-партизанской работы. С 5 по 15 октября в горсовете и горкоме оставалось только по пять ответственных работников. В последние дни эти работники мешками собирали выручку с торговых точек Одессы (в последний день 15 октября было собрано 800 тыс. руб.).

Эвакуация армии была продумана до мелочей. Сосредоточение у соответствующих причалов порта транспортных судов и кораблей, предназначенных для перевозки войск, было решено проводить в ночное время. В каждый район посадки назначался комендант, а на каждое судно – начальник и комиссар. Для сопровождения частей в районы посадки выделялись специальные проводники. В каждую дивизию были направлены представители оперативного отдела штаба Приморской армии, которые должны были находиться при штабах дивизий до прибытия их в Севастополь. Для дезориентации противника за два дня до начала отхода главных сил Приморской армии советские части должны были создать видимость нового наступления, предпринимая местные контратаки и ведя днем и ночью систематический артиллерийский обстрел вражеских позиций. После эвакуации авиации, артиллерии и главных сил огонь должна была вести корабельная артиллерия. Операция «скрытия» эвакуации предполагала, что в порту имитировалась прикрываемая дымовыми завесами разгрузка частей и грузов. Колонны затянутых брезентом автомашин изображали переброску подкреплений в Одессу. В эфире шла дезинформация о прибытии «свежих частей».

Решение о полной эвакуации армии в более ранние сроки диктовалось и разведанными особой важности, и данными о готовившемся румынским командованием дне «Z» – общего штурма Одессы. 12 октября 1941 г. вышла «Оперативная инструкция № 5 для командующих армейскими корпусами 5, 6, 1, 3, 11 и 4», подписанная командующим 4-й румынской армией генералом И. Якобичем, в которой были такие строки:

«1. Противник продолжает активно сопротивляться и даже наносит существенные контрудары. Все-таки признаки эвакуации Одессы увеличиваются, что может привести к возможности нанесения быстрого удара.

2. Армия начнет снова наступать на Одессу в самый благоприятный момент (день «Z»), наступая в первую очередь восточнее Хаджибейского лимана для занятия высот района Поселка и Крыжановки, в дальнейшем для проникновения в Одессу через северную сторону. В день «Z» главный удар будет наноситься с запада на восток для проникновения в Одессу через ворота Татарка. День «Z» связан с прибытием подкрепления от немецких союзников. На случай отступления противника наступление начнется немедленно, независимо от стадии подготовки того или иного подразделения. Передислокация больших частей будет проводиться с разрешения командования армии.

3. Расположения и задачи: 5-й армейский корпус с 1, 4 и 13-й дивизиями наступают на общем направлении Благодатное – Одесса для разгрома противника и занятия высот Соляные Прииски и Крыжановка. Приложение усилий по направлению Буялык – Одесса.

Впоследствии наступление будет продолжаться для захвата Лузановки и проникновения в Одессу через северо-восток.

6-й армейский корпус с 1-й дивизией и 3-й смешанной бригадой наступают между лиманами Хаджибей – Куяльник, вдоль Одесской трасы, где займут высоты района Поселка, откуда в дальнейшем будет поддерживать наступление 5-го армейского корпуса или проникнут в Одессу через северную сторону.

1-й армейский корпус с 2, 3, и 11 дивизиями наступает на общем направлении Гниляково – высоты Куяльник, маневрируя своими силами северо-восточнее и юго-западнее для захвата высот между Усатовом и Одессой.

1-й армейский корпус с 6, 10, и 21-й дивизиями наступает на общем направлении Мариенталь – Опытное Поле для захвата западных и северо-западных высот Татарки и основными силами проникает севернее Татарки по направлению Опытное Поле, Сванка и отсюда на Одессу.

4-й армейский корпус с 7, 14-й дивизиями и 7-й кавалерийской бригадой, штурмовой отряд 31 (полковник Ефtimiу), а также 132-я дивизия (вместо одной румынской дивизии, указанной выше) основными силами наносит удар между Татаркой и Сухим лиманом, для занятия района Сванки и дальнейшего проникновения в Одессу через южную часть.

3-й армейский корпус с 5-й и 18-й дивизиями фланкируют наступление 1-го и 11-го армейских корпусов, атакуя флангами севернее и южнее Дальника; очищают село, потом занимают высоты, расположенные восточнее этого села, а потом занимают высоты между вторым рвом. <...>

4. Армейский резерв: А) 8-я дивизия в районе Петерсталь, Мариенталь, Ленинталь по мере необходимости усиления действий 11-го и 4-го армейских корпусов. Б) Пограничная дивизия, по возможности участие 132-й немецкой дивизии.

5. Артиллерия: специальный приказ. Командные посты: 4-я армия: Баден; 5-й армейский корпус: Благодатное;

6-й армейский корпус: Марьяновка; 1-й армейский корпус: Палево; 3-й армейский корпус: Бурковское (командный пост, выдвинутый в Вакаржанах); 11-й армейский корпус: Мариенталь; 4-й армейский корпус: Гросс-Либенталь.

6. Выполнение приказаний для армейских корпусов, которые заходят на новые участки, начиная с 13 октября, время 12.00. 11-й армейский корпус располагает на данный момент 6-й и 10-й дивизиями, а 4-й армейский корпус – 7-й и 14-й дивизиями, 7-й кавалерийской бригадой и штурмовым подразделением № 1. Остальные крупные части, которые входят в состав этих больших соединений, будут передвигаться под руководством армии»^[305].

Общее наступление было намечено на 20 октября, а 8-19 октября началась спешная подготовка к нему. Прорыв противника у Гнилякова стал серьезным сигналом для ускорения эвакуации.

13 октября в журнале боевых действий 54-го советского стрелкового полка была сделана запись: «В 7.00 противник атакует силами до роты 1-й стрелковый батальон». 14 октября артиллерия семи кораблей ЧФ открыла интенсивный огонь по позициям 5-го армейского корпуса (левый фланг 4-й румынской армии), а стрелковые части Приморской армии

имитировали начало контрнаступления на этом участке. К тотальному обстрелу вражеских позиций приступила 411-я береговая батарея, которой было приказано за 14–15 октября израсходовать весь запас имеющихся снарядов.

С началом массовой эвакуации из Одессы части 4-й румынской армии усилили свою активность. На участках 161-го стрелкового полка 95-й дивизии и 31-го полка 25-й дивизии румынские войска пытались перейти в наступление, но были отбиты пулеметным огнем.

Но румынские части были встречены необычно интенсивным огнем советской артиллерии. 15 октября в 10.00 на боевые порядки противника обрушился первый в этот день мощный огневой удар корабельной артиллерии и береговых батарей, который был перенесен затем на его ближние тылы. Избранные огневые позиции позволяли кораблям вести огонь по всему сухопутному фронту обороны Одессы с помощью заранее размещенных наблюдательных и корректировочных постов. Наибольшая плотность огня корабельной артиллерии предусматривалась на флангах обороны. Потом последовали новые сосредоточенные удары по отдельным участкам румынских позиций. Противник прекратил атаки в Южном секторе и приступил, опасаясь очередного контрудара, к укреплению своих позиций. Только дежурные подразделения на отдельных участках продолжали обстреливать советские позиции.

До последнего снаряда вели огонь одесские бронепоезда, чтобы потом отойти в тупики, где ждали их со взрывчаткой команды саперов. Последние снаряды выпускала береговая батарея, которая должна была быть взорвана в ночь на 16 октября.

Генеральный штаб отмечал повышенную активность противника по всему фронту. Исходя из этих обстоятельств румынский Генеральный штаб заявил о невозможности проведения широких наступательных операций. В связи с этим части 4-й армии получили приказ продолжать только разведку позиций противника и, в случае обнаружения того, что противник сдает позиции по причине эвакуации, немедленно начать наступление на город.

Для эвакуации Приморской армии советским командованием были использованы 24 транспорта водоизмещением в 150 тыс. брутто-тонн, которые за 15 дней сделали в общей сложности 54 рейса. Вдоль одесского побережья конфисковались любые плавсредства – в ночь с 15 на 16 октября в течение нескольких часов на корабли и суда должны были сесть до 30 тыс. бойцов и беженцев.

Командиры дивизий, батарей, полков, батальонов 13–14 октября поодиночке приезжали в порт, подробно изучая маршрут отступления, по которому должны были быстро и точно, прямо на «свой» причал, проследовать на посадку их части. Путь следования колонн в черте города приказано было посыпать толченой известью и мелом – чтобы никто не замешкался и не заблудился на поворотах. В каждый район посадки назначался комендант, а на каждое судно – начальник и комиссар. Для сопровождения частей в районы посадки выделялись проводники. В каждую дивизию были направлены представители оперативного отдела штаба Приморской армии, которые должны были находиться при штабах дивизий до прибытия их в Севастополь.

До 14 октября из осажденной Одессы было вывезено более 50 тыс. человек (войска, раненые и гражданское население), 208 орудий, около 900 автомашин, более 3200

лошадей, 162 трактора, тысячи тонн заводского оборудования. Для прикрытия отхода, посадки и эвакуации войск предусматривалась помощь артиллерии крупных военных кораблей, для чего из состава эскадры Черноморского флота, директивой Военного совета ЧФ от 12 октября, выделялся специальный отряд в составе: крейсеров «Красный Кавказ», «Червона Украина» и эсминцев «Смышленный», «Бодрый», «Незаможник», «Шаумян» (командующий контр-адмирал Л.А. Владимирский).

К 15 октября в Одесском порту были сосредоточены теплоходы и транспорты: «Украина», «Грузия», «Армения», «Абхазия», «Котовский»; транспорты «Чапаев», «Жан Жорес», «Курск», «Калинин», «Большевик», «Восток», «Лукомский», «Сызрань», «Петраш», «Черноморец», «Зенит», «Доротея»; крейсера «Червона Украина» и «Красный Кавказ»; эсминцы «Смышленный», «Бодрый», «Незаможник», «Шаумян» и другие плавсредства.

Авиация противника систематически бомбила район порта, зная об эвакуации, ведь сосредоточение такого количества кораблей и транспортов не могло быть обычным явлением. Но советская корабельная зенитная артиллерия ЧФ надежно прикрывала небо над акваторией порта, в связи с чем вражеская авиация не могла вести прицельную бомбежку и потери от бомбардировки порта были незначительными. Только санитарный транспорт «Грузия», подвергшись бомбежке 14 октября, получил серьезные повреждения. Две тысячи раненых разместили на других судах, а «Грузию» удалось отбуксировать в Севастополь.

13–14 октября небольшими группами, незаметно для противника, улетали из Одессы в Крым самолеты 69-го авиаполка. Наиболее изношенные в боях самолеты было решено взорвать, часть машин пришлось перевозить морем на канонерских лодках. Тогда же «распряглась» кавдивизия. Фронтной конский состав и лошадей кавдивизии тысячами отправляли на мясокомбинат – на конскую колбасу для армии. Часть лошадей отловили местные жители для личных гужевых или продовольственных нужд.

К 13 октября всем одесситам стало ясно, что в ближайшие дни город будет сдан. Уже реально не действовали никакие системы секретности – ведь в порт устремились тысячи военнослужащих, огромное количество авто, телег, тягачей с военным добром. Часть имущества уничтожалась еще по дороге к порту. Очевидец Ю. Климов вспоминал: «Много автомашин с различным имуществом госпиталей, хозяйственных подразделений сбрасывали его в море... Откос к морю превратился в богатейшую свалку».

Солнечным утром 15 октября остановил работу одесский хлебозавод, оставшиеся сухари стали раздавать рабочим, но уже в полдень хлебозавод, сахарный завод, винзавод подверглись массовому погрому одесситов. Тогда же в городе перестали ходить трамваи. В то же время местные власти и не думали раздавать населению не подлежащие вывозу продукты питания (хотя известно о раздаче заложенных в ломбард вещей). Десятки тонн продуктов и мануфактуры уничтожались на глазах у одесситов. Специальные отряды НКВД подрывали или сжигали важные объекты, которые не должны были достаться врагу: городскую электростанцию, все хлебозаводы, все городские школы... Еще с 10 октября в Одессе начался массовый грабеж местным населением магазинов, лавок, складов, санаториев, госпиталей. Тащили ширпотреб, спички, мыло, сахар, продукты, разнесли в щепки Зеленый театр. Народ ринулся тащить все то, что еще не было увезено и растаскано^[306].

По воспоминаниям адмирала И.И. Азарова, 11 октября в Одессе стало критическим днем обороны. В городе распространились панические слухи о том, что Военный совет и командование обороной «сбежали из города», что румынские войска прорвали фронт и бой идет уже в самом городе. С 6 октября румынские звуковещательные станции на передовой вещали: «Одессу большевики оставляют». И.И. Азаров писал: «В городе произошли вспышки мародерства. Преступные элементы призывают граждан громить продовольственные магазины... дал им право расстреливать... на месте. Беспорядки в городе удалось пресечь»^[307].

Диверсанты начали стрельбу на городских улицах, на стенах домов появились листовки противника с явной ложью о «бегстве коммунистов». Население охватила паника, которой воспользовались мародеры, начавшие погром складов, винных подвалов и магазинов. Милиция в большинстве своем разбежалась, и командованию пришлось ввести в город несколько взводов с фронта для установления порядка. Солдаты начали расстреливать мародеров на месте. Трибуналу Приморской армии передавались дела по городским вопросам. Но репрессии не остановили погромов... Н.И. Крылов добавлял: «В воинских частях появились первые дезертиры».

15–16 октября грабеж приобрел характер всеобщего действия. Большая толпа местных жителей ринулась к складам на Новом рынке, что, по слухам, были еще заполнены имуществом. Но когда замки были взломаны и началась толкучка внутри складов, над базаром зависли советские самолеты, с которых на головы горожан полетели бомбы. Имущество было превращено в пепел, как и восемьдесят жизней одесситов. Недалеко от бульвара Фельдмана (ныне Приморского), где одесситы ломали склад с конфискованными у населения радиоприемниками, трагедия повторилась. Советские самолеты осколочными бомбами рассеяли и покалечили радиолюбителей. Бомбежки не останавливали наиболее предприимчивых одесситов. С раннего утра 16-го в порт хлынула толпа стремящихся захватить склады оставшихся там товаров^[308].

Специальная группа НКВД 15 октября в городской тюрьме и в тюрьме НКВД провела расстрелы пленных румынских и немецких солдат и «наиболее опасных врагов народа». За время обороны Одессы из города было вывезено только около 2 тыс. пленных. По советским документам, непосредственно в Одессе в последние дни осады города содержалось 659 румынских и немецких военнопленных, захваченных в ходе оборонительных боев. В Одессе их не оставили и в Крым не привезли.

Одесская тюрьма уже никем не охраняется, и из нее в ночь на 16 октября бегут сотни уголовных и политических заключенных. В августе 1941-го несколько тысяч местных советских немцев было арестовано и заключено в так называемой исправительной колонии, вблизи одесской тюрьмы. Вечером 15 октября вся администрация колонии успела эвакуироваться, охрана исчезла. Заключенные, поразбивав двери и окна, разбежались.

Еще с середины июля 1941-го начальник инженерных войск Южного фронта генерал А.Ф. Хренов, по согласованию с секретарем Одесского обкома А.Г. Колыбановым, готовил «спецмероприятия» на случай оставления Одессы. План взрывных работ был утвержден командующим Одесским оборонительным районом Г.В. Жуковым, Военным советом ООР. 3 октября был утвержден общий план разрушений военных и промышленных

объектов в городе, которым предусматривался вывод из строя 29 промышленных предприятий, двух аэродромов и восьми портовых объектов.

Генерал А.Ф. Хренов в своих воспоминаниях подробно изложил подготовку к минированию важнейших объектов Одессы: «Я должен был отвечать за организацию и материально-техническое обеспечение минирования, устройства заграждений и разрушений, уничтожение имущества заводов, всех средств связи, подвижного состава железной дороги, порта и других имеющих военное значение объектов, а также за подготовку отрядов заграждения для прикрытия выхода из боя и отвода войск с оборонительных рубежей... Инженерное обеспечение эвакуации войск из Одессы складывалось из организации массовых разрушений объектов оборонного значения в городе и прикрытия средствами инженерных заграждений выхода войск из боя»¹.

Выполняя наказ Сталина о стратегии выжженной земли, местные специалисты инженерного отдела Приморской армии уничтожали не только военные объекты (командные пункты, аэродромы, блокгаузы, капониры, радиостанции, батареи, оборонительные рубежи, нефтебазы), взрывались и поджигались промышленные и культурные объекты (практически все городские школы, хлебозаводы, портовые сооружения, электростанции, дамбы, заводы и заводское оборудование). Оставленные в городе подрывные группы уничтожили все, что только представляло для врага какую-то ценность. Отдельный радиотехнический взвод капитана Е.М. Пируса 82-го инженерного батальона Приморской армии устанавливал радиомины, которые по сигналу должны были уничтожить стратегические дороги, важные объекты города.

Большое количество имущества так и не удалось вывезти – 9 тыс. лошадей, 2,5 тыс. автомашин, 90 паровозов, 180 тракторов, 8000 повозок. В последнюю ночь сотни лошадей были расстреляны у кромки причала, их трупы сброшены в акваторию порта. Автомобили и повозки подгоняли к краю пирса и сбрасывали в воду. У портовой железнодорожной станции в море столкнули вагоны и паровозы...

Необходимо было незаметно уйти с фронтовых позиций и оторваться от противника на 8–10 часов. В условиях открытой местности такой отрыв представлял собой трудную задачу. Советское командование разработало план отрыва частей 421-й стрелковой дивизии с помощью затопления рабочего района Пересыпи, для чего заранее были подготовлены к взрыву плотины, перекрывающие Хаджибейский лиман. Поздним вечером 15 октября саперы под руководством Г.П. Кедринского взорвали дамбу Хаджибейского лимана. Командование считало, что затопление Пересыпи могло помешать румынским войскам войти в город с востока. Но через несколько дней после захвата оккупантами Одессы румынская администрация пригнала на Пересыпь несколько сотен одесситов, которые в течение недели восстановили дамбу и отвели лиманскую воду с Пересыпи. О затоплении Пересыпи население города не было предупреждено. Грязные воды лимана, смешанные с морскими, мгновенно залили предместье. Несчастье усиливалось тем, что на море бушевала сильная буря. Вода на некоторых участках рабочего района затопила подвалы и первые этажи домов, поднявшись до полутора метров. Несколько десятков жителей Пересыпи погибли этой ночью в холодных буранах, их просто смыло в Черное море.

Эсминцы «Бодрый» и «Смышленный» ночью поставили в районе Сухого лимана 117 мин, чтобы затруднить использование противником порта после отхода наших войск.

В ночь на 15 октября противник подверг порт и суда ожесточенной бомбардировке, в которой одновременно участвовало до 40 самолетов. Корабельные и береговые зенитчики и летчики-истребители сумели защитить транспортные средства. В то же время авиация ЧФ нанесла бомбовые удары: 25 пикирующих самолетов Пе-2 в сопровождении 28 истребителей пошли на подавление вражеской авиации на ее аэродромах. Затем бомбовым ударам с воздуха подверглись неприятельские позиции.

В 10.00 15 октября вся артиллерия открыла огонь преимущественно по ближайшим боевым порядкам противника. Огневые налеты чередовались с методическим огнем. В 18.30, за полчаса до начала отхода главных сил, огневыми налетами артиллерии противник подавлялся на его исходных позициях для наступления. По мере снятия с огневых позиций частей полевой артиллерии усиливался и перераспределялся огонь береговой и корабельной артиллерии.

В течение 15 октября корабли по заявке сухопутного командования вели обстрел: крейсер «Красный Кавказ» – фронт у села Гниляково (выпустил 27 180-мм снарядов), эсминец «Бодрый» – фронт между Хаджибеевским и Куяльницким лиманами (выпустил 42 130-мм снаряда), эсминец «Незаможник» – фронт у Дофиновки (Б. Аджалыкский лиман) (выпустил 512 102-мм снарядов). Составили таблицу огня и принципы взаимодействия морской артиллерии с сухопутными частями флагарт штаба ЧФ капитан 1-го ранга Руль и капитан-лейтенант Сальников.

Прикрывали отход выделенные каждой дивизией арьергардные батальоны, усиленные артиллерийскими подразделениями со старой материальной частью, подлежащей уничтожению в последний момент. В 21.00 начали отход с фронта арьергарды армии под прикрытием артиллерии своих полков и батальонов и специально выделенных батарей дивизионной артиллерии, которые, отходя перекатами, последовательно занимали заранее подготовленные на маршрутах движения войск огневые позиции с выложенными на них снарядами и вели огонь по заранее подготовленным данным для стрельбы.

В период отхода арьергардов вели огонь стационарные береговые и зенитные батареи на стационарных установках вплоть до посадки арьергардов на корабли, после чего эти батареи были взорваны их личным составом. С моря отход и посадку на транспорты последних частей обеспечивала артиллерия двух крейсеров и четырех эскадренных миноносцев.

Отвод с фронтовых позиций войск последнего эшелона Приморской армии, насчитывавшего до 15 тыс. бойцов, начался в 19 часов 15 октября. Начальник артиллерии Приморской армии Н.К. Рыжи вспоминал:

«Артиллерия явилась одним из важнейших средств, обеспечивающим скрытый выход войск оборонительного района для посадки на корабли. С этой целью штабом артиллерии Приморской армии был спланирован огонь полевой, береговой и корабельной артиллерии так, чтобы на любом участке перед фронтом нашей обороны можно было вызвать заранее подготовленный огонь НЗО. Это было особенно важно на тот период времени, когда главные силы армии оставляли свои позиции или находились в движении к месту посадки. Кроме того, для прикрытия арьергардов огонь планировался и внутри оборонительного региона с расчетом прикрытия их огнем вдоль маршрутов отхода. За два дня до отвода войск с фронта производилась демонстрация подготовки наступления.

В это время артиллерия береговой обороны и корабельная артиллерия простреливала рубежи, участки НЗО и отдельные цели, с тем чтобы быть в полной готовности прикрыть отход войск, и особенно в тот момент, когда полевая артиллерия начнет посадку на корабли. Широко применяли огонь кочующих орудий. Активные действия нашей артиллерии создавали впечатление подхода на фронт новых частей и таким образом дезориентировали противника о фактически предстоящих действиях наших войск».

Прибытий из Севастополя флагманский артиллерист флота капитан 1-го ранга А.А. Руль и корректировочная группа эскадры вместе с начальником артиллерии Приморской армии полковником Н.К. Рыжи разработали плановую таблицу артиллерийского огня кораблей Черноморского флота по обеспечению отхода Приморской армии 15 октября. Согласно этой таблице крейсеру «Красный Кавказ» и эсминцу «Смышленный» поручалось поддерживать огнем части Западного сектора, крейсеру «Червона Украина» и эсминцу «Шаумян» – части Южного сектора, эсминцам «Бодрый» и «Незаможник» – части Восточного сектора.

В здании управления Одесского порта состоялось расширенное совещание, на которое были приглашены капитаны прибывших судов, командиры соединений, руководители порта, коменданты причалов, армейские офицеры. Командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал И.Д. Кулишов поставил задачу по эвакуации главных сил и арьергарда. В работе совещания приняли участие контр-адмирал Г.В. Жуков, генерал-майор И.Е. Петров, начальник штаба базы капитан 3-го ранга К.И. Деревянко, дивизионные комиссары Н.М. Кулаков и Н.Ф. Воронин.

Во второй половине дня был отдан последний боевой приказ по войскам Одесского оборонительного района, подписанный командующим контр-адмиралом Г.В. Жуковым и членами Военного совета. В приказе говорилось:

- «1. Отвод войск ООР начать в 19.00 15.X.41 г., закончить амбаркацию в ночь с 15.X на 16.X, согласно утвержденному мною 13.X плану.
2. Выполнение операции по отводу сухопутных войск ООР и амбаркацию их возлагаю на командующего Приморской армией генерал-майора Петрова.
3. Командира Одесской военно-морской базы контр-адмирала Кулишова подчиняю командующему Приморской армией.
4. Потребовать от командиров и комиссаров соединений и частей под их персональную ответственность, чтобы оставляемые за невозможностью эвакуации имущество, материальная часть и запасы были уничтожены. Личное оружие и оружие коллективного пользования взять с собой. Объекты государственного и оперативного значения разрушить согласно утвержденному мною плану.
5. Мой КП с 12.00 15.X.41 г. – крейсер «Червона Украина».
6. Генералу Петрову о ходе отвода и амбаркации доносить мне через каждые 2 часа, начиная с 20.00 15.X.41 г.».

«Войска выполняют свою работу по плану. Большой затор на подходах к порту. Фронт спокоен», – доносил генерал-майор Петров.

К 23.00, совершив трудный ночной двадцатикилометровый марш-бросок, части 25, 95, 421-й стрелковых и 2-й кавалерийской дивизий вместе с вооружением стали прибывать в порт и грузиться на транспорты во всех пунктах посадки. Одновременно шла погрузка артиллерии, минометов, пулеметов и другого оружия.

Отход арьергардов с переднего края начался в 21.00. Его прикрывали огнем крейсер «Красный Кавказ», эсминцы «Бодрый» и «Незаможник», артиллеристы батарей 42-го отдельного артдивизиона и 73-го зенитного артполка. В 24.00 15 октября – 00 часов 16 октября начштаба Приморской армии Н.И. Крылов очередной телефонограммой донес командованию ООР: «Все идет по плану. Главные силы производят посадку. Арьергарды на подходе. Нажима со стороны противника нет». По мере загрузки транспортные суда под охраной сторожевых кораблей выходили на внешний рейд и отправлялись в путь.

«После погрузки арьергардов, – писал впоследствии генерал И.Е. Петров, – особо сформированные команды метр за метром проверяли территорию порта – не остался ли кто, не забыто ли что-нибудь из боевого имущества. Командные пункты армейского и морского командования были свернуты лишь тогда, когда командир порта капитан 1-го ранга Макаренко сообщил, что порт чист «под иголочку».

Во время отхода частей 31-го стрелкового полка румынские части попытались перейти в наступление, однако, встреченные артиллерийским и пулеметным огнем частей заграждения, были остановлены и отброшены на исходные позиции. Прикрытие отхода войск (после 19.00) возлагалось на арьергардные части, в основном сформированные из добровольческих отрядов морских пехотинцев, групп партизан и бойцов отрядов НКВД, остававшиеся на фронте до окончания переброски главных сил в районы посадки на суда.

25-я стрелковая дивизия эвакуировалась с причала № 17 на Платоновском молу, часть войск эвакуировалась с причалов Нефтегавани. В 19.00 главные силы Приморской армии оторвались от противника и стали отходить к порту, в назначенные им районы посадки. Командование Одесского оборонительного района приняло решение во время погрузки не беспокоить противника без необходимости огнем корабельной артиллерии, так как сам факт начала интенсивной стрельбы мог вызвать у румынского командования подозрение. Разрешалось ведение огня лишь в исключительных случаях – при попытках противника начать наступление.

В 21.00 начали отход и арьергардные фронтовые части. В порт были стянуты все остававшиеся в армии зенитки. Немецкая авиация не смогла предельно затруднить и эвакуацию сил Одесского оборонительного района. Тогда же несколько судов технического флота ЧГМП были взорваны и затоплены по приказу командования из-за невозможности вывода из Одессы: бывший пассажирский пароход, а ныне транспорт «Чичерин» (1852 брт), спасательное судно «Аджарец» (200), сторожевой катер № 137; буксир «Форос» и 16 других мелких судов и плавсредств.

В 23.00 началась погрузка на суда личного состава и военного имущества. Военный совет Одесского оборонного района перешел на борт стоящего в гавани крейсера «Червона Украина». Командарм Приморской армии, с оперативной группой штарма, перешел на бывший КП военно-морской базы на набережной, а основной подземный КП армии был взорван.

К 3 часам утра 16 октября погрузка войск была закончена. Но небольшая часть раненых и больных солдат была оставлена в больнице на Слободке, с линии фронта не успели пробраться в порт до тысячи бойцов из частей прикрытия. Позже румынские власти сообщали о том, что 13–16 октября они захватили 6 тыс. советских военнопленных. Эта цифра была преувеличена, можно говорить о 3–3,5 тыс. пленных, куда вошли раненые и больные, оставленные в Одессе.

В 5.10 утра из Одесского порта вышел транспорт со штабом Приморской армии. На крейсер «Червона Украина», где держал флаг командующий эскадрой, перешел Военный совет Одесского оборонительного района. В 5.28 крейсер «Червона Украина», приняв 1164 человек, и в 5.45 крейсер «Красный Кавказ», приняв 1127 человек, снялись с якоря, а в 5.57 эти крейсера вместе с эсминцами «Бодрый» и «Смышленный» вышли из порта и вступили в охранение транспортов. В 7 часов утра от причала отошел катер с командиром ОВРа П.П. Давыдовым, тральщики и катера из дивизиона капитан-лейтенанта П.И. Державина, принявшие на борт арьергарды: батальоны прикрытия, артиллеристов береговых батарей, команды подрывников. После этого тральщик ТЩ-15 поставил мины на внешнем рейде Одессы. В 9 часов утра от пирсов порта отошел последний сторожевой катер охраны водного района Одесской военно-морской базы. Незадолго до отхода последних транспортов были взорваны береговые батареи, прикрывавшие отход и посадку армии портовые сооружения, краны. Вдоль опустевших причалов бродили брошенные армейские кони, горели костры, в которых еще уничтожались оставленные ценности и документы...

Командарм И.Е. Петров позже рассказывал Константину Симонову о последних часах эвакуации из Одессы: «Мы заехали на КП моряков в самом порту. Адмирал Кулишов подошел к нам и сказал: «Товарищ командующий, разрешите пригласить вас и сопровождающих вас лиц поужинать». Входим на КП к Кулишову. У него накрыт стол человек на двадцать пять, стоят вино и закуска. Мы накоротке выпили, закусили вместе со всеми офицерами и нашими шоферами. В половине четвертого Крылов, Кулишов и я проехали вдоль причалов. На пристанях оставалось только несколько подрывных команд. Кораблям было уже приказано отойти на рейд. Мы сели на катера. Была подана команда взорвать мол. И вот рвануло Воронцовский мол. Туда было заложено шесть тонн тола. Пристани взлетели в воздух. Стало совсем светло. Мы проходили на катере мимо подорванного Воронцовского мола. Эскадра стояла на рейде и уже трогалась в путь. Корабли были видны до самого горизонта. В этот момент началась бомбежка эскадры, головная часть которой уже ушла на семьдесят километров от Одессы. Бомбили, но не попадали. Им удалось потопить только одно небольшое судно, а все остальные благополучно пришли в Севастополь...»

16 октября, на 117-й день войны, Одесса, почти на сутки, оказалась в состоянии безвластия... Проснувшись утром 16-го одесситов встречало расклеенное обращение городских властей к населению: «Не навсегда и не надолго оставляем мы нашу родную Одессу. Жалкие убийцы, фашистские дикари будут выброшены вон из нашего города. Мы скоро вернемся, товарищи!»

Только к 11 часам утра 16 октября противник понял, что советские войска оставили Одессу. Румынская авиационная разведка доложила об отходе каравана судов, о затоплении территории южнее Хаджибейского лимана, о пожарах в Одессе. Примерно до

10.00 одесские партизаны, сменив в окопах арьергардные батальоны, имитировали стрельбу, вводя в заблуждение противника. Румынские разведывательные части, прорвавшись сквозь огонь прикрытия и минные поля и всевозможные «мины-сюрпризы», к 15 часам вошли в предместья Одессы. В городе они были приостановлены несколькими диверсионными отрядами в пять – восемь человек с пулеметами.

Румынским командованием была разработана «Техническая инструкция» касательно организации действий по зачистке города. На базе этой инструкции армейские корпуса составили план действий, организуя колонны проникновения. Согласно инструкции первыми в город должны были войти штурмовые части и отдельные батальоны дивизии и армейских корпусов. Затем входили: «вторая волна» (один-два полка из каждого армейского корпуса) и «третья волна» (из оставшихся пехотных батальонов, задачей которых было занять город обеспечить порядок). 10-я румынская пехотная дивизия имела задачу с 16 октября начать сбор в качестве заложников мужского населения призывного возраста и бессарабских евреев.

Румынские войска появились в городе со стороны Шкодовой горы и спустились на улицу Балковскую, поднялись на Молдаванку. В 17.00 румынские войска уже маршировали по центральной улице Садовой в сторону Дерibasовской. В этой колонне были свежие румынские части, не участвовавшие в окопных боях. Подразделения передвигались в кузовах трофейных чешских трехосных «Шкод», в штабных немецких машинах, производя на население впечатление военной силы. У Соборной площади оккупантов встречало несколько десятков будущих коллаборационистов с иконами и «хлебом-солью».

До 10 апреля 1944 г. Одесса оказалась в оккупации, сначала под диктатом румынской власти, а в марте – апреле 44-го – военной немецкой администрации. По разным подсчетам, в оккупированной Одессе осталось 210–230 тыс. жителей. Уже в конце 1941 г. И. Антонеску устроил в Бухаресте парад победы. В нем приняли участие военные части, возвратившиеся с Одесского фронта. Королевским указом была внедрена особая медаль «Крестовый поход против коммунизма» (Cruciada împotriva comunismului), к которой прибавлялись специальные серебряные (для офицеров) и бронзовые (для унтер-офицеров и рядовых) планки с названиями областей, где они воевали. Всего было выпущено 13 видов планок, в том числе «Бессарабия» (Basarabia), «Днестр» (Nistru), «Одесса» (Odessa), «Буг» (Bug), «Причерноморье» (Marea Neagra).

Караван Одесса – Севастополь собрал около 120 судов различных размеров и назначений. Движение судов и транспортов конвоя Приморской армии прикрывали военные корабли Черноморского флота. Из Севастополя были дополнительно высланы в охранение транспортов 11 сторожевых катеров. Всего в обеспечении перехода Одесса – Севастополь участвовало: 2 крейсера, 4 эсминца, 4 тральщика, 13 торпедных катеров, 34 сторожевых катера, 2 канонерки. В противовоздушной обороне каравана приняло участие 56 истребителей с крымских аэродромов.

Впереди каравана шли крейсера «Червона Украина» и «Красный Кавказ», охранявшие теплоходы, на которых находились основные силы эвакуируемых войск. Эсминцы «Бодрый» и «Смышленный» охраняли крупные транспорты, шедшие в арьергарде каравана, который составляли: транспорты «Жан Жорес», «Украина», «Калинин»,

«Чапаев», «Абхазия», «Армения», «Грузия», «Котовский», «Курск», «Восток», «Большевик»; минные заградители «Сызрань», «Лукомский»; канонерские лодки «Днестр» и «Буг»; сторожевой корабль «Петраш»; тральщики «Доротея», «Егурча», «Сары-Камыши»; гидрологические суда «Черноморец» и «Зенит»; морские буксиры «Гарпун», «Симеиз», «Этор», СП-13, СП-15 и углеперегрузатель.

Вражеская авиация утром 16-го в районе Тендры обнаружила конвой. Группы самолетов пытаются атаковать одиночные суда, но истребители прикрытия Черноморского флота отогнали налеты. Во второй половине дня произошел массированный налет до 40 пикирующих бомбардировщиков и торпедоносцев. Во время налета был серьезно поврежден только один старый транспорт «Большевик» (затонул у Тендры). Неоднократно вступали в бой корабельная зенитная артиллерия и истребительная авиация. 16 октября 56 истребителей совершили 109 боевых вылетов для охраны морского конвоя из Одессы. В 23 вылетах пришлось вести бой. Потери советской стороны – 6 истребителей, немцы потеряли 8 машин. Но советские летчики заявили 17 побед, а еще три записали на свой счет зенитчики.

В 19.00 17 октября караван, вышедший из Одессы, прибыл в Севастополь и ошвартовался в Стрелецкой бухте. В состав войск, оборонявших Крым, вошла целая армия – 35 тыс. бойцов и командиров с вооружением и техникой. Всего с 1 по 16 октября из Одесского района было вывезено 86 тыс. солдат и офицеров, 15 тыс. человек гражданского населения. В Севастополь было доставлено около 30 танков и бронемашин, 462 различных орудия, 163 трактора, 1158 автомашин, 3625 лошадей, 25 тыс. т оборудования одесских заводов, 20 тыс. т боеприпасов. С помощью плавдока морем были вывезены 84 паровоза, 29 тендеров и 44 груженых вагона. Эвакуация была осуществлена 152 рейсами на боевых кораблях и 129 рейсами на транспортных судах.

Успешное осуществление эвакуации целой армии с вооружением и боеприпасами, Одесской военно-морской базы, большого количества гражданского населения и всевозможных грузов стало следствием смелого замысла и продуманного до мелочей плана эвакуации и строгого контроля за его выполнением, четкого взаимодействия флота, авиации и армии. Эвакуация Одессы была признана наиболее успешной из всех подобных операций за Вторую мировую войну.

Глава 15 **БИТВА ЗА ОДЕССУ. ИТОГИ**

Существуют различные оценки итогов битвы за Одессу. В последнее время в румынской историографии появился ряд исследований, посвященных этой тематике, в которых дается развернутый обзор боевых действий румынских частей и оценка (хотя и достаточно предвзятая) действий румынского командования. С советской стороны первая оценка обороны Одессы была сделана еще в ходе войны. В качестве примера можно привести брошюру А. Борисова «Оборона Одессы. Краткий оперативно-тактический очерк», увидевшую свет в 1943 г.^[309]

В последующих изданиях гораздо меньшее внимание уделялось анализу собственно действий румынского и советского командования в ходе боевых действий. Исключение составляют лишь работы, посвященные советскому военно-морскому искусству в годы

Великой Отечественной войны, где рассматривались лишь отдельные аспекты обороны города. никоим образом не ставя под сомнение решающую роль, которую сыграло мужество советских солдат, следует отметить, что не менее важное значение в румынских «конфузах» играли ошибки румынского командования, недостаточный уровень подготовки и вооружения румынских войск.

В период с 22 июня 1941 года по 1 января 1942 г., согласно статистике Генерального штаба, Румыния мобилизовала и использовала на Восточном фронте: 418 760 человек в Бессарабии и Северной Буковине, 426 440 в Транснистрии и в Одессе, 78 240 в Крыму, 75 040 у Азовского моря, 64 120 в Харькове^[310]. Для участия в битве за Одессу немцы направили 7 батарей тяжелой артиллерии (из которых четыре береговой артиллерии), 2 штурмовых батальона, 1 эскадрилью бомбардировщиков.

В боях за Одессу румынская армия потеряла убитыми 875 офицеров, 308 унтер-офицеров, 16 708 солдат, ранеными 2470 офицеров, 1035 унтер-офицеров, 59 775 солдат, без вести пропавшими 90 офицеров, 42 унтер-офицера, 8717 солдат (28,50 % всего офицерского состава, 14,6 % сержантов и прапорщиков, 26,76 % солдат); таким образом, под Одессой румынская армия потеряла 3435 офицеров, 1385 унтер-офицеров, 85 200 солдат (убитыми, ранеными, пропавшими без вести). Всего около 100 тыс. человек (без учета потерь вермахта под Одессой, которые составляют несколько тысяч человек)^[311].

Советские потери составили 41 268 человек (16 578 убитых и пропавших без вести и 24 690 раненых). Соотношение боевых потерь между оборонявшимися советскими и наступавшими румынскими силами составило 1:2,3. Кроме того, румынские источники говорят о том, что в период между 2 июля и 6 октября румыны захватили 60 тыс. пленных и еще 6 тыс. человек 15–16 октября. По румынским данным, под Одессой советскими войсками было уничтожено 58 самолетов, 19 боевых машин, 90 пушек, 115 минометов, 956 автоматов, 336 пулеметов, 10 250 винтовок^[312].

Советские источники называют более значительные цифры. Например, численность румынских потерь оценивается в 160 тыс. человек. Столь же большая разница и в оценках сбитых самолетов и подбитых танков. В очерке А. Борисова названа цифра в 99 самолетов, в книге «73 героических дня» их становится уже 167, в некоторых советских статьях уже фигурирует цифра более 200^[313].

Румынские источники приводят по потерям советских самолетов вообще фантастические цифры. В рапорте шефа секции авиационной обороны Главного штаба румынского королевского флота майора Пэунеску приводятся следующие данные: за период с 1 августа по 16 октября 1941 г. румынская авиация, которая принимала участие в битве за Одессу, насчитывала 650 самолетов, сгруппированных в эскадрильи в соответствии со специализацией: 17 истребительных эскадрилий (12–14 самолетов в каждой), 14 эскадрилий бомбардировщиков (по 8–10 самолетов), 13 эскадрилий наблюдателей и гидросамолетов (по 10 самолетов), 3 эскадрильи разведчиков (по 8 самолетов), 8 эскадрилий транспортной и санитарной авиации (по 10–15 самолетов).

Зенитная артиллерия насчитывала 52 батареи, из них 20 батарей 75-мм пушек, 22 батареи 37-мм пушек, 6 батарей пулеметов калибром 13,2-мм, 3 прожекторные батареи.

Количество советских самолетов, участвовавших в боях под Одессой, оценивается румынами в 1 тыс. единиц, а зенитная артиллерия насчитывала ни много ни мало 150 батарей, имевших на вооружении 900–1000 орудий. Воистину у страха глаза велики^[314].

Столь же удивительными выглядят и данные о румынских потерях. В цитируемом документе приводятся следующие данные: уничтожено 58 самолетов, из которых 20 истребителей, 12 бомбардировщиков, 5 разведчиков, 10 наблюдателей, 1 гидросамолет, 9 самолетов поддержки, 1 транспортный самолет. Советские потери румыны оценивали в 397 (!) самолетов, из которых 249 истребителей и 45 бомбардировщиков. Соответственно соотношение румынских и советских потерь оценивалось как 1:6,84.

Потери в персонале румынской авиации составили 59 человек убитыми (21 офицер, 15 унтер-офицеров, 23 рядовых), 81 ранеными (22 офицера, 30 унтер-офицеров, 29 рядовых), 32 пропавшими без вести (15 офицеров, 10 унтер-офицеров, 7 рядовых). Всего 172 человека. Советские потери личного состава, по оценкам майора Пэунеску, в семь раз (!) превышали румынские.

С 22 июня по 16 октября румынская авиация выполнила 30 тыс. часов полетов, 18 тыс. заданий, использовав 3 миллиона бомб и 630 тыс. артиллерийских снарядов, уничтожив 600 наземных целей и уже упоминавшиеся 397 воздушных целей. Немецкие бомбардировщики, действовавшие на участке 5-го армейского корпуса на протяжении сентября 1941-го, повредили 18 советских кораблей. Были также захвачены: 4 истребителя, 50 истребителей в разобранном состоянии, 70 авиационных двигателей, 1214 авиационных снарядов, 49 зенитных пушек калибра 76,5, 85 и 12,7 мм, 6 прожекторов диаметром 120 мм, 16 тыс. артиллерийских снарядов, 582 896 пулеметных патронов калибра 12,7 мм^[315].

Имеются подробные данные об участии авиации ЧФ (без 69-го ИАП). Летчики-черноморцы в ходе боев за Одессу совершили 4641 самолето-вылет (из них 624 ночных), рассеяли до 10 полков пехоты, уничтожили 168 танков, 135 автомашин, 14 бронемашин, 25 цистерн с горюче-смазочными материалами, 7 орудий и до 2000 солдат и офицеров. В воздушных боях и на аэродромах противника авиация ЧФ уничтожила 80 самолетов противника, в то время как сами черноморцы потеряли 47 машин^[316].

Судя по всему, как обычно, стороны довольно точно называют собственные потери, но существенно повышают потери противника. В данном случае советские данные о потерях противника более близки к истине, поскольку против советских войск воевала не только румынская (сюда вполне вписывается цифра в 58 потерянных румынских самолетов), но и немецкая авиация.

Столь же сильные сомнения вызывают и цифры об уничтоженных румынских танках – цифра в 168 танков, которые якобы были подбиты только летчиками авиации ЧФ! В очерке А. Борисова указывается, что артиллеристами и истребителями танков было подбито 55 танков. В совокупности получается, что совместно авиацией и наземными войсками были полностью уничтожены все бронетанковые силы румын, за исключением разве что взвода FT-17, находившегося в тылу. Но подбитый и уничтоженный танк – это не одно и то же. Уничтоженный – это танк, не подлежащий восстановлению, в то время как подбитый после боя вполне может быть восстановлен. Весьма вероятно, что

румынская сторона, называя цифру в 19 боевых машин, имела в виду безвозвратные потери в танках. Но и эти цифры кажутся заниженными^[317].

О потерях советских танков под Одессой в советских источниках практически ничего не говорится. Тем не менее в мемуарах Г. Пенезко упоминается как минимум о безвозвратной потере 6 танков БТ-7: 3 танка утонуло в озере при операции в районе села Яски, еще три были потеряны в районе действий 25-й стрелковой дивизии под Кагарлыком в 20-х числах августа, 1 – в ходе освобождения батальона Ламзина, находившегося в окружении, и 2 – в ходе наступления 2 октября. Румынские источники указывают на то, что в период генерального румынского наступления было подбито 5 советских танков, а в период советского наступления 2 октября еще 12 танков. В целом советские потери боевых машин за весь период боев можно оценить в 10–15 единиц.

Кроме того, при эвакуации в Одессе были оставлены все бронетрактора «Январец»-«НИ», которые впоследствии были использованы румынами как учебные машины, а также приведены в негодность три действующих бронепоезда и два недействующих.

С окончанием битвы за Одессу командование румынской армией было расформировано: 1 ноября 1941 г. 4-я армия была возвращена в Румынию (Яссы) и реорганизована.

4 ноября 1941 г. 3-я армия получила приказ обеспечить безопасность территории между Днестром и Днепром. Для этого на территории между Днестром и Бугом из состава 3-й армии были выделены 2-й и 6-й армейские корпуса, состоявшие из шести пехотных дивизий, одна инженерная бригада и две кавалерийские дивизии^[318].

Успешность обороны Одессы во многом была обеспечена тем, что противнику не удалось добиться превосходства в воздухе. Изначально, в первые дни войны, советская авиация, базировавшаяся в Одесском военном округе, понесла гораздо меньшие потери, чем на других участках. Более широкие возможности использования советской авиации при обороне Одессы, особенно до оставления советскими войсками Очакова и Николаева, объяснялись тем, что под Одессой и в Таврии имелось 11 сухопутных и 4 морских аэродрома.

Относительная близость аэродромов, на которые могли базироваться советские бомбардировщики и штурмовая авиация, в начальный период обороны Одессы благоприятствовала использованию их в интересах оборонявшихся войск. После оставления Николаева и Очакова трудности в использовании ударной авиации возросли. Раздельное базирование бомбардировочной авиации (на аэродромы Крымского узла) и прикрывавших ее истребителей затрудняло организацию тактического взаимодействия, вызывало напряжение незначительного количества истребителей, находившихся в Одессе.

В боях под Одессой советским истребителям И-16, составлявшим основной парк авиации Приморской армии, пришлось столкнуться не только с близкими им по боевым качествам румынскими самолетами PZL P-24E, но и с превосходящими их Me-109. Успехам советской истребительной авиации в боях с истребителями противника способствовала выработка новой тактики командиром 69-го истребительного авиаполка Л. Шестаковым. В боях с Me-109 боевой порядок группы располагался несколькими ярусами по высоте. Верхний ярус находился там, где обычно Me-109 заканчивали набор высоты после атаки и из боевого разворота вновь пикировали на И-16. Самолеты верхнего яруса, пользуясь превосходством в скорости на снижении, могли преследовать вражеские истребители, так

же как и машины среднего яруса. Нижние И-16 на малой высоте вынуждены были рассчитывать только на свою лучшую по отношению к врагу маневренность на горизонтали. В поединках с более маневренными румынскими истребителями PZL P-24 применялась немецкая манера боя – более скоростные И-16 атаковали их сверху и тут же уходили обратно вверх.

Учитывая нехватку штурмовиков, ряд И-16 был переоборудован для несения легких авиабомб и реактивных снарядов, что позволяло использовать их для ударов по наземным войскам.

Помимо поддержки наземных подразделений, на румынскую и немецкую авиацию в условиях слабости румынского флота возлагалась гораздо более важная задача – препятствовать военным и грузовым перевозкам в Одессу. Однако с этой задачей ни румынская, ни немецкая авиация не справились, несмотря на то что для ее выполнения были исключительно благоприятные условия: недостаточное количество советских истребителей, отсутствие, на первых порах, надежного прикрытия у транспортов, идущих из Севастополя в Одессу.

Как отмечают авторы книги «Советское военно-морское искусство в годы Великой Отечественной войны», причины этого «кроются и в привычной для командования немецкой авиации попытке одновременно решать несколько задач силами, которых, казалось, было достаточно для выполнения только одной из них. Немецкая авиация почти все время действовала против конвоев небольшими, последовательно атаковавшими группами самолетов. В ряде случаев эти группы наносили удары повторно, после перезарядки. Лишь иногда удары осуществлялись более крупными группами»^[319].

Со второй половины августа 1941-го на коммуникациях, связывающих Одессу с другими советскими военно-морскими базами, начали действовать немецкие бомбардировщики и торпедоносцы, переведенные со Средиземноморского морского театра. Активизация немецкой авиации заставила ЧФ усилить походное охранение, которое играло в основном роль противовоздушного прикрытия.

Всего за весь период обороны Одессы на трассе Севастополь – Одесса – Севастополь от действий авиации погибло 12 судов, в том числе на минах, поставленных ею, 2 судна (17 %), от авиабомб – 7 судов (38 %), от торпед – 3 судна (25 %). Из этих судов лишь три шли с охранением, причем два из них охранялись одним сторожевым катером каждый. Прикрытия с воздуха эти суда не имели^[320].

Немецкая и румынская авиационные силы действовали не только против конвоев в море, но и против Одесского порта, пытаясь сорвать погрузочно-разгрузочные работы. При налетах на порт ударные группы обычно состояли из 5–12 бомбардировщиков под прикрытием истребителей. Однако усиление системы советских ПВО как на переходах, так и в порту требовало от румынской и немецкой авиации как массированного использования ударной авиации, так и более определенного выбора объекта: или конвоев в море, или порта.

Налеты румынской авиации на одесский порт создавали дополнительное напряжение для советской истребительной авиации, которая обеспечивала также вход и выход конвоев и одиночных транспортов, прикрывала их при движении в светлое время суток. Задача эта решалась патрулированием в воздухе одной или двумя парами истребителей. В последнем

случае первая пара патрулировала на высоте 500–600 м, вторая – на высоте 1000–1500 м. Такого количества истребителей было явно недостаточно даже для обеспечения средних по величине конвоев. В данной ситуации летчикам – истребителям было приказано не увлекаться погоней за уходящими самолетами противника, которые могли специально отвлекать советские истребители. Напряжение на советские истребители особенно возросло, после того как в сентябре 1941-го противник начал использовать истребители Me-109 в варианте бомбардировщиков.

Наряду с авиацией против Одесского порта была использована и румынская дальнебойная артиллерия. Для уменьшения ущерба от артиллерийского огня и бомбардировок защитниками Одессы были предприняты ответные меры: перестроена организация стоянок и подхода кораблей и судов к Одессе, задымление порта. Действия румынской и немецкой бомбардировочной авиации было сковано действиями советских сил противовоздушной обороны (73-й зенитный артиллерийский полк, 16-й и 53-й зенитные дивизионы, пулеметный и прожекторный батальоны).

Румынские военные оценивали действие советской системы ПВО следующим образом: «Противовоздушная оборона Одессы была хорошо организована и оснащена большим количеством зенитной артиллерии, вследствие чего небо Одессы не было доступно ни нашей, ни немецкой авиации, разве что на большой высоте»^[321].

Столь же безуспешными оказались и попытки заблокировать одесскую гавань с помощью немецкой авиации. Сказалось и запаздывание люфтваффе с накоплением достаточного запаса неконтактных мин. В итоге попытка немецкой авиации заминировать Одесский порт оказалась неудачной. В целом неудачные действия румынской и немецкой авиации способствовали успешной обороне Одессы.

На основании архивных документов румынские историки выявили основные причины, которые привели к «неполной» военной удаче под Одессой. Прежде всего, сыграл свою роль тот фактор, что румынский Генеральный штаб в своих анализах недооценил Красную армию как достойного противника, хорошо вооруженного и обученного, с профессиональными командирами и с исключительным желанием воевать.

4 ноября 1941 г., вскоре после взятия Одессы, 2-м (разведывательным) отделом 4-й румынской армии была подготовлена справка под названием «Данные о действиях советских войск, противостоящих 4-й армии в Бессарабии и Транснистрии за время ведения боевых действий 22 июня – 16 октября 1941 года», предназначенная для изучения и учета в дальнейшем опыта ведения боевых действий с советской армией. В разделе «Работа командиров и штабов частей и соединений советских войск» отмечается:

«1. Командиры советских войск всех уровней проявляли непреклонную решимость, энергию и настойчивость для выполнения поставленных задач.

Высшее командование советских войск было хорошо осведомлено о составе группировки наших войск и поставленных нашим войскам задачах (что подтверждается операциями на р. Прут в секторе н. п. Епурень – н. п. Цыганка и во время операций в районе г. Одесса).

Следует также указать на хорошую подготовку командиров и штабов более мелких подразделений до батальонного звена включительно. В этом случае показателен бой 2-го батальона 161-го стрелкового полка на участке Большая Дальницкая – Новый Дальник в

сентябре 1941 г., когда советские войска показали исключительное умение в обороне и контратаках.

2. Боевые приказы командиров были кратки и включали такие основные пункты:

- сведения о противнике;
- задачи частей и подразделений;
- пути выполнения поставленных задач.

Все приказы утверждались командиром соответственного уровня, а также подписывались начальником штаба и политическим комиссаром, который ознакомливался со всеми штабными документами. Вместе с тем, несмотря на перлюстрацию документов штабов, политические комиссары и политруки отменяли только небольшую часть документов, и в еще меньшей степени это касалось боевых приказов.

3. Организация передачи приказов нижестоящим частям и подразделениям, во время которой использовались дублирующие друг друга средства проводной связи, радиопередачи, делегаты связи, осуществлялась быстро и эффективно.

4. Советское командование во время ведения боевых действий показало умение действовать даже в ситуациях явного преимущества в живой силе и технике румынских войск»^[322].

В организации обороны советских войск под Одессой были и определенные недостатки. Так, не всегда были обеспечены стыки частей, чем неоднократно пользовались наступавшие румынские части, которые, нащупав их, вклинивались между подразделениями.

Советская пехота получила и умело использовала широкий спектр вооружения: полуавтоматические винтовки, пистолеты-пулеметы, минометы. Правда, на начальном этапе обороны Одессы оружия катастрофически не хватало, в результате чего отдельные подразделения шли в бой, вооруженные одними гранатами. Батальоны поддерживались минометными подразделениями калибра от 50 и до 80 мм, а полки – одной или двумя артиллерийскими батареями 76,2 мм.

Минометы выдвигались на первую линию и в результате обстрела приводили к тяжелым потерям и деморализации румынских войск. Тактическая авиация, тяжелая артиллерия и бронетехника активно поддерживали пехоту. Войска постоянно наносили контрудары, использовали военную хитрость и воевали так же хорошо как днем, так и ночью.

Советские стрелковые подразделения умело использовали местность для размещения огневых средств и организации системы огня, что способствует открытию неожиданного кинжального огня с коротких дистанций, когда наша пехота подпускалась на дистанцию 200–300 м, а иногда и меньше. Так же широко использовалось ведение флангового огня.

Во время ведения боевых действий для маскировки вооружения широко использовались как штатные, так и импровизированные средства маскировки. Одним из важных факторов, способствовавших успеху советской обороны, была хорошо организованная работа разведслужбы, что было отмечено румынскими штабистами.

Как указывается в уже процитированной записке 2-го отдела:

«Советские стрелковые подразделения, часто действуя в составе военнослужащих из разных частей в условиях окружения, оказывают упорное сопротивление, доходящее до рукопашных схваток, что объясняется преданностью политическому руководству и молодостью рядовых солдат.

Вражеская пехота показала умение действовать в ночных условиях, просачиваться через передний край наших войск, а также использовать разрывы в стыках наших частей и подразделений. Следует отметить хорошую подготовку снайперов противника, которые, используя вооружение с оптическими прицелами, стремятся поразить прежде всего командный состав наших войск.

Вместе с тем во время ведения наступательных боевых действий советская пехота действует без особой инициативы и изобретательности.

Лобовые контратаки советских стрелковых частей и подразделений, даже поддержанные большим количеством артиллерии и штурмовой авиации, минометами и пулеметным огнем, не имели успеха и всегда отбивались при помощи нашей артиллерии»^[323].

Румынская пехота не до конца освоила минометы калибра 60 и 80 мм, не всегда получала поддержку авиации и не раз в полной мере не поддерживалась своей артиллерией.

В румынской армии сказались отсутствие опыта использования танковых подразделений. Имея на Одесском направлении более 100 танков, румынские войска использовали их преимущественно небольшими группами, хотя имелись и случаи использования одновременно до 70 танков на узком участке фронта, как это было в бою при Карпове. Не было должным образом отлажено взаимодействие между танками и пехотой, что вело к тому, что танки часто оставались без прикрытия пехоты. С другой стороны, нехватка противотанковой артиллерии стала одной из причин успешных действий незначительных советских бронетанковых сил, в том числе бронетракторов «Январец»-«НИ».

Советская армия на начальном этапе использовала немногочисленные отремонтированные танки (в количестве от 3 до 10 единиц) на наиболее опасных участках фронта, перебрасывая их с места на место. На начальном этапе битвы за Одессу советские танки скорее играли роль подвижного резерва. В ряде случаев, как в боях под Кагарлыком в 20-х числах августа, это вело к потерям. В этом бою командир танкового взвода не руководил своим подразделением, в результате танки, действовавшие каждый в одиночку, были подбиты. В последующем с увеличением количества отремонтированных танков и прибытием 157-й стрелковой дивизии танки стали использоваться массово в качестве ударной силы прорыва^[324].

Нехватка танков у советской стороны была частично компенсирована применением бронепоездов. Три действующих бронепоезда использовались преимущественно в качестве подвижного резерва, оказывающего артиллерийскую поддержку. Однако малый калибр их орудий (76 и 45 мм) не позволяют говорить о них как о значительной огневой силе. К тому же привязанность к железной дороге ограничивала возможность их применения и делала уязвимыми для неприятельской авиации. На начальном этапе дважды были осуществлены успешные рейды бронепоездов через линию фронта. Следует отметить, что румынская армия бронепоездов не имела.

Говоря о других мобильных подразделениях, стоит упомянуть о кавалерии, которая к тому времени уже представляла собой архаический род войск. Тем не менее и с советской и с румынской стороны использовались кавалерийские подразделения. В начале боев под Одессой советским командованием кавалерийские подразделения сохранялись в качестве подвижного резерва. Затем конница была спешена и сражалась вместе с пехотой.

Румынское командование пыталось вводить в бой, на отдельных участках фронта, свою кавалерию, используя стыки советских подразделений, как, например, в Шицли. Но все попытки конных румынских прорывов оканчивались неудачей. Румынская конница несла огромные потери.

Серьезные нарекания вызывал командный состав румынских войск. Количество кадровых офицеров в румынской армии было недостаточным (50 % офицеров были призваны из резерва). В конце битвы за Одессу в некоторых полках оставалось только 20 кадровых офицеров из 43, из которых только пять участвовали в боях с начала войны. Количество кадровых унтер-офицеров было также недостаточным, многие из них были заменены сержантами-контрактниками, не имевшими опыта командования подразделениями.

Как пишут авторы книги «Румыния во Второй мировой войне 1941–1945 гг.», негативное влияние имело большое количество изменений в структуре подразделений и неудовлетворительная организация и обеспечение частей: в частности, отсутствие общего командования артиллерийскими бригадами, призванного координировать и направлять огонь артиллерийских подразделений, отсутствие собственных транспортных средств, что создавало препятствие для быстрого передвижения войск, в соответствии с требованиями развития боя, недостаточное обеспечение коммуникаций и подготовленного персонала для снабжения, нехватка зенитных средств, а также пулеметных рот и рот тяжелых минометов в пехотных полках^[325].

Другим фактором, препятствовавшим развитию военных действий, была слабая подготовка румынских войск, по причине сокращения периода обучения, времени, необходимого для овладения современными видами вооружения, которые появились незадолго до вступления Румынии в войну. Во многих случаях навыки обретались уже в бою. Поэтому неудивительно, что проявлялась «боязнь боевых машин», «неумение в пользовании минометами», «ограниченность применения ручных гранат», «неудовлетворительное использование местности».

Эрих фон Манштейн дал следующую характеристику румынской армии и румынского солдата: «Румынский солдат, в большинстве происходящий из крестьян, сам по себе неприязнителен, вынослив и смел (к слову сказать, эти же качества румынского солдата отмечали и русские генералы в Первую мировую войну, они же давали и негативную характеристику офицерскому корпусу румынской армии того времени. – *Авт.*). Однако низкий уровень общего образования, и только в очень ограниченном объеме, не позволяя подготовить из него инициативного одиночного бойца, не говоря уже о младшем командире... Устарелые порядки, как, например, наличие телесных наказаний, тоже не могли способствовать повышению боеспособности войск...

Решающим недостатком, определявшим непрочность внутреннего строения румынских войск, было отсутствие унтер-офицерского корпуса в нашем понимании этого слова... Немаловажное значение имело, далее, то, что значительная часть офицеров, в особенности

высшего и среднего звена, не соответствовала требованиям. Прежде всего не было тесной связи между офицером и солдатом, которая у нас была само собой разумеющимся делом. Что касается заботы офицеров о солдатах, то здесь явно недоставало «прусской школы». Боевая подготовка из-за отсутствия опыта ведения войн не соответствовала требованиям современной войны. Это вело к неоправданно высоким потерям, которые, в свою очередь, отрицательно сказывались на моральном состоянии войск. Управление войсками, находившееся с 1918 г. под французским влиянием, оставалось на уровне идей Первой мировой войны»^[326].

Социальное расслоение между румынскими офицерами и солдатами сказывалось и на качестве снабжения войск. Как пишет Манштейн, «хотя снабжение румынских войск и обеспечивалось нами (то есть немцами, речь идет о боях в Крыму. – *Авт.*), все же трудно было оказывать постоянное влияние на распределение продовольствия. Румынский офицер стоял на той точке зрения, что румынский солдат – по своему происхождению крестьянин – привык к самой грубой пище, так что офицер спокойно мог за его счет увеличить свой паек. Прежде всего это относилось к товарам, продаваемым за наличный расчет, в первую очередь к табачным изделиям и шоколаду, снабжение которыми производилось в соответствии с числом состоящих на довольствии. Офицеры утверждали, что солдаты все равно не в состоянии приобрести эти товары, так что все они застревали в офицерских столовых. Даже мой протест, заявленный маршалу Антонеску, ни к чему не привел». Манштейн отмечает еще один момент, ограничивавший возможность использования румынских войск в войне на Востоке, – «большое уважение, которое питали румыны к русским. В сложной обстановке это таило опасность паники»^[327].

По оценкам современных румынских историков, военно-политическое руководство Румынии поверхностно отнеслось к реальному положению дел на фронте под Одессой, соотношению сил между 4-й армией и советской группировкой и пренебрегло получением военной помощи от союзников. И. Антонеску признавал: «Мы были недостаточно предусмотрительны. Это правда, что относительно слабое сопротивление, которое мы встретили между Прутом и Днестром, ввело нас в заблуждение».

По указанию маршала, который получил от Гитлера право принимать самостоятельно решения на Черноморском побережье между Днестром и Днепром, 4-я армия получила приказ «взять с ходу Одессу». Позднее, несмотря на то что город был взят в кольцо с суши, все же не было предпринято классической осады или «сухопутной блокады», по причине того, что советские войска имели преимущество на море. Версию румынских историков о превосходстве советских войск в воздухе приходится отставить, поскольку в самом начале битвы прикрытие осуществлял только 69-й истребительный авиаполк и лишь позже одесситы получили активную поддержку части морской авиации, базировавшейся в Крыму. Очевидно, следует признать, что речь должна идти не о превосходстве советской авиации, а о том, что румынской авиации не удалось добиться господства в небе, что существенно осложнило выполнение поставленной ей задачи.

Сказывалось и проведение наступления румынских войск по определенному шаблону. Вначале перед артподготовкой румынская артиллерия делала несколько пристрелочных выстрелов. Подобная тактика была разгадана советским командованием. После начала пристрелки командиры отводили солдат во вторую траншею, оставляя наблюдателей.

После окончания артподготовки советские подразделения возвращались в первую траншею и были готовы отражать атаку. Советские командиры отмечали неспособность румынских солдат адекватно реагировать на фланговые удары.

Свою позитивную роль в обороне Одессы сыграла централизация командования артиллерией, которая до этого частично подчинялась ЧФ, а частично сухопутному командованию. Как отмечает в своих мемуарах начальник артиллерии Приморской армии Н. Рыжи, «к нашему сожалению, в мирное время этим вопросом (то есть координацией действий артиллерии. – *Авт.*) не занимались, так как по ошибочным взглядам нашей военной стратегии сама возможность нападения противника на Одессу с суши полностью исключалась. В связи с этим и артиллерия береговой обороны предназначалась исключительно для борьбы с морским противником»^[328].

Например, в «Наставлении для боя на минно-артиллерийской позиции» Одесской военно-морской базы указывалось, что «задачей сил и средств базы является сосредоточенной атакой и самостоятельными ударами торпедных катеров, военно-воздушных сил и береговых батарей не допустить обстрела побережья Одесской военно-морской базы кораблями противника, постановки активных минных заграждений у побережья базы, прорыва в базу легких сил противника и атаки кораблей, стоящих на внутреннем рейде. Все береговые батареи подчинялись исключительно командиру Одесской военно-морской базы. На него возлагалось управление артиллерией во время боя, в том числе распределение целей между артиллерийскими дивизионами и отдельными батареями»^[329].

Централизация управления огнем в руках командующего артиллерией ООР позволила повысить эффективность использования имеющихся средств. Командующий руководил корабельной артиллерией через флагманского артиллериста базы, береговой – через командиров артиллерийских дивизионов береговой обороны, а сухопутной – через начальников артиллерии секторов обороны. Корабельная и в особенности береговая артиллерия использовалась при обороне Одессы как артиллерия дальнего действия.

Успешности стрельбы береговой артиллерии ООР способствовали хорошо организованное наблюдение и корректировка. Кроме постоянных корректировочных постов, каждая батарея имела подвижной корректировочный пост, выдвигавшийся при необходимости на том или ином направлении. Подавляющее большинство стрельб велось с корректировкой, по наблюдению знаков разрывов.

В дальнейшем дугообразный фронт и сгущение боевых порядков ближе к центру, в особенности в последние дни обороны города, создание групп поддержки пехоты и групп дальнего действия давали возможность маневрировать огнем и создавать на угрожающих участках большую плотность огня. Большая дальность и точность стрельбы позволяла широко использовать морскую артиллерию для контрбатарейной борьбы. Так, береговая артиллерия около 35 % своих стрельб провела по артиллерийским батареям противника, а из общего числа стрельб корабельной артиллерии 15 % пришлось на контрбатарейную борьбу. Артиллерийская поддержка кораблей и батарей ЧФ вынудили противника увеличить количество дальнобойных орудий на фронте под Одессой до тридцати восьми.

Действия по внутренним операционным линиям Одесского оборонительного района давали возможность советскому командованию, в случае необходимости, в течение одной

ночи перебрасывать артиллерийские резервы в любую точку фронта, в то время как румынскому командованию для этой цели требовалось трое-четверо суток.

«Советская артиллерия в основном не использовала ведение огня с долговременных позиций, предпочитая частые перемещения на новые огневые позиции, чему способствовало ее хорошее оснащение автомобильным и гусеничным транспортом.

Техническое состояние артиллерии и подготовка личного состава хорошая, в связи с чем практически все артиллерийские налеты проводились своевременно и по целям.

Взаимодействие артиллерии, пехоты и авиации организовано эффективно.

Вместе с тем советская артиллерия часто используется не собранная вместе, а растянутая по фронту. Батареи, а иногда и отдельные орудия находятся на большом удалении друг от друга, что значительно снижает эффективность ведения огня.

Огневые позиции как легкой, так и тяжелой артиллерии располагаются на большом удалении от позиций стрелковых частей, иногда достаточно большем, чем это необходимо в обороне. Артиллерийские боеприпасы советского производства действуют нормально, без большого количества отказов. В некоторых случаях отмечалось использование советскими войсками шрапнельных снарядов»^[330].

Румынское командование явно переоценило собственные силы и недооценило или даже не знало силу советских войск. Генштаб, даже к началу сентября 1941-го, не знал количество рубежей обороны и путал переднюю линию обороны «советов» с основной линией обороны. Отстранение от должности командующего 4-й армией генерала Н. Чуперкэ не привело к изменению ситуации, а его преемник был вынужден продолжать работать по стратегическим планам, который предлагал Н. Чуперкэ.

В начале августа 1941 г. немецкие союзники отмечали, что единственно правильным решением операции было занятие позиций северо-восточнее Одессы, откуда можно наносить удары по аэродромам и по порту города. Генштаб, напротив, сконцентрировал главные силы западнее города на открытой местности и, изматывая войска в изнурительных генеральных наступлениях, не получал при этом решающих результатов.

В своем ответе от 11 октября 1941 г. на письмо Гитлера (от 5 октября) И. Антонеску защищает позицию, почему войска не наступали с северной стороны Одессы: «Необходимость того, что наступление нужно развивать с северо-восточной стороны Одессы, была очевидна для нас с самого начала боевых действий... Но воплотить в жизнь этот план мы не смогли по причине того, что у противника было превосходство на море... Наши наступления с запада на восток имели цель получить возможность наносить удары по южному побережью города и представляли нам оперативную инициативу»^[331]. 4-я армия была вынуждена наступать на двух главных направлениях, севернее и западнее поставленной цели, против хорошо укрепленного противника, имеющего превосходство в воздухе и на море.

Говоря в целом о стратегии румынского командования, необходимо отметить, что именно желание «взять с ходу» Одессу обусловило тот факт, что на начальном этапе предпочтение отдавалось лобовому удару по железнодорожной линии Раздельная – Одесса, что привело к неоправданным потерям и изматыванию наступающих войск. Как отмечал в своем очерке А. Борисов, направление вдоль железнодорожной линии

Раздельная – Одесса «являлось кратчайшим и выводило войска, наступающие непосредственно к городу. Местность на этом направлении способствовала широкому использованию танков. Однако оно все же было лобовым и потому противником использовалось лишь как направление вспомогательного удара»^[332].

Некоторый успех стал сопутствовать румынской армии только после того, как она перешла к фланговым ударам в Юго-Западном направлении (в секторе между Куяльницким и Большим Аджалыцким лиманами) и в Юго-Восточном (вдоль Днестровского лимана). Несмотря на то что оба генеральных наступления, 28 августа и 12 сентября, не привели к захвату города, румынским частям удалось создать критическую для защитников города обстановку, организовать обстрел порта дальноточной артиллерией с двух направлений, что могло существенно повлиять на доставку в Одессу пополнений и боеприпасов.

Что касается спора между румынскими генералами Чуперкэ и Ионицу относительно того, стоит ли осуществлять концентрированный удар на одном участке или наносить рассредоточенные удары на различных участках фронта, то успех советских наступлений 22 сентября и 2 октября скорее доказывает правоту И. Антонеску и Генштаба.

На позицию командования 4-й румынской армией повлияло несколько факторов: концепция Генштаба и Верховного главнокомандования («взятие Одессы с ходу», «генеральные наступления»); стратегическое положение на фронте (открытая местность, без каких-либо укрытий, фрагментарность театра боевых действий из-за лиманов и замыкание «рокировочных линий»); мощные оборонительные укрепления и боеспособность советских войск (три линии обороны, превосходство на море). Румынские источники отмечают, что свобода действий в принятии решений командованием 4-й румынской армии была сильно ограничена Генштабом и Верховным командованием.

После поражения 5-го армейского корпуса в результате Григорьевского десанта 4-я армия перешла к обороне. И. Антонеску обличал: «Один армейский корпус был поставлен в позорное положение, был отброшен назад на 10 км, потому что один полк вышел из строя... Один вражеский полк сделал возможной эту позорную катастрофу»^[333].

Одесская операция стала первой масштабной операцией, которую проводила румынская армия против столь серьезного противника, как РККА. Румынские войска только учились наступать с применением современных методов и современного вооружения.

Командование Одесского оборонительного района сумело правильно использовать преимущества местности и организовать оборону. Хотя первоначально сказывалось непонимание и отсутствие взаимодействия между флотским и армейским командованием. Отсутствовал и опыт обороны военно-морских баз с суши.

Наличие в составе Приморской армии подвижных резервов, сначала в лице кавалерийской дивизии, а затем мотопехоты, танков и бронепоездов, обеспечивало быстроту маневра. Командование армии заботилось о резервах, и в случае введения резерва в бой всегда создавался новый, хотя бы небольшой резерв путем выделения части сил с атакуемых участков фронта.

Ю. Перечнев отмечал: «Перед Великой Отечественной войны наши оперативные документы недооценивали значение оборонительных действий на Приморском

направлении. В Полевом уставе Красной армии (проекты 1939–1940 гг.) говорилось только об обороне приморских флангов сухопутных войск и намечались основные проблемы совместных действий армии и флота при отражении высадки морского десанта противника. Вопросы организации и ведения обороны морского побережья, военно-морских баз и крупных приморских городов с суши не рассматривались^[334].

В «Боевом уставе морских сил РККА – 1937» в специальном разделе подчеркивалась особая опасность захвата военно-морских баз с суши. Поэтому рекомендовалось иметь сухопутный фронт, способный и отразить внезапное нападение, и выдержать длительную осаду. Он должен был состоять из оборудованной по всему сухопутному фронту долговременными укреплениями оборонительной полосы с подготовленной впереди нее в соответствии с требованиями уставов РККА полосой охранения, специальных маневренных групп сухопутных частей, предназначенных для боя в данном укрепленном районе, самообороны береговых батарей от воздушных и морских десантов и оборудования угрожаемых участков берега средствами противодесантной обороны, самообороны кораблей в ледовых условиях, командных пунктов сухопутного фронта со всеми средствами боевого управления. В БУМС-37 подчеркивалось, что план обороны сухопутного фронта базы должен предусматривать использование артиллерийского огня береговых батарей и кораблей для действий по суше. Для этой цели береговые батареи следовало обеспечить средствами связи и сетью выносных постов для корректировки огня по заранее пристрелянным важнейшим рубежам и участкам сухопутного фронта.

В этих в целом правильных рекомендациях отсутствовали важнейшие положения: организация командования силами базы при обороне ее с суши, удаленность рубежей обороны и характер их инженерного оборудования, вопросы взаимодействия армии и флота и т. д. Ответственность за оборону военно-морских баз с суши лежала на военных округах, однако документов, регламентирующих совместные действия армии и флота, не было»^[335].

Проведенные в предвоенные годы совместные учения приморских округов и ЧФ, а также специальные учения по противовоздушной и противодесантной обороне баз показали недостаточную подготовленность их обороны с воздуха и суши. Но результаты этих учений почему-то не стимулировали разработку конкретных мероприятий, обеспечивавших организацию взаимодействия сухопутных войск и флота при обороне баз.

Военно-политическое руководство Румынии, после оставления советскими частями Одессы, испытывало противоречивые чувства: с одной стороны, «победа» под Одессой, пусть даже неполная, доказала, что румынская армия представляет собой серьезного соперника на Восточном фронте; но, с другой стороны, маршал И. Антонеску не упускал возможности открыто выразить свое недовольство по поводу того, как ведутся боевые действия, главным образом из-за больших потерь.

В приказе от 14 декабря под заголовком «Результаты ошибок мирного времени» Антонеску писал:

«Результаты ошибок, сделанных на протяжении двух десятилетий, не могут быть признаны иначе как катастрофические. Неподготовленные офицеры стали причиной неподготовленных солдат и унтер-офицеров. Все начинается с руководства.

Государственное и, как следствие, политическое руководство не могло не стать причиной того, что есть: бедствия. Но сейчас встает вопрос: что нам следует сделать? Взять это на заметку и стиснуть зубы? Мы должны начать сначала и работать напряженно.

1. Новая атмосфера энергичной, сознательной, напряженной, координирующей, профессиональной, хорошо руководимой деятельности должна воцариться в Генеральном штабе.
2. Командование крупными подразделениями, армейскими корпусами и дивизиями должно быть доверено только командирам, у которых не только есть мозги, но и энтузиазм и жизненные силы, старательным и справедливым, которые могут не только служить примером, но и вдохновлять и стимулировать других к выполнению разумной, хорошо организованной, хорошо подготовленной и воодушевленной работы.
3. Подготовка унтер-офицеров и офицеров должна осуществляться таким образом, чтобы развить их стремительность, усилить их навыки, так же как и сознательность, которую они имели в начале своей карьеры и которую они утратили из-за нехватки системы, плохих примеров, несправедливости, потому что худшие не были наказаны, проблем, которые обнаружились в подразделениях в самом начале их карьеры.
4. Наконец, нам необходимо усовершенствовать подготовку солдат и обеспечить полную комплектацию подразделений. Без этого вооружение не может быть использовано, не важно, сколь серьезные усилия они для этого прилагали – а это было сделано – на поле боя, чтобы избежать бедствий, которые влекут за собой ошибки мирного времени.
5. И прежде всего, нам необходима непрерывность в нашей организации, руководстве, подготовке, мерах, действиях и т. д...»

Штаб и разведотдел 4-й румынской армии извлекли из битвы за Одессу следующие уроки, что нашло отражение в соответствующей записке:

«– массированный огонь артиллерии, направленный против пехоты противника, является наиболее эффективным методом ее уничтожения;

– использование свойств местности в сочетании с умелым использованием вооружения и техники является основным залогом успеха;

– обучение огневой подготовке, маскировке на местности, снабжение войск средствами связи необходимо осуществлять без всяких соображений экономии;

– работы по инженерному оборудованию местности являются одним из основных средств сохранения живой силы и техники;

Необходимо запомнить, что в бою основную силу румынской армии является только человек.

– в современной войне атакующая пехота, без которой даже тяжелая артиллерия не будет иметь успеха, решает исход боя;

– минометы являются эффективным средством поражения противника благодаря возможности поражать противника на небольших дистанциях и за укрытиями, что невозможно при применении обычной артиллерии, к тому же они имеют небольшой вес и могут быть использованы пехотой в любых условиях местности;

- артиллерия калибра 75 мм и 76,2 мм не отвечает требованиям современного боя как штурмовые орудия, для ведения штурмовых действий необходимы орудия калибра 100 мм или 105 мм;
- тяжелая артиллерия армейских корпусов должна иметь дальность стрельбы 20–25 км и быть полностью на механической тяге (быть механизирована);
- маршевые колонны должны быть механизированы по максимуму, также в составе частей и соединений необходимо иметь специальные транспортные подразделения для быстрой переброски войск, резервов и маневра подразделений на поле боя;
- управление войсками является основной функцией командира, поэтому важное значение имеет своевременная передача его приказов подчиненным войскам, исходя из этого штабы и подразделения должны быть оснащены разнообразными по способу передачи и многочисленными по количеству средствами связи;
- необходимо организовать надежную службу информирования о реальном положении дел и обмена опытом. Служба информации должна быть хорошо оснащена средствами связи;
- необходимо упростить подготовку офицерского состава, эта подготовка должна носить только практический характер, без составления большого количества ненужных бумаг, офицеры должны видеть и понимать противника не только посредством карт и карандаша;
- необходимо уделять большое внимание морально-психологической подготовке и воспитанию войск в духе преданности государству и самопожертвования»^[336].

Для Красной армии оборона Одессы дала огромный опыт, который впоследствии был использован при обороне Севастополя. Можно смело утверждать, что без опыта, как позитивного, так и негативного, добытого РККА и флотом в ходе боев под Одессой, длительная оборона Севастополя вряд ли была бы возможной. В ходе обороны Одессы была создана новая форма организации сил, обеспечивавшая централизованное управление, – оборонительные районы, представлявшие собой временные оперативные объединения, руководство которыми, как правило, возлагалось на флотское командование.

Опыт обороны Одесской военно-морской базы показал большую зависимость устойчивости сухопутного фронта от наличия мощной артиллерийской группировки. Особую роль в этом сыграла береговая и корабельная артиллерия, которая обладала большими дальностями и высокой эффективностью стрельб, имела большой удельный вес в общей огневой системе сухопутной обороны.

В боях за Одессу была подтверждена важность активности действий сил обороны, направленных на срыв намерений противника, улучшение и восстановление своих позиций. Успех наступательных акций напрямую зависел от координации действий флота, сухопутных войск и авиации. Было доказано, что искусно созданная (средствами полевой фортификации и инженерными заграждениями) система инженерного оборудования сухопутного фронта базы в сочетании с централизацией артиллерийских сил позволяет рассчитывать на устойчивость обороны военно-морской базы против превосходящих сил врага. Важнейшим фактором, значительно усиливающим устойчивость обороны, явилась глубина и плотность системы инженерного оборудования сухопутного фронта, его

своевременная подготовка, насыщенность огневыми средствами и минными заграждениями.

Как для СССР, так и для Германии и Румынии битва за Одессу имела большое военно-политическое и стратегическое значение. С одной стороны, советские войска на длительное время сковали свыше 18 дивизий противника (почти половину румынской армии) и нанесли ему значительные потери. Взятие Одессы сыграло дурную шутку с румынским руководством, стимулировало дальнейшее вовлечение румынских войск в войну на советско-германском фронте, что в итоге привело к краху режима И. Антонеску и переходу Румынии в состав антигитлеровской коалиции.

Упорная оборона Одессы сыграла важную роль в срыве гитлеровских планов «молниеносной войны» и замыслов немецко-фашистского командования; она же облегчила условия отхода войск Южного фронта за Днепр и организацию обороны на этом рубеже. Длительное сохранение Одессы в руках советских войск способствовало успешным действиям советского Военно-морского флота в северо-западной части Черного моря.

Можно понять немецкое командование, которое с легкостью отдало штурм Одессы на откуп своему румынскому союзнику. Как известно, немцы критически оценивали потенциал румынской армии. Учитывая тот факт, что Одесса не была блокирована с моря и в дальнейшем такая блокада представлялась маловероятной, переброска значительных немецких сил для штурма города заставила бы немецкое командование ослабить свои силы на других, более перспективных участках. Пока румынская армия под Одессой продвигалась на расстояния, измеряемые сотнями метров, германские войска осуществляли глубокие прорывы и окружения советских войск, как это было, к примеру, в битве под Киевом.

Но не только защитники Одессы «перемалывали» дивизии противника, но и их также «перемалывали» постоянные атаки румын. Оборона города требовала все новых и новых пополнений, которые могли быть использованы на других участках советско-германского фронта и, возможно, с большей пользой. Не стоит забывать и того значения, которое имели для Германии румынская нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность. Активно участвуя в защите Одессы, Черноморский флот и в особенности флотская авиация не могли активно участвовать и в налетах на румынские нефтепромыслы, как это было в первые дни войны, а значит, Германия могла быть спокойна за то, что ее румынские союзники обеспечат им тот ресурс, без которого было бы невозможно дальнейшее успешное ведение наступательной войны, – нефть.

Для того чтобы охарактеризовать отношение немецкого командования к осаде Одессы, ее можно было сравнить с занозой в теле – неприятно, порой больно, возможно даже нагноение, но в целом можно и не обращать внимания.

Советские историки любили цитировать генерала Гальдера о том, что без Одессы было невозможно фашистам взять Крым. Это правда, но лишь отчасти. Но очевиден и обратный вывод – именно Крым был ключом к Одессе. Взятие Крыма и падение Севастополя делало защиту города бессмысленной. В конечном итоге исход войны решался и решился не на Черном море, а на сухопутных фронтах евразийского пространства.

Приложение
СОВЕТСКОЕ, РУМЫНСКОЕ И НЕМЕЦКОЕ ВОЕННОЕ КОМАНДОВАНИЕ ВО
ВРЕМЯ БИТВЫ ЗА ОДЕССУ (1941)

СССР

АЗАРОВ Илья Ильич – родился 3 августа 1901 г. в Санкт-Петербурге. В 1937 г. окончил Военно-политическую академию. До войны служил в штабе Тихоокеанского ВМФ. Перед самой войной был направлен на службу в штаб ЧФ. 22 июня 1941 г. встретил в Севастополе. Был назначен замначальника политуправления ЧФ. В июле 1941 г. вошел в Военный совет Одесского оборонительного района. Был одним из организаторов сухопутной и береговой обороны города Одессы. Участник обороны Севастополя, один из организаторов морских перевозок между главной военно-морской базой ЧФ и Большой землей. Член Военного совета ЧФ, принимал участие в подготовке наступления и освобождения Севастополя, Одессы. После войны и до окончания службы на ЧФ был членом Военного совета на Балтийском и Тихоокеанском флотах. Скончался 16 июля 1979 г. Награжден семью орденами: орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Нахимова 1-й степени, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени и медалями. Автор книги «Осажденная Одесса».

ВОРОБЬЕВ Василий Фролович – родился в 1899 г. Кадровый военный, службу начал кремлевским курсантом. Служил на Дальнем Востоке, начальник штаба 1-й Тихоокеанской дивизии. До войны окончил две академии: имени Фрунзе и Генерального штаба. Преподавал в Академии Генштаба. С 19 июля и до 10 августа 1941 г. генерал-майор Воробьев занимал должность начальника оперативного отдела штаба Приморской армии. Затем для улучшения руководства боевыми действиями на Северо-Западном направлении назначен командиром 95-й стрелковой дивизии (вместо полковника М.С. Соколова), одновременно взял на себя руководство Западным сектором обороны города. После эвакуации в Крым продолжал командовать 95-й СД. Автор мемуаров «На главном направлении». Его воспоминания также включены в книгу «Бойцы вспоминают минувшие дни» (1964). Умер в 1968 г.

ГОРШКОВ Сергей Георгиевич – родился 13 февраля 1910 г. в Каменец-Подольском, в семье учителей, жил и учился в Коломне. После окончания школы поступил на физико-математический факультет Ленинградского университета. В 1927 г. покидает университет и поступает в Ленинградское военно-морское училище имени М.В. Фрунзе, которое оканчивает в 1931 г. и начинает службу штурманом на эскадренном миноносце «Фрунзе» на Черном море. После перевода на Тихоокеанский флот продолжает службу штурманом на минном заградителе «Томск», становится флагманским штурманом бригады, командует сторожевым кораблем, эсминцем. В 1937 г. заканчивает спецкурсы командного состава ВМФ и в звании капитана 3-го ранга командует 7-й морской бригадой во время боев у озера Хасан. В 1939 г. получает звание капитан 2-го ранга, переводится на ЧФ, назначается командиром бригады эскадренных миноносцев, с 1940 г. командует бригадой крейсеров. 21–22 сентября 1941 г. руководил Григорьевским десантом. Принимал активное участие в боевых действиях ЧФ, командовал Азовской и Дунайской военными флотилиями, руководил высадкой многих тактических и оперативных десантов. В 1945 г. командующий эскадрой; в 1948–1954 гг. начальник штаба, затем командующий ЧФ; с 1955 г. – первый зам главнокома ВМФ, а с 5 января 1956 года по 9 декабря 1985 г. –

главноком ВМФ – замминистра обороны СССР. С 1962 г. – адмирал флота, а с 26 октября 1967 г. – адмирал Флота Советского Союза. С 1985 г. в группе генеральных инспекторов МО СССР. Член ЦК КПСС с 1961 г. Депутат Верховного Совета СССР 4–11-го созывов. Умер в 1988 г. Награды: дважды Герой Советского Союза, кавалер семи орденов Ленина, ордена Октябрьской революции, четырех орденов Красного Знамени, ордена Кутузова 1-й степени, ордена Ушакова 1-й и 2-й степени, ордена Красной Звезды и др.

ЖУКОВ Гавриил Васильевич – родился 12 (24) марта 1899 г., в селе Березовый Гай Самарской губернии. На флоте с 1918 г., участвовал в Гражданской войне 1918–1920 гг. на Восточном фронте. Окончил училище комсостава флота (1925) и артиллерийский класс курсов усовершенствования комсостава (1927). С 1925 г. служил на Балтийском флоте, затем – на ЧФ, с 1928 г. командир и комиссар канонерской лодки «Красная Абхазия». Участник гражданской войны в Испании. В 1937–1939 гг. командовал крейсером «Максим Горький», в 1939–1940 гг. – отрядом учебных кораблей Балтийского флота, комендант Северо-Западного укрепрайона ЧФ. С марта 1940 г. командир Одесской военно-морской базы. 19 августа 1941 г. возглавил созданный Одесский оборонительный район, руководил обороной Одессы. С декабря 1941 г. – замкомандующего ЧФ по сухопутной обороне главной базы – Севастополя, один из руководителей его обороны. С апреля 1942 г. командир Туапсинской военно-морской базы, с мая 1943 г. – Островной военно-морской базы Балтийского флота. В 1944 г. присвоено звание вицеадмирала. С января 1945 г. командир Одесской военно-морской базы. В 1946–1948 гг. на командных должностях Тихоокеанского флота. С сентября 1948 г. начальник Черноморского высшего военно-морского училища. С 1951 г. в отставке по болезни. Скончался 8 января 1957 г. в Одессе. Награды: три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Нахимова 1-й степени и др.

ЗАХАРЧЕНКО Афанасий Степанович – родился 7 июля 1898 г. в селе Богдановка Черниговской губернии. На срочную службу был призван после Февральской революции, в сентябре 1917 г. отправился на фронт. В декабре 1917 г. вернулся в Богдановку, а в феврале 1918 г. вступил в партизанский отряд. Во 2-й бригаде 1-й Украинской советской дивизии, возглавляемой Н. Щорсом, был командиром роты. Оканчивает созданную при дивизии школу младших командиров. С мая 1920 г. комбат, исполняет обязанности командира полка. Учился в Московской высшей военно-педагогической школе, после окончания – в августе 1924 г. – назначен на должность начальника строевой части Украинской высшей военно-педагогической школы, в которой служил до поступления в октябре 1927 г. в Военную академию РККА имени М.В. Фрунзе. Служил в штабе Украинского военного округа, затем начштаба дивизии, в 1935 г. получил звание полковник, а с 1936 г. командовал 44-м отдельным полком. В августе 1937 г., с формулировкой «за притупление политической бдительности», был исключен из партии, в июле 1938 г. его увольняют из армии и арестовывают. Виновным себя не признал. 17 августа 1939 г. был освобожден, восстановлен в РККА и ВКП(б) и направлен преподавателем в Академию Генштаба РККА. По ходатайству Совета Одесского военного округа был отозван из академии и в ноябре 1939 г. занял должность начальника 2-го отдела, позже начальника отдела боевой подготовки штаба округа. 14 марта 1941 г. назначен командиром 25-й стрелковой дивизии. Обороняя Одессу на дальних подступах, 25-я СД сдержала натиск численно превосходящих румынских войск. После неудачного отступления дивизии был снят с командования дивизией и отправлен на штабную работу.

В ноябре 1941 г. был направлен в Северо-Кавказский военный округ, с января 1942 г. командует 102-й отдельной стрелковой бригадой, входящей в состав 3-го гвардейского корпуса. В мае 1942 г. бригада переформируется в 192-ю стрелковую дивизию. 10 июля 1942 г. дивизия, совершив 100-километровый марш в пешем строю, вышла к ст. Сиротинской и переправилась на правый берег Дона, где заняла оборону. Штаб дивизии разместился в хуторе Верхнее-Бузиновка. В ночь на 24 июля 1942 г. немецкие танки с десантом ворвались в хутор. А. Захарченко погиб, когда его автомобиль был расстрелян танками. Награды: юбилейная медаль «20 лет РККА».

КОЛОМИЕЦ Трофим Калинович – родился в 1894 г., участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил в 1927 г. курсы «Выстрел», в 1941 г. – курсы при Академии Генерального штаба РККА. В 1941 г. участвовал в обороне Одессы. Начальник тыла Приморской армии. С 13 ноября 1941 г. по 18 июля 1941 г. – командир 25-й Чапаевской стрелковой дивизии. Начальник Южного сектора обороны Одессы. Участвовал в обороне Севастополя, командовал войсками 3-го сектора Севастопольского оборонительного района. В июле – сентябре 1942 г. – командующий 51-й армией. В 1943 г. присвоено звание генерал-лейтенант. Весной 1944 г. командовал 54-м стрелковым корпусом 2-й гвардейской армии, что освобождала Крым. Уволен из Вооруженных сил в 1964 г. Умер в 1971 г.

КОЧЕНОВ Григорий Матвеевич – родился в 1895 г. С 9 сентября 1939 г. по 8 августа 1941 г. – комендант 82-го Тираспольского укрепленного района Одесского военного округа. Назначен командиром Одесского гарнизона и 421-й дивизии. Помимо одесских ополченцев в состав дивизии вошли 1-й полк морской пехоты (к 5 августа он насчитывал 1300 человек, однако в ходе боев понес тяжелые потери), 26-й полк войск НКВД и 54-й полк 25-й стрелковой дивизии. Дивизию пополнили 64-й отдельный пулеметный батальон, батальон 249-го конвойного полка и 1-й батальон 136-го запасного полка. На основании приказа Севастопольского оборонительного района 13 ноября 1941 г. 421-я стрелковая дивизия была расформирована. С 3 января 1942 по 8 февраля 1942 г. командовал 73-й стрелковой дивизией (бывшая 470-я СД). С 13 августа 1942 по 5 сентября 1942 г. – командир 337-й стрелковой дивизии, с 29 марта 1944 по 25 апреля 1944 г. – 211-й стрелковой дивизии, с 18 декабря 1944 по 9 марта 1945 г. командовал 106-й Забайкальско-Днепровской стрелковой дивизией.

КРЫЛОВ Николай Иванович – родился 29 апреля 1903 г. в селе Вишневое Пензенского уезда в семье сельских учителей. С 1918 г. – в комсомоле, был бойцом красногвардейского отряда. После окончания в 1920 г. Саратовских пехотно-пулеметных курсов был назначен командиром взвода, затем полуроты в составе 28-й стрелковой дивизии имени В.М. Азина. В рядах 11-й армии воевал на Южном фронте. В 1921 г. переведен на Дальний Восток, назначен комбатом 1-й Тихоокеанской дивизии Дальневосточной республики. После окончания Гражданской войны продолжил служить на Дальнем Востоке комбатом, с 1923 г. – помощник начальника штаба стрелкового полка. Член ВКП(б) с 1927 г., окончил Курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел». С 1929 г. – начштаба стрелкового полка в 1-й Тихоокеанской дивизии. С 1931 г. комбат Благовещенского укрепрайона, начштаба Благовещенского укрепрайона. Полковник (17.02.1938). С 1939 г. – начальник отдела Осоавиахима в Ставрополе. В мае 1941 г. назначен начштаба Дунайского укрепрайона. В начале июля 1941 г. был назначен

замначальника оперативного отдела Приморской армии, с 11 августа 1941 г. стал начальником оперативного отдела армии, а с 21 августа – начштаба Приморской армии. Участвовал в обороне Одессы и Севастополя. По его плану Приморская армия была эвакуирована из Одессы в Севастополь. В декабре 1941 г. был тяжело ранен при артобстреле во время выезда в войска под Севастополем. 27 декабря 1941 г. присвоено звание генерал-майор. Эвакуирован из Севастополя в последние дни обороны. С августа 1942 г. – начштаба 62-й армии, которая вела уличные бои в Сталинграде. До прибытия нового командующего В.И. Чуйкова месяц командовал армией. В мае 1943 г. назначен командующим войсками 3-й резервной армии. С июля 1943 г. – командующий 21-й армией на Западном фронте. Генерал-лейтенант (9.09.1943). С октября 1943 г. – командующий 5-й армией на Западном фронте. За отличное командование войсками присвоено звание Герой Советского Союза и воинское звание генерал-полковник (15.07.1944). Отличился в Восточно-Прусской операции, вторично присвоено звание Герой Советского Союза. После победы над Германией 5-я армия в полном составе была переброшена на Дальний Восток и включена в состав 1-го Дальневосточного фронта. Участник советско-японской войны. С октября 1945 г. – заместитель командующего Приморским военным округом, с января 1947 г. – командующий войсками Дальневосточного военного округа. В марте 1953 г. этот округ был переформирован в армию, которую включили в состав нового объединенного Дальневосточного военного округа, в сентябре 1953 г. назначен первым замком командующего войсками Дальневосточного военного округа, ему было присвоено воинское звание генерал армии. С января 1956 г. – командующий войсками Уральского военного округа, с 1958 г. – командующий войсками Ленинградского военного округа, с 1960 г. – командующий войсками Московского военного округа. В 1963–1972 гг. – главком Ракетными войсками стратегического назначения – замминистра обороны СССР. Депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС. Скончался 9 февраля 1972 г. Награды: три ордена Ленина, орден Октябрьской революции, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени и др.

КУЛИШОВ Илья Данилович – родился в 1902 г. На флоте с 1919 г. В 1925 г. окончил Военно-морское училище, в 1925–1926 гг. – минер подлодки АГ-13, дивизионный минер отдельного дивизиона подлодок ЧФ. В 1926–1928 гг. окончил подводный класс Спецкурсов комсостава ВМС РККА. С мая 1928 г. помощник командира подводной лодки АГ-3, с января 1929 г. – помощник командира подводной лодки «Революционер», с января 1930 г. – командир подводной лодки АГ-15, с мая 1931 г. – подводной лодки «Якобинец», с ноября 1933 г. командир дивизиона подводных лодок, с марта 1937 г. командир 2-й бригады подводных лодок Тихоокеанского флота. Репрессирован в мае 1938 г. В сентябре 1939 г. восстановлен в кадрах ВМФ и с ноября 1940 г. командир Николаевской военно-морской базы. В июне 1940 г. присвоено звание контр-адмирал. В августе – октябре 1941 г. командир Одесской военно-морской базы, а с октября 1941 по март 1942 г. – командир Туапсинской военно-морской базы. 21 апреля 1942 г. за неприятие «достаточных мер для надлежащего оборудования порта» осужден Военной коллегией Верховного суда СССР с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий. В июле 1942 г. командир Отряда кораблей реки Невы Ленинградской военно-морской базы. 15 августа 1942 г. назначен командиром Ленинградской военно-морской базы. В 1944 г. – командир Лужской военно-морской базы, командующий Таллинским

морским оборонительным районом. В июле 1945 г. присвоено звание вице-адмирал. Незаслуженно обвинен в разглашении государственной тайны. 7 августа 1948 г. застрелился.

ЛЕВЧЕНКО Гордей Иванович (1897–1981) – в ВМФ с 1918 г. Окончил курсы усовершенствования высшего начального состава при ВМА (1913), класс артиллерийских унтер-офицеров (1916), был назначен на эсминец «Забияка». Участник Первой мировой войны, штурма Зимнего дворца в 1917 г., Гражданской войны. В 1919 г. вступил в ряды РКП(б). По окончании в 1922 г. Военно-морского училища занимал различные командные должности на кораблях Балтийского флота (был старшим помощником и одновременно старшим артиллеристом на линейном корабле «Парижская коммуна»). В 1925 г. оканчивает специальные курсы командного состава РККА. С 1928 г. командовал эсминцами «Артем», «Войков». В 1930–1931 гг. был командиром крейсера «Аврора». В апреле 1931 г. назначен командиром отряда учебных кораблей. В 1932–1933 гг. командовал Каспийской военной флотилией, а в 1933–1937 гг. – бригадой линейных кораблей БФ, бригадой эсминцев ЧФ. В августе 1937 г. назначается начштаба, а в январе 1938 г. – командующим БФ. С апреля 1939 г. – замнаркома ВМФ. В Великую Отечественную войну, как представитель военно-морского командования, участвовал в обороне Одессы, Николаева, Севастополя. В октябре – ноябре 1941 г. командовал войсками Крыма. В ноябре 1941 г. – арестован, признал себя виновным в провале наступления и панике, дал показания на Г.И. Кулика. 25 января 1942 г. осужден к 10 годам лишения свободы, помилован и понижен в звании до капитана 1-го ранга. В 1942–1944 гг. командовал Ленинградской и Кронштадтской ВМБ. В апреле 1944 г. вновь назначается заместителем наркома ВМФ и ему присвоено звание адмирал. В мае 1946 г. занимал должность командующего 4-м флотом. С марта 1947 г. – заместитель главкома ВМС по боевой подготовке. С марта 1950 г. – заместитель военно-морского министра. С мая 1953 г. – адмирал-инспектор ВМФ главной инспекции МО. С января 1956 г. – заместитель главкома ВМФ по боевой подготовке. С сентября 1958 г. – инспектор-советник Группы генеральных инспекторов МО СССР. В 1938 и 1947 гг. избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. С сентября 1960 г. – в отставке. Большой противолодочный корабль «Адмирал Левченко» спущен на воду в 1985 г.

НОВИКОВ Петр Георгиевич – родился 18 декабря 1907 г. в селе Верхняя Кондрата Казанской губернии в крестьянской семье. С сентября 1923 г. на службе в РККА, курсант, а затем командир пехотного отделения Объединенной Татаро-Башкирской школы имени ТатЦИК. С 1926 г. – командир взвода, с 1931 г. – командир роты и политрук. В 1937–1938 гг. участвовал в гражданской войне в Испании, а затем в советско-финской войне. Начало Великой Отечественной войны встретил в звании полковника. На Южном фронте 241-й стрелковый полк П. Новикова воевал в составе 95-й Молдавской стрелковой дивизии на реке Прут, а затем на Днестре. 8 сентября 1941 г. назначен командующим 2-й кавдивизией (после гибели ее командира полковника П.А. Рябченко). В Севастополе 2-я кавдивизия была переименована во 2-ю стрелковую, а затем в 109-ю стрелковую. 12 октября 1941 г. присвоено звание генерал-майор. В ноябре 1941 г. принимает командование первым (правофланговым) сектором (Балаклавское направление) Севастопольского оборонительного района (СОР). Во время эвакуации Севастополя, в ночь на 2 июля 1942 г., катер с комсоставом СОР был обстрелян противником и захвачен в районе Ялты. П. Новиков попал в плен. Находясь в офицерском концлагере

Хаммельбург, он участвовал в работе подпольной патриотической организации. В середине 1943 г. попал в лагерь смерти – штрафной концлагерь Флессенбург, где тяжело заболел. В феврале 1944 г. умер после избиения надзирателем. Награды: орден Красного Знамени, медаль «За отвагу».

ОКТЯБРЬСКИЙ (ИВАНОВ) Филипп Сергеевич – родился 11 октября 1899 г. в деревне Лукшино Старицкого уезда Тверской губернии в крестьянской семье. Работал на судах ныне Северо-Западного речного пароходства. В Военно-морском флоте с 1918 г. Член РКП(б)/ВКП(б)/КПСС с 1919 г. В 1922 г. окончил курсы при Петроградском коммунистическом университете и в 1928 г. – параллельные классы при Военно-морском училище имени М.В. Фрунзе. Участник Гражданской войны, воевал матросом на кораблях Балтийского флота и Северной военной флотилии. Затем проходил службу на Балтийском, Тихоокеанском и Черноморском флотах, командовал торпедным катером, группой, дивизионом, отрядом и бригадой торпедных катеров. С февраля 1938 г. командовал Амурской военной флотилией, а с марта 1939 г. – ЧФ. В Великую Отечественную войну – один из руководителей обороны Одессы и Севастополя. Будучи командующим ЧФ, одновременно в 1941–1942 гг. являлся командующим Севастопольским оборонительным районом. Участвовал в подготовке и осуществлении Керченско-Феодосийской десантной операции 1941–1942 гг. С июня 1943 г. – командующий Амурской военной флотилией, а с марта 1944 г. вновь командующий ЧФ. 10 апреля 1944 г. присвоено воинское звание адмирал. После войны продолжал командовать ЧФ. С ноября 1948 г. по январь 1951 г. он был 1-м замглавкома Военно-морских сил (ВМС), затем в 1951–1952 гг. в отставке по болезни. В 1952–1953 гг. – начальник Управления научно-испытательных полигонов, в 1957–1960 гг. – начальник Черноморского высшего военно-морского училища имени П.С. Нахимова (Севастополь). С сентября 1960 г. – военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. В 1941–1952 гг. – член Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР 1-го и 2-го созывов. Скончался 8 июля 1969 г. Награды: звание Героя Советского Союза, три ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Ушакова 1-й степени, орден Нахимова 1-й степени, орден Суворова 2-й степени, орден Красной Звезды и др. Почетный гражданин города-героя Севастополя.

ПЕТРОВ Иван Ефимович – родился в городе Трубчевске в семье сапожника, окончил учительскую семинарию, Алексеевское юнкерское училище в Москве (1917). В чине прапорщика служил командиром полуроты в Астрахани. Уволен из армии по состоянию здоровья. В 1918 г. вступил добровольцем в РККА. Участник Гражданской войны. Воевал на Восточном фронте в составе 25-й стрелковой дивизии. С мая 1920 г. – на Западном фронте – командир взвода, член военного трибунала особого отряда, комиссар полка. После Гражданской войны – командир отдельного кавэскадрона, полка, отдельной бригады 11-й кавалерийской дивизии 1-й конной армии. С весны 1922 г. началась его служба в Туркестане, куда была переброшена 11-я дивизия. В сентябре 1922 г. был назначен командиром сводного отряда 2-й бригады 11-й кавалерийской дивизии, входящей в состав 13-го стрелкового корпуса, созданного для борьбы с басмачами. Окончил стратегически-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА (КУКС «Выстрел»). С 1929 г. – командир 2-го Туркменского кавалерийского полка, с 1931 г. – командир 1-й Туркестанской горнострелковой дивизии, с 1932 г. – начальник и военком

военной школы (Ташкентское пехотное училище), с июня 1940 г. – командир 194-й стрелковой дивизии, с октября 1940 г. – инспектор пехоты Среднеазиатского военного округа. 4 июня 1940 г. присвоено звание генерал-майор. В марте 1941 г. – командир 27-го механизированного корпуса, формировавшегося в Средней Азии. С началом Великой Отечественной войны корпус закончил формирование. Был назначен командиром 1-й кавалерийской дивизии, а с 20 августа 1941 г. – командир 25-й стрелковой дивизии. 5 октября 1941 г. принял командование Приморской армией, руководил эвакуацией советских войск из Одессы, был одним из руководителей обороны Севастополя. После сдачи Севастополя попытался застрелиться. С августа 1942 г. командовал 44-й армией, с октября 1942 г. – командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта. Отличился в боях при обороне Кавказа, во время Туапсинской оборонительной операции, присвоено звание генерал-лейтенант (1942) и генерал-полковник (1943). С марта 1943 г. – начштаба, а с мая – командующий Северо-Кавказским фронтом. 9 октября 1943 г. присвоено звание генерал армии. 20 ноября 1943 г. на основании директивы Ставки от 15 ноября 1943 г. фронт преобразован в отдельную Приморскую армию. 3 марта 1944 г. за неудачное проведение наступательных операций был освобожден от должности командующего Приморской армией, зачислен в резерв Ставки и снижен в звании до генерал-полковника. С 13 марта 1944 г. командовал 33-й армией Западного фронта, с 12 апреля – командующий 2-м Белорусским, с 6 августа – 4-м Украинским фронтами. 26 октября 1944 г. восстановлен в звании генерал армии. Из-за неудачного начала наступления войск фронта в Моравско-Оставской операции директивой Ставки (17 марта 1945 г.) был обвинен в неподготовленности наступления. 25 марта 1945 г. был снят с должности командующего войсками 4-го Украинского фронта с формулировкой: «За попытку обмануть Ставку насчет истинного положения войск фронта, не готовых полностью к наступлению в назначенный срок, в результате чего была сорвана намеченная на 10 марта операция». В марте 1945 г. был назначен начштаба 1-го Украинского фронта. После войны командовал войсками Туркестанского военного округа, в 1952–1953 г. – 1-й зам главного инспектора Советской армии, затем начальник Главного управления боевой и физической подготовки, 1-й зам главкома Сухопутных войск, главный инспектор МО СССР. Депутат Верховного Совета СССР 2–4-го созывов. Умер 7 апреля 1958 г. Награды: Герой Советского Союза (1945), пять орденов Ленина, четыре ордена Красного Знамени, орден Суворова 1-й степени, орден Кутузова 1-й степени, орден Красной Звезды и др.

РЫЖИ Николай Кирьякович – в 20-х годах служил в дивизии, которой командовал Г.П. Софронов. До войны – начальник артиллерии в 14-м стрелковом корпусе. Во время обороны Одессы стал начальником артиллерии Приморской армии. Благодаря его действиям, а также майора Васильева было налажено взаимодействие с батареями военно-морской базы, были намечены корректировочные посты, отработаны порядки вызова огня и другие важные аспекты общей боевой работы. Поборник централизованного управления огневыми средствами, благодаря чему в короткий срок возможно было создать мощный огневой кулак в месте прорыва противника. Участник обороны Крыма. В последующем генерал-полковник артиллерии. Его воспоминания включены в книгу «Бойцы вспоминают минувшие дни» (1964).

СОФРОНОВ (Сафронов) Георгий Павлович – родился в 1893 г. в Серпухове. По окончании Серпуховского городского училища работал счетоводом. С 1914 г. воевал в

составе Сибирского полка. В 1915 г., окончив школу прапорщиков, командовал взводом. С начала 1918 г. в РККА, формировал воинские части, командовал отрядом в боях с белогвардейцами, с румынскими австро-немецкими интервентами. В январе 1917 г. солдатский комитет 6-й армии поручил ему командовать отрядом в 500 штыков, посланным из Измаила в помощь красногвардейцам Одессы для поддержки восстания большевиков Одессы против Центральной рады УНР. Член штаба Одесской социалистической армии. В апреле 1918 г. был послан в Екатеринбург для организации Уральского военного округа. Участвовал, совместно с В. Блюхером, в формировании воинских частей в Челябинске, в руководстве Челябинско-Екатеринбургским фронтом. В 1918 г. начальник оперативного штаба Северо-Урало-Сибирского фронта и Екатеринбургского гарнизона. В 1918–1919 гг. учился в Академии Генштаба, по окончании служил в штабе 29-й стрелковой дивизии, командиром 256-го стрелкового полка на Урале. С августа 1919 г. – начштаба бригады в боях под Петроградом. С января 1920 г. участвовал в организации на Урале 1-й трудовой армии, руководил комиссией по ремонту железных дорог, был помощником начштаба трудовой армии Донбасса. В 1921 г. командир Архангельской стрелковой бригады, в 1922 г. командир 17-й стрелковой дивизии. В 1923 г. учился на Курсах усовершенствования высшего начсостава, по окончании которых служил в 17-й стрелковой дивизии. С 1930 г. командир 16-го стрелкового корпуса. Окончив Военную академию имени М.В. Фрунзе в 1935 г., стал помощником командующего Приволжского военного округа. С 1937 г. командовал Уральским военным округом, присвоено звание генерал-лейтенант. С 1939 г. начальник Управления высших военно-учебных заведений, с января 1941 г. замкомандующего войсками Прибалтийского Особого военного округа. В начале Отечественной войны – замкомандующего Северо-Западным военным округом. С июля по 5 октября 1941 г. командовал Приморской армией, оборонявшей Одессу. С апреля 1942 г. помощник командующего Западным фронтом. С 1944 г. замкомандующего 3-м Белорусским фронтом. В 1945–1946 гг. – замкомандующего Барановичским военным округом. В 1946–1953 гг. преподавал в Академии Генштаба. Умер в 1973 г. Награжден орденом Ленина, Суворова 2-й степени, Кутузова 1-й степени и пятью орденами Красного Знамени.

ТЮЛЕНЕВ Иван Владимирович – родился 28 января 1892 г. в селе Шатрашаны Симбирской губернии. На военной службе с 1913 г. Участвовал в Первой мировой войне в составе 5-го драгунского Каргопольского полка. Полный георгиевский кавалер. Окончил школу прапорщиков (1917), Военную академию РККА (1922), курсы усовершенствования высшего начсостава (1929), курсы партийно-политической академии (1930). После Февральской революции 1917 г. избирался членом эскадронного и полкового комитетов и в Петроградский совет. Принимал активное участие в формировании и боевых действиях красногвардейских отрядов в Среднем Поволжье. В Гражданскую войну в должностях командира взвода, эскадрона, помощника начальника штаба дивизии, начальника разведывательного отдела корпуса и армии, командира кавалерийской бригады участвовал в боях с белогвардейцами на Восточном, Южном и Западном фронтах, а в 1921 г. в подавлении Кронштадтского мятежа и антоновского восстания. В 1922–1936 гг. командовал отдельной кавалерийской бригадой, дивизией, был инспектором кавалерии Северо-Кавказского военного округа, начальником кавалерийской школы, помощником инспектора кавалерии РККА, начальником управления в центральном аппарате Народного комиссариата обороны. С февраля 1936 г. – заместитель инспектора кавалерии РККА. С

февраля 1938 г. командовал войсками Закавказского военного округа, в должности командующего 12-й армией участвовал в походе в Западную Украину. С августа 1940 г. командовал войсками Московского военного округа. Генерал армии (1940). Во время Великой Отечественной войны командующий Южным фронтом, 28-й армией, находившейся в резерве Ставки Верховного главнокомандующего, командующий войсками Закавказского военного округа (1941–1942), с мая 1942 г. и до конца войны – командующий Закавказским фронтом. После войны командовал войсками Харьковского военного округа. С июля 1946 г. – в центральном аппарате Министерства обороны. С мая 1958 г. – военный инспектор, советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР. Депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва. Умер 15 августа 1978 г. Награды: шесть Георгиевских крестов, Герой Советского Союза, четыре ордена Ленина, орден Октябрьской революции, пять орденов Красного Знамени, орден Кутузова 1-й степени и др.

ХРЕНОВ Аркадий Федорович – родился 5 февраля 1900 г. в городе Очер Пермского края в семье мастерового. Окончил училище сельскохозяйственного машиностроения. В Красной армии с 1918 г. Окончил инструкторские курсы при окружном военкомате в 1918 г. Был бойцом-телефонистом 30-й стрелковой дивизии, которой командовал В. Блюхер, затем командовал взводом, ротой понтонного батальона, инженерным батальоном. После Гражданской войны остался служить в инженерных войсках, заведовал учебным классом инженерного батальона с 1922 г. С сентября 1924 г. командовал ротой, с сентября 1925 г. – полковой школой и учебной командой в 5-м отдельном понтонном батальоне. В середине 1920-х гг. публикует статьи в «Военно-инженерном журнале», написал «Наставления по наводке усиленных понтонных мостов» (для инженерных войск). В 1929 г. окончил инженерные курсы усовершенствования комсостава (КУКС) при Ленинградской военно-инженерной школе. С сентября 1930 г. преподавал в Ленинградской военно-инженерной школе. Его проект получил одобрение на Всесоюзном конкурсе понтонно-мостовых парков, промышленность наладила выпуск понтонных парков. С мая 1932 г. – начальник технической части Детскосельской объединенной военной школы имени В.И. Ленина. Член ВКП(б) с 1931 г. С марта 1933 г. – помощник начальника сектора при начальнике инженеров Ленинградского военного округа, с февраля 1935 г. – помощник начальника отдела инженерных войск Ленинградского военного округа по боевой подготовке. С августа 1937 г. – начальник 4-го отдела Инженерного управления РККА. С 1938 г. – начальник отдела инженерных войск Ленинградского военного округа, руководил строительством дотов и других инженерных сооружений в Псковском и Нарвском укрепрайонах. Участвовал в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. в должности начальника инженерных войск 7-й армии. Руководил инженерными частями армии по организации прорыва линии Маннергейма. В 1940 г. присвоено звание Героя Советского Союза и звание генерал-майор инженерных войск, назначен начальником Главного военно-инженерного управления Красной армии, а в мае 1941 г. – начальником инженерного управления Московского военного округа. С началом Великой Отечественной войны получил назначение на Южный фронт, где он вступил в должность замкомандующего по инженерной обороне Одессы и Севастополя (1941–1942), был начальником инженерных войск Крымского фронта (апрель – май 1942 г.). Летом 1942 г. получил назначение на Волховский фронт. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда. Как начинж фронта формировал штурмовые отряды, которые сокрушали

укрепления врага у Ленинграда. Весной 1944 г. руководил инженерной подготовкой войск Карельского фронта к освобождению Карелии. Летом 1945 г. был отправлен на Дальний Восток. 1-му Дальневосточному фронту ставилась задача скорейшего захвата городов Харбина и Гирина. Перед началом боевых действий произвел инженерную подготовку и обеспечение наступательного плацдарма в Приморье. После войны служил начальником инженерных войск Приморского военного округа, затем Войск Дальнего Востока (декабрь 1945 – май 1949 г.). В 1949 г. окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. До 1960 г. служил генерал-инспектором инженерных войск Главной инспекции Министерства обороны СССР. С сентября 1960 г. генерал-полковник инженерных войск в отставке. Автор книги «Мосты к победе». Умер 29 декабря 1987 г. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Кутузова 1-й степени, орденами Кутузова 2-й степени, Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени и др.

ШЕСТАКОВ Лев Львович – родился 28 декабря 1915 г. в поселке Авдеевка Екатеринославской губернии. Работал слесарем-инструментальщиком в железнодорожном депо станции Ясиноватка. В 1932 г. поступил в Днепропетровский институт инженеров железнодорожного транспорта. На втором курсе, по комсомольской путевке, зачислен курсантом в 11-ю военную школу пилотов в Ворошиловграде. Закончив школу, в 1935 г. был назначен во 2-ю истребительную эскадрилью в Киеве. В 1936 г. освоил истребитель И-16. В 1937 г. прибыл в Испанию, где за полгода выполнил 150 боевых вылетов на И-16, в 90 воздушных боях сбил 8 самолетов противника. Один из самых результативных летчиков ВВС РККА, сражавшихся в Испании. За бои под Сарагоссой на Теруэльском фронте и под Арагоном был награжден орденами Ленина и Красного Знамени. Вернувшись на родину, командовал истребительной эскадрилей, с сентября 1939 г. – замкомандира 69-го истребительного полка. С июня 1941 г. возглавил полк, организовал боевую работу, лично участвовал в боях за Одессу. По его инициативе истребители И-16 были приспособлены для ведения штурмовых атак, вооружены реактивными снарядами, осколочными бомбами. К сентябрю 1941 г. сбил лично 3 и в группе 8 самолетов противника. Участвуя в обороне Одессы, летчики 69-го ИАП (позднее 9 ГИАП) сбивали в воздухе 94 самолета – такого счета не имел в то время ни один полк. Первым в ВВС полку было присвоено собственное наименование – Одесский. В ноябре 1941 г. полк выведен в тыл на переформирование, перевооружен на истребители ЛаГГ-3. В феврале 1942 г. полк награжден орденом Красного Знамени, в июне 1942 г. полку вручено гвардейское знамя. С 10 июня 1942 г. 9-й гвардейский ИАП, возглавляемый Л.Л. Шестаковым, участвует в боях на Южном фронте, под Харьковом, на Воронежском и Сталинградском направлениях. В июле 1942 г. полк Шестакова становится специальным, особого подчинения истребительным полком для завоевания превосходства в воздухе. В сентябре перевооружен на Як-1, пополнен сильными летчиками, имевшими на счету более пяти сбитых. Шестаков лично участвует в боях почти ежедневно, доводит число личных побед до одиннадцати. 10 января 1943 г., сбив Me-109, был сбит, ранен в голову и плечо. Под Сталинградом летчики 9-го ГИАП уничтожили в воздухе около сотни самолетов противника. В 1943 г. был назначен замкомандира 6-й ГИАД. В августе 1943 г. назначен командиром 19-го ПАП – 1-го авиаполка специального назначения, созданного для ведения «свободной охоты». В его состав вошли лучшие пилоты из различных частей 8-й ВА. 13 марта 1944 г., в своем последнем бою, в котором он погиб, уничтожил три Ju-87,

доведя общий счет побед до 26. За годы службы провел более 600 боевых вылетов, 130 воздушных боев, сбил лично 29 и в группе 45 самолетов противника. Герой Советского Союза, награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени и др.

ШИШЕНИН Гавриил Данилович – родился в 1897 г. В июне 1940 г. ему присвоено звание генерал-майор. Перед войной возглавлял штаб Московского военного округа. До назначения в Одессу пробыл три недели начальником штаба Южного фронта. Во время обороны Одессы занимал важные штабные должности: с 8 июля 1941 г. – начальник штаба Приморской группы войск при бывшем командующем Одесским военным округом генерал-лейтенанте Н. Чибисове. 19 июля назначен начальником штаба Приморской армии, с 19 августа возглавил штаб Одесского оборонительного района. 26 сентября возглавил параллельно временные курсы командного и политического состава. Участник обороны Крыма. С ноября 1941 г. – начальник штаба 51-й отдельной армии. В ноябре 1941 г. армия эвакуирована из Крыма и включена в состав Закавказского фронта. В декабре 1941 г. погиб в авиакатастрофе на Таманском полуострове.

РУМЫНИЯ

АТАНАСИУ (Atanasiu) Василе – родился 25 апреля 1886 г. в Тарговиште. Окончил Школу артиллерийских, инженерных и военно-морских офицеров в 1907 г. в звании сублейтенанта румынской армии. В 1910 г. получил звание лейтенант, в 1915 г. – капитан. Участник Первой мировой войны, командовал артбатареей 105-мм орудий 4-го полка тяжелой артиллерии во время битв за Джурджу, в Добрудже. В качестве командира артдивизиона полка участвовал в битве при Мэрэрешти (1917). В 1917 г. присвоено звание майор. В 1917–1918 гг. – начальник отдела в Верховной ставке. После окончания Первой мировой войны поступил в Национальный университет обороны Кароля I и в Высшую военную школу (Военная академия), по окончании которых, в 1920 г., ему было присвоено звание подполковник. В 1921–1928 гг. служил в румынском Генеральном штабе руководителем отдела и секции. В 1928 г. присвоено звание полковник. Занимал должности помощника генерального инспектора артиллерии, командира артиллерийского полка, секретаря Высшего совета обороны. В 1934–1935 гг. – командир 19-й артбригады. В 1935 г. присвоено звание бригадный генерал. В 1935–1937 гг. – руководитель секретариата Высшего совета обороны, 1937–1940 гг. – командующий 12-й пехотной дивизией. В 1940 г. присвоено звание дивизионный генерал. В 1941 г. командовал 2-м армейским корпусом, а затем переведен на должность командующего 3-м армейским корпусом, которым он командовал с 22 июня 1941 г. до 20 марта 1943 г. Участвовал в боях в Бессарабии в битве на плацдарме Альбица на берегу реки Прут, в форсировании Днестра в районе Тирасполя, в боях за Тирасполь. Во время битвы за Одессу командовал корпусом, который занимал позиции на фронте от Карпова до Дальника. За руководство войсками в битве за Одессу 17 октября 1941 г. награжден орденом «Михай Витязул» 3-й степени. В 1942 г. присвоено звание генерал-лейтенант. С 20 марта 1943 г. по 12 февраля 1945 г. занимал должность руководителя Высшей дирекции артиллерии – генерал-инспектора артиллерии. После свержения И. Антонеску остался верен королю Михая. 13 февраля 1945 г. принял командование 1-й армией, которая действовала совместно с советскими войсками. Принял участие в боях в Чехословакии, при захвате горных массивов Яворина и Нитра. Участвовал в Братиславско-Брновской операции. В апреле 1945 г. 1-я румынская армия заняла города Нова-Баня и Бановице. В 1946–1948 гг. –

генеральный инспектор армии. Переведен в резерв в 1948 г. Скончался 6 июня 1964 г. в Бухаресте. Награды: орден «Стяуа Ромынией» 4-й и 3-й степени, «Михай Витязул» 3-й степени с мечами, «Короана Ромынией» 3-й степени с мечами, орден Белого Льва (Чехословакия), орден Суворова и др.

ГЛОГОЖАНУ (Glogojanu) Ион – родился 1 июля 1888 г. в Рымнику-Сэрат. В 1907–1909 гг. учился в школе артиллерийских и инженерных офицеров. Во время Первой мировой войны в качестве командира батареи участвовал в боях в Трансильвании и Молдове. После окончания Высшей военной школы в 1921 г. был направлен на работу в Генштаб. В 1926 г. стажировался во Франции. В 1927–1928 гг. – замначальника штаба 6-го армейского корпуса, затем командира дивизиона и замкомандира артполка. В 1933 г. назначен командующим 19-м артполком, затем начальником штаба Главной инспекции артиллерии. В 1937 г. – командир 21-й артбригады 21-й пехотной дивизии. Вместе с дивизией отходил из Бессарабии за Прут в июне 1940 г., после вступления туда советских войск. С 3 июня 1941 г. – командующий 10-й пехотной дивизией. 4 сентября 10-я дивизия форсировала Дунай в районе Измаила. В битве под Одессой дивизия действовала в районе Татарки. После оставления советскими войсками Одессы назначен военным комендантом города. 22 октября 1941 г., в результате подрыва здания комендатуры на улице Маразлиевской, погиб. Вместе с ним погибли еще 66 человек, включая 16 румынских офицеров и 4 немецких морских офицеров. Взрыв на Маразлиевской и гибель коменданта послужили поводом для начала массовых казней одесситов, получившего название Одесская резня.

ДИМИТРИУ (Dimitriu) Ромулус – родился 23 ноября 1892 г. в Тыргу-Жиу, уезд Долж. Окончил в 1912 г. Школу офицеров пехоты, участник Первой мировой войны. В 1930 г. присвоено звание подполковник, в 1936 г. – полковник. В феврале 1938 – мае 1940 г. – префект жудеца Долж. В 1941 г. – замкомандующего 21-й пехотной дивизией. С июня по июль 1941 г. – командующий резервом 5-го армейского корпуса. С 26 июля по 31 декабря 1941 г. – замкомандующего 35-й пехотной дивизией. Взят в плен под Сталинградом в 1943 г. Совместно с генералом Михаилом Лэскарком принял участие в формировании дивизии Ногеа, Слюса și Сгісан из румынских военнопленных, воевавших на стороне советской армии, был начштаба этой дивизии. С 1 августа 1947 г. по 1 августа 1949 г. руководил 3-м военным районом (Клуж). В 1949 г. отправлен в резерв. Скончался 17 января 1981 г. в Крайове. Награжден медалью «За победу над Германией».

ДРАГАЛИНА (Dragalina) Карнелиу – родился 5 февраля 1887 г. в Карансебеше. Окончил Школу артиллерийских, инженерных и военно-морских офицеров (1907), начал службу в артиллерии 2-м лейтенантом. Участник Первой мировой войны, капитан 4-го артиллерийского полка. Окончил Военную академию (1921), зачислен в Генштаб. С января 1940 по март 1943 г. командовал 6-м армейским корпусом 4-й армии, принявшим участие в битве на Днестре и под Одессой, на Дону и южнее Сталинграда. Понеся большие потери, 6-й корпус в 1943 г. был отведен в Румынию на пополнение. В начале 1943 г. исполнял обязанности командира 3-й армии. С марта 1943 г. – генерал-губернатор Буковины и командующий румынскими войсками на территории Буковины. В начале 1944 г. лишен поста и переведен в резерв. После падения режима И. Антонеску назначен инспектором моторизованных войск. В ноябре 1944 г. уволен в отставку. Умер 11 июля

1949 г. в Бухаресте. Награды: немецкий рыцарский крест Железного креста, орден «Михай Витязул» 3-го и 2-го класса.

ДЭСКЭЛЕСКУ (Dascalu) Николае – родился 29 июня 1884 г. возле Пьятра-Нимт. Будучи родом из бедной крестьянской семьи с большими финансовыми трудностями, в 1906 г. поступил в Школу артиллерийских, инженерных и военно-морских офицеров, которую закончил третьим из 30 студентов в 1908 г. и получил первое звание – 2-й лейтенант. В 1911 г. ему присвоено звание лейтенант. Во время Второй Балканской войны командовал батареей 8-го артполка. В звании капитана, в качестве командира батареи 4-го артполка в 1916–1917 гг. принял участие в боевых действиях. В 1917 г. получил под командование артбатальон и звание майор. С этим подразделением принял участие в боевых действиях против Венгерской Советской Республики в 1919 г. В 1921 г. поступил в Высшую военную школу, по окончании которой в 1923 г. ему присвоено звание подполковник, а в 1929 г. – звание полковник. С 1931 г. – командир 1-го артиллерийского полка, с 1933 г. – начальник штаба 3-го корпуса. С 1936 г. – командир 12-й артбригады. В октябре 1937 г. назначен генеральным секретарем министерства обороны. В августе 1939 г. переведен на пост командира 25-й пехотной дивизии. С июня 1940 г. – командир 20-й, с 31 июня 1941 г. – 21-й дивизии, во главе которой участвовал в боях в Бессарабии, а затем в битве за Одессу. В ноябре 1941 г. возглавил 2-й корпус, действовавший на советско-германском фронте. Корпус Дэскэлеску понес тяжелые потери и в начале 1943 г. был отведен в Румынию. После падения режима Антонеску в 1944 г. его корпус в составе 4-й армии участвовал в боях с немцами в Трансильвании. В конце 1944 – начале 1945 г. участвовал в военных операциях в Словакии. В 1944–1945 гг. недолго исполнял обязанности командующего 3-й румынской армией. 12 января 1945 г. назначен командующим 4-й армией (занимал этот пост с небольшим перерывом со 2-й половины 1944 г. февраля до конца войны, недолго исполнял обязанности командующего 3-й армией). Во главе 4-й армии участвовал в тяжелой для румынской армии кампании в Словакии. Всегда находился на первой линии боя, был популярен среди подчиненных, получил прозвище «генерал-солдат». В июне 1945 г. уволен в отставку. В июне 1946 г. был арестован новыми коммунистическими властями Румынии и в ноябре 1948 г. привлечен к суду по обвинению в причастности к военным преступлениям, но был оправдан и освобожден. В 1951 г. вновь был арестован по обвинению в «сельскохозяйственном саботаже» и заключен в тюрьму. 5 октября 1955 г. освобожден. Отказывался сотрудничать с министерством обороны. Скончался 28 сентября 1969 г. Похоронен со всеми воинскими почестями. Награды: орден «Михай Витязул» 3-й степени, орден «Стяуа Ромынией» 1-й степени, орден «Михай Витязул» 3-го класса с мечами и др.

ИЕНЕСКУ (Jienescu) Георге – родился 16 сентября 1894 г. Раст (Дольи). В 1916 г. добровольцем принял участие в боях Первой мировой войны, командир взвода, 2-й лейтенант. Отличился в битве при Марашти (1917). В 1917–1919 гг. командирован для обучения в Англию и Францию, получил диплом военного летчика. В 1923–1926 гг. – директор летного училища в Текучи, один из основателей румынской авиации. Окончил Военную академию в Бухаресте (1928). Служил в инспекторате ВВС, в Бюро авиационной подготовки, начштаба авиадивизии. С 1934 г. командир боевого воздушного флота. В начале 1940 г. назначен начальником штаба командования румынскими ВВС. 16 октября 1940 г. назначен субсекретарем министра национальной обороны по ВВС (командующим военной румынской авиацией). После отстранения И. Антонеску (1944) потерял свой пост.

В феврале 1946 г. арестован, в 1948 г. приговорен судом к 20 годам тюремного заключения. В апреле 1964 г. освобожден, в апреле 1971 г. умер в Бухаресте.

КАРЛАОНЦ (Carlaoncz) Думитру – родился 28 октября 1888 г. в Микулешть, уезд Мэхэдинць. В 1908 г. поступил в Военную школу артиллерийских и инженерных офицеров, которую окончил в 1910 г. После окончания Первой мировой войны в 1919–1920 гг. окончил Высшую военную школу. В 1939 г. ему присвоено звание бригадный генерал. В 1941 г. замкомандующего 4-й дивизией, с 1 июля 1941 г. – военный комендант Ясс. После еврейских погромов в Яссах в июне и начале июля 1941 г. издал приказ, по которому евреи, проживавшие в городе, были обязаны покинуть его в течение трех дней. С 2 сентября 1941 г. по 11 сентября 1944 г. – командующий 8-й пехотной дивизией. Дивизия принимала участие в боях за Одессу в районе Мангейма, Фриденталя, Дальника. После окончания битвы за Одессу дивизия отведена в Черновцы. В 1944 г. назначен генеральным секретарем военного министерства, но вскоре был выведен в резерв и ушел в отставку в 1945 г. Трижды судим за военные преступления. В первый раз был арестован в 1948 г., но оправдан и освобожден в 1950 г., в 1951 г. был приговорен к 12 годам лишения свободы за преступления против человечества. Однако в 1955 г. ему были принесены извинения и он был освобожден. В третий раз содержался под арестом с 1959 по 1960 г. Был приговорен к 7 годам заключения за антиобщественную деятельность, но через год был отпущен. Скончался 2 июля 1970 г. в Бухаресте.

МАЧИЧ (Macici) Николае – родился 7 ноября 1886 г. в Крайове. Вступил на военную службу в 1905 г., в 1907 г. закончил Школу пехотных офицеров в звании 2-го лейтенанта. В 1910 г. стал лейтенантом. В период 1913–1915 гг. учился в Военной академии и по ее окончании получил звание капитан. Во время Первой мировой войны в качестве командира пулеметной роты 1941-го пехотного полка принимал участие в боях на перевале Меришор и под Вулканом в сентябре 1916 г. За эти сражения получил орден «Михай Витязул» 3-й степени. В 1917 г. был повышен в звании и в 1920 г. был уже подполковником, в 1927 г. получил звание полковник. В 1936 г. становится бригадным генералом, а в 1939 г. – генерал-майором. В июне 1941 г. командовал 2-м корпусом (9-я и 10-я пехотные дивизии), который в начале операции «Барбаросса» находился в Северной Добрудже. Это подразделение получило специальный независимый статус и не подчинялось армейскому командованию. После того как группа «Генерал Антонеску» начала свое наступление в Южной Бессарабии, части 2-го корпуса форсировали Дунай и двинулись в направлении Днестра. Принимал участие в битве за Одессу. После эвакуации советских войск из Одессы 2-й корпус разместился в городе. После взрыва румынской комендатуры в Одессе, следуя приказу маршала Антонеску, принял непосредственное участие в организации казней одесситов. 25 октября 1941 г. он сообщил маршалу о казни 1300 одесситов, из которых 400 были повешены на улицах. В ноябре 1941 г. назначен командующим 1-й армией, в январе 1942 г. присвоено звание генерал-лейтенант. На протяжении двух с половиной лет ситуация в секторе 1-й армии – в Румынии была спокойной. В этот период помогал еврейским общинам в Орастие, Сибиу и других городах, так же как он это делал до того в районе Добруджи зимой 1940/41 г. После 23 августа 1944 г. 1-я армия, состоявшая в основном из резервистов, оказалась на острие борьбы с немецкими войсками в Банате, удерживая горные перевалы до подхода основных румынских войск и советских подкреплений. По соглашению с правительством Румынии 1-я и 4-я румынские армии, 4-й отдельный армейский корпус и 1-й авиационный

корпус (всего 20 дивизий) с 6 сентября 1944 г. перешли в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом. 22 сентября 1944 г. части 1-й румынской армии совместно с войсками 53-й советской армии, развивая наступление на северо-запад, освободили города Арад и Беюш и вышли на румынско-венгерскую границу. Как отмечалось в приказе командующего 53-й армией генерал-лейтенанта И. Манагарова, «за эти замечательные боевые подвиги выражаю благодарность г-ну генералу армейского корпуса Николае Мачичу и войскам под его командованием, которые прикрывали продвижение Красной армии в Венгерской равнине и активно участвовали в боях за освобождение Арада». Форсировав Тису, 1-я румынская армия заменила советские войска на плацдармах Минджент – Чонград – Сольнок, столкнувшись с яростными немецкими и венгерскими контратаками. 4-я пехотная дивизия была окружена и уничтожена в бою возле Сольнока из-за отсутствия противотанковых орудий. Н. Мачич эвакуировал остатки румынских войск с плацдармов. 7-й корпус был задействован в Будапештской операции, будучи подчиненным 7-й гвардейской армии, а 4-й корпус в районе Мишкольца как часть 27-й советской армии. Раздав корпус, Н. Мачич остался практически без армии. 4-й корпус был возвращен под его командование в декабре 1944 г., а 7-й корпус – в январе 1945 г. Силами этих корпусов Н. Мачич начал наступление в Словакии в горном массиве Яворина, но не закончил его, поскольку был отставлен 12 февраля 1945 г. от командования армией, а затем арестован. В числе 37 румынских генералов он предстал перед судом над военными преступниками, который проходил 14–22 мая 1945 г. Народный трибунал приговорил его к смерти, которая затем была заменена на пожизненное заключение. Он был заключен в тюрьмах Жилава, Думбравень и Аюд, где и скончался 15 июня 1950 г.

ПОТОПЕАНУ (Potopeanu) Георге – родился в 1889 г. Участник Первой мировой войны. Один из ближайших соратников Иона Антонеску. После прихода Антонеску к власти и создания правительства (вместе с «Железной гвардией») Г. Потопеану, в качестве представителя Антонеску, назначен статс-секретарем министерства экономики. Разогнав «Железную гвардию», Антонеску в январе 1941 г. переформировал правительство, ведущие посты заняли лично преданные ему генералы. В их числе был и дивизионный генерал Потопеану, получивший пост министра национальной экономики. В 1941–1943 гг. командовал 1-й пограничной дивизией, которая принимала участие в битве за Одессу. В 1943–1944 гг. командовал 2-й корпусной областью, в 1944 г. – генерал-губернатор Транснистрии, но к этому времени власть в Транснистрии уже находилась в руках германского командования. 1 апреля 1944 г. назначен командиром 7-го корпуса. 15 августа 1944 г., за несколько дней до падения режима Антонеску, Г. Потопеану был назначен министром национальной экономики и финансов. 23 августа он был арестован. В 1945 г. Г. Потопеану освободили, но в 1948 г. он был вновь арестован, а в 1949 г. приговорен к 5 годам тюремного заключения. В 1953 г. освобожден. В 1957 г. был арестован в третий раз, новый суд приговорил его к 15 годам тюрьмы. В 1963 г. освобожден. Скончался в 1966 г.

СОВА (Sova) Николае – родился 9 ноября 1885 г. в Подурь, Молдавия. После пяти лет обучения в школе своей деревни он поступил в высшую школу в Бэку. Из-за скромных финансовых возможностей семьи был вынужден зарабатывать на жизнь, чтобы продолжать учиться. В 1907 г. поступил в Школу пехотных офицеров в Бухаресте, которую окончил в июле 1911 г., получив звание 2-й лейтенант. Служил в 27-м пехотном

полку в Бэжэу. С октября 1911 по июль 1912 г. учился в Специальной пехотной школе, в октябре 1912 г. был представлен к званию лейтенанта. Во время Второй Балканской войны занимал пост помощника командира полка. Вступление Румынии в Первую мировую войну встретил в должности командира пулеметной роты. В марте 1917 г. назначен командиром пулеметной школы 2-й армии. В августе 1917 г. назначен в оперативное бюро 7-й пехотной дивизии, получил звание майор. Во время операций против Венгерской Советской Республики в 1919 г. возглавлял оперативный отдел дивизии. Затем был назначен в разведывательный отдел 6-го корпуса. Осенью 1919 г. поступил в Военную академию, которую окончил в 1921 г. В 1927 г. был назначен командиром батальона 83-го пехотного полка, но вскоре возвратился на административную работу в 6-й корпус. В 1931 г. назначен командиром 83-го пехотного полка (в 1932 г. получил звание полковник), которым командовал до 1934 г., когда был назначен военным атташе в Вену. После возвращения с дипломатической работы в 1937 г. ему было присвоено звание бригадный генерал и он был назначен командиром 20-й пехотной бригады. В феврале 1939 г. направлен на работу в министерство обороны. После прихода генерала Антонеску к власти в январе 1941 г. был назначен командующим элитной гвардейской дивизией и находился в этой должности до февраля 1943 г. С началом войны против СССР гвардейская дивизия принимала участие в форсировании реки Прут и боях у Циганки, в битве за Одессу. Гвардейская дивизия достигла успеха в прорыве советского фронта в районе Кагарлыка в августе 1941 г., принимала участие в боях в районе Дальника. 16 октября 1941 г., вместе с частями своей дивизии, одним из первых вступил в оставленную советскими войсками Одессу. В январе 1942 г. гвардейская дивизия была возвращена в Румынию, где находилась до конца войны. За битву за Одессу награжден орденом «Михай Витязул» 3-го класса, представлен к званию генерал-майор. В 1943 г. назначен заместителем секретаря Военно-морского флота. После переворота 23 августа 1944 г. и присоединения Румынии к антигитлеровской коалиции был назначен командующим 7-м корпусом (19-я пехотная дивизия и 9-я кавалерийская дивизия), входящим в состав 1-й армии. В октябре 1944 – январе 1945 г. корпус участвовал в боях с немецкими и венгерскими войсками на Тисе, в боях за Будапешт, в боях в Словакии. Был награжден орденом «Михай Витязул» 3-го класса с мечами. 24 марта 1945 г. был уволен в отставку. Был арестован в январе 1946 г. вместе с другими бывшими членами правительства Антонеску, остававшимися на свободе. Обвинение ему было предъявлено в сентябре 1946 г., а под судом он оказался только через два года, в декабре 1947 г. Был приговорен к 10 годам тюремного заключения. Его пенсия была отменена, а дом конфискован. После многочисленных обращений пенсия была восстановлена в 1964 г. Скончался 12 марта 1966 г. и был похоронен со всеми воинскими почестями на кладбище Генча-Милитар в Бухаресте.

СТАВРАТ (Stavrat) Олимпиу – родился в 1888 г. В 1933–1936 гг. – начальник штаба 4-го корпуса, в 1936–1938 гг. – начальник секции Генерального штаба, в 1938–1939 гг. – командующий 11-й бригадой, в 1939–1940 гг. – начальник военно-транспортной секции Генерального штаба. С 5 июня 1940 г. по 1 августа 1942 г. – командующий 7-й пехотной дивизией. Принимал участие в боях в Северной Буковине. 7-я дивизия форсировала Днестр в районе Ваду-луй-Водэ и принимала участие в боях в районе Григориополя. В битве за Одессу дивизия действовала на направлении Раздельная– Карпово и Выгода – Одесса. Дивизия приняла участие в битве при Карпове 18 августа 1941 г., в боях к северу

от Дальника и к югу от Татарки. В июле 1942 г. представлен к званию дивизионный генерал. В 1942–1943 гг. – командующий районом 1-го корпуса. С 1943 г. по 22 августа 1944 г. – генерал-губернатор Бессарабии. В 1944–1945 гг. – командующий главным тыловым районом. С 1947 г. – в отставке. Арестован и судим по обвинению в военных преступлениях. Приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в 1955 г. Умер в 1968 г.

РОЗИН (Rozin) Георге – родился 27 июля 1888 г. в Фэлтичень. Окончил Школу артиллерийских, инженерных и военно-морских офицеров в 1909 г. (получил звание 2-й лейтенант), проходил стажировку в полку немецкой армии, после чего окончил Техническую академию в Шарлоттембурге (1910–1912) (присвоено звание лейтенанта), Артиллерийскую школу в Ютерборге (1912–1913), первый курс Высшей военной школы в Берлине (1913–1914). В 1914 г. – офицер Бюро информации Генштаба, в 1914–1915 гг. – военный атташе в Берлине. Первую мировую войну начал в звании капитана, в должности командира батареи принимал участие в боях в долине Олты и у «Ворот Молдовы». В 1917 г. присвоено звание майор. В 1917–1918 гг. – начальник бюро информации 13-й пехотной дивизии, затем руководитель кабинета начальника Генерального штаба. В 1919–1920 гг. – шеф военной миссии в Берлине, занимавшейся возвращением румынских военнопленных, заканчивает Высшую военную школу. В 1921–1924 гг. выполнял различные функции в Дирекции операций Генштаба, затем был преподавателем Высшей военной школы, командиром артиллерийского полка. В 1933–1938 гг. – начальник 3-го оперативного отдела Генштаба. В 1938–1941 гг. – командующий 8-й артбригадой. С января 1941 г. – командующий 13-й пехотной дивизией, принимавшей участие в битве за Одессу. Дивизия была разбита в ходе Григорьевского десанта советских войск. После окончания битвы за Одессу – директор высшего военного образования. В 1942–1943 гг. – директор Высшей дирекции артиллерии, в 1943–1944 гг. командующий 4-м армейским корпусом на Восточном фронте, затем – командующий танковыми и механизированными войсками. После 1944 г. – в распоряжении министерства обороны. В 1948 г. арестован и приговорен к 20 годам тюремного заключения. Скончался 16 января 1961 г. в тюрьме Вэжрэшь.

СИОН (Sion) Иоан – родился 28 сентября 1890 г. в городе Питешть. Окончил Высшую военную школу в Яссах и затем школу артиллерийских инженеров и военно-морских офицеров в Бухаресте. Как 2-й лейтенант был назначен в 12-й артиллерийский полк в Бэку. После двух лет обучения в высшей школе артиллерии и инженеров был повышен в звании и направлен во 2-й артиллерийский полк в Бухарест командиром батареи. Во время кампании 1916 г. сражался под Першанами и Порумбаку, за что был награжден рыцарской степенью ордена «Румынской короны», получил звание капитан. Участвовал в успешной для румынских войск кампании 1917 г. и в октябре 1918 г. вернулся в 12-й артполк. В ноябре 1919 г. был назначен начальником мобилизационно-организационного отдела 8-й пехотной дивизии, к которой принадлежал и его полк. 1 января 1921 г. получил звание майор и тогда же поступил на курсы Военной академии. После стажировки в Генштабе и 9-м пехотном полку становится начальником мобилизационно-организационного отдела 2-го корпуса. После четырех лет пребывания на этой должности становится командиром 1-го конно-артбатальона и получает звание подполковник. В 1931 г. вернулся к административной работе в качестве шефа службы генерального секретариата военного министерства. Через два года получил звание полковник и пост командира 1-го зенитного

артполка. С ноября 1937 г. – начальник штаба Генеральной инспекции артиллерии, с 1 ноября 1939 г. принял командование 2-й артбригадой 2-й пехотной дивизии. После прихода к власти генерала Антонеску был назначен директором материального департамента Государственного субсекретариата снабжения. А 10 мая 1941 г., незадолго до вступления Румынии в войну, получил звание бригадный генерал и встал во главе созданной 1-й моторизованной дивизии. Формальным командующим считался бригадный генерал Н. Стоенеску, который совмещал в этот период командирскую должность с должностью министра финансов. Поэтому, несмотря на то что И. Сион был только заместителем командира дивизии, фактическое руководство было именно на нем. 1-я моторизованная дивизия была первым подразделением такого рода в румынской армии, созданным в соответствии с доктриной вермахта и с помощью немецких инструкторов. Неудачи в боях под Карповом 18 августа 1941 г. стоили генералу И. Сиону должности. Но уже 10 октября 1941 г. он снова возглавил моторизованную дивизию. Немецкое командование наградило генерала Железным крестом 2-й степени. 1 августа 1942 г. становится командующим 15-й пехотной дивизией. С этим подразделением, в составе 3-й румынской армии, он отправился на фронт под Сталинград. 19 ноября 1942 г. его дивизия была разбита советскими войсками в ходе операции «Уран», а сам генерал погиб 24 ноября 1942 г. Он был единственным румынским командующим дивизией, который погиб в бою в период Второй мировой войны. Посмертно ему был присвоен орден «Михай Витязул» 3-й степени и звание генерал-майор.

СЭНЭТЕСКУ (Sănătescu) Константин – родился 14 января 1885 г. в Крайове. Сын генерала Георге Сэнэтеску. В 1907 г. окончил Военное училище в Бухаресте. Участвовал во Второй Балканской войне в 1913 г. и в Первой мировой войне. В 1918 г. принимал участие в оккупации Румынией Бессарабии. Во главе кавэскадрона в январе 1918 г. пересек Днестр. В 1925–1928 гг. – военный атташе в Париже, затем – в Лондоне, в 1930–1933 гг. – командир полка королевского эскорта, затем командующий 3-й кавалерийской бригадой. Генерал (1935), замначальника Генштаба с 1937 г. Возглавлял румынскую военную делегацию на переговорах в Москве в 1940 г., связанных с переходом части румынской территории под контроль СССР. После прихода к власти Антонеску началась чистка высшего командного состава, и К. Сэнэтеску, в числе других «монархистов», потерял свой пост. Был назначен командующим 3-й кавдивизией, затем командующим 8-м армейским корпусом, кавкорпусом, возглавлял комиссию по делимитации румыно-советской границы. С февраля 1941 г. – командующий 4-м армейским корпусом, во главе которого принимал участие в битве за Одессу, а затем в битвах на Дону и под Сталинградом. С февраля 1943 по 24 января 1944 г. – командующий 4-й армией. Являлся одним из лидеров оппозиции Антонеску, поддерживаемой королем Михаем, которая уже в мае 1944 г. начала готовить смещение кондукэтора. После отстранения от власти Антонеску король Михай I назначил К. Сэнэтеску на должность премьер-министра. В правительство вошли представители национал-либеральной, национал-цэрэнистской, социал-демократической и коммунистической партий. 24 августа 1944 г. румынская армия прекратила военные действия против СССР. В сентябре 1944 г. Румыния разорвала союз с Германией и присоединилась к Антигитлеровской коалиции. 4 ноября 1944 г. К. Сэнэтеску, сохраняя пост премьера, принял на себя обязанности военного министра. 2 декабря 1944 г. вынужден был уйти в отставку и уступить премьерский пост Николае

Рэдеску. Оставался во главе Генштаба до конца войны. Умер от рака 8 ноября 1947 г., похоронен с воинскими почестями.

ЧУПЕРКЭ (Ciupercă) Николае – родился 22 апреля 1882 г. в городе Рамнуку-Сарат в Мунтении. В 1902 г. окончил Пехотную и кавалерийскую офицерскую школу и произведен в звание 2-го лейтенанта. В 1907 г. произведен в полные лейтенанты, в 1911 г. – в капитаны. В том же году принят в Военную академию, которую окончил в 1913 г. В 1916 г. становится майором, принимает участие в Первой мировой войне. В 1920 г. получает звание полковник. Занимает различные военные должности, постепенно продвигаясь по службе. В 1930 г. получает звание бригадный генерал, в 1937-м – дивизионный генерал и становится командующим 3-м армейским корпусом. После переворота, осуществленного королем Каролом II 10 февраля 1938 г., в стране было введено военное положение, выборы были отменены. Роль полиции стали выполнять воинские части. 14 февраля правительственным декретом была запрещена любая политическая деятельность. В этот же день стал командующим войсками в Бессарабии, отдал приказ о прекращении выпуска газет «Бессарабское слово», «Бессарабская почта», «Время», «Радио-Экспресс», аккерманской газеты «Новости», измаильской газеты «Вперед», русско-румынской «Голос Тигины». Были закрыты газеты, выходившие на болгарском, немецком языках, иврите и идише. За разговоры в публичных местах на «нерумынском» языке жителей Бессарабии стали преследовать в судебном порядке. 13 октября 1938 г. становится военным министром во втором правительстве М. Кристи, митрополита-примаса Румынской православной церкви. Впрочем, на этом посту он находился недолго. 1 февраля 1939 г. его на этом посту сменил А. Калинеску, а сам генерал отправлен на военные должности, вначале начальником главной военной инспекции, а затем командующим 2-й армией. 2 июня 1940 г. становится командующим 4-й армией, дислоцированной в Бессарабии. После вступления советских войск в Бессарабию 28 июня 1940 г. отводит армию за Прут. Руководил 4-й армией в боях в Молдавии и в битве за Одессу. Из-за разногласий с маршалом Антонеску 13 сентября 1941 г. был отстранен от должности командующего армией и уволен в резерв, но получил орден «Михай Витязул» 3-й степени. В 1942 г. он получил орден Большой крест ордена Короны. Однако военная карьера генерала закончилась. После войны и установления просоветского режима в Румынии он присоединился к антикоммунистической организации «Грайул Сангелуй». 12 сентября 1948 г. был арестован коммунистическими властями и заключен в тюрьму Жилава. Скончался 25 мая 1950 г. в госпитале тюрьмы Вэжрэшьть.

ШТЕФЛЯ (Șteflea) Илие – родился 29 марта 1889 г. в Сэлиште. В 1909 г. окончил Военную школу пехотных офицеров. Во время Первой мировой войны в звании капитана командовал пулеметной ротой 34-го пехотного полка. Был ранен в боях в Добрудже. После войны окончил Высшую военную школу, а затем прошел стажировку в Генштабе. До 1925 г. преподавал тактику в Военной школе пехотных офицеров № 1. Проходил стажировку во Франции. Работал на различных штабных должностях. В 1936 г. направлен в Высшую военную школу, где стал директором курса общей тактики, а в 1937–1939 гг. – директором военной школы. В июне 1939 г. назначен заместителем начальника Генштаба, в 1940 г. – начальником штаба 1-й армии, а с ноября 1940 г. – генеральным секретарем военного министерства. Участвовал в подавлении мятежа легионеров в январе 1941 г., после чего был назначен командующим 3-й пехотной дивизией, которая приняла участие

в битве за Одессу. 20 января 1942 г. сменил на посту начальника Генштаба, генерала И. Якобича, выступавшего против дальнейшего участия румынских войск в боях на советско-германском фронте. После поражения под Сталинградом стал саботировать ряд указаний Антонеску, стремясь уберечь румынскую армию от бессмысленных потерь. После переворота 23 августа 1944 г. и перехода Румынии в антигитлеровскую коалицию был отстранен от должности как человек Антонеску. Обвинен в том, что его действия принесли бедствия стране и армии. По причине болезни находился под домашним арестом. Скончался 21 мая 1946 г. в своем доме в Бухаресте. Через месяц после его смерти Народный трибунал закрыл его дело.

ЯКОБИЧ (Iacobici) Иосиф – родился 8 декабря 1884 г. в Альба-Юлии, на тот момент находившейся в составе Австро-Венгерской империи. Окончил военный лицей в Кашовие (ныне Кошице, Словакия), затем кавалерийскую школу в Махриш-Вайскирхене и высшую императорско-королевскую школу в Вене. Во время Первой мировой войны в чине капитана служил в операционном бюро штаба австро-венгерской армии. После декабря 1918 г. и воссоединения Трансильвании с Румынией был введен в состав румынской армии в чине подполковника. В 1919 г. воевал против Венгерской Советской Республики. В 1931 г. ему было присвоено звание бригадный генерал, в 1937 г. – дивизионный генерал. В 1938–1939 гг. занимал должность министра вооружений. 27 января 1941 г. Антонеску передал ему пост военного министра, который занимал ранее сам. В его обязанности входило комплектование и снабжение армии. В преддверии войны отдал приказ об «удалении иудейского элемента» с территории Бессарабии. 9 сентября 1941 г. сменил генерала Н. Чуперкэ на посту командующего 4-й армией, наступавшей на Одессу. 16 октября войска под его командованием вступили в Одессу. После гибели в авиакатастрофе начальника Генштаба А. Ианицу назначен на эту должность и освобожден от командования 4-й армией. После взрыва комендатуры в Одессе 22 октября 1941 г. руководил репрессиями по отношению к населению города. Был противником дальнейшего участия румынских войск в боях на советско-германском фронте. 20 сентября 1942 г., по требованию германского посланника, был заменен генералом Штефлей. Декретом от 22 июля 1942 г. из армии было уволено 14 генералов (в том числе Якобич) и 18 полковников, выступавших против продолжения войны. После окончания войны в 1946 г. арестован, но вскоре освобожден. Вторично арестован в 1948 г., в 1949 г. приговорен к пожизненному тюремному заключению. Умер в тюрьме Аюд 11 марта 1952 г.

Румынские полковники, погибшие во время осады Одессы

ДАНЕСКУ Иоан (I. Danescu) – командир 8-й кавбригады, погиб 2 октября 1941 г. в результате артиллерийского обстрела командного пункта бригады в районе села Веселое. Посмертно присвоено звание бригадный генерал.

ИОНЕСКУ Георге (G.V. Ionescu) – командир 6-го артиллерийского полка, погиб от пулеметной очереди 9 августа 1941 г. близ села Катериновка у Любашовки. Посмертно присвоено звание бригадный генерал.

НАСТА Андрей (A. Nasta) – заместитель командира 21-й пехотной дивизии, погиб 31 августа 1941 г. у хутора Вакаржаны, возглавляя атаку 12-го пехотного полка. Посмертно он был награжден орденом Михая Храброго 3-го класса и званием бригадного генерала.

СОРЕСКУ Катон (С. Sorescu) – командир 8-го горно-егерского полка, умер 6 сентября 1941 г. в госпитале Ясс от ран, полученных в бою 2 сентября 1941 г. в районе Фриденталя у Беляевки. Посмертно присвоено звание бригадный генерал.

ОРАЗАНУ Думитру (D. Orasanu) – командир боевой группы Lunca, погиб 29 августа 1941 г. в результате налета советской авиации у Фриденталя. Посмертно присвоено звание бригадный генерал.

ТОПОРЛАН Александру (A. Toparlan) – командир 23-го пехотного полка, погиб 13 сентября 1941 г. в районе высоты 66,8, близ села Дальник, возглавляя контратаку полка. Посмертно присвоено звание бригадный генерал.

ГЕРМАНИЯ

МЮЛЛЕР-ГЕБХАРД Филипп – родился 15 октября 1889 г. в Гейдельберге. Поступил на службу в 1908 г. Участник Первой мировой войны. В 1920 г. уволен в отставку. В 1920–1934 гг. – на полицейской службе. В апреле 1936 г. присвоено звание полковник. С 1 января 1940 г. – генерал-лейтенант. С ноября 1940 по 10 июля 1942 г. – командующий 72-й пехотной дивизией, части которой приняли участие на начальном этапе битвы за Одессу (впоследствии дважды возглавлял эту дивизию – в ноябре – феврале 1942 г. и мае – ноябре 1943 г.). В 1942 г. присвоено звание генерал-лейтенант. Скончался в 1958 г. Награды: Золотой немецкий крест, Рыцарский крест с дубовыми листьями.

ШОБЕРТ фон Ойген Риттер – родился 13 марта 1883 г. в Вольфсбурге, Бавария, в семье военного. В июле 1902 г. вступил в Королевскую армию Баварии фенрихом, в 1904 г. произведен в лейтенанты. Прошел летное обучение в 1911 г. В годы Первой мировой войны служил на Западном фронте офицером, командовал батальоном 1-го баварского пехотного полка «Кенинг». За доблесть присвоено дворянское звание и звание капитан. После Первой мировой войны Шоберт остается в рядах рейхсвера, а затем и вермахта, был инспектором пехоты, командовал 17-й и 33-й пехотными дивизиями. В 1938 г. получил командование 7-м армейским корпусом, руководил корпусом во время Польской кампании в качестве резерва группы армии «Юг». В мае – июне 1940 г. его корпус участвует во вторжении в Бельгию и Францию. Осуществил прорыв линии Мажино. В сентябре 1940 г. принял командование 11-й армией в состав группы армий «Юг». Погиб 12 сентября 1941 г., когда его самолет сел на советское минное поле в районе Николаева. Первый генерал-полковник, погибший в войне с СССР. Награды: Рыцарский крест Максимилиана-Иосифа, Рыцарский орден, Железный крест 1-го класса, Железный крест 2-го класса, Рыцарский крест Гогенцоллернов, баварский орден «За военные заслуги» 4-го класса и др.

Автор: Виктор Савченко, Артем Филипенко

Издательство: Центрполиграф

ISBN: 978-5-227-03050-4

Год: 2011

